

Российская академия наук

Игорь Максимычев

**Берлинский дневник
(1989–1992 гг.)
Из записок дипломата**

Москва
2019

УДК 327.8
ББК 66.49
М173

М173 **И. Ф. Максимычев.** Берлинский дневник (1989–1992 гг.). М.: РАН, 2019.
– 288 с.

ISBN 978-5-907036-37-6

Германская Демократическая Республика была важнейшим звеном пояса дружественных СССР государств на главном для обеспечения его безопасности европейском направлении: обе мировые войны обрушились на нашу страну из Европы, более точно — из Германии. Однако ошибки, иллюзии и неверные решения руководства как самой ГДР, так и СССР привели к потере суверенитета восточногерманским государством. Закат союзной нам ГДР означал резкое нарушение стратегического равновесия в Европе, вызвавшее решающее ослабление международных позиций Советского Союза в момент обострения внутривосточной ситуации в нём самом. Относящиеся к периоду тяжелейшего кризиса восточногерманской республики дневниковые записи И.Ф. Максимычева, бывшего в те годы советником-посланником посольства Советского Союза в ГДР, а также его наблюдения и комментарии дают чёткое представление о способах и методах влияния стран Запада, прежде всего ФРГ, на ход событий в ГДР, послужившей испытательным полигоном для программы организации «цветных революций» в социалистических странах Европы. Разрушение ГДР было первым успехом волны катастроф, поглотившей в итоге одного за другим всех союзников нашей страны на европейском континенте. Таков неутешительный для советской внешней политики итог сравнительно короткой по протяжённости фазы развала европейского социалистического содружества, который был бы невыносим без политики «упреждающих уступок» Западу, характерной как для М.С.Горбачёва, так и для оппонировавшего ему Б.Н.Ельцина. Публикуемые дневниковые записи вполне могут претендовать на роль своего рода «нити Ариадны», которая позволит точнее разобраться в политических хитросплетениях эпохи фундаментальных изменений международной обстановки на рубеже веков.

© И.Ф. Максимычев, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Ал. А. Громыко. Предисловие	4
Вводные пояснения.	7
Знать друг друга	7
Дело всей жизни	9
Свидетели времени	10
Дом у Бранденбургских ворот	10
Информативность дневниковых записей.	12
I. В зоне турбулентности (октябрь – декабрь 1989 г.)	16
II. Мёртвая петля (январь – март 1990 г.)	94
III. Вошли в штопор (апрель – октябрь 1990 г.)	150
IV. Аварийная посадка (октябрь 1990 г. – декабрь 1991 г.)	196
Два посольства	196
Западная группа войск.	201
Гуманитарная помощь	204
Кладовые холодной войны	213
Страсти по экономике	217
Прощание с иллюзиями	220
Ретроспективно: Тутцинг, год 2010	227
Ближневосточный пожар	229
РСФСР на авансцене	233
Августовский путч.	240
Ретроспективно: Упущенные шансы	244
Визит Б. Н. Ельцина	250
V. Завершающий этап (январь – сентябрь 1992 г.)	258
Российская Федерация.	258
Объяснить Россию	263
Ретроспективно: Коммуникаторы	268
Ретроспективно: Германская версия истории	274
Промежуточные итоги.	278
 Вместо эпилога: Ватерлоо Ангелы Меркель	 281
 Об авторе	 286
Аннотация	287

ПРЕДИСЛОВИЕ

С момента исчезновения ГДР в октябре 1990 года прошла уже треть века. Однако обстоятельства этого события, ставшего одним из политических потрясений в современной истории, продолжают занимать умы не только историков и политологов, но и всех, кто пытается разобраться в хитросплетениях международной жизни последних десятилетий. Раскрыть скрытые пружины изменения обстановки в Европе на исходе самого жестокого века в истории человечества важно и для того, чтобы обеспечить России и миру достойное и мирное будущее.

Было ли восстановление германского единства неизбежным в той форме, в которой оно произошло? Можно ли называть итог этого процесса объединением, ведь одно из двух германских государств просто исчезло, а упоминание о нём вызывает у политического истеблишмента ФРГ лишь раздражение? Исторична ли версия, что ликвидация ГДР явилась результатом превосходства капитализма над социализмом? Было ли это событие результатом фатальных ошибок Советского Союза, изначально игравшего роль покровителя и защитника восточногерманского государства? Как в свете этих событий предстаёт линия Москвы на восстановление германского единства в послевоенные годы? Чем объясняются различия между западными и восточными немцами, сохранившиеся до сих пор? Продолжают ли существовать условия для честных отношений между Германией и Россией, хотя Москва считает, что Берлин нарушил многие обещания, данные им в преддверии присоединения ГДР к ФРГ?

Очевидно, что исчерпывающие ответы на эти и другие не менее существенные вопросы станут возможными, когда откроются стальные двери архивов, хранящих документы исключительной важности и высокой секретности. В то же время ждать бездействуя нельзя – в стремительном мире требуются чёткие ориентиры, ясные опоры для того, чтобы уже сейчас, а не когда-то в будущем строить равноправные отношения с соседями по Европе, да и по всему миру. За истекшие годы мы не раз убеждались, что наивная доверчивость губительна. Но отрицательный опыт – это тоже опыт, подчас более ценный, чем положительный. На ошибках следует учиться, а не повторять их. Для этого необходимо знать более или менее точно, что, как и, собственно говоря, почему произошло.

Мы можем опираться на свидетельства современников, прежде всего участников событий. Но человеческая память несовершенна – она коротка, избирательна и ненадёжна. Более точными являются публикации подлинных документов, но их подборки, как правило, тенденциозны и не обязательно полностью воспроизводят подноготную событий. Ближе всего к истине дневниковые записи, которые делаются каждый день по свежим следам, особенно если они делаются для себя, а не с мыслью о публичности. Очень немногие ведут такой дневник, и далеко не каждый дневник становится достоянием потомков. Наиболее ценными оказываются свидетельства, которые изнутри раскрывают расстановку сил, изменяющих судьбы людей, стран и континентов.

К числу документов такого рода относятся дневниковые записи, сделанные в 1989 – 1992 годах Игорем Фёдоровичем Максимычевым, советником-

---

посланником посольства СССР в Берлине (после исчезновения восточногерманской республики – и. о. руководителя берлинского отделения посольства СССР в ФРГ). Заметки заместителя советского посла, человека, в силу служебного статуса обязанного быть в курсе всего происходящего в германских делах, являются уникальным источником данных, фактов и наблюдений. Они касаются и обстоятельств исчезновения принципиально миролюбивого государства, каким была ГДР, и нового периода российско-германских отношений.

Доктор политических наук И. Ф. Максимычев входит в когорту выдающихся российских германистов – специалистов по германской истории новейшего периода. Глубина научного подхода к исследованию проблем развития Германии сочетается у него с практическим опытом формирования отношений России с этой страной. Вся его жизнь связана с немцами. На протяжении её первой, «дипломатической» половины выпускник МГИМО 1956 года с красным дипломом проработал в общей сложности 18 лет в германских государствах: в консульстве в Лейпциге (1956-1958 гг.), в посольствах в ФРГ (1958-1960 и 1976-1984 гг.) и ГДР (1987-1992 гг.). Будучи командированным в посольство во Франции (1966-1971 гг.), Игорь Фёдорович и там занимался Германией – вопросами франко-западногерманских отношений и формирования основ Европейских Сообществ. Во время работы в центральном аппарате МИД СССР (Третий Европейский отдел, Историко-дипломатическое управление, Генеральный секретариат) он не терял контакта с германской тематикой в историческом и современном аспектах. В 1974 г. «без отрыва от производства» защитил в МГИМО кандидатскую диссертацию «Советско-германские отношения в 1933-1936 годах» (с использованием материалов Архива внешней политики СССР). Там же в 1993 г. состоялась защита его докторской диссертации «Место ФРГ в системе межгосударственных отношений в Европе».

В 1993 году начался новый этап в жизни и работе И. Ф. Максимычева – в Институте Европы РАН он приступил к систематизированному анализу роли «Большой ФРГ» в европейской политике и состоянии её взаимоотношений с Российской Федерацией. Ему принадлежат многочисленные публикации академического и научно-просветительского характера по германской, европейской, международной ситуации в виде отдельных книг, глав коллективных монографий, статей в периодических изданиях. Долгие годы он сотрудничал с Экспертным советом по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, был сопредседателем Научного совета Германско-российского музея Берлин-Карлсхорст (Музей капитуляции). Всё это время Игорь Фёдорович активно выступал на российских и международных научных форумах, давал многочисленные интервью отечественным и зарубежным журналистам.

Его дневниковые записи 1989-1992 гг., относящиеся к переломному периоду политической обстановки в центре Европы, имеют особое значение. Пожалуй, трудно было бы найти другой равный им по содержательности источник сведений о перипетиях развития обстановки непосредственно на «линии соприкосновения», о мнениях, впечатлениях и эмоциях людей, вовлечённых в те годы в гущу исторических событий, о действиях тех, кто влиял на политические процессы, определявшие будущее.

Дневники И. Ф. Максимычева позволяют проследить, как день за днём ГДР постепенно превращалась в поле политической битвы, как нарастала напряжённость в обществе, как усиливалось вмешательство внешних сил, доводя и без того напряжённую ситуацию до точки кипения. Текст записей по своему характеру – это анатомия подготовки, в том числе извне, первой «цветной революции» из той волны, что прокатилась в конце прошлого века по социалистическим странам Европы. Зафиксирована и бездарная потеря времени руководством ГДР, совершавшим грубейшие ошибки. Но картина, которую рисуют дневники, не сводится к вероломству внешних сил, скудоумию ответственных лиц по эту сторону баррикад или метаниям простого люда. Она отражает и зарождение сопротивления, когда убеждённые защитники социальных завоеваний ГДР в невероятно сложных условиях приступили к созданию новых политических структур, чтобы продолжить борьбу за демократический социализм.

Наивысшего драматизма дневниковые записи И. Ф. Максимычева достигают, касаясь обстоятельств ухода с мировой арены одной из сверхдержав – Советского Союза. Под напором поддержанных Западом (кстати, далеко не сразу) западногерманских элит «прорабы перестройки», не заботясь о взаимности, шли во внешнеполитических делах на одну уступку за другой. Дневники дипломата воссоздают впечатляющую атмосферу иллюзий и заблуждений, сопровождавших этот роковой процесс.

Публикация записок И. Ф. Максимычева представляет интерес для читателей любого возраста. Старшее поколение сможет воскресить в своей памяти нелёгкие годы, когда рушился устоявшийся уклад жизни, распалась без объективных на то причин великая страна, а на пьедестале оказывался капитализм не с гуманным, а с бандитским лицом. Молодёжь узнает много новых деталей о потерянном поколении 1990-х годов, о растроченном напрасно Россией времени, об обстоятельствах истории, которые так и не позволили закопать топор холодной войны.

Дневниковые заметки, воспоминания лишь одного участника событий, пусть даже крайне важных, не рассчитаны на всестороннее освещение такого гигантского события, как обрушение социалистического содружества. Всеобъемлющий анализ и оценку этого драматического феномена дадут будущие поколения историков и политологов. Но читателю станет более очевидной истина, согласно которой со страной, смилившейся со статусом «второстепенной», перестают считаться, даже если это страна, ценою неисчислимых жертв спасшая в своё время мир от нацистского порабощения.

Сегодня, когда Россия уверенно ведёт дела на мировой арене, закрепляется на предназначенном ей самой историей месте в международных отношениях, полезно вспомнить о подробностях драмы тридцатилетней давности. Вспомнить для того, чтобы подобное никогда больше не повторялось. Дневниковые записи Игоря Фёдоровича Максимычева вносят весомый вклад в достижение этой цели.

Ал. А. Громько,
член-корреспондент РАН,
директор Института Европы РАН

Изучение нашей истории может помочь нам уяснить задачи и направления предстоящей нам практической деятельности.

В. О. Ключевский

ВВОДНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

ЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА

История и география сделали русских и немцев соседями в Европе. На протяжении столетий их судьбы причудливо переплетались. Большинство ныне живущих представителей этих обоих народов так или иначе осознают взаимосвязанность будущности России и Германии, обусловленную наличием связей, традиционно сформировавшихся в ходе их общей истории. Редчайшим исключением являются случаи, когда кто-то из русских абсолютно отрицательно относится к немцам, хотя минувшая война, её причины и ход не забыты в России. С другой стороны, большинство немцев – вопреки бешеной русофобской пропаганде – с симпатией относятся к русским. Главным условием сохранения взаимной доброжелательности является осведомлённость об истинном положении дел у соседа. На Западе самую разрушительную роль играют мейнстримовские СМИ, действующие по законам «постправды». Информация российских медиа о Германии более надёжна, но интернет, бывает, содержит несуразности. Забота о распространении соответствующих действительности сведений о ситуации в стране-партнёре продолжает сохранять своё значение.

При всей жизненной важности российско-американских отношений сотрудничество между немцами и русскими остаётся и сегодня несущей опорой стабильности на Европейском континенте, без которой немислим всеобщий мир на Земле. Связи между русской и германской средой обитания, долгое время определявшие позитивный характер взаимоотношений между Россией и Европой, оформились много веков назад, когда цивилизованное человечество ещё и не подозревало о существовании Америки. На протяжении веков эти связи осуществлялись преимущественно в рамках мирной взаимовыгодной кооперации. Пожалуй, единственным исключением стала на заре времён неудачная попытка Тевтонского ордена колонизировать Северо-Западную Русь – попытка, закончившаяся побоищем на Чудском озере. Первый конфликт между Россией и объединённой Европой произошёл в новое время и не по инициативе немцев. Это случилось, когда Наполеон привёл на русскую землю свою разношёрстную рать, нашедшую гибель в ходе Отечественной войны 1812 г. – у Бородина, в пылающей Москве, среди русских снегов, на Березине.

Состоявшееся в 1871 г. объединение германских государств в мощную империю стало прелюдией к серии конфликтов, развязываемых ради установления гегемонии немцев на всём Европейском континенте. Рейх дважды затевал мировые войны, в основные цели которых входило завоевание «жизненного пространства» за счёт России. Человечеконенавистническая суть нацизма в полную силу проявилась во время начавшегося 22 июня 1941 г.

«Восточного похода», когда были нарушены все общепризнанные нормы обращения с мирным населением и военнопленными, предпринято массовое уничтожение людей по политическим и этническим признакам, производилось планомерное разграбление оккупированной территории. Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. далась нам ценой невероятного напряжения сил, огромных потерь, разрушения почти всей европейской части страны. 9 мая чтится и будет всегда чтиться у нас как день величайшей Победы, всенародный день памяти и скорби, день завершения исторического национального подвига. Россия преклоняет в этот день колени перед вынесшими на своих плечах всю тяжесть военного времени поколениями, отдаёт им дань уважения и благодарности, с признательностью вспоминает боевое единение с союзниками. Это праздник победы человечества над фашизмом, который мы никогда не отождествляли с немецким народом.

В послевоенный период германские дела оставались невралгическим пунктом глобальной политики. Наряду с враждебно настроенной ФРГ, вступившей в агрессивный альянс НАТО, в центре Европы существовала и развивалась дружественная нам ГДР, сделавшая поддержание мира сердцевинной своей внешнеполитической программой. В отношениях с восточными немцами впервые после войны возродилось для русских такое понятие, как дружба – дружба между русскими и немцами. ГДР стала нашим по-немецки основательным, дисциплинированным и надёжным союзником. Именно потому, что мы видели в гражданах ГДР друзей и союзников, советское руководство воздержалось от вмешательства в хаотические события в республике в 1989–1990 гг., хотя найти для такого вмешательства подходящую мотивировку не составило бы труда.

Россия безоговорочно выполнила принятые Советским Союзом на себя обязательства по ускоренному выводу Западной группы войск, находившейся в Восточной Германии по праву победителя. Однако надежды на гармоничные отношения с «Большой ФРГ» не оправдались: в нарушение всех обещаний НАТО приступила к продвижению своих военных структур к российским границам, а в 1999 г. альянс совершил агрессию против Югославии – состоялась первая межгосударственная война в послевоенной Европе. Мир вздрогнул, когда на Белград посыпались авиабомбы, сброшенные самолетами со знакомыми ещё по Второй мировой войне чёрными крестами на фюзеляжах. России не оставалось ничего иного, как сделать практические выводы из ухудшения обстановки.

Нынешний уровень отношений между Российской Федерацией и ФРГ не может считаться удовлетворительным. Берлин выступает вдохновителем и дирижёром русофобских акций Евросоюза, верным проводником замыслов заокеанских кукловодов. По немецкой вине перестали функционировать практически все консультационные и согласительные механизмы государственного и общественного характера, созданные в двусторонних отношениях за первые годы так называемого постконфронтационного периода. Тем важнее становится роль отдельных представителей экспертных сообществ обеих стран – особенно российских германистов и германских русистов. Кому, как не им, объяснять и убеждать, добиваться сближения точек зрения, восстанавливать былую плотность и эффективность связей ме-

жду русскими и немцами. Именно в таком разрезе я вижу смысл и значение предлагаемой вниманию читателей публикации моих дневниковых записей за 1989–1992 гг.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Содержанием и смыслом моей профессиональной деятельности на протяжении всей жизни стало изучение исторического развития, состояния и перспектив российско-германских связей. Нельзя сказать, что выбор Германии как объекта специализации был с самого начала осознанным и обдуманым. Просто так сложились обстоятельства. В 6-й мужской средней школе г. Калинина (ныне снова Тверь), где я учился в 1947–1950 гг., из иностранных языков преподавался только немецкий. Единственный экзамен, который мне как золотому медалисту надо было сдавать при поступлении в МГИМО в 1950 г., был экзамен по иностранному языку – естественно, немецкому. Осложнять предстоящий учебный процесс сменой профильного языка я не стал, поскольку понимал, что нагрузки по остальным программным предметам будут предельно тяжёлыми. Ближе к окончанию учёбы в качестве второго иностранного языка я выбрал французский, что соответствовало семейной традиции – в нашей семье царил своего рода культ Франции (мама была преподавателем французского языка). Но немецкий долго оставался единственным иностранным языком, которым я владел свободно.

Существовавший в то время в институте порядок предусматривал, что страновая ориентация для студентов устанавливается в зависимости от профильного языка. Для изучающих немецкий язык это означало перспективу работы с Германией или Австрией. Попыткой «спорить с роком» было моё решение защищать диплом на тему «Аншлюс Австрии в 1938 г.». Защита прошла на ура (мне было официально рекомендовано поступить в аспирантуру), но управление кадров МИД СССР направило меня на работу в консульство в Лейпциге. Вплоть до окончания дипломатической карьеры, да и после я был накрепко связан с германскими делами – за Лейпцигом последовали командировки в Бонн и Берлин. Даже в посольство в Париже (1966–1971 гг.) меня послали в качестве эксперта по франко-западногерманским отношениям. После отставки (1992 г.) я продолжил заниматься отношениями с Германией в Институте Европы РАН. Надеюсь, что время и силы не были потрачены мною впустую. Убеждён, что судьбы русских и немцев, как соседей в Европе, тесно связаны между собой. Надеюсь, что сумел сделать хоть что-то весомое для сближения этих выдающихся европейских народов.

Российско-германский фактор и в наши дни сохраняет принципиальное значение для обстановки в Европе. Вот почему мне кажется, что выработанные много лет назад оценки и прогнозы могут помочь углублённому пониманию политических процессов, происходящих на европейском континенте сегодня. Не только меня поражает их удивительное сходство с событиями, которые привели в конечном счёте к разрушению европейского социалистического содружества во главе с СССР. Главное для сегодняшней российской политики – сделать правильные выводы из неудач и провалов тридцатилет-

ней давности. Ещё важнее – действовать в соответствии с этими выводами. Согласен: время недоучек во внешней политике прошло. С назначением в 2004 г. Сергея Викторовича Лаврова министром иностранных дел Российской Федерации вновь пробил час классической дипломатии, которая всегда была делом сообщества всесторонних эрудитов, блестяще подготовленных специалистов, талантливых профессионалов, безукоризненно владеющих теорией и практикой международных отношений.

СВИДЕТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Исторический подход к анализу событий минувших или нынешних времён – это всегда интерпретация избранных фактов. Невозможно собрать воедино все относящиеся к рассматриваемому периоду данности (или даже только их большинство), поскольку это взорвёт рамки любого исследования, а работа историков рассчитана в конечном счёте на то, чтобы кто-то с её результатами всё же ознакомился. «Безразмерные» тексты редко становятся востребованными. Решающим фактором становится определение значимых событий, формирующих направление исторического развития.

Принципы «добру и злу внимая равнодушно» и «не оспаривай глупца» неприменимы к освещению профилирующих реальностей рассматриваемого периода: отношение автора к материалу исследования так или иначе даёт о себе знать, и полемики с иными точками зрения (особенно позициями упомянутых глупцов) избежать не удастся. Претензия на то, чтобы быть на все сто процентов беспристрастным, лишь прикрывает по большей части предвзятость суждений. Единственное, что может сделать исследователь с целью избежать упрека в тенденциозности, – это информировать о наличии иных мнений и оценок, а также о причинах своего отказа признать их соответствующими исторической истине.

Немаловажную роль для правильного понимания закономерностей исторического процесса играют «показания» свидетелей времени – тех, кто так или иначе сознательно участвовал в структурировании ткани событий интересующего нас периода. В условиях, когда основной документальный массив остаётся недоступным исследователям вследствие соблюдения установленных законом сроков рассекречивания архивов, наиболее надёжным методом остаётся опора на сохранившиеся дневники, записи, заметки действующих лиц эпохи, которые не дают склонной приукрасить прошлое человеческой памяти отклониться от истины, какой бы неудобной она ни казалась сегодня.

ДОМ У БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

Большинство наших соотечественников знают Бранденбургские ворота по кадрам военной кинохроники да по упоминанию о них в песне Булата Окуджавы из кинофильма «Белорусский вокзал» («От Курска и Орла война нас довела до самых вражеских ворот»). Бывает, помнят ещё фотографии

«стояния» толпы западноберлинцев на знаменитой Берлинской стене перед внешним контуром ворот в ноябрьские дни 1989 г. Но есть ещё один привлекающий повышенное внимание туристов объект совсем рядом с воротами: вплотную к Парижской площади¹ расположен величественный дворец, очень хорошо знакомый российским гражданам. Его огромные окна выходят на центральную берлинскую аллею Унтер-ден-линден («под липами»). Это посольство России, являющееся для россиян своего рода ориентиром ориентиров в германской столице.

Состоящие на дипломатической службе германисты по праву ощущают в доме у Бранденбургских ворот что-то родное – этот драгоценный кусочек российской территории, где вам всегда рады и готовы помочь, излучает неожиданную на чужбине человеческую теплоту. С ним у меня связано множество воспоминаний. В бурные годы, которые неузнаваемо изменили наш мир, мне довелось работать в посольстве у Бранденбургских ворот советником-посланником (заместителем посла). Да и позже мне неоднократно случилось пользоваться гостеприимством берлинских коллег.

Место, где расположено посольство, исторически «намолено» – уже в 1837 г., когда Берлин был столицей Прусского королевства, для размещения дипломатов российской миссии императорская казна приобрела это добротное здание, которое впоследствии неоднократно перестраивалось и модернизировалось. Первоначальный дом российского (затем советского) дипломатического представительства простоял до 1944 г., когда его разрушила союзная авиация, бомбившая столицу рейха в ходе Второй мировой войны. Строительство нового, значительно более грандиозного здания посольства на месте старого началось пять лет спустя, когда готовилось провозглашение Германской Демократической Республики с Берлином в качестве столицы. Основные работы завершились в 1952–1953 годах, и с той поры российские дипломатические палаты в центре главного германского города стали одной из самых известных во всём мире берлинских достопримечательностей.

Не столь уж многие смогли лично ознакомиться с его наиболее впечатляющими представительскими помещениями – с высоченным Купольным залом, украшенным мозаичным изображением Спасской башни Кремля почти в натуральную величину и часами, всегда показывающими московское время, или с величественным Гербовым залом, на карнизе которого красуются гербы Советского Союза и входивших в него республик, или с торжественным Зеркальным залом, чем-то неуловимо напоминающим парадные анфилады Версальского замка. Если не считать гостей, приглашаемых в посольство на официальные мероприятия, возможность восхищаться выразительностью и изяществом внутреннего оформления здания получают только участники экскурсий, время от времени организуемых берлинскими турбюро. Число таких экскурсий по понятным причинам весьма ограничено.

---

¹ Парижской площадь перед восточным фасадом Бранденбургских ворот названа в честь взятия столицы Франции в марте 1814 г. войсками антинаполеоновской коалиции (после падения Парижа Наполеон отрёкся от престола). Пруссия приписала эту победу себе, хотя основную часть союзной армии составляли русские части – потери войск союзников в кровопролитном сражении под Парижем составили более 8 тыс. человек, из них более 6 тыс. пришлось на долю русских солдат.

Отстоящие на расстоянии протянутой руки от российского посольства Бранденбургские ворота не так давно были на долгие десятилетия закрыты для всякого проезда и прохода, что противоречило самой сути их предназначения. Архитектурные сооружения типа ворот преследуют всё же цель соединять, а не разъединять. Холодная война исказила многое как внутри затронутых ею государств, так и в их отношениях друг с другом. Но здравый человеческий рассудок подсказывал, что в один прекрасный день и эта война закончится, как заканчиваются когда-нибудь все войны и конфликты. Следовательно, надо было заранее позаботиться о том, чтобы преодоление конфронтации времён холодной войны привело к улучшению обстановки в мире, а не к дальнейшему нагнетанию напряжённости и вражды в международных отношениях. Похоже, однако, что решение этой важнейшей задачи оказалось не под силу политикам, достаточно легкомысленно взявшимся распорядиться судьбами мира.

Самое печальное в том, что беспечностью и наивным легковерием отличились руководители СССР, а затем России – страны, вождам которой выпавшие в прошлом на её долю тяжелейшие испытания должны были бы привить иммунитет от склонности излишне доверять словесным обещаниям и, не заглядывая в завтрашний день, сдавать завоёванные позиции. Признаки внешнеполитической непродуманности, беспомощности и бесплодности перестройки особенно болезненно воспринимались теми, кому волею судеб выпало стоять в эти переломные годы на переднем крае рассекавшего Европу дипломатического фронта. Как это часто случалось в истории, дальнейшая судьба континента во многом зависела от того, куда пойдёт Германия. Точнее – как сложатся в новых исторических условиях отношения между русскими и немцами. Именно состояние российско-германских отношений рещало, удастся ли устранить утыканные кольями рвы идеологических разломов, построить общий европейский дом, добиться возведения Большой Европы с равноправным участием России – или же всё вернётся на круги холодной войны. На кону стояли безопасность и стабильность, будущность Старого мира. Люди, работавшие в доме у Бранденбургских ворот, сделали всё, чтобы достигнуть урегулирования, в максимальной степени отвечающего российским интересам. Я до сих пор убеждён, что это было возможно – если бы тогдашнее московское руководство было способно расслышать кого-нибудь, кроме самого себя.

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Впервые я задумался над информационной ценностью дневниковых записей современников исторических событий, когда работал в Париже. Погожим воскресным днём осенью 1966 г. (парижский период в нашей судьбе начался всего полгода назад) семейство Максимычевых в полном составе – мы с женой, дочка и сыновья-близнецы – выбралось прогуляться по любимому маршруту вдоль набережной Сены. На развале у букиниста напротив собора Парижской богородицы (ничто не предвещало тогда жуткого пожара 2019 г., и толпа на паперти была беззаботно весела и любопытна) я слу-

чайно обнаружил книгу американца Уильяма Ширера, озаглавленную «Мой дневник в Берлине»².

Дневниковые записи Ширера относились к кануну Второй мировой войны, когда их автор был корреспондентом ряда радиостанций и газет США в столице рейха. Книга, которую я взял в руки, была издана в военные годы в Канаде в переводе на французский язык. Имя автора было мне знакомо: работая в Историко-дипломатическом управлении МИД СССР, я готовил обзор фактического хода событий в рамках темы «Советско-германские отношения в 1933–1941 гг.»³. В процессе подготовки соответствующего аналитического доклада мне пришлось перелопатить огромное количество не только относящихся к делу архивных материалов, газетной информации, официальных публикаций, но и исторической литературы⁴. Однако видеть подлинник дневника Ширера мне тогда не довелось. У букиниста книга была практически новая, даже не разрезанная. Купить издание сразу мне не удалось – семейный бюджет третьего секретаря посольства не допускал непредвиденных расходов. Но через некоторое время я всё же приобрёл дневник Ширера и ни разу не пожалел об этом. Эта книга и сегодня занимает почётное место в нашей домашней библиотеке.

В кратком предисловии Ширер сознаётся, что делал записи в своём дневнике с тайной надеждой на их публикацию, «если когда-нибудь найдётся издатель, чтобы передать текст в типографию». И продолжает: «Это не потому, что я полагаю, что моя персона или жизнь, которую я вёл, представляют хоть малейшее значение или просто особый интерес для читающей публики. Единственное оправдание перед самим собой состоит в том, что случай и моя профессия предоставили мне редкую возможность день за днём наблюдать за живой историей Европы, которая уже впала в агонию и была обречена в последующие годы и месяцы неудержимо скатываться в пропасть войны и саморазрушения. Таким образом, предмет этого дневника – не его автор (разве что косвенно), а Европа, которая во второй половине 30-х годов к моему ужасу и оцепенению на глазах у всех мчалась с бешеной скоростью к Армагеддону. Одна единственная страна – Германия – и один единственный человек – Гитлер – ввергли Европу в катастрофу. Я провёл в этой стране и вблизи этого человека большую часть времени, прожитого за океаном. С этой выигрышной наблюдательной позиции я смог проследить за тем, как зашатались и затрещали по всем швам европейские демократии, оставлявшие один бастион за другим вследствие отсутствия уверенности в своих силах, паралича здравого рассудка и воли, пока все они, за исключением Англии, вообще не утратили способности сопротивляться».

² William-L. Shirer, *Mon journal à Berlin. Le journal d'un correspondant étranger 1934–1941*, Montréal, Les éditions de la Revue moderne, 1943, 558 p.

³ К началу 1960-х годов в связи с расширением контактов с ведущими странами мира в МИД СССР стала остро ощущаться нехватка объективного освещения фактической стороны истории внешней политики нашей страны. В этой связи министр иностранных дел А. А. Громыко поручил начальнику ИДУ министерства И. Н. Земскову организовать подготовку «для служебного пользования» анализа развития отношений СССР с наиболее крупными иностранными государствами по принципу «как это было на самом деле». Я входил в группу по Германии.

⁴ На основании собранных материалов я подготовил позже монографию: И. Ф. Максимычев. *Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933–1939 годах*, М. – Международные отношения, 1981. – 288 с.

В отношении публикуемого текста своего дневника Ширер сообщает: «Я делал записи о событиях ежедневно. К сожалению, часть текстов была утрачена; кое-что мне пришлось сжечь, чтобы избежать чрезмерного внимания со стороны гестапо к заметкам, а заодно и ко мне; были также вещи, о которых я не решался писать, но которые постарался запомнить. В то же время большинство записей и не подвергавшихся цензуре текстов моих радиопередач мне удалось переправить через границу. Там, где образовались пробелы, я прибёг к использованию материалов моих публикаций. В нескольких случаях мне пришлось восстанавливать конкретные события по памяти, тщательно стараясь избежать ловушек, которые свойственны такому методу, и соблюдая самые высокие нормы добросовестности».

Значимость дневников Ширера, равно как и дневниковых записей других современников исторических событий минувшего, состоит, на мой взгляд, прежде всего в том, что они представляют собой что-то вроде «костыля» для исследователей, берущихся за осмысление и истолкование хитросплетений процессов удалённой от нас эпохи. Через восприятие очевидца, свидетеля, участника событий прошлых времён можно почти физически осязать причудливую ткань эпизодов истории и вызванных ими последствий для мира с позиций наблюдателя, погружённого в гущу происходившего. Спустя годы многие детали прошлого забываются, иногда сознательно игнорируются или искажаются. Восстанавливать истину помогают сохранившиеся записи современников (немцы называют их «свидетелями времени»). Они позволяют взглянуть как бы «изнутри» на то, что стало историей. Они расцветивают живыми красками серые контуры учебников и трактатов, дают понять, какими глазами видели меняющуюся реальность жившие в то время люди, как они её интерпретировали, чего от неё ждали. Познавательная и литературная ценность дневника Ширера подтолкнула меня к тому, чтобы начать приводить в порядок записи, сделанные за годы моей работы в Берлине.

Подготовка к возможной публикации моих тогдашних записей оказалась неожиданно сложным и потребовавшим длительного времени делом, поскольку, в отличие от Ширера, я изначально не собирался обнародовать их. Эти заметки предназначались для моего личного «внутреннего пользования» и были очень неоднородны по своему характеру. Ближе всего к дневниковому жанру стоят заметки, которые я делал по ходу ежедневных утренних «пятиминуток» дипломатического состава у посла (они начинались в 9 часов утра и иногда затягивались до полудня). На этих совещаниях сначала заслушивались подготовленные сотрудниками отдела печати посольства обзоры газет и материалов телевидения ГДР, Западного Берлина и ФРГ, а затем посол делился с нами информацией, которой он располагал «по должности», и иногда своими оценками складывающейся ситуации. Остальное – сделанные наспех заметки о представлявших для меня интерес моментах выступлений участников других внутренних совещаний, конспекты бесед с иностранцами с целью не забыть в суматохе текущих дел важные детали их мнений и прогнозов для последующего доклада в наш МИД, а также наброски моих собственных выступлений на совещаниях, собраниях, конференциях и т. д. Листки с этими черновиками я обычно закладывал на соответствующей странице в ежедневник, который вёлся мной ответственно,

тщательно и скрупулёзно. Ежедневники за каждый год работы в Берлине я бережно храню до сих пор.

Часть дневниковых записей, касающихся содержания выступлений посла на утренних «пятиминутках», была опубликована в 2002 году в серии докладов Института Европы тиражом в 300 экземпляров⁵. Как тогда, так и сейчас в процессе подготовки текстов к печати в ряде случаев возникала необходимость для более точного понимания происходившего читателем дополнять высказывания посла изложением содержания некоторых моих бесед, а также отсылками к существу разворачивавшихся параллельно общественных процессов в ГДР, Западном Берлине, ФРГ и Советском Союзе. Такой же метод был применён в отношении той части моей книги «Падение Берлинской стены»⁶, которая была тематически связана с событиями финального этапа истории ГДР. Включать материалы личного характера в большое исследование «Россия – Германия: война и мир», посвящённое истории российско-германских взаимоотношений за последние сто лет⁷, в которой использованы некоторые оценки из дневника Ширера, я не стал.

Для настоящей книги также потребовались дополнения, как правило, в расширенном виде. Для того чтобы читатель не утонул в деталях, хронологические рамки публикации сужены. Они ограничены периодом с октября 1989 г., когда после отставки Эриха Хонеккера начался стремительный демонтаж государственного механизма ГДР, по сентябрь 1992 г., когда после окончания заграникомандировки я вернулся домой, в новую, неизменно изменившуюся Россию. На мой взгляд, данный промежуток времени представляет особый интерес для сегодняшнего читателя: именно в эти годы мир вступил в полосу глобальной дезинтеграции и нарастающего хаоса, которая не закончилась до сих пор.

***

За царивший в коллективе посольства в Берлине дух сплочённости и взаимной поддержки огромное спасибо всем коллегам, вместе с которыми автор пережил драму одного из самых близких нам государств Европы. Заранее прошу прощения на тот случай, если передача их высказываний окажется неполной или в чём-то не совсем точной (за аутентичность смысла сказанного я ручаюсь). Они помнят, что записи делались мной в спешке, «на коленке». Я признателен коллегам по Институту Европы РАН и прежде всего нашему директору Алексею Анатольевичу Громыко за содействие в работе над данной публикацией. Особую благодарность приношу моей супруге Анне Викторовне Максимычевой, без участия и помощи которой мой берлинский дневник вряд ли увидел бы свет.

⁵ И. Ф. Максимычев. «Народ нам не простит...». Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине, Доклад Института Европы № 98. – М., Экслибрис-пресс, 2002. – 186 с.

⁶ Игорь Максимычев. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине. – М.: Вече, 2011. – 352 с.

⁷ Игорь Максимычев. Россия – Германия: война и мир. От мировых катастроф к европейской безопасности. – М., Книжный мир, 2014. – 510 с.

I. В ЗОНЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (ОКТАБРЬ – ДЕКАБРЬ 1989 ГОДА)

В воскресенье 8 октября 1989 г. в 9.00 часов утра по берлинскому времени Вячеслав Иванович Кочемасов⁸, Чрезвычайный и Полномочный Посол Союза Советских Социалистических Республик в Германской Демократической Республике, созвал внеочередное совещание дипломатического состава посольства. Посол прямо светился от счастья: визит М. С. Горбачёва в Берлин по случаю 40-летия ГДР, которое отмечалось 6 и 7 октября, прошёл без всяких «накладок»⁹. Кочемасов постоянно сопровождал Горбачёва, несколько раз беседовал с ним с глазу на глаз, был единственным провожающим при отлёте в Москву. Он точно знал, что советский лидер покинул Берлин в отличном расположении духа. По словам посла, генеральный секретарь ЦК КПСС не воспринял обстановку в ГДР как катастрофическую, хотя и продолжал испытывать беспокойство в связи с тем, что *«республика находится на рубеже»* (видимо, посол хотел сказать: «на грани»). Однако Эрих Хонеккер¹⁰, продолжал посол, пропустил мимо ушей намёки высокого гостя на необходимость *«перемен в политике, тактике и методах работы с ориентацией на демократизацию и расширение прав людей, [чтобы] без спешки и без крайностей обеспечить включение существующих демократических структур»*. Напротив, руководитель ГДР высказал *«много критического о положении в СССР с подтекстом: ваши проблемы гораздо серьёзнее наших»*. В отношении работы посольства Горбачёв поставил задачу *«не просмотреть что-либо важное: [советский] народ не простит нам потерю ГДР»*. В то же время он говорил послу о том, что не нужно *«подталкивать»* немецких товарищей – *«они сами за всё отвечают, пусть обсуждают и решают»*.

На этом фоне довольно абстрактно прозвучало процитированное послом замечание Горбачёва о *«совместной ответственности»*, в силу которой *«мы не можем позволить дестабилизировать ГДР и демонтировать социализм в ней»*. Осталось совершенно неясным, в чём конкретно эта *«совместная ответственность»* выражается и как *«мы не можем позволить»*.

---

⁸ В. И. Кочемасов (1918–1998) – секретарь ЦК ВЛКСМ (1949–1955); советник, советник-посланник посольства СССР в ГДР (1955–1960); заместитель председателя Госкомитета СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами (1961–1962); заместитель председателя СМ РСФСР (1962–1983); член ЦК КПСС, посол СССР в ГДР (1983–1990).

⁹ Угроза «накладок» реально существовала. Внесённая накануне визита в мою записную книжку записка (без указания источника информации) гласила: «Приведены в готовность боевые дружины рабочего класса, [состоялись] учения по разгону демонстраций, выделены участки для поддержания порядка. [Усилена] ночная охрана учреждений, [налажена] система экстренной телефонной связи. Созданы бригады маляров для быстрой ликвидации лозунгов на стенах».

«Боевые дружины рабочего класса» – вооружённые формирования типа народного ополчения, созданные на крупных предприятиях республики в июле 1953 года для подавления своими силами возможных антиправительственных выступлений.

¹⁰ Эрих Хонеккер (1912–1994) – первый, затем генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (1971–1989), председатель Государственного совета ГДР (1976–1989).

Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) – правившая в ГДР партия; возникла в 1946 году в результате слияния Коммунистической и Социал-демократической партий советской зоны оккупации Германии.

Государственный совет ГДР – коллективный президент республики.

Расплывчатостью характеризовалось и адресованное нам указание посла: *«Надо продумать план действий по изучению ситуации и откликов: что ожидало население от визита и что получило (оно довольно разочаровано); настроения по вертикали и горизонтали. Составить план первоочередных встреч на доверительной основе. В дипкорпусе ничего не рассказывать»*.

Составление обзора реакции (разумеется, восторженной) политических и общественных кругов посещаемых стран на итоги визитов представителей СССР высокого и особенно высшего уровня являлось святой обязанностью соответствующих советских зарубежных дипломатических представительств (а иногда и всех наличных посольств сразу). Сохранившийся у меня черновик информации об откликах на визит Горбачёва в Берлин показывает, что логика жанра не была нарушена и на этот раз. Доклад посольства в Москву повествовал о всеобщем ликовании в ГДР по поводу визита; в тексте не слишком чётко просматривалось упоминавшееся послом «разочарование». Мой текст заканчивался так: *«Вполне понятно, говорят нам, что в условиях массового бегства из республики оценкам М. С. Горбачёвым положения в ГДР придаётся особое значение. Определённая часть людей возлагает даже слишком большие надежды на то, что советский лидер сможет оказать решающее воздействие на руководство республики в плане преодоления внутривнутриполитического кризиса. Среди функционеров среднего звена выделяется то, что М. С. Горбачёв избежал славословий в адрес Э. Хонеккера и руководства ГДР, которое уже нельзя „реанимировать“ и которое потеряло поддержку подавляющего большинства членов партии и населения ГДР. Особую симпатию у коммунистов вызвала высокая оценка советским лидером „интеллектуального потенциала партии“ и его уверенность в том, что именно партия во взаимодействии с другими общественными силами сумеет справиться с возникшими трудностями, найти ответы на волнующие всех граждан вопросы. Речь М. С. Горбачёва [6 октября во Дворце Республики] анализируется прежде всего с той точки зрения, что он умело подсказал, что перестройка в ГДР – дело самих коммунистов республики и её населения. В этой связи подчёркивается, что советский руководитель сказал максимум того, что можно и нужно было сказать с учётом обстановки в республике, не дав ни малейшего повода для спекуляций на тему о вмешательстве Советского Союза в дела ГДР»*.

У меня лично от визита Горбачёва остались смешанные впечатления. С одной стороны, все могли убедиться в потрясающей популярности советского лидера среди населения ГДР. В восприятии людей в ходе празднеств в честь 40-летия республики фигура Хонеккера была совершенно явно оттеснена на задний план. На пути следования официального кортежа с Горбачёвым и Хонеккером из аэропорта Шёнефельд в правительственную резиденцию Нидершёнхаузен через весь Восточный Берлин я видел лишь один плакатик, адресованный не генеральному секретарю ЦК КПСС. Текст этого плакатика гласил: «Так держать, Эрих!» Всё остальное больше походило на адресованный Горбачёву коллективный призыв о помощи. Во время факельного шествия колонн Союза свободной немецкой молодёжи перед почётной трибуной на Унтер-ден-Линден 6 октября участники видели лишь гостя из Москвы. Был слышен только клич: «Горби, Горби!»

С другой стороны, публичные выступления Горбачёва напоминали скорее риторические упражнения, чем политическую программу действий. Он отлично знал, что ситуация в ГДР носит взрывоопасный характер, но в своей главной речи во Дворце Республики счёл возможным привести принадлежавший перу русского поэта Фёдора Тютчева романтический образ единства, которое можно «спаять любовью» – «а там посмотрим, что прочней». Надо полагать, что советский лидер хотел поставить ударение на чувстве любви в противовес милитаристской формуле собравшего в 1871 году германские государства в единый рейх Отто фон Бисмарка о «великих свершениях, достигаемых железом и кровью» (тем более что и Тютчев подразумевал такое противопоставление; правда, он имел в виду необходимость объединения славян перед лицом усиливавшейся германской угрозы). Но из контекста речи Горбачёва вполне могло сложиться впечатление, что он не против германского единства, если оно состоится «полюбовно» (кстати, такого мнения действительно придерживались некоторые советники генерального секретаря ЦК КПСС). Так ведь и официальная политика ФРГ ставила перед собой цель не завоевать, а «освободить» ГДР! В результате вместо внесения ясности в ситуацию добавился ещё один повод для недоумений.

В ночь перед началом визита заместитель заведующего Международным отделом ЦК СЕПГ Бруно Малов, представитель «прогорбачёвской фракции» в аппарате ЦК, готовившей давно, но безуспешно отстранение Хонеккера от власти, передал через меня (по телефону) просьбу к ЦК КПСС, чтобы *«речь Горбачёва содержала развёрнутый тезис о том, что немецкие товарищи могут положиться на КПСС, на СССР. Это поможет тем здесь, кто ещё колеблется»*. Такое заявление лидера КПСС имело бы в самом деле важное значение, поскольку в высшем и среднем звене партийного руководства ГДР ширились сомнения насчёт того, не приведут ли в конечном счёте внешнеполитические последствия советской перестройки к «сдаче» республики ради сближения с ФРГ. Однако «развёрнутого тезиса» оглашено не было. Самым запомнившимся моментом берлинских высказываний генерального секретаря ЦК КПСС стали его слова в беседе с западными журналистами у мемориала жертвам нацизма на Унтер-ден-Линден: «Тех, кто опаздывает, наказывает жизнь». Этот афоризм активно использовался в дальнейшем для обоснования вытеснения из политической жизни тех «старых кадров» ГДР, кто не спешил с отказом от дружественных отношений с Советским Союзом.

Между тем процесс утраты иллюзий по поводу успешности итогов визита протекал стремительно. Уже в **понедельник 9 октября** высказывания посла на совещании дипсостава были окрашены почти в трагические тона. На основании состоявшихся у него бесед (лично и по телефону) с представителями руководства республики он констатировал, что в ГДР *«самая*

серьёзная обстановка с 1953 года¹¹». Посол отметил, что «СМИ Запада очень хорошо подготовились к юбилею – [идёт] показ массового характера выступлений против политики СЕПГ. Западные корреспонденты (даже дипломаты) участвовали в организации сборищ в Берлине, Дрездене, Лейпциге. В Потсдаме среди демонстрантов находились [диссидентствующие] граждане СССР, ПНР, ВНР, ФРГ (задержаны)». В то же время Кочемасов намекнул на возможность кадровых изменений в верхушке республики: «Работа М. С. Горбачёва с руководством ГДР не останется без последствий. Важны предстоящие 2–3 недели». Посол запретил сотрудникам посольства давать какие-либо советы собеседникам из ГДР и предложил ограничиваться лишь призывами к дружбе: «Говорить об усилении сотрудничества во всех областях – пожалуйста; Хонеккер и Горбачёв об этом договорились».

Под конец совещания неожиданно прозвучала безапелляционная реплика первого секретаря посольства экономиста О. В. Юрыгина, который заявил: «Для СЕПГ поезд ушёл. Ей придётся делиться властью. Нам надо находить возможность выходов на людей, близких к новым оппозиционным структурам». Юрыгин поддерживал тесные связи с хозяйственным активом ГДР, и его слова отражали в первую очередь точку зрения этого сегмента общественного мнения республики. Дискуссии не последовало, поскольку мнения участников совещания не сильно расходились с высказанной Юрыгиным оценкой. Однако посол уже несколько раз предостерегал нас от контактов с оппозицией. Подобные контакты на тот момент выглядели бы действительно странно: ГДР оставалась нашим важнейшим союзником, и участвовать официальным советским представителям в расшатывании её государственных основ было бы, по меньшей мере, сомнительным делом.

Успешно проведённые празднества по случаю 40-летия ГДР не отвратили всё же дальнейшее обострения обстановки. Циркулировавшие накануне юбилея слухи о возможности «массового прорыва» молодёжи в Западный Берлин (праздничные колонны ССНМ формировались у Бранденбургских ворот, в непосредственной близости от стены¹²) не оправдались, но вечером 7 октября демонстрация с требованием «Долой стену!» всё же состоялась. Демонстранты собрались на Александерплац и двинулись к Дворцу Республики, где проходил заключительный государственный приём с участием иностранных гостей. Полиция разогнала протестующих, было много задержанных. Кортёж Горбачёва успели отправить в Шёнефельд до того, как выкрики демонстрантов стали слышны во Дворце. На следующий день в центр общественного протеста в ГДР окончательно выдвинулся крупнейший город Саксонии Лейпциг. Там в шестви 9 октября, прошедшем под

¹¹ 17 июня 1953 года после забастовки строительных рабочих в Берлине, протестовавших против повышения норм выработки и роста цен на продовольствие, начались волнения в ряде городов ГДР. Радиостанции ФРГ и Западного Берлина (особенно РИАС – «Радио в американском секторе») передавали инструкции по организации беспорядков. Поскольку оккупационный режим ещё сохранялся, на улицы были выведены советские танки. Столкновений с их участием не было – общественный порядок восстановила своими силами пришедшая в себя полиция ГДР.

¹² Берлинская стена была возведена 13 августа 1961 года в завершение кризиса вокруг Западного Берлина, продолжавшегося с 1959 года. Она означала прекращение безвизового режима для посещения обеих частей Берлина и ужесточение контроля на государственной границе ГДР и ФРГ.

лозунгами «Долой стену!», «Нет насилию», «Мы остаёмся здесь»¹³, «Разрешить „Новый форум!“¹⁴», участвовала масса приезжих из других городов ГДР. Таким образом, проходившие уже несколько недель «демонстрации по понедельникам» после вечернего богослужения в церкви Св. Николая приобрели общенациональное звучание. Сильное психологическое воздействие оказал удачно найденный девиз: «Народ – это мы!», который стал отныне неотъемлемым элементом всех массовых оппозиционных выступлений в ГДР.

На совещании во **вторник 10 октября** посол смог отметить лишь один положительный момент: *«На производстве, на промышленных предприятиях эксцессов нет. Это очень важно»*. И сразу вслед за этим: *«М. С. Горбачёв сказал – ни при каких обстоятельствах мы не должны терять ГДР. Надо всемерно помочь друзьям»*. Однако в чём может и должна заключаться наша помощь, по-прежнему оставалось не вполне ясным. В практическом плане посол немедленно ввёл дежурство старших дипломатов до полуночи и объявил субботу рабочим днём для всех сотрудников посольства.

В **среду 11 октября** завершилось двухдневное заседание политбюро ЦК СЕПГ. Сообщение посла на утреннем совещании было чрезвычайно кратким. Видимо, он просто повторил указания, полученные из ЦК КПСС по телефону: *«Советов друзьям не давать. Слушать, но не комментировать. Жён в магазины в городе не пускать. Мы не вмешиваемся. Надо присмотреться к оппозиционным силам, знать точно расстановку сил. Нужно быть абсолютно точными в отображении и анализе положения. Никаких непроверенных фактов в Москву не сообщать»*.

В **четверг 12 октября** посол бегло информировал нас о решениях, принятых накануне политбюро ЦК СЕПГ – провести совещание первых секретарей окружных комитетов, готовить пленум ЦК на тему «Оценка текущего момента и подготовка к 12-му съезду СЕПГ», созвать совещание блоковых партий¹⁵ и общественных организаций для обсуждения ситуации, создать комиссию по совершенствованию работы Народной палаты, ввести единый загранпаспорт для всех (*«без виз выезда по-прежнему нет»*)¹⁶. Посол отметил, что звучала критика в адрес информационной политики СЕПГ: *«Недопустимо молчать, когда каждый день выступают канцлер Коль, министр иностранных дел ФРГ Геншер и т. д.»*. Обратил на себя внимание

¹³ Этот лозунг выражал отказ следовать примеру тех, кто бежал из ГДР в ФРГ через Венгрию, открывшую границу с Австрией, и другие социалистические страны, куда граждане ГДР могли в принципе выезжать без виз. В связи с тем, что бегство населения стало приобретать массовый характер, власти ГДР накануне 40-летия закрыли границы республики.

¹⁴ «Новый форум» – созданная 9–10 сентября 1989 года на базе Движения сторонников мира разношёрстная оппозиционная организация, провозгласившая своей целью начать «демократический диалог о реформах и преобразовании общества».

¹⁵ В ГДР формально сохранялась многопартийность. Помимо СЕПГ и ряда контролировавшихся ею общественных организаций (типа профсоюзов и Союза свободной немецкой молодежи), были ещё четыре партии – Христианско-демократический союз, Либерально-демократическая, Крестьянская демократическая и Национально-демократическая партии Германии. Все они входили в Демократический блок под руководством СЕПГ.

¹⁶ Почему-то посол не упомянул о привлечшем большое внимание населения заявлении политбюро по вопросу о бегстве населения, которое прервало затянувшееся молчание руководства по поводу этого явления. Главным в заявлении были тезисы: «Социализму нужен каждый» и «Социализм на немецкой земле не подлежит обсуждению».

тон высказываний посла – осторожно-оптимистический. Он подчеркнул: *«Настрой среди партийного актива серьёзный. Перемены в партии будут – теперь в этом сомневаться не приходится».*

Решающим фактором оставалось время. Руководство ГДР действовало (точнее, бездействовало), как будто в его распоряжении была вечность, а не несколько недель.

В пятницу **13 октября** посол информировал нас об итогах совещания первых секретарей окружных комитетов СЕПГ. Он сказал: *«Руководители округов понимают остроту положения. Центры оппозиции – Лейпциг, Берлин, Дрезден, Потсдам. На севере ГДР спокойно».* По словам посла, особенно беспокоит друзей ситуация в молодёжной среде. *«Начинает осложняться обстановка и на предприятиях (в частности, в Лейпциге). В целом царит напряжённое ожидание реальных перемен. Давление с Запада продолжается (прежде всего через телевидение)».* Несколько удивило нас замечание посла о возможности оказания Западной Германией *«значительной финансовой помощи ГДР»*¹⁷, причём он сразу оговорился, что в этой связи *«здесь усиливается общенемецкий [более употребительным был термин «общегерманский»] интерес».* Продолжал посол размышлять и о том, *«как нам помочь друзьям – через наши СМИ, советы на базе нашего опыта».* В этой связи он назначил на понедельник 16 октября совещание дипсостава (именовавшееся по традиции «референтским») для обмена мнениями о складывающемся в ГДР положении.

Утром в **понедельник 16 октября** посол вновь был лаконичен. Он отметил лишь изменение тона СМИ ГДР: *«Отныне можно говорить прямо и открыто».* Им были также приведены цифры, иллюстрировавшие масштабы бегства населения на Запад: *«136 тысяч человек в целом эмигрировали за этот год из ГДР (80 тысяч легально, остальные нет)».*

Из выступлений на состоявшемся в тот же день референтском совещании выделялись высказывания советника посольства по культуре А. П. Иванова, который указал на рост настроений в СЕПГ в пользу того, что *«нельзя терять времени. Интеллигенция ГДР опасается, что заявление политбюро ЦК СЕПГ от 11 октября лишь затронуло проблемы и руководство дальше идти не намерено. Позитивный фактор – население тяготеет к порядку, к решению проблем через диалог. Поэтому есть ещё возможность стабилизировать положение. Надо быстро созывать пленум ЦК СЕПГ, создать группы по подготовке конкретных шагов по демократизации. Пойдёт ли на это нынешнее руководство? Интеллигенция выступает за отставку Хонеккера. В качестве позитивной силы наши собеседники называют среднее звено партии. Существует опасность затягивания времени, диктата партийного аппарата на пленуме. На митинге в „Дойчес театр“, в котором участвовали 750 человек из всей республики, был поставлен вопрос о том, как обращались с арестованными 7 октября».*

¹⁷ Мы тогда не знали, что Горбачёв уже в мае 1987 года в ответ на просьбу Хонеккера не сокращать ранее согласованные поставки советской нефти в ГДР ответил: *«Находите общий язык с ФРГ. Она в этом нуждается»* (см.: Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991 гг. – М., 2006. – С. 43).

Советник В. М. Гринин, руководитель отдела внешней политики посольства, подчеркнул *«опасность разрастания общегерманских настроений в ГДР. ГДР – государство искусственное и очень молодое. Традиции слабы, гражданское самосознание имеет во многом лишь идеологическую основу и подвержено колебаниям. Райнгольд¹⁸ не без оснований заметил, что между ГДР и социализмом стоит знак равенства. Проблемой является национальная идентичность (самобытность). Режиссёром развития стал Бонн, а не ЦК СЕПГ. Надо договариваться с оппозицией по национальному вопросу, пока это возможно. Усилить продвижение тезиса о том, что жители ГДР навсегда останутся „немцами второго сорта“. Нельзя давать ГДР и ФРГ обгонять общеевропейский процесс¹⁹ – этого возможно добиться вместе с западными державами».*

Характерным было выступление уже упоминавшегося О. В. Юрыгина, который сказал: *«В ГДР налицо внутренний кризис. Причины как долгосрочные (просчёты в организации экономики – страна проедала своё будущее), так и краткосрочные (ситуация в Венгрии и Польше, „ошибки“ с выборами 7 мая²⁰, открытие австро-венгерской границы). Изменения, возможные в краткосрочном плане (сменить руководство, организовать диалог), не решат проблемы. „Китайский вариант“²¹ приведёт к немедленному краху режима. СЕПГ придётся делить власть. Вопрос – с кем? Лучше бы с блок-выми партиями. Но нужно давать место и оппозиции. Свободные выборы могут привести к отстранению СЕПГ от власти. Однако главную проблему надо решать в экономике. Концепции такого решения нет ни у кого. Вероятнее всего движение в сторону рыночной экономики – и сближения с ФРГ. Темп может быть очень высоким. Воссоединение Германии уже идёт – люди едут туда. Нам надо влиять на него. Вести дело к нейтральной Германии или к двум нейтральным Германиям».*

Выступления остальных участников совещания вращались вокруг изложенных тезисов, причём большинство бравших слово старались избегать слишком пессимистических прогнозов. Ещё до Юрыгина выступил я. В моих сохранившихся набросках к выступлению констатировалось: *«Ситуация в ГДР перешла в новое качество: заговорил народ. У режима нет большинства в народе. Конфликт может обостриться в любой момент. А что будет, если большинство потребует воссоединения? Нам надо готовиться к этому моменту. Прошлое не вернётся. Придётся искать связи с оппозицией. От концепции „Европейского дома“ мы отказаться не можем. Имеются три возможности развития ситуации: 1) неподвижность руководства ГДР или „китайский вариант“; предвидимый результат – крах в течение полугода; 2) искренний диалог, глубокие реформы, появление*

¹⁸ Отто Райнгольд – ректор Академии общественных наук при ЦК СЕПГ.

¹⁹ Эксперты МИД СССР и посольства в Берлине настаивали на том, что установление «особых отношений» между германскими государствами будет приемлемо лишь по мере создания общеевропейской системы коллективной безопасности.

²⁰ 7 мая 1989 г. состоялись выборы в местные органы власти ГДР. Околоцерковная оппозиция почти сразу же обвинила СЕПГ в фальсификации их итогов, хотя фальсификация вряд ли имела смысл ввиду отсутствия у этих выборов какого-либо политического значения.

²¹ Имеется в виду жёсткое подавление протестных демонстраций на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 года.

национальной идентичности ГДР; предвидимый результат – взрыв оттягивается на неопределённое время; 3) затягивание времени в расчёте на крах СССР²²; предвидимый результат – взрыв очень скоро. Нам предстоит сосредоточиться на том, чтобы удержать ГДР как самостоятельное государство – совместно с западными державами через Западный Берлин (в данном вопросе они не против нас)». Из моих контактов с властями трёх западных держав в Западном Берлине я действительно знал, что их скорее пугает, чем радует перспектива возрождения германского гиганта в центре Европы. На первых порах колебались даже американцы.

В своём заключительном слове посол попытался поддержать слабую ноту оптимизма, прозвучавшую в выступлениях «с мест» (что относилось прежде всего к сообщениям генеральных консулов). Он сказал: *«Бесспорно, что в ГДР экономический и политический кризис. Какова его глубина, надо изучать и не спешить с крайними оценками. Не все в руководстве ГДР осознают серьёзность положения. Если это будет продолжаться, то республике грозит неизбежная катастрофа. У руководства [СЕПГ] нет концепции выхода из сложившегося положения. Считают: всё обойдётся само собой. В субботу в Плауэне состоялась десяти тысячная демонстрация с участием рабочих. Не исключены забастовки. Даже самые крепкие окружки СЕПГ с трудом справляются с ситуацией. У руководства ГДР нет времени. Если не будет дел, нельзя рассчитывать даже на стабилизацию. Вопрос о смене руководства назрел. Всё было бы хорошо, если бы у нас дела шли в гору. Но у нас трудности растут. Наша помощь ГДР ресурсами маловероятна. Выход у ГДР один – экономическая реформа плюс сотрудничество с Западом. Нужна также и политическая реформа – решительная перестройка партии (демократизация) плюс подлинное народовластие. Диалог с блоквыми партиями и неформальными организациями в рамках закона. Практика выездов должна быть приведена в соответствие с Венной²³. Нам нужно продумать концепцию нашей работы на ГДР. Как быть с „германским вопросом“?»*

Упомянутый вопрос действительно требовал скорейшего ответа. До сих пор все возникавшие, как грибы после дождя, оппозиционные группировки исходили в своих программах из дальнейшего существования ГДР. Так, в своей вступительной речи на состоявшемся 7 октября учредительном собрании Социал-демократической партии – СДП (ГДР) – один из её вождей Маркус Меккель подчёркивал: *«Мы признаём двухгосударственность Германии в соответствии с прошлым, вина за которое лежит на нашем народе»*. И далее: *«Говорить о воссоединении – дело в высшей степени непродуктивное и в сущности обращённое в прошлое, ибо сейчас воссоединения определённно не будет»*. Однако отношение к возможности слияния ГДР с ФРГ в краткосрочном плане могло очень быстро измениться, поскольку

²² До посольства неоднократно доходила информация о прогнозах некоторых советников Эриха Хонеккера в том плане, что вследствие «перегибов» перестройки вскоре неминуем крах СССР и ГДР придётся искать возможность открыто «опереться» на ФРГ.

²³ В Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1986) говорилось (п. 20): «Государства-участники будут полностью уважать право каждого на свободу передвижения и местожительства в пределах границ каждого государства и покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну».

ситуация в Восточной Германии всё более явно переходила под контроль Бонна. Решающее значение приобретала откровенная заинтересованность ФРГ в скорейшем присоединении ГДР.

На утреннем совещании во **вторник 17 октября** посол сообщил: *«Вчера состоялись демонстрации в Лейпциге, Дрездене, Плауэне. В Лейпциге более ста тысяч человек – самая крупная демонстрация за историю ГДР. Полиция не показывала своего присутствия. Всё прошло мирно, к 9.30 вечера закончилось. Лозунги: „За подлинные реформы“, „Мы уже взрослые“, „Народ – это мы“, „Разрешить Новый форум“, „Присоединяйтесь к нам“, „Место МГБ – в правовом государстве“. Изменился состав демонстрантов, много стало людей среднего возраста, были рабочие. Поммерт²⁴ пытался обратиться по радио, его почти не было слышно. Диалога нет. В Дрездене представители манифестантов беседовали с городским руководством. Требовали свободных выборов. То же в Плауэне. Ситуация приобретает всё более сложный и противоречивый характер. Наблюдаются трудности на производстве вследствие ухода людей на Запад, возникают перебои в снабжении. Ощущается серьёзное давление снизу в условиях роста симпатий к манифестантам со стороны населения. Налицо отсутствие продуманной линии поведения у руководства партии и государства».*

Сцены оппозиционного шествия по улицам Лейпцига показало накануне западногерманское телевидение, передачи которого принимались практически на всей территории ГДР. Оставшиеся неизвестными операторы производили съёмки с чердака многоэтажной башни на Ринге («Кольце») самой широкой улицы города, опоясывающей его центр. Шеренги демонстрантов заполняли Ринг от края до края, конец колонны терялся где-то в туманной дали. Зрелище было достаточно впечатляющим.

Вечером **17 октября** в Немецкой государственной опере состоялось торжественное заседание в честь 40-й годовщины установления дипломатических отношений ГДР с СССР, а также другими социалистическими странами. Неожиданностей не было. В докладе министра иностранных дел республики Оскара Фишера подчёркивалось: *«ГДР навсегда порвала с гибельной политикой капиталистической Германии, выдвигавшей территориальные претензии к другим государствам. ГДР с самого начала признала границы, возникшие в результате Второй мировой войны. Социалистический интернационализм был и остаётся основной ценностью в отношениях между ГДР и другими социалистическими странами».*

Из состоявшегося после торжественной части непродолжительного обмена мнениями с глазу на глаз мне запомнились слова заведующего отделом СССР в МИД ГДР Клауса Штайнхофера: *«Даже хорошо, что пришло это потрясение [кризис в ГДР]. Уж очень мы вознеслись, загордились. Немецкое самодовольство и надменность достигли критических размеров: мы-де всегда были правы, вовремя принимали правильные решения, ошибались лишь другие, мы были самыми лучшими марксистами всех времён и народов».*

---

²⁴ Йохен Поммерт – второй секретарь Лейпцигского окружкома СЕПГ.

Выступление посла на совещании в **среду 18 октября** было самым коротким за весь период моих записей. Он сказал всего одну фразу: «*Сегодня пленум ЦК СЕПГ*». Только в течение дня мы узнали, что на пленуме вне всякой повестки дня решался вопрос об отставке Эриха Хонеккера. Посол очень волновался – он совсем не был уверен, что «прогорбачёвская фракция» реализует наконец своё давнишнее намерение сменить руководителя партии и государства. Советский Союз не участвовал в этой «смене декораций», но мнение ЦК КПСС было однозначным, хотя и не высказывалось публично – «время обновления» пришло и для ГДР. Так же как и Москва, посол придерживался той точки зрения, что, убрав главный «тормоз» на пути реформ, каким считался Хонеккер, ГДР быстро решит все свои социальные и политические проблемы.

Утром в **четверг 19 октября** посол радостно поделился с нами подробной информацией об итогах пленума ЦК СЕПГ. Он говорил: «*Вчера политбюро и пленум единогласно избрали Эгона Кренца²⁵ генеральным секретарём ЦК СЕПГ. Решение о смене руководства – самостоятельное решение СЕПГ. Если смена Вальтера Ульбрихта²⁶ произошла с помощью советского руководства²⁷, сейчас совершенно не то. ЦК СЕПГ сам нашёл в себе силы, чтобы изменить курс. Это свидетельствует о силе партии и мужестве Кренца. Это не переворот, а результат демократического процесса. Наша позиция: мы обязаны всемерно помочь новому руководству СЕПГ в продвижении по пути постепенной демократизации и реформ. Программа обновления изложена в речи Кренца. Это не его личное дело, текст заявления был единогласно одобрен политбюро. Друзья избежали ошибки ПНР и ВНР – мазать фигуру предшественника только чёрной краской. Поэтому хорошо, что Хонеккера поблагодарили. Запад навязывает скепсис, выжидательное отношение: дескать, всё будет зависеть от того, какие реформы будет проводить в ГДР Кренц. Такая позиция смыкается с поведением оппозиции („Новый форум“, церковь). Новое руководство ГДР должно действовать осмотрительно. Меры будут приниматься в два этапа: решение неотложных вопросов; разработка концепции для 12-го съезда СЕПГ. Последняя будет обсуждаться на пленуме ЦК 15 ноября. 24 октября будет собрана Народная палата – необходимо тщательное соблюдение конституции ГДР. Раздаются голоса: Кренц-де переходная фигура. Надо противодействовать этому тезису. Кренц хорошо известен нам, в ЦК КПСС. Мы его будем всячески поддерживать. Мы глубоко заинтересованы в том, чтобы ГДР как можно скорее вышла из того кризисного положения, в которое она попала*». Посол добавил, что сегодня же встречается с Кренцем «для беседы по вопросам, интересующим обе стороны». Подведённый послом итог гласил: «*Начался новый этап в истории ГДР. Помимо внутренних дел надо много сделать для восстановления международного авторитет*

²⁵ Эгон Кренц (род. в 1937 г.) – член ЦК СЕПГ (с 1973 г.), секретарь ЦК и член политбюро ЦК СЕПГ (с 1983 г.), генеральный секретарь ЦК СЕПГ (с 18 октября по 3 декабря 1989 г.).

²⁶ Вальтер Ульбрихт (1893–1973) – генеральный, затем первый секретарь ЦК СЕПГ (1950–1973).

²⁷ Смещение Вальтера Ульбрихта с высших постов в СЕПГ и государстве состоялось в 1973 году при активном участии посла СССР в ГДР П. А. Абраимова, который опирался на поддержку Л. И. Брежнева. Тогда Ульбрихта сменил Эрих Хонеккер.

тета республики. Кренц выступил хорошо. У него есть хороший коллектив советников. Нужна преемственность – выгонять всех сразу нельзя».

Когда я во второй половине дня беседовал с заместителем министра иностранных дел ГДР Эвальдом Мольдтом (он информировал о том, что власти ГДР обдумывают возможные контрмеры в связи с нарастающими масштабами закупок в магазинах республики имеющими право бесконтрольно посещать столицу ГДР военнослужащими западноберлинских контингентов войск трёх держав – главным образом американцами – субсидируемых товаров на марки ГДР, полученные по бросовому курсу в обменниках Западного Берлина), собеседник поделился своими впечатлениями от вчерашнего заседания пленума ЦК СЕПГ: *«Участники пленума аплодировали Хонеккеру стоя, когда тот закончил свою речь и уходил с заседания. Речь Кренца также была встречена аплодисментами. Выступление Кренца по телевидению было правильным, обозначило начало нового этапа развития. Партия должна постоянно заявлять о себе, а не отдавать поле деятельности другим (как, например, Герлаху²⁸, выступившему в программе ТВ ГДР „Актуэлле камера“). Кто в конце концов руководящая сила? Настроение в партии в целом неплохое, боевое. Но нужны действия. На них у руководства остаются одна-две недели. Конечно, из диалога с демонстрантами может получиться польский „круглый стол“. Но [первый секретарь Дрезденского окружка СЕПГ Ханс] Модров убеждён, что другого выхода просто нет. Надо искать новые формы, отдавая приоритет практике, а не теоретическим построениям».*

На следующий день, в **пятницу 20 октября**, комментарии посла по-прежнему отличались «чувством глубокого удовлетворения». Его оценки разговора с Кренцем носили исключительно восторженный характер: *«Очевидны новые подходы. Правильная тактика – прежде всего пойти к рабочим. Встреча Кренца с рабочими²⁹ началась довольно напряжённо (накопился огромный потенциал недовольства). Беспокоит обстановка среди творческой интеллигенции. Беседа Кренца с Лейхом³⁰ проходила спокойно, под конец доброжелательно. Лейх заверил, что будет стремиться к тому, чтобы из церкви не шли на митинги. Очень труден вопрос о выездах; решать его надо в гуманном плане. Кренц приглашён с рабочим визитом в Москву. Друзья начали хорошо, надо продолжать в том же ключе. Образовался тандем Кренц – Шабовский».*

Однако оптимистический настрой в руководстве СЕПГ, а также в Москве и посольстве разошёлся с политическими реальностями ГДР. В **субботу 21 октября** в центре Берлина состоялась демонстрация (1200 человек) с требованием освободить арестованных участников протестов 7 октября.

---

²⁸ Манфред Герлах (1928–2011) – председатель Либерально-демократической партии Германии (1967–1990), последний председатель Государственного совета ГДР (с 6 декабря 1989 г. по 5 апреля 1990 г.).

²⁹ 19 октября Кренц в сопровождении члена политбюро, первого секретаря Берлинского окружка СЕПГ Шабовского встретился с трудовым коллективом комбината имени 7 октября (Берлин).

³⁰ Епископ Вернер Лейх – председатель Конференции евангелических церковных организаций в ГДР. В коммюнике о его встрече с Кренцем 19 октября говорилось о согласии сторон «сохранить ГДР, история которой является частью истории евангелических церквей нашей страны и общественного участия граждан христианского вероисповедания».

22 октября прошло шествие «Нового форума» в Ростоке (18 тысяч участников). Число демонстрантов в **понедельник 23 октября** в Лейпциге превысило 300 тысяч человек. **24 октября** Народная палата приняла отставку Эриха Хонеккера с поста председателя Государственного совета ГДР «по состоянию здоровья» и избрала на этот пост Эгона Кренца (впервые на таких выборах отсутствовало единогласие – 26 голосов были поданы против и 26 воздержались). В **среду 25 октября** только что созданное гражданское движение «Демократия сейчас!» выступило с «Заявлением по Кренцу», в котором возложило на него как на председателя Центральной избирательной комиссии ГДР ответственность за фальсификацию результатов майских выборов 1989 г. в местные органы власти. В тот же день первый секретарь Дрезденского окружкома СЕПГ Ханс Модров принял представителей «Нового форума» для обсуждения путей политического преодоления кризиса. В **четверг 26 октября** состоялся 20-минутный телефонный разговор Кренца с канцлером ФРГ Гельмутом Колем, в ходе которого обе стороны выразили заинтересованность в дальнейшем развитии отношений между германскими государствами и договорились о том, что их представители продолжают обсуждение имеющихся проблем. Председатель Совета министров ГДР Вилли Штоф сообщил в интервью телепрограмме «Актуэлле камера» о решении правительства дополнительно увеличить импорт технических товаров народного потребления и продовольственных товаров, а также пересмотреть планирование производства, чтобы увеличить их выпуск. Проходившее в этот же день девятичасовое заседание Дрезденского городского собрания транслировалось по местному радио, а после его окончания Модров и бургомистр Дрездена Вольфганг Бергхофер провели дискуссию с участниками митинга, на который собрались 100 тысяч жителей города. Также **26 октября** Шабовский принял в Берлине для беседы представителей «Нового форума» Йенса Райха и Себастьяна Пфлюгбайля.

На утреннем совещании в **пятницу 27 октября** посол заявил: *«Требуется депеша в Центр об оценке положения в ГДР – не надо повторов, но следует провести тезис: положение имеет тенденцию к ухудшению. Направления дискуссий в обществе – экономика, немецко-немецкие дела, информационная политика. Дискуссии всё более приобретают негативный характер (хотя и есть широкий разброс мнений). Усиливается критика партии, ставится вопрос о персональной ответственности руководителей ГДР. Мало конструктивных моментов. Значительная масса населения заражена неверием ко всему, что исходит из Центра. За всем этим стоят разные силы, но прежде всего „Новый форум“. Группировка „Нового форума“ – по сведениям, которыми располагают МИД ГДР, округа, Герлах – очень разнородна, большинство слабо представляет себе, какие цели надо поставить. С большинством можно было бы договориться, но там есть „твёрдое ядро“ антисоциалистического характера, которое выступает на смену нынешним лидерам. Пока ещё это ядро можно было бы изолировать. Однако у „Нового форума“ отличная организация. Беспокоит положение в партии. Если бы сейчас были выборы, СЕПГ проиграла бы. В её ряды всё больше проникают идеи либерализма и социал-демократизма. Надо предотвратить раскол партии, использовать её потенциал. Размы-*

ваются границы между членами партии и беспартийными в смысле реакции на действия оппозиции, на обстановку. Остро встаёт вопрос о кадрах, которые сейчас проходят самую жёсткую проверку. Надо заменить тех, кто неспособен. Есть настроение произвести кадровые изменения ещё до съезда СЕПГ (под лозунгом: персональная ответственность). Лозунг отставки руководства в целом встречается пока довольно редко. Пик ситуации ещё не достигнут. Установка ЦК СЕПГ: возможно дальнейшее обострение; не всех демонстрантов зачислять во враги. Все, кто может это сделать, мобилизован СЕПГ для работы с населением на улицах. Впечатления Отта³¹: особой злобности у демонстрантов нет, много справедливых претензий. Вопросы работы в массах сейчас самые главные. В депеше посольства надо поддержать линию руководства СЕПГ на прямой диалог с населением. Похвалить изменения в информационной политике. Здесь скорее следует советовать друзьям проявлять сдержанность. Если раньше о жизни в ГДР её граждане узнавали из передач телевидения ФРГ, то сейчас телевидение ФРГ пользуется материалами телевидения ГДР. Важен вопрос о доверии к партии, политбюро, центральному комитету. Наблюдается изменение отношения западников к ГДР – заявления Вайцеккера³², Коля, Момпера³³. Идёт определение оптимальной линии по отношению к ГДР. Важно, чтобы социал-демократы не лезли во внутренние дела ГДР, не создавали здесь социал-демократическую партию. В руководстве ГДР понимают, что намеченные реформы должны быть осуществлены как можно скорее – только в этом случае возможна стабилизация положения. Как поведёт себя рабочий класс? Происходит его подталкивание к дискуссии. Раздаётся критика профсоюзов, лично Тиша³⁴. Настроения на предприятиях плохие. Существует угроза создания параллельных профсоюзных структур. В депеше надо рассказать, что друзья делают – идут в массы, ведут диалог, осуществляют новый курс партии (заявление Штофа 26 октября). Надо выдвигать людей, умеющих мыслить по-современному, разговаривать с людьми. Всё зависит от того, удастся ли друзьям удержать (перехватить) инициативу в общественных преобразованиях. Это сходно с нашим положением [в СССР]. У друзей есть концепция дальнейших действий, но можно высказать и советы на основании нашего опыта (в том числе негативного). Растёт значение западногерманского фактора – Бонн стал для ГДР фактически вторым правительством. В округах чувствуется огромное давление со стороны ФРГ. Кренц едет в Москву не только ради декларации о поддержке, но и за советом».

Во второй половине **27 октября** посол принял Вальтера Момпера с ответным визитом (посол встречался с ним 17 июля 1989 г., чтобы передать приглашение посетить Москву для обсуждения перспектив советско-западноберлинских отношений). Момпер сообщил, что хотел бы поехать в со-

³¹ Гарри Отт – заместитель министра иностранных дел ГДР.

³² Рихард фон Вайцеккер – президент ФРГ (ХДС).

³³ Вальтер Момпер (род. в 1945 г.) – правящий бургомистр (Западного) Берлина (СДПГ) в 1989–1991 гг. Возглавил правительство (Сенат) Западного Берлина в марте 1989 г. после выборов в городской парламент, выигранных коалицией социал-демократов и партии «зелёных».

³⁴ Гарри Тиш – член политбюро ЦК СЕПГ, председатель правления Объединения свободных германских профсоюзов.

ветскую столицу в 1991 году на открытие запланированной на это время западноберлинской экономической выставки. Посол счёл это вполне приемлемым вариантом и упомянул о возможности подготовки перспективного плана сотрудничества между СССР и Западным Берлином с подписанием его *«на надлежащем уровне»*. Кочемасов обещал информировать сенат о ходе рассмотрения Москвой «берлинской инициативы» трёх западных держав³⁵.

В дальнейшем, согласно моим заметкам (я присутствовал на беседе), Момпер поделился с послом своими оценками ситуации в ГДР. Его высказывания представляли для нас интерес, поскольку за ним стояли влиятельные социал-демократические круги, обладавшие разветвлёнными контактами в ГДР³⁶. Он говорил: *«Кренц действует быстро и решительно. Он заслужил, чтобы ему был предоставлен „честный шанс“: его шаги идут в правильном направлении»*. Встреча Момпера с Кренцем намечается на конец текущего – начало следующего года: *«Мы смотрим, чем можем помочь»*. Момпер настроен *«против „воссоединительной риторики“ – „пусть решает население ГДР, но там никто не говорит о воссоединении“»*. Момпер подчеркнул: *«Мы живём в исторический момент – мы можем построить общеевропейский дом. У нас есть свои заботы – например, успехи [крайне правых] „республиканцев“. В этой связи многие боятся новой националистической волны. Но это лишь социальный феномен – боязнь потерять работу, жильё и т. д. Надо исправить социальную и экономическую политику, а не заниматься националистической демагогией, как это делают ХДС/ХСС»*.

Момпер продолжал: *«В отношении ГДР многие на Западе считают, что СЕПГ очень скоро очутится там, где находится ПОРП, у которой сузился массовый базис. Но вот ВСРП пытается сохранить свой базис, в ЧССР обстановка складывается также по-иному. Организация общества будет везде разной. Традиции немецких социал-демократов и коммунистов отличаются от других стран. СЕПГ останется массовой партией. Потерять свой базис может всякий, но если Кренцу повезёт, то СЕПГ сохранится как значительная сила в ГДР. Развитие после [пленума ЦК СЕПГ] 11 октября подтверждает эту точку зрения. За дестабилизацию ГДР выступают те силы в ФРГ, которые считают, что это побудит СССР пойти на объединение Германии ради её нейтрализации (как это предлагалось советской нотой от 10 марта 1952 года). Такие настроения превалируют у консерваторов – дескать, Германия и Россия договорятся за счёт Запада. Отсюда*

³⁵ В декабре 1987 г. послы трёх западных держав в Москве передали в МИД СССР ноту с предложением приступить к переговорам вчетвером в целях улучшения связей Берлина (подразумевался Западный Берлин) с внешним миром в области молодёжных обменов, культуры, спорта, воздушного сообщения. Ввиду особого статуса Западного Берлина с его «воздушными коридорами», связывавшими город с бывшими зонами оккупации трёх держав, эксперты МИД и посольства в ГДР считали возможными консультации СССР с западными державами по воздушному сообщению, адресовав их по остальным аспектам «инициативы» непосредственно к ГДР. Однако даже такой лишь частично позитивный ответ был заблокирован лично Э. Хонеккером. После его отставки западники стали вновь усиленно продвигать свой проект.

³⁶ Должность правящего бургомистра Западного Берлина была неплохим трамплином для политической карьеры в ФРГ. Занимавший её в 1957–1966 годах Вилли Брандт стал впоследствии лидером СДПГ и федеральным канцлером, а один из ведущих политиков ХДС Рихард фон Вайцеккер (в Западном Берлине с 1981 по 1984 год) – президентом ФРГ.

намерение подтолкнуть население ГДР к лозунгу: „Решение наших проблем даст только воссоединение!“ Но политика нейтрализации не будет поддержана ни с Востока, ни с Запада, ни с Севера, ни с Юга. Объединённый потенциал ГДР и ФРГ навсегда останется неприемлемым для Европы, да и для самих немцев. Ситуация в Европе по-прежнему открытая».

Правящий бургомистр подробно остановился на выдвинутом им предложении уравнивать в правах западноберлинских депутатов бундестага с остальными членами парламента³⁷. Он подчеркнул: «Целью западноберлинской политики остаётся, чтобы Западный Берлин стал полноправной землёй ФРГ. Но эта цель долговременная. Четырёхстороннее соглашение по Берлину, договор об основах отношений ФРГ с ГДР, договоры ФРГ с СССР, ПНР и ЧССР означали начало урегулирования ситуации в Берлине и вокруг него. Следующим шагом станет упорядочение воздушного сообщения с Берлином – сначала на уровне четырёх держав, а затем на уровне ФРГ – ГДР. Далее – укрепление миропорядка в Европе в ходе процесса СБСЕ. Всё это даст в итоге урегулирование для Германии и Берлина, которое будет равнозначно заключению мирного договора. Вот в этих условиях станет возможным равноправие западноберлинских депутатов. Ведь тогда произойдёт обесценение границ – во всяком случае, по сравнению с 1961 годом [когда была возведена Берлинская стена]».

Момпер поделился также своей озабоченностью начавшимся наплывом польских граждан в Западный Берлин: «70 тысяч посетителей из Польши в неделю, 20 тысяч в субботу и воскресенье, главным образом чтобы торговать. Остальные – нормальные туристы. Население Западного Берлина недовольно [стихийно возникающими базарами]. Но это – естественный результат свободы поездок. Скоро будет очень много посетителей из ГДР. Многие в ФРГ ещё не понимают, что для них будет означать свобода передвижения для населения ГДР. Проблема в том, как сократить разрыв в уровне жизни между гражданами ФРГ и ГДР».

В понедельник 30 октября посол оценивал ситуацию так: «Ближайшие 10–12 дней – решающие». Он продолжал: «Демонстрантами выдвинут широкий спектр требований – профсоюзы (смена Тиша), роспуск боевых дружин рабочего класса. Схожесть с требованиями наших неформалов: отмена привилегий, контроль над органами внутренних дел. Новый момент – друзья начинают перехватывать инициативу в деле проведения митингов и демонстраций. Шабовский проявил себя настоящим бойцом, его начинают всё больше слушать. Одновременно выявились люди в руководстве (и на всех уровнях), которые не могут говорить с массами. Задача – не дать разрастись демонстрациям. Надо работать с тем большинством, которое ещё не определилось. Не допускать забастовок – нужна работа в рабочих коллективах. Однако всё больше рабочих принимают участие в демонстрациях (особенно в южных округах). Пик обострения ещё не прошёл. Кренц завтра летит в Москву (во второй половине дня). 1 ноября встреча

³⁷ Ввиду заявленных в 1949 году возражений западных оккупационных держав статья Основного закона ФРГ о полномочиях западноберлинских представителей не действовала, и при голосованиях в бундестаге позиция депутатов от Западного Берлина учитывалась лишь в отношении технических вопросов.

Горбачёва с ним. Важны вопросы работы СМИ ГДР, в том числе реформа телевидения. Тут нужно, чтобы друзья соблюдали меру и не повторяли наших ошибок. Уход людей на Запад вызвал экономические проблемы – в Лейпциге ушли 50 % водителей автобусов, закрываются магазины, ослабляется медицинское обслуживание населения. ФРГ добивается реформ в ГДР в духе Венгрии и мобилизует свою агентуру в ГДР, чтобы сбивать с толку население. Состоялся телефонный разговор Кренца с Колем – выявилось совместное стремление к развитию отношений, особенно экономических. Наша задача – точно, честно и объективно давать информацию в Москву о положении в ГДР. Не по мелочам, а по главным моментам. Не приукрашивать и не впадая в панику».

Прогноз посла о предстоящих 10–12 решающих днях оказался провидческим. До 9 ноября, когда перестала функционировать Берлинская стена, действительно оставалось десять дней. Однако в тот момент, когда посол сформулировал своё предсказание, вряд ли кто-либо мог себе вообразить, что именно случится через эти десять дней. Дар предвидения отсутствовал и у наших немецких собеседников.

30 октября у меня состоялась беседа с членом ЦК СЕПГ, секретарём центрального совета ССНМ Йохеном Виллердингом, с которым мы были давно знакомы. По его оценке, имелись «основания для оптимизма, но нужны быстрота и радикальность [действий]. Очень важно создать „устойчивый стереотип“ Эгона Кренца как синонима преобразований. В партии очень сильные консервативные, сектантские силы. Поэтому цель – избежать на предстоящем пленуме ЦК нападок на Кренца как на „изменника“. Вместе с тем Кренцу надо завоевывать свой профиль. До назначения [на пост генерального секретаря] его у него не было. В последнее время нападки на Кренца ослабли. Большую роль сыграли его телефонаты с Горбачёвым и Колем. Но надо и дальше противодействовать нападкам. [Это следует делать по следующим направлениям:] 1) пример Китая показал, как нельзя пытаться решать внутренние проблемы; 2) Кренц предотвратил расправу с демонстрантами в Лейпциге (тогда положительную роль сыграл также [председатель комитета национальной обороны Народной палаты Вольфганг] Хергер); 3) нужна комиссия по расследованию обстоятельств выборов 7 мая. На пленуме ожидается основательное обновление партийного руководства. Мало кто из нынешнего состава способен говорить с массами – Шабовский, Модров и всё. Что касается молодёжной организации, то не всё ещё потеряно».

Во вторник 31 октября посол информировал нас о впечатлениях, которые сложились у него после беседы с Кренцем накануне. «Идёт формирование команды, – говорил он. – Пожилые члены политбюро ЦК СЕПГ обратились с просьбой освободить их от обязанностей. Развернулась сильная атака на Тиша. Возможно, ему придётся уйти. Вчера в Лейпциге демонстрировали 30–40 % приезжих (автомашины с номерами из других округов). Полицейских не было видно. Экстремистских лозунгов не наблюдалось (против Кренца лично ничего нет). Были требования ухода Маргот

Хонеккер³⁸. „Новый форум“ имеет ядро (правление) из 40 человек. Есть и подрывные, контрреволюционные силы. В целом форум насчитывает 40 тысяч членов. Налицо опасения друзей в связи с 4 ноября, на которое назначена демонстрация артистов, деятелей культуры в Берлине (на Плац-дер-Академи). Надо перехватывать инициативу и перенести демонстрацию на Александплац. В руководстве СЕПГ нет людей, которые могут говорить с народом. В провинции это могут делать только Лоренц³⁹, Эберляйн⁴⁰, Бёме⁴¹, Бергхофер в Дрездене. Растёт нажим на Вилли Штофа⁴². Кренц пока настроен сохранить его. Кренца беспокоят дела с экономикой. Снизить жизненный уровень на 20 % – это конец⁴³. Дело в том, что долго жили в кредит. Нужно обновление основного капитала, а денег нет. Ощущается и нехватка людей. ФРГ ведёт двуличную политику – [публикуются объявления типа] „Нужны булочки“. На обратном пути из Москвы Кренц остановится в Варшаве (на 6–7 часов)».

Вопрос о перенесении давно запланированного на 4 ноября организацией деятелей культуры ГДР «Культурбунд» митинга с маленькой площади у здания Государственной оперы на гораздо более вместительную Александплац возник в связи с тем, что желающих участвовать в нём оказалось неожиданно много. И действительно, этот митинг стал самым многочисленным за всю историю ГДР – собралось около миллиона человек.

Утром в среду 1 ноября ещё не было информации о результатах переговоров Кренца, и посол подробно остановился на программе пребывания лидера ГДР в СССР (беседа с Горбачёвым, официальный обед, пресс-конференция, возвращение в Берлин без заезда в Польшу – «в Варшаву он полетит отдельно»). Посол подчеркнул необходимость интенсифицировать деятельность посольства: «Нам надо работать быстрее, расширять контакты, [проявлять] ответственность и инициативу, смотреть [на проблемы] шире, [соблюдать] особый режим работы».

Кочемасов поделился также своими «мыслями вслух» относительно деталей проведения предстоящего государственного приёма в честь годовщины Октябрьской революции. Согласно моей записи, посол сказал: «Приём 6 ноября без стола президиума, без оркестра. Поставить пять квадратных столов». Он действительно был озабочен тем, чтобы наглядно продемонстрировать наступление новых времён. По традиции на нашем главном ежегодном приёме в Гербовом зале посольства выделялась особая площадка для членов политбюро ЦК СЕПГ, посещавшего это протокольное мероприятие в полном составе. Она отделялась от зала длинным столом, перекрывавшим остальным гостям прямой доступ к руководству ГДР. На сей раз посол ре-

³⁸ Маргот Хонеккер (1927–2016) – супруга Эриха Хонеккера, министр образования ГДР в 1963–1989 гг.

³⁹ Зигфрид Лоренц – член политбюро ЦК СЕПГ, первый секретарь окружкома в Карл-Марксштадте.

⁴⁰ Вернер Эберляйн – первый секретарь окружкома СЕПГ в Магдебурге.

⁴¹ Ханс-Йоахим Бёме – член политбюро ЦК СЕПГ, первый секретарь окружкома в Галле.

⁴² Вилли Штоф (1914–1999) – член политбюро ЦК СЕПГ (1953–1989), председатель Совета министров ГДР (1964–1973 и 1976–1989).

⁴³ В СМИ появились спекуляции на тему о том, что оздоровление экономики ГДР повлечёт за собой значительное снижение уровня жизни населения, при этом ссылались на мнение кандидата в члены политбюро ЦК СЕПГ, председателя Государственной плановой комиссии ГДР Герхарда Шюрера.

шил устранить для приглашённых на приём все барьеры для общения с высшим эшелонам власти республики, чтобы задокументировать наступление эры демократии. Приглашение центрального духового оркестра Группы советских войск в Германии (она только что была переименована в Западную группу войск) для музыкального сопровождения приёма также было давней традицией. Послу одно время казалось, что отсутствие оркестра подчеркнёт отсутствие у мероприятия «милитаристской ноты», что символизировало всю глубину происходящих перемен.

Днём **1 ноября** в посольстве состоялось давно запланированное заседание Смешанной комиссии СССР – ГДР⁴⁴. На нём должны были обсуждаться вопросы водопользования, военных перевозок по железной дороге, принципов передачи властям ГДР освобождаемых ЗГВ военных городков. Не самые «горячие» проблемы, но решать их всё равно надо было. Впрочем, окончательных решений по существу и на этом заседании найдено не было.

По мере нарастания остроты кризиса ГДР взаимоотношения между ЗГВ и населением ГДР постепенно приобретали всё большее политическое значение для обеих сторон. В целом их состояние не вызывало пока особого беспокойства. Основная масса восточных немцев воспринимала советских солдат как гостей и защитников. Серьёзную воспитательную работу в этом направлении проводило Общество германо-советской дружбы, в члены которого входило практически всё взрослое население республики. Аналогичную работу вели и политорганы ЗГВ, организовывавшие дискуссионные встречи и другие коллективные мероприятия с участием местного населения. Активная поддержка докладчиками из ЗГВ идей советской перестройки привела даже к тому, что руководство СЕПГ «посоветовало» ОГСД сократить контакты с группой.

В то же время соседство военных полигонов, аэродромов, танкодромов и казарм с городами и сёлами страны пребывания не обходилось без взаимных претензий, тем более что речь шла о такой густонаселённой территории, какой была Восточная Германия. В частности, жители населённых пунктов по соседству с военно-воздушными базами ЗГВ проявляли недовольство уровнем авиационного шума. Изредка имели место случаи «самовольной отлучки» военнослужащих, их проникновения в дачные постройки граждан ГДР, порча сельскохозяйственного инвентаря. Тематика взаимоотношений между Западной группой войск и населением республики стала понемногу выноситься на транспаранты уличных демонстраций, приобретая таким образом не только внутривнутриполитическое, но и внешнеполитическое звучание.

На правах гостеприимного хозяина заседание открыл Кочемасов. Он сказал: *«На повестке дня стоят важные вопросы. Задачей является укрепление обороноспособности и сотрудничества между вооружёнными силами наших стран. Здесь имеет значение политическая сторона проблематики. Комитет министров иностранных дел Организации Варшавского договора*

⁴⁴ Под этим интригующим названием скрывался двусторонний орган, задачей которого было в предварительном порядке рассматривать вопросы, возникавшие в связи с пребыванием советских войск на территории ГДР. Сопредседателями комиссии были посол СССР и статс-секретарь МИД ГДР Герберт Кроликовский; секретарями – советник-посланник посольства СССР и заведующий отделом СССР в МИД ГДР. В состав комиссии входили также представители главного командования ЗГВ и руководства министерства обороны ГДР.

на своём заседании в Варшаве высказался за постепенное придание ОВД большего политического характера. Мы в ГДР несём особую ответственность за обеспечение безопасности [в Европе]. Сейчас происходит сокращение войск и вооружений⁴⁵. Первый этап прошёл успешно. [Как всегда,] ЗГВ ощущала поддержку со стороны органов власти ГДР. Наступает второй, ещё более крупный этап сокращения».

Со своей стороны, Кроликовский заявил: «В нашей работе мы исходим из тех же предпосылок, что и вы. Комиссия должна работать эффективней. Нужно, чтобы люди понимали смысл нашей работы и не видели оснований для вмешательства в неё извне. Наша работа диктуется не улицей, но не надо давать ей повод выступать. Тематика работы комиссии будет затронута и во время [предстоящих] переговоров Кренц – Горбачёв. Противник пытается подорвать социализм в ГДР [путём] ослабления государства через расшатывание союза [Организации Варшавского договора]. Но демонстрации не добавляют хлеба или иных товаров. В нашей работе мы должны учитывать интересы населения ГДР, не допускать положения, которым мог бы воспользоваться Запад. Сейчас пропаганда ФРГ концентрируется на экономических проблемах ГДР. Следующий шаг в этой пропаганде – [утверждения о] невыгодности для ГДР экономических отношений с СССР. Затем, несомненно, наступит черёд и самого союза – [требование] выхода ГДР из него и вывода советских войск. Нужно учитывать это. Сейчас характер работы комиссии существенно изменился: нужно решать действительно важные вопросы».

В последовавшей рабочей дискуссии доминировали экологическая проблематика и финансовые вопросы. В области водопользования представители ГДР указывали на сохранявшееся загрязнение водоёмов, поверхностных и грунтовых вод вследствие протечек в бензохранилищах ЗГВ, проведения манёвров и т. д. Посол обещал, что наши военные «*дополнительно рассмотрят возможности улучшить постановку дела*». В отношении железнодорожных перевозок для нужд ЗГВ сотрудники министерств обороны и финансов ГДР жаловались на то, что вагоны, предоставляемые министерству путей сообщения СССР в аренду, находятся в ЗГВ значительно дольше нормативов для гражданского транспорта, причём соглашения о тарифах безнадежно устарели; в результате задолженность по простоям вагонов составила 6,5 миллиона марок, а тарифные выплаты не покрывают расходов. Стороны согласились создать специальную совместную рабочую группу для подготовки «*долгосрочного решения*». Не удалось сблизить позиции и по условиям передачи освобождаемых ЗГВ военных городков. Стороны по-разному толковали текст соглашения 1957 года о размещении советских войск на территории республики. Представители ГДР настаивали на том, что переданная на правах аренды недвижимость должна возвращаться в отремонтированном виде; ЗГВ не хотела брать на себя расходы по ремонту. Кроликовский подчеркнул, что когда городки стоят пустыми и «безхозными», то это невыгодно для всех – для ГДР, поскольку возникает ещё одна тема для дискуссий, «*а их у нас и без того предостаточно*», и для ЗГВ, потому что

⁴⁵ В марте 1989 г. президиум Верховного Совета СССР издал указ о сокращении численности Советской Армии на 500 тысяч человек. В порядке реализации указа из ГДР выводились две дивизии.

«растёт объём необходимого ремонта». Порешили поручить юристам с обеих сторон ещё раз постараться найти компромиссное решение. На этом заседание комиссии завершилось.

В ночь с **1 на 2 ноября** Совет министров ГДР отменил запрет на безвизовый выезд в социалистические страны, введённый накануне 40-летия республики. На следующий день границу с Чехословакией пересекли 8 тысяч граждан ГДР. Началось то, что на Западе поспешили назвать «исходом» и что послужило толчком к катастрофическому углублению экзистенциального кризиса республики.

Сообщение посла на совещании утром в **четверг 2 ноября** было целиком посвящено итогам встречи Кренца с Горбачёвым. Посол отметил: *«Тон беседы – деловой. Продлилась более трёх часов. С глазу на глаз Кренц говорил о своих концепциях преодоления кризиса и просил совета. Он настроен на самое широкое сотрудничество с СССР. Обсуждались вопросы экономики, новых импульсов, межгосударственных и межпартийных связей, в том числе оперативной связи на высшем уровне. Затрагивалась проблематика предстоящего пленума ЦК СЕПГ. Там может возникнуть необходимость открыто сказать об ошибках бывшего руководства. Тревожит состояние партии. Будут даны поручения подумать над укреплением связей. Мы высоко оцениваем итоги визита. В ГДР идёт сильный нажим снизу по важным вопросам и по персональным аспектам. На пленуме возможны потери. Хорошо, что Кренц побывал в Москве, отлично провёл пресс-конференцию. Важно, как это воспринято здесь, в ГДР, среди населения. Продолжаются попытки создать параллельные профсоюзы, наблюдаются возрождение темы воссоединения. Предстоит демонстрация 4 ноября на Александерплац. Друзья готовятся к ней. Ожидается самая крупная демонстрация в ГДР вообще. Будет выступить Шабовский. С 3 ноября в посольстве вводится особый режим работы: никто никуда не выезжает».*

Как сочетать запрет на внешние контакты с поручением тщательно изучать обстановку, посол объяснять не стал. Основным источником информации для нас становилось телевидение – как ГДР, так и главным образом ФРГ.

Совещания в пятницу 3 ноября не было: посол поддерживал постоянный контакт с доверенными лицами в аппарате ЦК СЕПГ. Всю полученную информацию о ходе проходившего в этот день заседания политбюро ЦК СЕПГ он немедленно лично передавал по телефону в ЦК КПСС. Утром в **субботу 4 ноября** он рассказал: *«Заседание политбюро ЦК СЕПГ продолжалось практически целый день. Согласован текст выступления Кренца по телевидению. Могут быть персональные изменения, они отложены до пленума ЦК СЕПГ и сессии Народной палаты. Если удастся быстро активизировать партию, то удастся остановить процесс обострения. Вероятно нарастание требований – Запад регулирует темп и воздействует на развитие обстановки. Имеются попытки провоцировать полицию – хотят добиться хотя бы одной жертвы от рук полицейских. У большого числа партийных работников преобладает подавленность, растерянность. Поведение*

Тиша⁴⁶ обострило положение на предприятиях. Профсоюзные организации пришли в движение. Увести людей с улицы не удаётся. Последствия административного нажима и догматического давления сказываются до сих пор. Инициатива деятелей искусства (демонстрация 4 ноября) подхвачена „Новым форумом“ и частично блоковыми партиями. Новые претензии Герлаха: на встрече дипкорпуса с Кренцем 3 ноября Герлах был в центре внимания дипломатов. Он сам считает себя человеком, без которого в республике ничего не возможно. Сегодняшняя демонстрация соберёт около миллиона участников. На митинге будет выступать Шабовский (плюс ещё 16 человек). Продлится не менее 3–4 часов. У оппозиции есть намерение организовать „цепочку“ от Карл-Маркс-алле до Бранденбургских ворот. Полиция будет блокировать. Бывшие граждане ГДР в Западном Берлине готовят „встречное движение“ к стене. 10-й пленум ЦК СЕПГ (8–10 ноября) не будет простым – там много сторонников прежнего режима. Задача – сохранить единство ЦК. Хонеккер звонил Кренцу, спрашивал: „Что происходит?“ Он ничего не понимает. Им полностью утрачен контакт с действительностью».

Было похоже, что контакт с действительностью не ладился не только у Хонеккера. Руководители ГДР так и не смогли полностью осознать крайнюю остроту ситуации. Митинг 4 ноября стал предвестником перелома в ситуации, после которого ничто в ГДР не могло оставаться прежним. На митинге выступили 27 ораторов – практически все, кто на тот момент обладал политическим весом. Наряду с оппозиционерами говорили и представители правящих и традиционных партий. Говорили Гюнтер Шабовский и Манфред Герлах. Выступил входивший в «прогорбачёвскую фракцию» Маркус Вольф⁴⁷ – всем известный организатор разведслужбы ГДР, сделавший её одной из самых эффективных в мире. Часть демонстрантов шумела, свистела, но ораторы смогли договорить до конца. Из числа восходящих политических звёзд получил слово адвокат Грегор Гизи, будущий руководитель Партии демократического социализма (реформированной СЕПГ).

Многие фразы из выступлений на митинге, который целиком транслировался по телевидению ГДР, разошлись на цитаты. «Сейчас будто кто-то открыл окно» (писатель Штефан Гейм). «Это общество отмечено печатью бюрократии, демагогии, слезки, злоупотребления властью и даже преступности» (писатель Кристоф Хайн). «Представьте себе – царит социализм, а никто не бежит» (писательница Криста Вольф). «Из Вандлица⁴⁸ мы сделаем дом для престарелых» (актриса Штефи Шпира).

Приём в посольстве в **понедельник 6 ноября** прошёл вполне благополучно. Народу было очень много. Пришли даже те, кого не приглашали. Вместо одного большого стола, отгораживавшего членов политбюро ЦК СЕПГ, было установлено несколько столов поменьше. Впрочем, нельзя сказать, что это повело к массовому наплыву желающих побеседовать с

⁴⁶ Гарри Тиш долгое время отказывался подавать в отставку.

⁴⁷ Маркус («Миша») Вольф (1923–2006) – начальник Главного управления разведки министерства государственной безопасности ГДР (1958–1986).

⁴⁸ В особо охраняемом лесном посёлке рядом с городком Вандлиц под Берлином располагались домики, в которых проживали члены политбюро и секретари ЦК СЕПГ с семьями.

лидерами республики, хотя их состав только что значительно обновился. 1 ноября в отставку ушли Гарри Тиш, а также первые секретари окружкомов СЕПГ Ганс Альбрехт (Зуль) и Герберт Цигенхан (Гера), председатели ХДС (ГДР) Геральд Гёттинг и НДПГ Хайнрих Хоман. На следующий день последовали отставки членов политбюро ЦК СЕПГ Германа Аксена (председатель комитета по иностранным делам Народной палаты), Курта Хагера (руководитель идеологической комиссии ЦК), Эриха Мильке (министр государственной безопасности), Эриха Мюккенбергера (председатель центральной партийной контрольной комиссии) и Альфреда Ноймана (первый заместитель председателя Совета министров).

Оркестр ЗГВ посол всё же пригласил, и бравурная музыка в его исполнении оглушала присутствующих, делая невозможным любой разговор в прилегающих помещениях. Запомнилось, что в праздничных поздравлениях коллективу посольства (это произошло дважды – до начала приёма и после его окончания) посол несколько раз повторил слова, сказанные Горбачёвым при отлёте из Берлина месяц назад: «Народ нам не простит, если мы потеряем ГДР». Видимо, Горбачёв вернулся к этой мысли во время телефонного разговора с послом утром 6 ноября – генеральный секретарь ЦК КПСС имел обыкновение по большим праздникам лично поздравлять советских послов в социалистических странах. Однако в словах посла не было победной твёрдости, они звучали скорее как мольба, обращённая к неумолимому року. До падения стены оставалось три дня.

В день приёма 6 ноября в печати ГДР для обсуждения в рамках открытой дискуссии был опубликован проект закона о поездках граждан республики, а также проект инструкции по его исполнению; населению предлагалось в период до 30 ноября сообщить в Совет министров ГДР своё мнение и возможные предложения по этим документам. Проекты предусматривали право всех жителей ГДР на поездки за границу и получение с этой целью загранпаспорта и выездной визы. Длительность поездок ограничивалась сроками, определяемыми решениями полицейских властей. Заявления на временный выезд надлежало подавать в паспортно-регистрационные отделы полицейских участков. В срочных случаях обработка документов занимала бы три дня; обычно же – 30 суток. Ходатайства о разрешении на выезд на постоянное место жительства должны были подаваться в отделы внутренних дел районных советов, которые обязывались принять решение в течение трёх, самое большее шести месяцев.

Опубликованные проекты вызвали взрыв негодования у участников уличных шествий. Состоявшаяся вечером этого дня в Лейпциге самая мощная «демонстрация по понедельникам» (в ней приняли участие около полутора миллиона человек) прошла под лозунгами полного отклонения предложенного урегулирования проблемы. Главными требованиями стали: «Закон о поездках без ограничений!» и «Покончить с монополией СЕПГ на власть!»

Несмотря на экстремистские настроения демонстрантов, даже предварительная публикация проекта нового закона сразу же дала позитивный эффект: немедленно резко сократилось количество нелегальных эмигрантов. 7 ноября печать ГДР обнародовала статистические данные, согласно которым число прибывших в первой половине предыдущего дня на баварский

КПП Ширндинг граждан республики составило лишь 60–70 человек, в то время как в предыдущие дни оно держалось на уровне 300 человек в час.

Во **вторник 7 ноября** (старшее поколение помнит, что в СССР это был первый день самого большого государственного праздника) меня пригласил на беседу заместитель министра иностранных дел ГДР Курт Нир, только что вернувшийся из США, которые он посетил для плановых консультаций с государственным департаментом. Он просил передать в Москву информацию об итогах своих переговоров в Вашингтоне, где с ним встречался заместитель госсекретаря США Лоуренс Иглбергер, который попросил Нира прокомментировать ситуацию в ГДР. Нир сообщил мне, что *«американцы были очень заинтересованы в разъяснениях по поводу изменений в руководстве ГДР. Не было попыток поучать, „советовать“.* Иглбергер заявил: *„Мы приветствуем изменения, а что делать дальше – это ваше дело. Для США важно, что реформы начались“.* Затрагивался также вопрос об отношениях ГДР – ФРГ и о дискуссии в ФРГ о „воссоединении“. Накануне приезда Нира госсекретарь США Джеймс Бейкер заявил, что речь идёт о „примирении на основе западных ценностей“. Нир поправил: *„Просто [идёт] нормализация отношений ГДР – ФРГ“.* Американцы не полемизировали. Их интересовало также, как оценивает ГДР позиции СССР и ФРГ по „воссоединению“. Нир ответил, что позиции ГДР и СССР совпадают, а в ФРГ много лицемерия и неонацизма. По поводу двусторонних отношений ГДР – США Иглбергер заметил, что *„США заинтересованы в политическом диалоге с ГДР и в его расширении: очень важно знать позиции друг друга; консультации следует проводить чаще, чем один раз в год“.* Вывод Нира: *«Значение ГДР для американской политики возросло – конечно, не из любви к ГДР. Сейчас США не заинтересованы в „воссоединении“: они не хотели бы подвергать риску свои отношения с СССР; объединённая Германия не была бы таким же послушным союзником США, как нынешняя ФРГ; в воздухе носится идея нейтрализации Германии; СССР не сможет отнестись безразлично [к ликвидации ГДР]; существует опасность, что процесс выйдет из-под контроля. В беседах с американцами ни разу не прозвучало слово „стена“. Хорошо бы побудить американцев воздействовать на ФРГ, чтобы та по мере возможности способствовала ослаблению „психоза выезда“ из республики⁴⁹».*

Помимо рассказа о своих переговорах в США (и Нидерландах, которые он также посетил) Нир затронул тему западной «берлинской инициативы», на которую надо было отвечать. Он сказал, что ГДР не возражает против четырёхсторонней ответственности за «Берлин в целом» при условии, что она не будет затрагивать суверенитет республики. Это была серьёзная подвижка в позиции ГДР, поскольку при Хонеккере четырёхсторонняя ответственность была причислена к «исчадиям ада»; считалось, что «если кому-то что-то надо от ГДР, пусть обращается непосредственно к ней». Параллельно Нир подчеркнул: *«Мы за стабильность. Всем, кто несёт ответственность за безопасность в Европе или считает, что несёт ответственность*

---

⁴⁹ Эмигранты из ГДР получали в ФРГ статус политических беженцев с большим набором льгот – от займов на специальных условиях до обеспечения жильём и гарантированного трудоустройства. Такое урегулирование являлось чрезвычайно эффективной формой вербовки.

за неё, следует помнить, что ГДР является не только реальностью, но и основой безопасности на континенте». Он упомянул и о проблеме закупок американскими военнослужащими дефицитных товаров в Восточном Берлине, сообщив, что ГДР собирается обратиться по этому вопросу к трём державам, и выразив надежду на поддержку СССР этого демарша.

Приблизительно в это же время министр иностранных дел ГДР Оскар Фишер пригласил к себе посла СССР для консультаций по вопросу о регламентации зарубежных поездок граждан республики⁵⁰. На спешно собранном утром в **среду 8 ноября** совещании старших дипломатов посол сообщил по данному поводу: «7 ноября был у Фишера; по этому же вопросу звонил Кренц. Дело в том, что чехи просят освободить их от канители с беженцами из ГДР⁵¹. В политбюро ЦК СЕПГ думают изложить часть закона о выезде на постоянное жительство так, чтобы выезд шёл через ГДР, а не через ЧССР (поставить КПП рядом с точкой схождения границ ГДР, ФРГ, ЧССР). Эту часть закона немедленно ввести в действие. Э. А. Шеварднадзе [посол сразу же позвонил ему] сказал: „Если друзья считают это возможным, то возражений с нашей стороны, наверное, не будет“. Однако он дал указание проработать вопрос. Ответ друзьям должен быть дан 9 ноября. Сегодня в 16.00 у здания ЦК СЕПГ проводится демонстрация членов партии Берлина под лозунгами: обновление руководства, наказание виновных, созыв партконференции⁵². 30 % членов ЦК СЕПГ старше 60 лет; нет ни одного моложе 40 лет».

На последовавшем экспертном обсуждении идеи руководства ГДР, которую мы окрестили между собой проектом «Дырка в границе», сложилось общее мнение, что нам не остаётся ничего иного, как воздержаться от возражений. В ситуации, когда обстановка в ГДР накалена донельзя, а главным требованием демонстрантов остаётся «свобода поездок», терять дальше время с пересмотром правил пересечения границы означало рисковать вызвать взрыв с непредсказуемыми последствиями. Открыть клапан снижения давления в котле представлялось единственно логичным шагом. Первым в этом духе высказался советник посольства В. М. Гринин, обоснованно пользовавшийся репутацией наиболее компетентного специалиста в германо-германских делах. Он подчеркнул, что предложенный Кренцем и Фишером план ведёт к фактическому открытию германо-германской границы и обращение руководства ГДР к нам «за советом» вызвано, скорее всего, намерением перестраховаться, «разделить ответственность на случай, если что-то пойдёт не так. Однако и с учётом этого обстоятельства отрицательный ответ с нашей стороны немыслим. Нам нечего предложить

⁵⁰ Этот эпизод может служить примером ненадёжности человеческой памяти как исторического инструмента. Я долго был убеждён, что лично присутствовал на ней: перед глазами стояла чёткая картинка служебного кабинета министра, в котором находились пятеро – сам Оскар Фишер, его помощник Манфред Никлас, посол, советник посольства В. М. Гринин и я. Однако в моём ежедневнике отсутствует запись об этом; нет соответствующей заметки и в записной книжке. Так что приходится признать, что сохранившаяся в памяти картинка относится к какой-то другой беседе в том же составе.

⁵¹ С субботы 4 ноября до понедельника 6 ноября через Чехословакию в ФРГ выехали 23 000 граждан ГДР. От КПП у Дрездена до баварского КПП Ширдинг дороги на севере ЧССР оказались забитыми «трабантами» и «вартбургам» с номерами ГДР, что вызвало недовольство местных жителей.

⁵² Требование созыва партконференции мотивировалось нежеланием ожидать съезда партии для того, чтобы начать реформы.

взамен. Да и не может входить в нашу компетенцию предлагать друзьям способы решения проблем, за возникновение которых они сами в значительной мере несут прямую ответственность». На этой основе и был составлен наш анализ проекта Кренца и Фишера, который мы направили в Москву. Эксперты МИД СССР пришли, естественно, к аналогичным выводам. Позитивный ответ на запрос руководства ГДР был предопределён – республика получала «карт-бланш» на обустройство «дырки в границе». Но усиливавшийся хаос на верхних этажах государственной власти ГДР привёл к тому, что развитие событий действительно пошло «не так».

Утром в **четверг 9 ноября** мир ещё был в относительном порядке. В своём сообщении на совещании посол уделил основное внимание работе открывшегося вчера трёхдневного пленума ЦК СЕПГ. Он сказал: «Процесс создания нового руководства СЕПГ, а также разработка концепций преодоления трудностей проходит трудно. Тактически заседание пленума 8 ноября было проведено правильно: выборы сначала. Состоялась констатация глубокого политического и экономического кризиса в ГДР. Накануне пленума каждый член ЦК получил информацию о беседе Горбачёва с Кренцем. Создана комиссия по подготовке итогового документа пленума – программы действий. Важна пресс-конференция Шабовского, проводимая ежедневно. Шабовский набирает силу на глазах. Партконференция нужна для обновления партии⁵³. Появились неприятные нюансы в СМИ – газеты блоковых партий и окружные газеты СЕПГ стали выступать с резкой критикой партии и её руководства. Абоимов И. П.⁵⁴ даст сегодня ответ по вопросу о „дыре в границе“ для беженцев из ГДР».

Одновременно с нашим утренним совещанием четверо полковников – по два от МВД и МГБ – собрались в здании министерства внутренних дел ГДР, расположенном на Беренштрассе в двух шагах от посольства, чтобы по поручению глав своих министерств подготовить текст проекта постановления правительства республики об изменении порядка выезда граждан ГДР на постоянное жительство в ФРГ. Узнали мы об этом совпадении значительно позже, как и о том, что в процессе работы полковники значительно отклонились от заданных им параметров урегулирования⁵⁵. Они включили в текст документа все категории выезжающих, а также всю границу между ГДР и ФРГ, причислив к ней по умолчанию и линию секторального разграничения в Берлине. Последний момент представлял собой неспровоцированное нарушение наших интересов в международно-правовой и внешнеполитической сфере. Особый четырёхсторонний статус Западного Берлина, сохранявшийся в течение всего периода германской двухгосударственности, имел ту бесспорную особенность, что режим пересечения линии секторального

⁵³ Кренц поддержал предложение о проведении партконференции с ограниченными полномочиями, чтобы не созывать внеочередного съезда СЕПГ, которого стали требовать члены партии.

⁵⁴ Заместитель министра иностранных дел СССР, куратор отношений с социалистическими странами Европы.

⁵⁵ На конференции историков в Берлине (1994 г.), посвящённой пятилетию «открытия» стены, один из вышеупомянутых полковников объяснил мне, что им показалось несправедливым урегулирование, при котором правом немедленно покинуть ГДР смогут пользоваться только выезжающие на ПМЖ, а те, кто собирается вернуться, такого права лишаются. Так что в определённой логике авторам проекта постановления правительства отказать нельзя. Но во всех остальных отношениях их инициатива оказалась медвежьей услугой.

разграничения в Берлине не мог определяться односторонними постановлениями правительства ГДР. Этот режим однозначно входил в сферу преимущественной советской компетенции (координатор – МИД СССР), при том что ответственность за определение и соблюдение режима германо-германской границы лежала в основном на ГДР (правда, и здесь затрагивались интересы Советского Союза, в первую очередь Западной группы войск, так как речь шла о линии соприкосновения НАТО и Варшавского договора).

Особый статус Берлина опирался на завершившие период Второй мировой войны соглашения между оккупировавшими Германию державами-победительницами. Его наличие было подтверждено Четырёхсторонним соглашением между СССР, США, Великобританией и Францией (1971 г.), в соответствии с которым три западных сектора Берлина оставались в юридическом отношении оккупированной территорией. Высшая власть на этой территории теоретически принадлежала военным комендантам трёх западных держав, составлявшим «Берлинскую союзническую комендатуру», регулярно заседавшую и формально утверждавшую решения западноберлинского Сената (в компетенцию комендатуры входил также отказ от реализации своих прав). В качестве четырёхсторонней рамочной конструкции сохранялась коллективная ответственность «Берлин в целом» (в более широком плане такая конструкция существовала и для «Германии в целом»). Западники поддерживали фикцию, будто комендант советского сектора (такового, правда, не было в природе после 1957 г., когда был подписан договор между СССР и ГДР о порядке размещения в республике советского воинского контингента) просто «опаздывает» на заседания комендатуры и в ожидании его прибытия начало работы откладывалось на четверть часа.

Во избежание внешнеполитических осложнений советская сторона поддерживалась от публичного опровержения использовавшейся западными державами интерпретации соглашения 1971 г. в том духе, что пограничники ГДР охраняли линию разграничения в Берлине «по поручению СССР», то есть четвёртой оккупационной державы (кстати, такое же объяснение давалось и охране войсками ГДР германо-германской границы). Права пограничников ГДР и в самом деле были ограничены в том смысле, что они не могли досматривать военнослужащих западных гарнизонов (в военной форме) и их официальные транспортные средства при посещении Восточного Берлина. Неукоснительно соблюдалось и предоставленное в 1945 г. войскам западных держав право свободно пользоваться шоссейными, железнодорожными и воздушными коридорами между соответствующими секторами в Берлине и центрами бывших оккупационных зон в Западной Германии.

Нельзя сказать, что власти ГДР были в восторге от установившегося на границах республики порядка, стесняющего свободу их действий. В частности, в партийных кругах распространённым явлением было недовольство ограничениями суверенитета республики. Но поскольку такие же ограничения применялись и в отношении ФРГ, недовольство удерживалось в рамках внутренней фронды и редко прорывалось наружу. МИД ГДР, в котором существовал специальный отдел Западного Берлина, был в курсе всех нюансов ситуации, и если бы его привлекли к разработке постановления правительства о пересмотре правил выезда (или хотя бы к экспертизе под-

готовленного текста), то наиболее грубых ошибок удалось бы избежать. Но о МИДе никто не вспомнил, и «ляпы» состоялись.

Ни посольство, ни Москва, ни сам ЦК СЕПГ не были предупреждены полковниками или их начальниками о том, что в законопроекте допущены «вольности». Похоже, что в спешке никто не удосужился внимательно изучить документ. При рассмотрении проекта на политбюро, собравшемся накоротке в перерыве между заседаниями пленума ЦК СЕПГ, и при его утверждении на самом пленуме на соответствующие вопросы был дан ответ: «С советскими товарищами согласовано». Однако советские товарищи не имели ни малейшего представления о подлинных масштабах и размахе нововведений. Нет оснований предполагать, что Москва или посольство заблокировали бы немедленное открытие Берлинской стены, если бы вовремя узнали о подобном намерении властей ГДР. Мы давно уже осознали весь пропагандистский ущерб, который существование стены наносило нашим усилиям добиться разрядки в отношениях с Западом. И, как подтвердило только что поступившее из Москвы сообщение Абоимова, у нас не было возражений против немедленной либерализации режима пересечения германо-германской границы.

Но будь советская сторона хотя бы вкратце поставлена в известность о деталях зачитанного на пленуме ЦК СЕПГ текста, наверняка последовала бы просьба к немецким друзьям немного повременить с изменением режима пересечения линии секторального разграничения в Берлине, чтобы дать СССР, несущему решающую долю ответственности за стабильность во всём берлинском регионе, пару дней для передачи властям трёх держав, а заодно и западноберлинскому Сенату информации о предстоящих тектонических сдвигах на линии соприкосновения двух миров.

Никто не мог сомневаться в том, что сразу же после того, как будет объявлено о возможности «прохода через стену», из Восточного Берлина в Западный, помимо потока посетителей, хлынет масса переселенцев из ГДР, которую придётся обеспечивать всем необходимым. Заранее предупредить об этом ответственных лиц в западноберлинском Сенате, а также власти трёх держав было бы не только жестом вежливости с нашей стороны, но и вкладом в укрепление отношений сотрудничества, которые стали развиваться в рамках советской стратегии строительства «общего европейского дома». Коллегиальная атмосфера в наших связях с западноберлинским руководством могла нам очень пригодиться и в дальнейшем: надежд на скорое преодоление кризиса в ГДР было маловато.

К тому же причины некоторой задержки открытия стены по сравнению с моментом либерализации условий пересечения германо-германской границы были бы, скорее всего, понятны для демонстрантов на улицах городов ГДР. Популярный у них лозунг «Долой стену!» они сами рассматривали преимущественно как краткую формулировку требования предоставить свободу выезда в ФРГ. Практически никто в ГДР не ожидал немедленного открытия контрольно-пропускных пунктов стены и не настаивал на этом – все понимали, что дни стены так или иначе сочтены, надолго «свободу поездок» она не переживёт и из-за пары недель идти на открытое столкновение с пограничниками в Берлине вряд ли стоит. В начале ноября берлинский

окружком СЕПГ и канцелярия западноберлинского Сената достигли в доверительном порядке предварительной договорённости об отмене контроля на КПП стены через полтора месяца, к Рождеству (то есть к 24 декабря 1989 г.). Отрывочные сведения о предстоящем «рождественском подарке» стали достоянием общественности, и это всех устраивало.

Однако при всей значительности огрехов, допущенных в проекте пересмотра режима работы погранслужбы ГДР, они, скорее всего, не стали бы причиной, подтолкнувшей внутривнутриполитическое развитие республики к началу периода её непосредственного заката, если бы не путаница со сроками вступления в действие правительственного постановления. Разработанный полковниками текст предусматривал, что новые правила приобретут законную силу в момент обнародования соответствующего правительственного указа, которое должно было состояться на следующий день, 10 ноября. Оставшиеся до публикации документа несколько часов предполагалось использовать для того, чтобы довести суть нововведений до сведения пограничных и таможенных служб ГДР, включая КПП стены, а также разослать всем, кому следует, изменённые служебные инструкции. Но ставший к этому моменту непреодолимым хаос в высшем эшелоне власти республики привёл к тому, что сведения о введении новых правил пересечения государственной границы были разглашены преждевременно, да ещё с искажением сроков их вступления в силу. В результате решение о либерализации пограничного режима стало достоянием гласности ещё до того, как о нём узнали те, кто должен был эти правила применять.

К концу своей ежевечерней пресс-конференции 9 ноября (было около 19.00 часов) Шабовский, отвечая на вопросы иностранных журналистов, заявил, что на будущее решено максимально сократить время, требующееся для оформления разрешений на выезд из ГДР. К этому он не совсем уверенно добавил, что постановление начинается действовать немедленно. Шабовский оказался совершенно неподготовленным к настойчивости, с которой представители западных СМИ добивались от него разъяснений по деталям нововведения. Кренц сунул ему одобренный пленумом документ в руки буквально за несколько минут до начала пресс-конференции, сказав, что это «настоящая бомба». Шабовский не присутствовал при обсуждении постановления на пленуме; у него не было времени внимательно изучить его; к тому же он не догадался перевернуть листок с текстом, а дата официальной публикации постановления, 10 ноября, была указана на обороте.

Пресс-конференция Шабовского транслировалась по телевидению ГДР в прямом эфире. Западногерманское ТВ немедленно подхватило сенсационное известие о введении «свободы выезда» и стало энергично призывать жителей Восточного Берлина безотлагательно воспользоваться новыми возможностями. Ближе к полуночи у КПП стены возникли скопления людей, требовавших от пограничников немедленного выполнения решения правительства ГДР. Во избежание серьёзных осложнений пограничная охрана открыла свободный проход в Западный Берлин. Жители Восточного Берлина и его пригородов впервые почти за 30 лет существования стены смогли беспрепятственно (и бесконтрольно) посетить другую половину города. Толпы народа «с той стороны» буквально захлестнули Западный Берлин, которому

так и не удалось заснуть до утра. «Немецкая ночь свидания» стала на следующий день главной новостью мировых СМИ.

В случайно сохранившемся блокноте, в котором я фиксировал поступавшие телефонные звонки, содержится сделанная ранним утром в **пятницу 10 ноября** запись: «Свирин В. В. – Что делается со стеной?» Заведующий отделом ПНР и ГДР Управления социалистических стран Европы МИД СССР интересовался, как следует понимать сообщения информационных агентств в том смысле, что «Берлинской стены больше нет». В нескольких словах я обрисовал ситуацию, после чего поступил следующий вопрос: «А с нами это было согласовано?» Мой ответ гласил, что во всяком случае с посольством согласования не было. После этого контакты с Москвой были перенесены на уровень И. П. Абоимов – посол. Знаю, что посол сразу же после звонка из Москвы связался по телефону с Фишером, но тот уклонился от ясного ответа.

Несмотря ни на что своё выступление на утреннем совещании **10 ноября** посол начал с информации о ходе пленума ЦК СЕПГ: *«Работа пленума проходит остро. От него ждут убедительных решений. Раздаётся критика в адрес Хонеккера, Миттага⁵⁶ и других его соратников. В адрес Кренца критики нет. Модров пошёл дальше в своих предложениях об экономической реформе, чем доклад ЦК. Однако события в первичных парт-организациях опережают события в ЦК. Крепнет поддержка идеи созыва партконференции. Кренц выступит на митинге сегодня в 17.30⁵⁷. Экономисты утверждают: либо надо снизить на 30 % жизненный уровень, либо идти на займы. Коль готов прямо из ПНР приехать в Берлин для переговоров об экономической помощи⁵⁸. Байль⁵⁹ говорит: „При нынешних условиях ГДР продержится до 1991 года, затем – банкротство“. Друзья намерены признать „Новый форум“ – мы (советская сторона) не будем драматизировать».*

Только потом посол перешёл к ночным событиям. Он начал с только что поступившего телефонного звонка заведующего отделом Западного Берлина в МИД ГДР Вальтера Мюллера, который *«сказал: „Мы просим понять, что решение о безвизовом выезде в Западный Берлин и ФРГ прошедшей ночью было вынужденным. Иначе были бы очень опасные последствия. Времени на консультации с советской стороной не было. Сегодня мы формируем и М. С. Горбачёва. Второй момент: мы просим воздействовать на западные державы для поддержания порядка у стены с западной стороны“⁶⁰. Дело обстояло так, – продолжал посол, – что после объявления*

⁵⁶ Гюнтер Миттаг – член политбюро, секретарь ЦК СЕПГ, курировавший экономику.

⁵⁷ Митинг и выступление Кренца на нём были отменены вследствие ночных событий.

⁵⁸ Во второй половине дня 9 ноября начался рассчитанный на пять дней официальный визит канцлера ФРГ Гельмута Коля в Польшу. 10 ноября он прервал визит и вылетел из Варшавы через Гамбург в Западный Берлин. Коль выступил на массовом митинге у Шёнебергской ратуши, в которой размещался западноберлинский сенат. Речи о его встрече с руководителями ГДР не было.

⁵⁹ Герхард Байль – министр внешней торговли ГДР.

⁶⁰ Новый порядок пересечения линии секторального разграничения касался лишь граждан ГДР, и западноберлинцы были очень недовольны тем, что для них всё осталось по-прежнему. Они взбирались на стену и грозились вторгнуться в Восточный Берлин без разрешения. Поскольку контакты с властями трёх держав в Западном Берлине входили в мои обязанности, мне пришлось созваниваться с посланниками соответствующих миссий там и уговаривать их воздействовать на местные власти.

Шабовского у КПП Инвалиденитрассе собралось несколько тысяч людей, которые вели себя очень агрессивно. Власти ГДР были вынуждены открыть выход в Западный Берлин „по упрощённой процедуре“. За ночь ушли 60 тысяч человек, вернулись 45 тысяч. С 8.00 введён обычный режим на КПП⁶¹. Ночью вводились войска (у Бранденбургских ворот)⁶²».

Вечером в этот же день посол созвал совещание старших дипломатов, которых он информировал о том, что Москва спокойно отреагировала на открытие КПП стены: *«Горбачёв направил устное послание Брандту⁶³ с нашей оценкой ситуации»*. Он также поручил послу *«передать для Кренца: „Всё сделано совершенно правильно. Так держать – энергично и уверенно“*. Кренц сказал на это: *„Надо жить, наконец, в цивилизованном мире“*». Посол сообщил также, что Шеварднадзе, с которым он долго разговаривал по телефону, сослался на какие-то сведения о том, что *«военные что-то шевелятся, и распорядился: „Никаких действий не предпринимать!“*» В соответствии с этим указанием посол призвал командование Западной группы войск *«замереть и уйти в себя»*⁶⁴. Ссылаясь на беседу с министром, посол упомянул о том, что *«Тэтчер ругала Миттерана за поддержку воссоединения Германии; она будет сокращать британские войска в Западном Берлине и ФРГ, если будет что не так»*; она также звонила Колю и советовала ему встретиться с Кренцем.

В воскресенье 12 ноября к Кочемасову срочно запросился посол США в Бонне Вернон Уолтерс. Контакты с послами трёх западных держав в ФРГ посол СССР в ГДР поддерживал исключительно по проблематике, затрагивавшей «Берлин и Германию в целом» – такова была традиция, восходившая к тем временам, когда не было ни посла СССР в ФРГ, ни послов трёх держав в ГДР. Удивительным было то, что американец не стал дожидаться понедельника, чтобы встретиться с советским дипломатом. «Уикэнд» неприкасаем для западников по определению, но тут Уолтерс примчался в Восточный Берлин без всяких предварительных договорённостей. Единственно возможным объяснением было: Вашингтон и его союзники занервничали. Согласно моим записям (я присутствовал на беседе), Уолтерс сказал Кочемасову: *«[Произошли] важные события. Джордж Буш получил послание от М. С. Горбачёва. Мы разделяем вашу озабоченность. Мы заинтересованы в спокойствии у Бранденбургских ворот, на Потсдамской площади [невралгические точки стены]. Я сам был дважды у Бранденбургских ворот. [Западной стороной приняты] меры предосторожности: за-*

⁶¹ Это было не совсем точно: контроль на КПП стены был полностью восстановлен лишь к утру понедельника 13 ноября.

⁶² Посол имел в виду Национальную народную армию ГДР. Как выяснилось позже, в ночь с 9 на 10 ноября военные верхи ГДР действительно обсуждали возможность усиления группировки войск у Бранденбургских ворот, но затем отказались от этой идеи. Видимо, посол недопонял своих немецких собеседников (или перевод был недостаточно точным).

⁶³ Суть послания Горбачёва Брандту состояла в пожелании, чтобы ФРГ не использовала возникшую ситуацию для дестабилизации ГДР. Аналогичное устное послание было направлено и канцлеру.

⁶⁴ Явное недоразумение: в Москве ошибочно решили, что ставшая там известной утренняя ремарка посла о войсках у Бранденбургских ворот относилась к ЗГВ.

падноберлинская полиция отгородила стену⁶⁵. Мы не ожидаем инцидентов. Никто [в них] не заинтересован. [Ситуация] такой и останется до встречи Буш – Горбачёв⁶⁶. Идёт подготовка к этой встрече. [Обычно] с американским президентом [приезжают] около тысячи человек, но на этот раз будет меньше. Повестки дня не будет – важно познакомиться. США не собираются наносить ущерб СССР. Зажиточные страны не ищут авантюры. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы все были зажиточными. США ничего не имеют против Общеввропейского дома. Н. С. Хрущёв открыл двери к [нашему] знакомству друг с другом, М. С. Горбачёв широко распахнул их. Есть вопросы, по которым мы не можем достичь согласия, но это не значит, что мы враги. По тем вопросам, по которым можно, мы должны договориться. Сейчас препятствий значительно меньше. Наиболее старая проблема между нами – [взаимное] недоверие. Буш и Бейкер приветствовали соответствующее Заключительному акту Хельсинки решение ГДР [открыть границы]. США всегда поддерживали идею свободного передвижения в Берлине. Мы надеемся, что эта цель будет вскоре реализована. Я был на мосту Глинике [между Западным Берлином и Потсдамом] – там „выпускается пар“. Основная масса будет возвращаться. Вопрос состоит в [проведении] реформ в ГДР. Мы рады, что Горбачёв [выступает] в поддержку демократизации в ГДР. Мы хотели бы, чтобы отношения между обоими германскими государствами развивались мирно. Послы трёх держав встретились с Момпером вчера вечером. Мы рады, что немецкие власти с обеих сторон тесно сотрудничают. [Была выражена] благодарность начальнику полиции столицы ГДР. Мы положительно реагируем на все обращения советской стороны. Ввиду напряжённости у Бранденбургских ворот, может быть, устроить там [дополнительный] КПП? Эмоции надо учитывать – с западной стороны у ворот собираются 5–6 тысяч человек. [В том, что касается] „берлинской инициативы“, важно обсудить те вопросы, которые [нами] выдвинуты. Может быть, советская сторона пересмотрит своё [сдержанное] отношение? Дело как будто движется в этом направлении. Наибольшие трудности представляет проблема воздушного сообщения [с Берлином]. Мы очень заинтересованы в начале подготовительных переговоров».

Кочемасов только один раз прервал нескончаемый монолог посла США. Он отметил: «Мы стоим перед новым этапом развития в Европе. Это требует ответственности от всех, прежде всего от политиков ФРГ. СССР и США несут определённую ответственность за этот регион». Уолтерс ответил: «Бонн понимает, что развитие возможно лишь при согласии со стороны США. Это понимают и Коль, и Геншер. Возможно, будут речи

⁶⁵ 11 октября на наиболее опасных участках (у Бранденбургских ворот и на Потсдамской площади) западноберлинская полиция выставила перед стеной свои служебные микроавтобусы бампер к бамперу, вытеснив карабкавшихся наверх людей за пределы ограждения. Это произошло после моего обращения по просьбе МИД ГДР к американскому посланнику в Западном Берлине Гарри Гилмору 10 ноября (США председательствовали в октябре в «союзной комендатуре»). Перед акцией с автобусами Гилмор задал вопрос, не встретится ли против неё возражений со стороны ГДР? (Стена находилась на некотором расстоянии от линии секторального разграничения вглубь территории Восточного Берлина, и ранее ГДР и СССР протестовали против любых попыток подойти к ней вплотную.) Я взял на себя смелость сразу же ответить, что возражений не будет.

⁶⁶ Имелась в виду предстоявшая в начале декабря 1989 года встреча обоих лидеров на о. Мальта.

и иного содержания, но их не следует принимать всерьёз. Мы несколько озадачены вашим беспокойством по поводу нескольких хулиганов [у стены]. В целом-то народ счастлив. Момпер – серьёзный человек. Западные державы обратились к сенату вечером, уже в 5 часов. [Но его реакция была быстрой]. Вчера ещё были возможны осложнения, с сегодняшнего дня вряд ли. Главное средство успокоения – обещание свободных выборов. Его Кренц уже дал. Мы заинтересованы в поддержании самого тесного контакта с вами».

На совещании в **понедельник 13 ноября** посол рассказал о состоявшихся 11 ноября телефонных контактах Горбачёва с Колем и Шеварднадзе с Геншером. По словам посла, Горбачёв подчеркнул: *«Перемены требуют, чтобы сохранялась стабильность – все стороны должны вести себя разумно. Развитие в ГДР интересует ФРГ и СССР больше, чем других, в силу исторических и иных причин. Происходит исторический поворот к новому миру. Нельзя срывать этот процесс подталкиванием развития к хаосу».* Шеварднадзе вторил: *«Надо избегать подстрекательских призывов и действий, которые могут дестабилизировать обстановку не только в одной стране, но и в Европе в целом. Особенно важна стабильность в ГДР. К сожалению, в речи Коля 10 ноября в Западном Берлине были неприемлемые моменты».* Посол констатировал: *«Московское резюме обстановки – политический выигрыш для ГДР, хотя есть разговоры о „распродаже республики“. Обстановка нормализуется. Шеварднадзе считает: при правильной политике ГДР в гуманитарных вопросах наибольшие трудности возникнут для ФРГ и Западного Берлина»*⁶⁷.

На состоявшейся в этот же день сессии Народной палаты председателем Совета министров ГДР был избран быстро набиравший популярность Ханс Модров. (На момент ночного открытия КПП стены республика переживала правительственный кризис: Совет министров во главе с Вилли Штофом подал в отставку 7 ноября.) К сожалению, Модрову, несмотря на все его титанические усилия, не суждено было переломить ход событий, и бег к краю пропасти продолжился. Одновременно парламент республики официально упразднил запретные зоны вдоль Берлинской стены, а также по границе ГДР с ФРГ и в территориальных водах ГДР. С открытием границ начался государственный демонтаж республики. Власть оказалась вынужденной действовать под диктовку улицы, певшей с чужого голоса. Следующими мишенями стали закреплённая в Конституции ГДР руководящая роль СЕПГ и функционирование министерства государственной безопасности ГДР.

Тогда же, **13 ноября**, меня пригласил заместитель министра иностранных дел ГДР Бернхард Нойгебауэр для обсуждения последних советских инициатив в ООН. Относительно политической ситуации в ГДР он заметил: *«Предложение Бара»⁶⁸ о срочном созыве четырёхсторонней конференции по германским делам имеет целью продемонстрировать наличие ответ-*

⁶⁷ В Западном Берлине действительно возникли трудности с размещением хлынувшего из ГДР потока переселенцев, их переправкой в ФРГ и выплатой им «приветственного пособия», однако эти трудности не шли ни в какое сравнение с углубляющимся кризисом в ГДР.

⁶⁸ Эгон Бар (1922–2015) видный политик СДПГ, соратник Вилли Брандта, инициатор «новой восточной политики» ФРГ.

ственности и прав четырёх держав, чтобы предотвратить выход событий в ГДР из-под контроля. В этом есть разумное зерно. Западный Берлин всегда был ядром, прикованным к ногам ГДР, но в нынешней обстановке он даёт возможность использовать влияние США: – Западный Берлин – единственная точка, где это влияние оказывается непосредственно. Это стало особенно заметно 11–12 ноября у Бранденбургских ворот и на Потсдамской площади, где они принудили западноберлинскую полицию принять меры. Разумеется, долгосрочная цель США – ослабление социализма, ликвидация ГДР. Но сейчас и, видимо, на ближайшие 10–15 лет они не заинтересованы в ускорении [кризисных явлений], дестабилизации [ситуации в ГДР]. А это много. Это время нам очень нужно. Конечно, нам не следует сидеть сложа руки. Нам нужно добиваться такого строя в ГДР, который люди стали бы поддерживать. Но можно использовать США и их положение в Западном Берлине».

Видимо, такой же оценки придерживалось всё руководство МИД ГДР. К вечеру мне позвонил Нир. Я записал его слова: «Мы высоко оценили позицию США и их представителей в Западном Берлине в тревожные моменты 11–12 ноября. Кроме того, заявления Джеймса Бейкера настолько взвешены и позитивны, что делают честь администрации Джорджа Буша. Надо бы суметь использовать этот факт в интересах сдерживания ФРГ и укрепления положения ГДР. Коль совсем с ума сошёл – думает, что может себе всё позволить».

Во вторник 14 ноября присутствовавший на сессии Народной палаты посол поделился своими впечатлениями от этого события: «Проявились претензии блоксовых партий на участие во власти, особенно выделялась ЛДПГ. Налицо новое качество парламента: 33 выступавших (записались в прения 68 человек). Тексты не успевших выступить будут приложены к стенограмме. Блоксовые партии подготовились лучше, чем товарищи из СЕПГ. Неудачны ответы по финансовым вопросам. Основное направление критики – руководящая роль СЕПГ, то есть статья 1 конституции. Выдвинуто требование создания коалиционного правительства. Автор этого тезиса – Модров. Он же высказался за то, чтобы деятельность правительства диктовалась не партией, а только парламентом, перед которым оно лишь и ответственно. На пленуме ЦК СЕПГ Модров говорил: „Партия должна заниматься своими делами, а за положение в стране будет отвечать правительство“. Почти все выступали за свободные выборы. Но это означало бы потерю СЕПГ власти! Поэтому кое-кто требовал тщательной подготовки к выборам. Были нотки о воссоединении Германии – Кренц чётко отклонил этот тезис. Вчерашний митинг в Лейпциге – впервые произошло расширение места [занимаемого] тезисом о воссоединении. В этом же направлении действуют и поездки в ФРГ и Западный Берлин. Проблема задолженности (внутренней и внешней) также обсуждалась на сессии. Министр финансов в общем справился с вопросами. Шюрер выступил тоже правильно. Он ничего не сказал, но звучало убедительно. Штоф говорил, что правительство было связано диктатом Хонеккера и Миттага. Получилось не очень убедительно, приняли его не очень хорошо. Был поднят вопрос о госбезопасности: какие же функции МГБ выполняет? Мильке вы-

ступил в общем с правильных позиций („Мы – часть народа, мы его защищаем“), но возраст берёт своё. Решено создание временного комитета по расследованию деятельности бывших руководящих деятелей, нанёсших ущерб государству. Выдвигались требования, чтобы Хонеккер и Миттаг явились на заседание Народной палаты 17–18 ноября. Выборы Модрова прошли под бурные аплодисменты. Начался новый этап функционирования политической системы ГДР, прежде всего Народной палаты. Возникла совершенно другая ситуация. Друзьям предстоит разработать концепцию к чрезвычайному съезду СЕПГ 15–17 декабря. Очень важна подготовка к съезду. Партия бурлит, её надо сплотить на основе единой платформы. Нам надо заново трезво оценить ситуацию. Процесс демократизации в ГДР неизбежен. Консультации КПСС – СЕПГ будут продолжены. Пока нигде не звучат антисоветские лозунги. Но надо за этим следить».

Тогда же, **14 ноября**, британский посланник в Западном Берлине Майкл Бёртон подтвердил мне, что с учётом осложняющейся обстановки в ГДР западные державы хотели бы как можно скорее создать инструмент четырёхсторонних консультаций. Он подчеркнул: «Когда мы затевали „берлинскую инициативу“, то исходили из следующего – можно начать переговоры с одной повесткой дня, а закончить совсем с другой (как это было на четырёхсторонних переговорах по Берлину⁶⁹). К сожалению, сейчас, видимо, время упущено. ФРГ (и, надо полагать, ГДР) будут сильно возражать против четырёхсторонних переговоров, потому что всем будет совершенно ясно, что четыре державы договариваются о том, как помешать воссоединению Германии. В то же время западные державы сохраняют интерес к переговорам с СССР, так как они ожидают чрезвычайно энергичного напора ФРГ по вопросу о подключении „Люфтганзы“ к воздушному сообщению с ГДР и Западным Берлином».

Упоминание Бёртоном главного воздушного перевозчика ФРГ «Люфтганзы» носило несколько искусственный характер (очевидно, ему хотелось подогреть интерес «Аэрофлота» к подключению к экономически выгодному маршруту ФРГ – Западный Берлин). Но от давления со стороны «Люфтганзы» предостерегал и американский посланник в Западном Берлине Гарри Гилмор, который говорил мне в **среду 15 ноября**: «Своеобразие ситуации заключается в том, что почти всё содержание „берлинской инициативы“ исчерпано в результате последних событий в ГДР: контакты, конференции, спорт – нигде не требуется особого содействия со стороны четырёх держав. Остаётся воздушное сообщение. Здесь также ситуация изменилась – Бонн сообщил, что „Люфтганза“ и „Интерфлюг“ [ГДР] практически договорились между собой о полётах „Люфтганзы“ в Тегель по [дополнительному] „четвёртому“ коридору. Федеральное правительство предполагает после достижения окончательной договорённости вести дело так: Бонн обращается [за одобрением] к трём державам, Берлин – к СССР. Партнёры немцев не могут сказать „нет“, и дело закончено. США, Англия и Франция считают, что с началом полётов „Люфтганзы“ на Берлин не нужно торопиться. Такие действия могут иметь значение „непра-

⁶⁹ Имелись в виду переговоры, увенчавшиеся заключением Четырёхстороннего соглашения от 4 сентября 1971 года по (Западному) Берлину.

вильных сигналов“, ускоряющих дестабилизацию, когда нам нужно ей противодействовать. Однако влияние ФРГ в Вашингтоне настолько велико, что замыслы „Люфтганзы“ имеют все шансы на реализацию. Западники надеются на скорый положительный ответ советской стороны по поводу предварительных переговоров (формулу всегда можно быстро согласовать – тогда есть шансы „припереть Бонн к стенке“, поскольку он в своё время дал согласие на „берлинскую инициативу“). Несмотря на нюансы, все три западные державы едины в том, чего необходимо избежать – выхода ситуации из-под контроля. Они приветствуют встречу Уолтерса с Кочемасовым 12 ноября и видят в четырёхсторонних переговорах (независимо от повестки дня и вероятных результатов) один из способов „притормозить“ развитие. Другой способ – расширить двусторонние отношения с ГДР».

Заявление посла утром **15 ноября** было чрезвычайно лаконичным: «Ведутся переговоры по формированию правительства – коалиционного правительства».

Днём позвонил Штайнхофер и сообщил, что «в Мерзебурге неформалы и церковники собрали 11 тысяч подписей под призывом к Горбачёву убрать расположенный рядом с городом военный аэродром. Они собираются передать обращение с подписями в посольство. Это первый ставший известным случай [такого рода]». До передачи обращения посольству дело не дошло, но симптом был не из приятных.

Тогда же у меня состоялась обстоятельная беседа с обычно хорошо информированным К. Шаблевским из руководства АДН (информационного агентства ГДР). Он отметил: «Обстановка вызывает озабоченность. СЕПГ не овладела положением, продолжает плестись в хвосте событий. Эффект от [введения] свободного выезда партией не использован. Неизбрание Герлаха [председателем Народной палаты]⁷⁰ означает смертный приговор ей, делает неизбежными скорые [парламентские] выборы. На них СЕПГ получит 15–20%. „Новый форум“ не успеет превратиться в партию, и его голоса уйдут к ХДС и СДПГ. У либералов никогда не было широкой базы. Самая большая опасность состоит в появлении политических образований типа „республиканцев“. На горизонте всё чётче различимы националистические лозунги. Лейпциг – только начало. Всё больше тех, кто видит в воссоединении рецепт для решения всех проблем. [Тем более что] оздоровить экономику без ФРГ невозможно. Происходит быстрое, почти стихийное возникновение новых общегерманских структур. Мы можем проснуться однажды и увидеть объединённую Германию. С новой Народной палатой это будет вполне возможно. Как остановить или замедлить [этот процесс]? [Ответ:] союзники. [Солидарность четырёх надо] демонстрировать в Берлине – воссоединение начнётся оттуда. Использовать любой повод, чтобы документировать наличие четырёхсторонних прав и обязанностей, в чём бы они ни заключались. [Это позволило бы] повлиять на психику осторожных немцев. На демонстрациях [в ГДР] нет большие призывов и лозунгов „Горби, Горби!“ [или ссылок на] реформы в ПНР и ВНР. Они [демонстран-

⁷⁰ Кандидатуру Герлаха не поддержала СЕПГ, вместо него председателем Народной палаты был избран глава ДКПГ Гюнтер Малойда.

ты] уже обогнали эти страны и приближаются к ФРГ. Это тоже один из показателей подспудного национализма».

На следующий день, в **четверг 16 ноября**, посол был немного более словоохотлив: «Идут консультации по созданию правительства. Имеется намерение сократить количество министерств и их численность. Растут претензии блоковых партий. Сессия Народной палаты 17–18 ноября не будет простой. Либералы хотят навязать дискуссию об ответственности бывшего руководства. Усиливаются спекуляции вокруг „воссоединения Германии“, навязываемые из ФРГ. Проявляется беспокойство в западных странах, у поляков и чехословаков. Тревожит возможный ущерб для ГДР от поездов её граждан в ФРГ – друзья ищут способы решения возникающих проблем⁷¹. Следует предотвратить раскол партии».

Главным событием **пятницы 17 ноября** стало правительственное заявление Ханса Модрова, впервые за всю историю ГДР не согласованное предварительно ни с ЦК СЕПП, ни (в его внешнеполитической части) с ЦК КПСС. Посол провёл оба дня сессии Народной палаты во Дворце республики, затем встречался с новым руководством ГДР, и поэтому его оценки заявления Модрова «по горячим следам» не сохранились. Утренние совещания возобновились только через пять дней. Что касается самого правительственного заявления, то Модров, как и ожидалось, провозгласил курс на глубокие реформы в политической системе, экономике, образовании и административном аппарате республики. Он подчеркнул, что целью преобразований является «новое социалистическое общество, в котором граждане смогут реализовать свои надежды и самоопределение». Но нас интересовала прежде всего международная сфера, точнее – как будут развиваться отношения ГДР и ФРГ. Именно этой проблематике было уделено основное внимание во внешнеполитическом разделе заявления. Модров предложил, чтобы в целях «квалифицированного добрососедства» и «кооперационного сосуществования» оба германских государства расширили своё «сообщество ответственности» до масштабов «договорного сообщества», выходящего далеко за пределы заключённых до сих пор между ними договоров. Использованная Модровым непривычная терминология позволяла проявлять максимальную гибкость в практической политике. В этом смысле он следовал примеру Хонеккера и Коля, которые изобрели термин «сообщество ответственности» для обозначения намерения обоих германских государств способствовать поддержанию мира, несмотря на участие в противостоящих военно-политических блоках. Вводимое Модровом понятие «договорного сообщества» было применимо практически к любой форме сближения ГДР и ФРГ – от сохранения полной самостоятельности до образования конфедерации или федерации. При этом сознательно обходилось преждевременное уточнение содержания предлагаемого типа отношений. Модров предчувствовал, что

⁷¹ Посол имел в виду то обстоятельство, что выезжающие в ФРГ граждане ГДР имели право на обмен определённой суммы марок ГДР на марки ФРГ по официальному курсу, во много раз превышающему курс в обменниках ФРГ и Западного Берлина (при хроническом «валютном голоде» в республике). При этом постоянно росло число выезжающих на ПМЖ в ФРГ. По данным СМИ ГДР на середину ноября, общее число переселенцев в ФРГ с января 1989 года достигло 275 тысяч человек; после 9 ноября число посетителей ФРГ и Западного Берлина превысило 5 миллионов человек, из которых 42 тысячи не вернулись в ГДР.

формулировка «договорное сообщество» вызовет резко отрицательную реакцию в СССР именно в силу своей размытости, и заранее категорически выступил против её истолкования в духе спекуляций на тему о воссоединении. Это не помогло – ему негласно дали понять (в том числе и через посла), что подобные «вольности» не могут быть одобрены Москвой. Пренебречь мнением советских товарищей Модров не мог, поскольку был убеждён в том, что единственный шанс уцелеть состоит для ГДР в теснейшем взаимодействии с СССР. В результате заторможенной реакции Кремля оказалась сорванной попытка руководства ГДР задать, пока не стало слишком поздно, конструктивный тон решению ставшего главным для восточных немцев «германского вопроса».

Во **вторник 21 ноября** посол рассказал о состоявшейся накануне встрече только что избранного кандидатом в члены политбюро ЦК СЕПГ Виллердинга с послами социалистических стран в Берлине, в ходе которой тот рассказал о ситуации в ГДР. По словам посла, *«отмечался недостаток опыта многих новых руководителей всех степеней в области политической борьбы и отстаивания своих позиций. Начались выходы людей из партии. Количество выходов пока ещё небольшое, но надо этим делом заниматься. (Представители „Нового форума“ были и в посольстве СССР: они предлагают проект конференции об экономической реформе в странах Восточной Европы.) Выборы в Народную палату не должны совпасть по срокам с выборами в бундестаг. СЕПГ стремится к выборам в начале 1991 года, но пока не хочет фиксировать дату выборов. Следует уточнить термин „свободные выборы“»*. В связи с очевидной непопулярностью Кренца посол добавил: *«Нам надо следить за поведением СМИ ГДР. Нужна осмотрительная со стороны немецких товарищей. На митингах и демонстрациях удар наносится по высшему эшелону партии. В руководстве СЕПГ могут появиться люди для нас неизвестные и поэтому непредсказуемые. Такое развитие надо предотвратить. Необходимо активизироваться на уровне округов – [использовать] партнёрские связи между предприятиями. Надо вновь вернуться к этому вопросу с учётом изменившейся позиции друзей. Побольше инициативы! Не нужно ждать указаний. Модров настроен по-боевому: „Будем бороться, возможности есть, концепции разработаны“. Число участников демонстраций не растёт, но их лозунги радикализируются»*.

Западники продолжали бить тревогу и настаивать на какой-либо совместной с ними акции. Во **вторник 22 ноября** я встретился с руководством западноберлинского филиала Аспенского института (США) в связи с организуемой им 27–28 ноября сессией по теме «Перспективы будущего обоих германских государств в рамках европейского мирного порядка». Директор филиала Дэвид Андерсон поделился некоторыми оценками *«личного характера»* в отношении складывающейся ситуации. Он считал желательным *«подкрепить четырёхсторонний статус Западного Берлина „европейским статусом“; разместив в городе учреждения СБСЕ, проводя здесь переговоры, переместив сюда органы экономического сотрудничества между Востоком и Западом»*. Он продолжал: *„Как подчеркнул Момпер, положение города как раз посредине континента создаёт настрой на*

посредничество. Если говорить откровенно, то вопрос об американских войсках в ФРГ (и, таким образом, в Западном Берлине) и связанные с ним гарантии американского присутствия на европейском континенте оказываются в подвешенном состоянии: советские войска сокращаются, сенат США настроен решительно [последовать этому примеру]. Поэтому надо вовремя закрепиться в Западном Берлине, где существует и сохраняется четырёхсторонняя ответственность. „Европеизация“ не затронет этот статус. Укреплению четырёхстороннего статуса способствовало бы решение проблемы воздушного сообщения Западного Берлина с внешним миром при учёте интересов всех сторон. Для этого можно было бы созвать в филиале Аспенского института под маркой закрытого международного симпозиума, какие им нередко проводятся, совещание компетентных представителей четырёх держав, ГДР, ФРГ и Западного Берлина для практического изучения всех мыслимых вариантов. Единственное условие – никто не будет использовать это совещание в качестве предлога для изменения статуса. В целях „прикрытия“ было бы неплохо начать предварительные переговоры представителей четырёх держав на уровне политсоветников, которые были предложены тремя державами полгода назад. На этих четырёхсторонних переговорах можно было бы дать „благословение“ решению, достигнутому на неофициальных переговорах». Запись сказанного американцем сопровождалась следующим замечанием с моей стороны: «Андерсон проявлял сильное беспокойство по поводу дальнейшей судьбы Западного Берлина и позиций США в этом городе в связи с событиями в ГДР».

Непосредственно за этой записью в моей записной книжке следует информация, источник которой не указывается (вероятно, её передал кто-то из руководства Аспена): «Председатель правления „Люфтганзы“ Рунау заявил претензии своей компании на полёты на Берлин в связи с открытием границ ГДР. 17 ноября он заявил ДПА [информационное агентство ФРГ], что 45 лет спустя после окончания войны непонятно, почему полёты в Берлин недоступны для западногерманской авиакомпания, причём Берлин – это больше, чем только западная часть города. „Необходимо открыть аэродромы Тегель и Шёнефельд и не только для Люфтганзы. Раз можно пройти через стену, должно быть возможным пролететь и через воздушное пространство. Для нас важно летать в Берлин. Где именно в Берлине будут приземляться наши самолёты, имеет второстепенное значение для нас. Проекты нового большого аэродрома требуют много времени. Люфтганза не может ждать так долго“. Следует начать откровенный разговор о том, как сделать из устаревших установлений оккупационного периода „разумное соглашение о воздушном сообщении“ с Западным Берлином».

В четверг 23 ноября посол признал: «Ситуация сложная. Основным противником СЕПГ будет, видимо, СДП, которая быстро наращивает своё влияние, особенно в южных округах. Перед съездом СЕПГ начались партийные конференции (делегаты избираются от районных и городских конференций). Более 30 кандидатов на одно место. В результате избираются люди малозначащие и демагоги. Молодые кадры ведут себя нехорошо. Неясно, кто будет избран на съезд. Протаскивается тезис о ликвидации парторганизаций на предприятиях. Это удар по СЕПГ, которая одна

располагает такими организациями. Надо проанализировать выход СМИ из-под контроля партии. СМИ раздувают недоверие к руководителям. Сегодня Совет министров ГДР решает вопросы о неотложных мерах по защите экономики республики. Ежедневно в ГДР приезжают 750 тысяч поляков⁷²».

В этот же день ко мне приходил директор Центрального дома ОГСД Лео Волерт, который несколько более оптимистично оценил складывающуюся ситуацию. Он отнюдь не считал положение безнадежным. Существо прогнозов Волерта сводилось к следующему: «Число членов ОГСД сократится до 1 миллиона человек (с 6,5 миллиона), но общество продолжит активно работать. Численность СЕПГ сократится на 1 миллион членов (было 2,3 миллиона), однако партия останется серьезной силой. Если бы [парламентские] выборы состоялись сейчас, то СЕПГ плюс блоковые партии победили бы, набрав как минимум 50 % плюс один голос (сама партия получила бы не более 20 %). Если выборы состоятся через год, то при умной политике партии большинство стало бы более комфортабельным (сама СЕПГ получила бы 30 % голосов). Ни „Новый форум“, ни остальные группировки не смогут собрать слишком много голосов. Нынешняя СДП („поповская секта“) шансов не имеет. Сейчас собираются создавать другую социал-демократическую партию – в тех местах, где в прошлом было сильным влияние СДПГ. Вот к ней может уйти до четверти тех, кто покинет СЕПГ, другая четверть уйдет в частную жизнь, остальные разбредутся по блоковым партиям, прежде всего в ЛДПГ. Декабрьский съезд [СЕПГ] даст совершенно новый ЦК и, видимо, такое же политбюро, которые просуществуют до [очередного] майского съезда [1990 года]. Там возможны новые серьезные изменения. Маркус Вольф будет в новом ЦК и, возможно, в политбюро. Вообще количество интеллектуалов, творческих работников в высшем партийном руководстве значительно возрастет».

В отношении германо-германских дел Волерт сказал: «Воссоединение маловероятно. Большинство населения хочет, воспользовавшись благами общества потребления, одновременно сохранить самостоятельность, социальную систему и т. д. Поэтому [возможны] конфедерация, общегерманский парламентский комитет по охране окружающей среды и тому подобное. Кроме того, немцы ГДР понимают, что никто в Европе воссоединения не хочет. Обновлённая партия сохранит своё единство. Венгерский вариант не пройдёт из-за традиций немецкого рабочего и коммунистического движения, всегда носившего антифашистский характер».

Из состоявшегося в тот же день разговора с Штайнхофером моё внимание привлекли следующие высказывания собеседника: «Партия в кризисе и не скоро из него выйдет. Обсуждается всё, кроме программы действий на будущее. Прекращён обмен партдокументов, а то без малого все стали уходить. Сейчас все сотрудники ЦК разъехались на места, чтобы помочь провести выборы [делегатов съезда]. Избирательная кампания проходит

⁷² Ещё до открытия КПП стены власти ГДР по просьбе правительства ПНР прекратили контроль за посещением польскими гражданами («челночниками») Западного Берлина, что привело к возникновению на его территории нелегальных рынков («польских базаров»), в том числе для контрабандных товаров.

нервно. [Нарастает] критика за ущерб, причинённый отношениям ГДР – СССР (на собрании партактива МИД ГДР Штайнхофера совсем „заклевали“, когда он, признав упущения, сказал, что основу отношений удалось сохранить). На собраниях первичных организаций не избраны делегатами районных конференций Гарри Отт и Оскар Фишер. Это значит, что они не будут делегатами съезда (сейчас они оба члены ЦК)».

«Опасность воссоединения» Штайнхофер усматривал прежде всего в «срастании населения (контакты, свадьбы, поездки туда и сюда). Когда внизу всё будет воссоединено, почти не важно, какой будет политическая надстройка – договорное сообщество, конфедерация или что-либо другое. В поколении пятидесятилетних царит уныние: всю жизнь была тяжёлая работа, сейчас тоже, поскольку не туда вели, а в конце маленькая пенсия».

Главной угрозой для отношений ГДР – СССР Штайнхофер считал вызывающие недовольство населения проблемы, связанные с ЗГВ (например, шум от военного аэродрома в Мерзебурге или стоящий пустым после вывода советской дивизии 120-квартирный дом в Ютербоге).

В пятницу 24 ноября я встретился в посольстве с Маркусом («Мишей») Вольфом, который многими в ГДР и за её пределами воспринимался как восходящая политическая звезда и надежда реформаторов-патриотов. Впечатление от этой первой для меня встречи с ним было очень положительным и очень сильным. Из сказанного Вольфом я записал следующее: «Сложность положения заключается в том, что и новые руководители [республики] ещё далеки от базиса. Все срывы (типа задержки решения вопроса, созывать партконференцию или съезд) происходят из-за этого. [Налицо] инерция мышления и малоподвижный, неспособный и громоздкий аппарат. Базис у партии здоровый. Все старые лица исчезнут. Беда в том, что новых лиц никто не знает. Система знакомства с восходящими товарищами отсутствует. Неизбежны многочисленные случайности – удасться ли выступить на съезде тому, кому нужно, или нет; каким окажется это выступление. Но не надо забывать, что в мае [1990 года] состоится ещё один съезд, который сможет выправить отдельные ошибки. Партии нужен [кадровый] резерв». Собеседник уверял, что «в партии есть отличные молодые люди, которые знают, что нужно для строительства нового социализма».

О себе Вольф рассказал, что избран делегатом на съезд, и хотя не собирается входить в состав нового ЦК, но согласится, если его выберут. Кренц предлагал ему стать членом политбюро, но Вольф отказался. Его больше привлекает перспектива работы в качестве депутата Народной палаты. Далее Вольф сообщил: «Влияние Кренца падает. Он ведёт себя неуверенно и всегда на полшага отстаёт от событий. Другие члены нынешнего политбюро не лучше. Даже Шабовский много потерял в Берлине». По мнению собеседника, имеет хорошие шансы стать новым генеральным секретарём партии Бергхофер из Дрездена. Вольф советовал Кренцу «идти в народ – проводить встречи с рабочими, интеллигенцией, писателями, вооружёнными силами, включая МГБ. [В частности, сотрудники] МГБ в страшной обиде – их бросили на произвол судьбы. Только Вольф выступил в их защиту. Если правительству действительно понадобится вооружённая рука, никто его

призывов не услышит». Вольф рекомендовал, чтобы в случае непереизбрания на пост генсека Кренц остался председателем Государственного совета.

По убеждению Вольфа, *«всю грязь и мерзость [прошлых лет] следует собрать и вывалить сразу, чтобы потом к этому уже не возвращаться. Если разоблачения будут следовать каждую неделю, партия не выдержит»*. В настоящий момент он готовит раздел о «сталинизме» для отчётного доклада Кренца на предстоящем съезде СЕПГ: *«Ныне речь идёт не о том, чтобы подновить, подлатать сталинскую модель социализма (это всё же была социалистическая модель!), а о том, чтобы отвергнуть эту модель целиком и создать новую, человеческую модель социализма. Хонеккер говорил о „социализме в цветах ГДР“, а на самом деле это был „сталинизм в цветах ГДР“»*.

Относительно перспектив германо-германских отношений Вольф считал, что *«„воссоединение“ в официальном порядке вряд ли будет возможным. Наверняка сохранятся структуры двухгосударственности. Опасность заключается в том, что уже сейчас начинается, а затем в большой степени усилится переплетение экономических структур (прежде всего на уровне мелких и средних предприятий). Перестройка требует времени; время нужно и для преодоления отчуждения человека от средств производства. „Капитализация“ снизу может обогнать [эти процессы]»*.

В связи с краткой поездкой посла в Москву по партийным делам (в качестве члена ЦК КПСС) утренние совещания возобновились лишь **в среду 29 ноября**. Посол поручил экспертам посольства проанализировать активно обсуждающийся в ГДР проект Круглого стола и «план Коля», представлявший собой заявку на объединение Германии. Судя по всему, дополнительную информацию на этот счёт запросила Москва.

Что касается Круглого стола, идея привлечения всех более или менее конструктивных сил оппозиции к ведению государственных дел витала в воздухе с того момента, когда в результате массовых уличных демонстраций проявилась невозможность управлять республикой по-прежнему. Однако СЕПГ вновь промедлила. 21 ноября инициативу создания Круглого стола, предусматривавшую участие в нём политических партий и группировок для «координации совместных усилий демократических сил с целью обеспечения глубокого обновления ГДР и её собственной привлекательной идентичности», проявило оппозиционное движение «Демократия сейчас». Это предложение было сформулировано при встрече её представителей с председателем ЛДПГ Манфредом Герлахом, который обещал поддержать инициативу.

Лишь на следующий день, 22 ноября, с предложением созвать Круглый стол с участием входящих в правительство ГДР коалиционных партий и «других политических сил страны» выступило политбюро ЦК СЕПГ. Целью создаваемой структуры было объявлено обсуждение «нового закона о выборах, проведения демократических свободных выборов и реформы конституции». В последующие дни концепция Круглого стола в качестве своего рода «дополнения» к действующему парламенту стала постоянной темой внутривнутриполитических дискуссий в республике. Первое заседание Круглого стола состоялось 7 декабря. Участниками были СЕПГ, ХДС (ГДР), Демок-

кратическая крестьянская партия, ЛДПГ, НДПГ, «Новый форум», «Демократия сейчас», «Демократический прорыв», партия зелёных, «Инициатива Мир и Права человека», СДП, Объединённые левые, профсоюзы, Независимый союз женщин. Модератором был избран Мартин Циглер, представитель Объединения евангелических церквей ГДР.

«Планом Коля» именовалась «Программа поэтапного преодоления раскола Германии и Европы», больше известная как «Десять пунктов». Она была сформулирована 28 ноября в выступлении канцлера в бундестаге. Обнародование этой программы свидетельствовало о том, что руководство ГДР проигрывает битву за время. Коля назвал следующие шаги, которые намерена предпринять ФРГ: 1) немедленная конкретная помощь ГДР – в частности, путём создания валютного фонда (при условии, что ГДР откажется от обязательного обмена западногерманских марок на марки ГДР по официальному курсу при въезде граждан ФРГ на её территорию); 2) продолжение сотрудничества с ГДР прежде всего в гуманитарной области; 3) расширение сотрудничества, если ГДР откажется от плановой экономики; 4) реализация концепции договорного сообщества; 5) создание в Германии конфедеративных структур в качестве перехода к федеративному устройству; 6) состыковка изменений во внутригерманских отношениях с общеевропейским развитием; 7) заключение договора между ГДР и Европейскими сообществами в качестве первого шага к ассоциации; 8) продолжение процесса ОБСЕ; 9) существенное сокращение вооружений и контроль над вооружениями; 10) конечной целью остаётся воссоединение, то есть «восстановление государственного единства Германии».

Бросалась в глаза чрезвычайная разнородность «пунктов Коля». Прежде всего, налицо был прямой плагиат – канцлер использовал идею «договорного сообщества», не назвав имени её автора, но перенацелив её конкретно на создание «конфедеративных структур». Некоторые из «пунктов» носили чисто пропагандистский характер – продолжение Хельсинкского процесса (ОБСЕ) или контроль над вооружениями, прогресс в сфере которых мало зависел от ФРГ. Туманные обещания помочь обуславливались по большей части требованиями изменить установленные в ГДР порядки – например, отказаться от плановой экономики. В то же время, по мнению экспертов посольства, в заявлении Коля было по меньшей мере два момента, которые могли бы послужить основой для конструктивных переговоров ГДР и ФРГ о путях решения национальной проблемы немцев: канцлер выразил согласие с поэтапным движением к цели (во всяком случае он признал, что сначала нужно договариваться о создании конфедеративных структур) и со состыковкой с общеевропейским процессом, что в принципе означало обязательство не допускать, чтобы сближение германских государств обгоняло по времени строительство Большой Европы с включением СССР.

Насколько я помню, посол так и не решился рекомендовать Москве воспользоваться возможностями, которые открывали упомянутые моменты – ведь для этого надо было отказаться от господствовавшего в партийных верхах негативного отношения к идее Модрова о контактах с ФРГ по «договорному сообществу». Перед тем как вносить предложения принципиаль-

ного характера, посол обычно консультировался по телефону с советниками Горбачёва в ЦК КПСС и следовал их указаниям. Ответ из Москвы был, надо полагать, однозначным – в том духе, что «не стоит пытаться переубедить Генерального».

Удивительно другое. Уже после поглощения ГДР советник Коля по внешней политике Хорст Тельчик обнародовал тот факт, что поводом для появления «Десяти пунктов» стала соответствующая подсказка из ЦК КПСС. В состоявшейся 21 ноября в Бонне беседе с Тельчиком ведущий сотрудник Международного отдела Н. С. Португалов заявил: он, Португалов, «может представить себе, что в среднесрочном плане Советский Союз мог бы включить „зелёный свет“ для германской конфедерации какого-либо типа». Поскольку западные немцы хорошо знали о дружеских отношениях между Португаловым и заведующим Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалиным, который совсем недавно был послом СССР в ФРГ, Тельчик сделал для себя однозначный вывод: «Уж если Горбачёв и его советники обсуждают возможность воссоединения и связанные с ним вопросы, то для нас самое время перестать заниматься этим за закрытыми дверями и переходить в наступление». С этим он помчался к Колю и убедил его предпринять соответствующий демарш в бундестаге⁷³. Так что хаос царил не только в руководстве СЕПГ, но и в ЦК КПСС. Ожидать положительных результатов в такой обстановке не приходилось.

Познакомиться с тем, как расценивали перспективы складывающейся в германских делах в этот момент обстановки эксперты посольства, можно на примере моего выступления в **понедельник 27 ноября** на закрытой для прессы сессии западноберлинского филиала Аспенского института. Основные положения этого выступления (в переводе с немецкого, на котором я выступал) сводились к следующему: *«Нашему видению будущего, нашим представлениям о наилучшем устройстве для центра Европы соответствует процветающая, социалистическая, демократическая, независимая ГДР в сообществе европейских народов и государств под единой крышей общеевропейского дома. Эта цветущая суверенная ГДР имела бы, естественно, все права и обязанности равноправного члена европейской и всемирной семьи народов, в том числе право устанавливать и поддерживать особые, предпочтительные отношения с любым государством, с любым объединением государств по своему выбору. Мы знаем, что это видение совпадает с представлениями многих в самой ГДР. [...] Мы приветствуем то, что происходит в ГДР, – курс на обновление республики. Это наши друзья, мы их поддерживаем, мы будем и дальше наращивать сотрудничество с ними. Внутреннее развитие ГДР не может вызывать сомнений или опасений в Европе или в мире. Направление, в котором идут события, является верным: это фундаментальная демократизация всей общественной жизни. [...] Опасения и сомнения вызывают огромные денежные затраты, мощные пропагандистские усилия, вновь и вновь предпринимаемые извне попытки направить развитие в ГДР в совершенно определённое русло, которое должно как можно скорее привести к так называемому воссоедине-*

---

⁷³ Horst Teltschik, 329 Tage, Berlin, 1991, S. 44.

нию, то есть к восстановлению германского рейха. Между тем в мире, как представляется, существует консенсус в том, что вопрос о воссоединении не стоит на повестке дня текущей политики. Всё остальное следовало бы предоставить естественному ходу вещей без воздействия извне. [...] Строго говоря, единственным историческим „достижением“ германского рейха как такового были ориентированная на экспансию империя, мировые войны, национал-социализм. Восстановление подобного государства в центре Европы – какая зловеющая перспектива! Заверения всех тех, кто представляет себе воссоединение как нечто совсем иное, вряд ли могут быть восприняты как гарантия на будущее: результаты человеческой деятельности по большей части весьма далеки от добрых намерений её инициаторов. А что касается права на самоопределение, которым обладает, разумеется, каждый народ, то позвольте задать лишь один вопрос: мир действительно уже забыл ту пагубную роль, которую сыграла пропаганда на тему самоопределения при подготовке Третьим рейхом Второй мировой войны? Октябрьскую революцию 1989 г. совершил народ ГДР – с присущим ему мужеством, политической зрелостью, чувством ответственности. Этому народу не нужны попутчики. Он заставит тех, кто правит, выслушать себя, не дожидаясь подсказок извне. Можно быть уверенным в том, что такой народ сохранит сознание своей ответственности перед историей. Давайте будем по возможности помогать ему, но воздержимся от попыток использовать его в чуждых ему целях». Своё выступление я ни с кем не согласовывал и даже не стал перепечатывать его текст на машинке. Я был уверен в правильности всего, что сказал, но на тот момент в посольство из Москвы ещё не поступил имеющий директивный характер анализ ситуации.

Моя речь прозвучала несколько пафосно, но пафос отвечал духу времени. Главное, на мой взгляд, заключалось в том, что до сведения аудитории (присутствовали некоторые ведущие западногерманские и западноберлинские политики, а также руководители западных представительств в Берлине) были доведены наши возражения против давления на ГДР с Запада и наше намерение поддерживать те реформистские силы в республике, которые выступали за сохранение её самостоятельности. Конечно, сегодня, тридцать лет спустя, неоднозначное впечатление оставляет такая характеристика разрастающегося хаоса в ГДР, как «Октябрьская революция 1989 г.» или «фундаментальная демократизация». Но государственный переворот в Восточной Германии был первой из восточноевропейских «цветных революций», и наш опыт в обращении с этим феноменом ещё равнялся нулю. Кроме того, ещё не исчезли иллюзии относительно благотворного воздействия советской перестройки на ситуацию в Европе.

В посольстве меня по возвращении из Аспенского института поджидали два сюрприза – как водится, один приятный, другой – не очень. Приятным сюрпризом была долгожданная информация из Москвы, содержащая оценку Центром ситуации в германских делах. Я испытал огромное облегчение, когда ознакомился с подготовленным в МИД СССР текстом, где упор делался на необходимости «сохранения и упрочения основ европейской стабильности». В частности, подчёркивалось: «Развитие в ГДР породило

толки относительно „германского вопроса“, перспектив объединения Германии. Мы твёрдо считаем, что существование и развитие ГДР все эти годы было и остаётся важнейшей гарантией европейского мира, равновесия и стабильности. ГДР как суверенное государство, как член Варшавского договора была и остаётся нашим стратегическим союзником в Европе. Ответственные политики на Западе хорошо сознают эту реальность. Но нельзя недооценивать опасности оживляющихся реванистских настроений и страстей. Их подогревание способно лишь подорвать формирующееся доверие и даже опрокинуть, отбросить вспять все исторического значения достижения в развитии отношений между Востоком и Западом». Давно ожидавшаяся нашими сотрудниками формулировка официальной позиции СССР по проблематике взаимоотношений между германскими государствами в новых исторических условиях не расходилась со сказанной мной в Аспенском институте. Это порадовало – и успокоило. В информации из Москвы чувствовалась твёрдая рука Третьего Европейского отдела МИД. Посольство в ГДР подчинялось изобретённому Шеварднадзе Управлению социалистических стран Европы. У наших экспертов не было возможности согласовывать оценки возникающей ситуации непосредственно с «Третьей Европой». Однако ещё в период, когда министром иностранных дел был А. А. Громыко, именно «Третья Европа» под руководством А. П. Бондаренко стала центром формирования советской политики в германских делах. Связываться с Александром Павловичем было позволено только послу, но тот больше прислушивался к партийным инстанциям. Тем ценнее было совпадение наших взглядов.

Менее приятным сюрпризом стало известие о «Десяти пунктах» Коля, которые свидетельствовали о том, что ФРГ вступала как раз на тот путь, против которого мы предостерегали Запад. Порадовало только то, что большая часть восточногерманской оппозиции встретила инициативу канцлера в штыки. Уже на следующий день, **28 ноября**, в Берлине состоялась международная пресс-конференция, на которой писатель Штефан Гейм огласил текст воззвания «За нашу страну», составленного группой авторитетных деятелей культуры, учёных, рабочих и служащих, представлявших различные группы оппозиции. Воззвание было посвящено необходимости сохранить самостоятельность ГДР с перспективой построения в ней «общества солидарности, в котором были бы гарантированы мир, социальная справедливость, свобода каждого, возможность беспрепятственных поездок для всех и сохранение окружающей среды». Гейм призвал население республики подписать воззвание, предупредив, что «на другой стороне г-н Коль уже начал „увертюру к поглощению“ ГДР». Успеху акции сильно повредило то, что свою подпись под возванием поспешил поставить Кренц, непопулярность которого в ГДР к этому моменту достигла фантастических масштабов. Противники самостоятельной ГДР воспользовались случаем и подняли крик о «заказной операции СЕПГ». Тем не менее к 19 декабря воззвание подписали более 560 тысяч граждан ГДР.

Вечером в **четверг 30 ноября** состоялся так называемый партактив, то есть собрание представителей всех парторганизаций посольства, торгпредства и генеральных консульств, на которое в этот раз был приглашён и пер-

вый заместитель начальника политуправления Западной группы войск генерал-майор А. И. Козлов. С докладом выступил посол, который рассказал о впечатлениях от своих поездок в Москву и бесед там, а также поделился оценкой ситуации в ГДР. Он сказал: *«1. Обстановка в СССР – ухудшилось экономическое положение, повысилась социальная напряжённость. Назрели серьёзные проблемы, которые будут обсуждаться на пленуме ЦК КПСС 9 декабря, на съезде Советов, XXVIII съезде КПСС. 2. Положение в ГДР и СЕПГ остаётся нестабильным и непрогнозируемым. Происходит радикализация лозунгов демонстрантов. Раздаются призывы к воссоединению Германии. В СМИ рвутся представители оппозиционных сил. Идёт процесс нового самоутверждения блоковых партий. Налицо уже моменты предвыборной борьбы. Идеологического единства в СЕПГ нет. 200 тысяч человек уже вышли из неё. Наши жизненные интересы связаны с ГДР больше, чем с какой-либо другой европейской страной. Допускать воссоединения Германии нельзя. Нам вместе с руководством СЕПГ надо подумать над тем, как нейтрализовать воссоединительные тенденции, а если это невозможно, то придать им менее опасные формы. Стабилизировать положение в Центральной Европе можно будет через укрепление четырёхстороннего режима в Западном Берлине. Следует внимательно учитывать сущность происходящих в ГДР процессов. Установить контакт с блоковыми партиями, оппозиционными группировками социалистической ориентации. Посмотреть на себя – как нас воспринимают в ГДР. Нужен максимум сдержанности и такта. Устранить то, что негативно выделяется из общего фона. Развитие в ГДР будет затрагивать всех в Европе, но больше всего нас. 3. Экономический кризис в ГДР нарастает. Две трети правительства – новые люди. Необходимо установить связи с ними, но и сохранить старые, особенно между министерствами и предприятиями. Важна готовность к кооперации. Нужны предложения по углублению отношений между СССР и ГДР. 4. Все парторганизации советских учреждений в ГДР должны активизироваться. Требуются инициатива, предусмотрительность, готовность к диалогу. Советским студентам в ГДР – от митингов уходить, но в дискуссиях участвовать. Предстоит развитие внутривнутрипартийной демократии. Меняется отношение населения к нашему присутствию здесь. Это особенно чувствуют наши специалисты на стройках АЭС. До XXVIII съезда КПСС остаётся всего десять месяцев».*

Последовавшая дискуссия была довольно бурной. Если раньше на таких мероприятиях преобладала критика в адрес Эриха Хонеккера, то в этот раз особенно чётко прозвучали три темы: возрастает опасность того, что мы потеряем ГДР; необходима более активная политика с целью защиты наших интересов здесь; мы не можем бросить в беде наших друзей в ГДР. Заслуживает внимания заключительное слово посла, сказавшего: *«Надо быть готовыми к самым худшим вариантам развития, хотя мы будем делать всё для того, чтобы такие варианты не состоялись. Нужна точная оценка, основанная на фактах и освобождённая от эмоций. Выявлять тенденции и прогнозировать. Давать серьёзные и продуманные предложения для Центра. Через некоторое время соберёмся вновь, чтобы сопоставить*

мнения и оценки. Никто не собирается бросать ГДР на произвол судьбы. Помощь с нашей стороны есть и будет. Пресс-конференция Э. А. Шеварднадзе в Риме – почти исключительно об отношениях ГДР – ФРГ. Министр сказал: „Об объединении Германии не может быть и речи“. Однако в немецко-немецких отношениях могут быть самые большие неожиданности. Надо следить за настроениями людей здесь. Мы работаем в самом тесном контакте с руководством друзей. Германские дела будут одним из главных пунктов повестки дня встречи руководителей социалистических стран в Москве 4 декабря».

Основные пункты принятого решения гласили: «Каждый коллектив должен располагать программой действий по развитию сотрудничества с ГДР. Оказывать содействие новым руководителям в восстановлении связей с советскими партнёрами. Устанавливать связи с блоковыми партиями и новыми общественными группировками. Активизировать связи с [творческой] интеллигенцией. Усилить культурное сотрудничество между СССР и ГДР».

На утреннем совещании в **пятницу 1 декабря** посол поручил подготовить информацию для Москвы о состоявшейся реорганизации «всей системы печати ГДР (все редакторы новые, никому не известные; одностороннее освещение событий; безответственность журналистов; линия на сотрудничество с ФРГ)» и о «влиянии плана Коля на настроения здесь – планы конфедерации».

В тот же день, **1 декабря**, я выкроил время для встречи с Альмут Килиан, секретарём парткома «Дойчес театр», наиболее авторитетного из театральных коллективов ГДР. Мы были хорошо знакомы с ней по совместной работе в ФРГ в начале 80-х годов, когда мы оба занимали должности советников по культуре соответственно в посольстве СССР и постпредстве ГДР. Одним из наших общих проектов была передвижная выставка детских рисунков из социалистических стран, которая путешествовала по западногерманским городам и весям; на её открытие каждый раз собирались все занимавшиеся развитием культурных связей с ФРГ сотрудники посольств стран-участниц, что было призвано наглядно демонстрировать сплочённость социалистического содружества.

Казалось, Альмут не ждала ничего хорошего от предстоящих событий. Из сказанного ею я записал следующее: «Положение в СЕПГ тяжёлое, так как руководство и аппарат пытаются тормозить, тянут назад, и в результате получается, что партия постоянно плетётся в хвосте событий. На состоявшейся вчера районной партконференции Берлин-Митте решено не выбирать на съезд никого из нынешнего руководства партии. Возможно, останется один Модров. Кренц проиграл тот кредит доверия, который был ему дан обществом и партией. Обстановка вокруг партии [складывается] нетерпимая. Многие выходят, так как не могут выдержать давления общественного мнения. Группировка „профессоров в джинсах“ из Гумбольдтского университета предлагает самоликвидироваться, а потом возродиться. Но если уйдут „левые“, то и они, и оставшиеся потеряют всякое значение. [Появилась] тенденция к объединению всех левых сил – воззвание Штефана Гейма, Маркуса Вольфа

и других. Новая партия могла бы стать желанным партнёром». Килиан продолжала: «Опасность воссоединения очень реальна – на референдуме подавляющее большинство высказалось бы за него. Свободные выборы страшны не сами по себе (СЕПГ получит свои 20 % голосов и будет способна вступать в коалиции), а лишь в том случае, если им будет придан характер референдума: [например,] одна из участвующих партий выскажется за воссоединение. Именно к этому стремится агентура ФРГ здесь. В последние годы в ГДР по существу не велась антикапиталистическая пропаганда; сейчас это мстит за себя. Совершенно непонятна история с открытием границ ГДР. [Этот шаг] никак не использовали, но и не оставили в качестве козыря правительству Модрова. Похоже на муть старого правительства с расчётом на то, что столкновения на границе приведут к введению чрезвычайного положения».

В субботу 2 декабря состоялась встреча М. С. Горбачёва и Джорджа Буша на Мальте, которая, как выяснилось много позже, имела далеко идущие последствия для ситуации в Европе и в первую очередь в ГДР. Советский лидер заверил президента США в том, что СССР не станет применять силу для выправления положения в социалистических странах (эти заверения Горбачёва Запад расценил как «конец доктрины Брежнева»). Однако ответных обязательств с американской стороны (хотя бы в том плане, что США не будут вмешиваться в дела социалистических стран) не последовало.

В эту же субботу министр иностранных дел ГДР Оскар Фишер пригласил к себе Кочемасова для обмена мнениями о ситуации в германо-германских отношениях. Я сопровождал посла и по ходу беседы делал записи для себя. Вначале министр проинформировал об итогах обсуждения на вчерашнем заседании политбюро ЦК СЕПГ вопроса о предстоящем посещении ГДР Гельмутом Колем, на чём канцлер ФРГ всё более упорно настаивал. Коль хотел приехать в Лейпциг (это желание было понятно, поскольку именно этот город стал своеобразной столицей протестного движения). В ответ ГДР предложила на выбор Дрезден (с осмотром Бастая, жемчужины «Саксонской Швейцарии») или Эрфурт и 19 декабря в качестве даты визита. Окончательно детали должны быть согласованы к 5 декабря, когда в Берлин прибудет глава ведомства федерального канцлера Рудольф Зайгерс. Выезжающий в Москву Фишер надеялся проконсультироваться 4 декабря по этой тематике в МИД СССР.

Затем заведующий отделом ФРГ в МИД ГДР Шиндлер доложил о ряде договорённостей, достигнутых с Бонном в предварительном порядке «при условии, что с 1 января 1990 года будет введён безвизовый въезд в ГДР для граждан ФРГ и постоянных жителей Западного Берлина („по принципу взаимности“). Эти договорённости включали следующие пункты:

1. Создаётся фонд для финансирования поездок в ФРГ граждан ГДР на переходный период («два года, после которых неясно что будет»). ФРГ вносит в этот фонд сумму, соответствующую «приветственным выплатам»⁷⁴, плюс ещё некоторую сумму, а ГДР отменяет с 1 января 1990 года

⁷⁴ При посещении ФРГ гражданам ГДР выплачивались так называемые «деньги приветствия» в размере 100 марок ФРГ на человека один раз в год.

обязательный обмен марок ФРГ на марки ГДР по официальному курсу для выезжающих граждан ФРГ (существующая квота обмена – 15 марок ФРГ на человека); эквивалент получаемой от обмена валюты суммы вносится в фонд в качестве взноса ГДР. В итоге посещающие ФРГ граждане ГДР будут иметь в год 200 марок ФРГ (дети до 14 лет – 100 марок) по курсу, о котором договорятся банки обеих стран. Марки ГДР (около 7 миллиардов) остаются в ГДР и используются для совершенствования инфраструктуры. Проблема увеличения дефицита валютной части госбюджета ГДР вследствие роста числа посещений ФРГ (в 1990 году ожидается 10 миллионов посетителей из ГДР, что создаст дополнительный дефицит в 310 миллионов марок ФРГ) решается так: ФРГ согласна взять на себя 75 % того, что превысит порог в 35 миллионов марок. В итоге взнос ГДР составит 173 миллиона марок, взнос ФРГ – 413 миллионов.

2. ГДР обязывается принять меры по улучшению условий сообщения и транзита. ФРГ согласна с тем, что для безвизового въезда её граждан в ГДР на первых порах будут использоваться существующие соответствующим образом оборудованные КПП. Въездными документами являются загранпаспорта ФРГ и удостоверения личности жителей Западного Берлина. В отдельных случаях допустимы отказы во въезде. По Западному Берлину специального разговора не было. ГДР считает, что отмена въездных виз для его жителей не затрагивает четырёхстороннего статуса этого города и все международные соглашения на сей счёт остаются в силе. Ликвидируется лишь западноберлинское бюро по выдаче виз ГДР.

3. В отношении тех, кто переехал в ФРГ на ПМЖ, отменяются введённые ранее в ГДР ограничения для их обратного въезда или транзита. Статус тех, кто в последнее время бежал из республики через ЧССР, ВНР, ПНР, будет устанавливаться ими самими – им будет предложено к какому-то определённому сроку заявить, остаются ли они гражданами ГДР или нет.

4. Договорились об отмене пошлин на бывшие в употреблении товары (телевизоры, видеоаппаратура, кассеты, ксероксы и т. д.) и налоговых сборов за все товары, кроме автомобилей.

5. ГДР согласилась разрешить пользоваться для транзита между ФРГ и Западным Берлином дополнительно рядом шоссейных автодорог, ведущих к КПП Штаакен (только для легковых автомобилей).

6. Достигнута договорённость о встречах отраслевых министров обеих стран для обсуждения форм дальнейшего сотрудничества.

7. Все эти пункты ГДР хотела бы включить в заключительное совместное коммюнике о визите Коля, дополнив его общей декларацией о борьбе за мир. Но об этом с западными немцами ещё не говорили.

Затем слово вновь взял министр, который ещё раз подчеркнул, что достигнутые договорённости, способные успокоить ситуацию («Конечно, 200 марок будет всё равно мало, но это лучше, чем 15 марок»), ни в коем случае не затрагивают четырёхсторонний статус Западного Берлина. Он продолжал: «Возможности отклонить то или иное требование ФРГ весьма ограничены – денег у ГДР нет. Поездки будут происходить, как до 1961 года [то есть до возведения стены]. Вот только в Западном Берлине стало

больше преступных элементов. Полиции ГДР добавится работы». Далее Фишер сообщил, что политбюро настойчиво искало пути для того, чтобы избежать уступок Бонну, но пришло к выводу, что это невозможно. Но это ничего не меняет в ориентации ГДР на сохранение теснейших отношений с СССР: *«Мы мыслим себя только в составе союза [ОВД]. Только через союз может быть решена проблема отношений ГДР – ФРГ. Без СССР мы не могли бы дышать».* Затем министр остановился на вопросе об открытии Бранденбургских ворот, чего всё более настойчиво требовали западные немцы и оппозиция в ГДР: *«Я против открытия, во всяком случае сейчас. Может быть, организовать КПП рядом с воротами, но не через них. Вопрос стал настолько болезненным, что открывать ворота стало просто опасным. Командование погранвойск считает, что это оказало бы плохое воздействие на солдат. Кроме того, рядом с воротами находится советское посольство».*

Кочемасов подал реплику: *«Этот вопрос задавали и нам. Я внутренне не мог ответить на него положительно. Но моё руководство дало указание сообщить вам об отсутствии у нас принципиальных возражений – „Пусть решают сами друзья“.* Но вот друзья решили не открывать. Значит, так тому и быть».

Фишер: *«Мы думаем над тем, как мы можем противостоять ФРГ. Предпринимаем усилия в направлении Австрии, Бельгии, Франции. Встречались с Марамом Стерном, европейским уполномоченным Бронфмана из Всемирного еврейского конгресса. Стерн говорил, что платёжи ГДР евреев [в качестве компенсации за преследования в фашистской Германии] сейчас не проблема, самое главное – чтобы ГДР оставалась стабильной. Он спрашивал, чем конгресс может помочь ГДР. В сфере отношений с Израилем я готов встретиться в Нью-Йорке с министром иностранных дел этой страны. Датчане, голландцы, итальянцы утверждают, что улучшение отношений ГДР с Израилем помогло бы мобилизовать их на поддержку республики».*

Оценки Фишером внутривнутриполитической ситуации носили довольно мрачный характер: *«Партия раздирает себя. Нет центра, который объединяет, собирает под своё крыло. Разочарование, потеря доверия настолько сильны, что только самые умные члены партии понимают необходимость держаться вместе. После назначенного на 10 декабря митинга в Гумбольдтском университете партия может организационно развалиться. На пленуме ЦК завтра надо найти что-то объединяющее, хотя это очень трудно. Модров должен остаться главой правительства. Именно через правительство партия может проводить свою политику. Делать это напрямую у партии нет сил».* Министр добавил: *«Я очень озабочен. То, что я говорю, – это мысли вслух. Кризис налицо. Идёт сведение счетов. Заседание Народной палаты вчера было ужасным. Оно вновь вызовет волну выходов из партии. Окружком Потсдама поставил вопрос об отставке политбюро, то же сделал партком завода Бергман-Борзиг. В ЦК каждому ясно, что без руководства дело не пойдёт, партия просто исчезнет. Многие знают, что нужно делать, но не получают трибуну. Крикуны громче всех. Пугает сумасшедший темп».*

Вечером того же дня в доме приёмов западноберлинского сената у меня состоялась обстоятельная беседа с Дитером Шрёдером, шефом сенатской канцелярии (аппарата правящего бургомистра). Он рассказал о результатах состоявшейся накануне встречи Коля и Момпера, которая *«прошла хорошо – канцлер обещал [Западному] Берлину всю необходимую помощь. Близятся выборы в бундестаг, и это заставляет не ссориться с [Западным] Берлином»*. В то же время *«речь Коля по „германской политике“ не очень удачна – нельзя сеять иллюзии в отношении близких сроков воссоединения. Даже когда Саар присоединялся к ФРГ⁷⁵, границы годы оставались закрытыми. Воссоединения в этом столетии не будет, поэтому нужно налаживать сотрудничество, быстро помогать людям, причём не только в ГДР, но и в других восточноевропейских странах. Мир в Европе будет непрочен, пока сохраняется столь огромный разрыв [в уровне жизни] между Востоком и Западом континента. Свобода поездок будет приносить самые серьёзные неприятности. Нечестно и близоруко делать вид, будто ФРГ готова принять всех беглецов из СССР, ПНР, ЧССР и т. д. Это приведёт в конечном счёте к социальному взрыву в ФРГ. Поставить ГДР „на ноги“ можно в кратчайшие сроки – положение не настолько плохое, как об этом говорят. Намечается стратегическое решение в виде создания экономической зоны, состоящей из Западного Берлина с прилегающей территорией, Любекской бухты плюс север ГДР, Ганновера в центре и Верхней Франконии на юге, где главную роль будут играть мелкие и средние предприятия. Нужно лишь добиться юридических предпосылок, и дело пойдёт очень споро. Быстрое экономическое сращивание – лучшее средство против социального и политического взрыва в ГДР. В этом случае будет устранена острота лозунга „За воссоединение!“ и обеспечено время для разработки его условий. Конечно, Западный Берлин постарается получить выгоду от изменений в обстановке, прежде всего в плане статуса берлинских депутатов бундестага и их права участвовать в голосовании. Это не затронет прав и присутствия четырёх держав, но поможет СДПГ и лично Момперу»*.

Шрёдер коснулся также условий предстоящей поездки Момпера в Москву (именно расхождения в этой области мешали до сих пор правящим бургомистрам Западного Берлина посещать СССР – западноберлинцы под нажимом Бонна требовали участия посла ФРГ в протокольных мероприятиях; Москва отклоняла эти претензии на том основании, что Западный Берлин в соответствии со своим особым статусом не принадлежал ФРГ и не управлялся ею). Шрёдер заметил, что пока этот вопрос сенатом не обсуждался – *«до весны 1991 года есть ещё время, и мы надеемся, что уступки, которые сделает ГДР в плане прав западноберлинцев, будут затем приняты и Советским Союзом»*.

---

⁷⁵ Саарская область, расположенная между Германией и Францией, на протяжении своей истории неоднократно переходила из рук в руки. После обеих мировых войн она становилась французским протекторатом, но затем её статус менялся. В 1952 году Саар принял участие в Олимпийских играх в качестве самостоятельного государства. С 1 января 1957 года Саарская область после проведённого в ней референдума и заключения соответствующего договора между ФРГ и Францией вошла в состав ФРГ в качестве федеральной земли.

Подробно собеседник остановился на ситуации в сфере воздушного сообщения с Берлином. Шрёдер подчеркнул, что она характеризуется тем обстоятельством, что *«начиная с 1993 года летать внутри Европы смогут лишь европейские авиакомпании. Американцы надеются на то, что, летая на Западный Берлин, они закрепят свои права [в качестве] европейских компаний. Сенат вся эта проблематика затрагивает лишь в плане шума, производимого самолётами. „Люфтганза“ и „Интерфлюг“ уже сейчас очень тесно сотрудничают (в частности, в третьих странах). [Шеф „Люфтганзы“] Рунау очень хочет летать на Западный Берлин. На [западноберлинский аэродром] Тегель это невозможно. Поэтому сейчас намечается договорённость о полётах с посадкой в [восточноберлинском] Шёнефельде с расширением там зоны обслуживания, улучшением подъездных дорог и т. д. В принципе можно было бы и не трогать практику четырёхстороннего урегулирования, но экономически очень невыгодно летать на Берлин через ЧССР или через Балтику, а также на установленной в коридорах небольшой высоте. Поэтому было бы неплохо, чтобы выработанные немцами предложения утверждались затем четырьмя державами»*. На мой вопрос, как отнёсся бы сенат к идее совместного обсуждения вопросов воздушного сообщения с Берлином представителями четырёх держав, ГДР, ФРГ и Западного Берлина (такая идея обсуждалась в предварительном порядке экспертами посольства), Шрёдер не стал отвергать подобную возможность, хотя и засомневался, нужен ли там западноберлинский представитель. Он предложил не завышать статус предполагаемых контактов: мол, если уж проводить такие переговоры, то лишь на чисто экспертном уровне.

Шрёдер отметил, что принятые ГДР меры по ограждению своего внутреннего рынка *«дали немедленный результат – „польский рынок“ в Западном Берлине сразу обезлюдел. Ранее в неделю приезжали 70 тысяч поляков, из них 30 тысяч появлялись на рынке; сейчас не более полутора тысяч в неделю; 30 ноября их было только 120 человек. Полиция их всех проверила, 8 человек были задержаны как преступники. Остальных с увещеваниями отпустили. В итоге не стало социальной проблемы»*. В связи с транспортными трудностями в ГДР (в столице республики перестало хватать автобусов, так как ВНР перешла на продажу своих «Икарусов» только за валюту) сенат собирался закупить большую партию венгерских автобусов с использованием части из них для перевоза пассажиров через линию секторального разграничения и передачей другой части ГДР в аренду. Одновременно планировалось создать в Потсдаме большую автомастерскую для ремонта «Икарусов».

В понедельник 4 декабря посол сообщил, что в состав делегации ГДР на встрече руководителей социалистических стран с Горбачёвым в Москве по итогам его встречи с Бушем на Мальте вошли Кренц, Модров и Фишер. Относительно обстановки в ГДР посол отметил: *«Настроения в СЕПГ стали хуже, чем в населении вообще. Прошедшие районные партконференции избрали совершенно новых людей, совершенно неизвестных, часто отличающихся радикальностью. Всё более настойчиво звучало требование ухода политбюро ЦК СЕПГ в отставку: дескать, работали с Хонеккером.*

Делегаты Гумбольдтского университета и Берлинского завода телевизионной аппаратуры пригрозили собрать 10 декабря делегатов съезда СЕПГ, если до того политбюро не уйдёт в отставку. Главная причина недовольства – недостаточно энергичное расследование злоупотреблений бывшего руководства. Утром 3 декабря состоялось совещание первых секретарей окружкомов СЕПГ. Кренц заявил о предстоящей отставке политбюро, предложил отправить в отставку ЦК и Центральную партийную контрольную комиссию во главе с Эберляйном⁷⁶, а также создать рабочий комитет для подготовки съезда. Все поддержали. То же Кренц сказал и на пленуме ЦК СЕПГ в тот же день. Образован рабочий комитет в составе: Крокер⁷⁷ (первый секретарь Эрфуртского окружкома), секретари других окружкомов, а также некоторые другие деятели. Вопрос о положении в стране и в партии не обсуждали. Были попытки критики в адрес правительства Модрова („медлительность“, „некомпетентность“, „непоследовательность“). Образовались три крыла в партии, считающих, что возможны следующие решения – воссоздание коммунистической партии; сохранение прежнего названия СЕПГ; создание социалистической партии. Первый вариант явно не проходит, иначе состоится раскол партии; третий тоже – за ним стоит лишь небольшая группа технической интеллигенции. Предстоит обострение борьбы между всеми тремя тенденциями. Исход прогнозировать трудно. Озабочены руководители блоковых партий (с ними вчера советовались вечером представители СЕПГ). Гнетёт забота, что начнут распадаться и эти партии. Пока как будто таких признаков нет. Нам надо проявлять осмотрительность и осторожность. Оживляется деятельность правых, экстремистских, фашистских группировок. Начались демонстрации у гарнизонов ЗГВ, раздаются требования о выводе наших войск».

Во вторник 5 декабря посол был ещё более озабоченным: «100–150 тысяч человек участвовали во вчерашней демонстрации в Лейпциге – лозунги воссоединения Германии („Десять пунктов Коля“, „Вайцзеккер – президент всех немцев“). В Эрфурте и в Лейпциге демонстранты были допущены в здания госбезопасности. Нарастает тенденция к слову существующих государственных структур. Модров сказал послу: „Обстановка сложная. В Лейпциге демонстранты сегодня вновь будут в здании госбезопасности“. Набирает силу лозунг: „Органы госбезопасности – под контроль народа!“ Нет ясности среди блоковых партий. Сегодня Модров их собирает, чтобы договориться о совместных действиях. В армии, МВД обстановка нормальная. Акт насилия вчера не было. Сегодня будет заявление ТАСС с осуждением вмешательства СМИ ФРГ во внутренние дела ГДР. Вчерашнее совещание в Москве (ПКК) прошло в целом успешно. Наибольшая опасность состоит в том, что в ГДР растут воссоединительные настроения. В то же время рабочий ритм нормальный. Осложнения в Эрфурте и Ростоке вокруг госбезопасности подогреваются из ФРГ. Горбачёв сказал Модрову:

⁷⁶ Вернер Эберляйн (1919–2002) – первый секретарь окружкома в Магдебурге, с ноября 1989 года председатель Центральной партийной контрольной комиссии СЕПГ.

⁷⁷ Герберт Крокер – до ноября 1989 года директор завода сельскохозяйственного машиностроения в Веймаре.

„Никакого воссоединения, никакой конфедерации, ни под никаким предлогом. Хватит отступать – у вас власть, её следует употребить“. Москва против чехарды с Государственным советом ГДР⁷⁸: нельзя умалять заслуг Кренца в переходе от режима Хонеккера к новым порядкам. Такой совет друзьям дан в Москве». Замечание посла о Госсовете ГДР подтверждало, что мы продолжаем цепляться за политические фигуры вчерашнего дня, пренебрегая теми, кто, как Ханс Модров, может формировать день сегодняшней.

Вечером того же дня в Шёнебергской ратуше, где размещался также западноберлинский Сенат, у меня состоялась встреча с Дитером Шрёдером, посвящённая обсуждению условий визита правящего бургомистра в Москву и перспектив советско-западноберлинских отношений в целом. К нашей беседе вдвоём неожиданно присоединился Вальтер Момпер, который сразу заговорил о кризисной обстановке в ГДР. Он уверенно утверждал: «СЕПГ кончилась. Ей потребуется очень много времени, чтобы восстановиться. Авторитет партии был тождествен авторитету государства. Поэтому сейчас всё идёт лишь автоматически. Возмущение и гнев населения столь велики, что полиции не продают бензина, жёны полицейских боятся расправ. Представителей народной полиции или госбезопасности ненавидят. Если избыток одного из них, то будут бить многих. Состоялся разговор Момпера с оппозицией в ГДР – он предостерегал [её] от вторжения в здания госбезопасности в Эрфурте и Лейпциге. Ведь насилие вызовет ответное насилие – сотрудники народной полиции, госбезопасности вооружатся. Национальная народная армия ГДР вряд ли сможет сдержать беспорядки. Остаётся лишь Красная Армия в качестве фактора поддержания порядка. Вот тогда начнётся настоящее бегство людей. Западный Берлин утонет. А что будет, если Мильке приедет в Западный Берлин просить политического убежища? Момпер сказал представителям западных держав вчера: „Всем нам будет худо“. Оппозиция в ГДР боится ответственности. Люди побегут и в том случае, если станет худо с экономикой. ГДР придёт конец в любом случае, но и ФРГ не выдержит – слишком острой станет социальная напряжённость. Реальность превосходит все опасения. Момпер делает всё, чтобы поддержать ГДР и даже СЕПГ (состоялась его встреча с Краком⁷⁹, запланирована встреча с Модровым). Нужна будет помощь со стороны четырёх держав. На ближайшее будущее планируется создание регионального комитета сотрудничества. [У Момпера имеется] надежда на поддержку Ветцля⁸⁰, Бергхофера, Мазура⁸¹. Встреча Момпера с Модровым возможна 12 или 13 декабря⁸². Вновь прибывших в Западный Берлин насчитывается 53 тысячи человек, из них 10 тысяч из Польши. 28

⁷⁸ После своей отставки с поста генсекретаря ЦК СЕПГ Кренц намеревался сохранить за собой пост председателя Государственного совета (президента) ГДР.

⁷⁹ Эрхард Крак – обер-бургомистр (глава городской администрации) Берлина, столицы ГДР (СЕПГ).

⁸⁰ Ульрих Ветцль – один из руководителей партии «зелёных» ГДР.

⁸¹ Курт Мазур – всемирно известный дирижёр симфонического оркестра «Гевандхаус», Лейпциг.

⁸² Встреча Модрова и Момпера состоялась 12 декабря в Потсдаме. Обсуждались ситуация в ГДР, предложения о помощи со стороны Западного Берлина, создание регионального комитета и включение Западного Берлина в договорное сообщество в области экономики, науки, транспорта, защиты окружающей среды, здравоохранения, спорта и туризма.

тысяч беженцев из ГДР размещены в спортивных залах школ Западного Берлина».

«Разговору с оппозицией», о котором упомянул Момпер, был посвящён сюжет западноберлинского телеканала «Свободный Берлин» (ЗФБ), вышедший в эфир накануне. Днём 5 декабря мне позвонил Нир, сообщивший о том, как этот разговор и проект создания особой экономической зоны оценивают в МИД ГДР: «По форме это, конечно, вмешательство [во внутренние дела ГДР] и как таковое должно быть отклонено. Не дело Момпера рассуждать о выборах или о круглом столе в ГДР. Но можно было бы признать „добрые намерения“ Момпера, тем более что он раньше вёл себя очень разумно. Официальной реакции со стороны ГДР, видимо, не будет. О встрече Момпер – Крак сегодня МИД ГДР не извещён. Но дело стоящее – региональный комитет с представителями правительства [ГДР] даст возможность обсуждать важные вопросы. Разумеется, при этом должен быть ограждён статус Западного Берлина».

Не скрою, высказанная Момпером обеспокоенность по поводу возможности резкого обострения кризиса в ГДР, произвела на меня сильное впечатление. Он был знаком с ситуацией в республике, наверное, даже лучше, чем её собственные власти, внимание которых отвлекалось на внутрипартийные распри. Перспектива вовлечения Западной группы войск в операции по предотвращению возможных вооружённых разборок с подерживаемой извне оппозицией в ГДР ужаснула меня своей правдоподобностью. После открытия стены республика оставалась целиком беззащитной перед лицом иностранного вмешательства, и полностью исключить разжигаемые из-за границы внутренние кровопролитные конфликты типа гражданской войны стало нельзя. Но в этом случае было бы трудно предоставить себе, что размещённые в ГДР советские войска станут безучастно смотреть на разыгрывающуюся на их глазах трагедию союзного государства, с многими гражданами которого солдат связывали дружеские отношения.

В ситуации, вконец дестабилизированной практически устранением линии секторального разграничения в Берлине и государственной границы ГДР с ФРГ, становился возможным любой исход. Для поверхностного взгляда со стороны драматизм ситуации оставался незаметным. Формально всё оставалось на месте, просто всякий контроль, даже таможенный, был упразднён. Для пересечения границы достаточно было предъявить удостоверение личности или какой-нибудь другой документ типа прав на вождение автомобиля. Дежурный полицейский довольствовался тем, что бросал мимолётный взгляд на то, что ему предъявлялось, и говорил: «Проходите!» (вариант: «Проезжайте!»). Такой «порядок» действовал для жителей Восточного и Западного Берлина, граждан обоих германских государств, для дипломатического корпуса и, видимо, для всех остальных тоже. В поисках новых ощущений мы с женой несколько раз проходили в Западный Берлин по нашим дипломатическим удостоверениям личности через только что созданный КПП для пешеходов у Бранденбургских ворот и лично убедились в том, что перейти линию секторального разграничения может всяк кому не

лень. Контроль на германо-германской границе вряд ли был более тщательным.

Положение усугублялось тем, что одновременно республика лишилась всех инструментов поддержания общественного порядка. Разрушение министерства госбезопасности без замены его каким-либо иным государственным органом с аналогичными функциями по примеру всех прочих государств мира стало триумфом западногерманских вдохновителей дезинтеграции ГДР как государства – отныне всякие действия оппозиционеров любой окраски перешли в разряд практически ненаказуемых.

Параллельно с упразднением «штази» самораспустилась по существу и Национальная народная армия ГДР. Её офицеры и солдаты не смогли простить правительству вечернего хаоса 9 ноября, когда в результате сумбурных действий, а ещё больше бездействия послехонеккеровского руководства республики едва не произошло столкновение армии со своим собственным народом (охрана рубежей страны входила в компетенцию не только МГБ, но и ННА). После 9 ноября командная вертикаль вооружённых сил ГДР на деле перестала функционировать. Армия разваливалась. Солдаты попросту расходились по домам. К тому же в связи с бегством людей в ФРГ после открытия стены на армию была частично возложена задача восполнить нехватку рабочих рук на производстве. 13 декабря 1989 года министерство обороны ГДР официально сообщило, что 19 100 военнослужащих и пограничников направлены на заводы и комбинаты, а также в больницы и медицинские учреждения для обеспечения населения жизненно важными товарами и услугами.

Кадры третьего основного элемента силовых структур ГДР – народной полиции – были до предела запуганы угрозами со стороны экстремистских элементов оппозиции, обещавших расправиться с полицейскими, принявшими когда-либо участие в разгоне антиправительственных демонстраций. Служащие полиции боялись появляться на городских улицах в униформе, от них посыпались заявления об увольнении по собственному желанию.

К тому же 15 декабря был упразднён, пожалуй, потенциально наиболее эффективный инструмент предотвращения силовых антигосударственных акций: реагируя на настойчивые требования оппозиции всех оттенков, правительство ГДР приняло решение о роспуске добровольческих «боевых дружин рабочего класса», чьё предназначение состояло в противодействии любым попыткам разжечь гражданскую войну. Хорошо вооружённые дружины были последним резервом властей на случай попыток насильственного переворота. Теперь правительство осталось практически полностью безоружным перед лицом всячески поощряемого народного гнева. Уверенность в собственной безнаказанности вела к дальнейшему обострению положения.

Кризисная ситуация становилась всё более острой. Организаторы демонстраций стали переходить к насильственным методам выражения протеста – к смещению должностных лиц, захвату помещений органов власти, задержанию лиц, которых демонстранты в чём-то обвиняли. Получалось нечто вроде цепной реакции, когда каждая уступка властей влекла за собой дальнейшую радикализацию протестного потенциала. Республика как бы

зависла в состоянии невесомости. Хаос нарастал. Буквально всё могло случиться завтра.

Пришлось принимать меры по совершенствованию безопасности комплекса зданий нашего посольства. В своё время власти ГДР позаботились о том, чтобы советские дипломаты чувствовали себя в Берлине уверенно. Поскольку посольские здания были расположены практически в «приграничной зоне» (на расстоянии 400 метров от Берлинской стены), их охрана с 1979 года доверялась входившей в систему МГБ дивизии им. Феликса Дзержинского. Одетые в обычную полицейскую форму патрули этой дивизии дежурили у главного входа в посольство СССР и прикрывали всю его фронтальную часть, выходящую на Унтер-ден-Линден. Была до мелочей продумана система оповещения о чрезвычайных ситуациях. В районе Бранденбургских ворот постоянно находился резерв, который в случае нужды в считанные секунды мог бы прийти на выручку постовым у посольства. Между тем ликвидация МГБ означала также упразднение дивизии им. Феликса Дзержинского. С 5 декабря 1989 г. у посольства стали дежурить полицейские из ближайшего отделения народной полиции. Надеяться в экстренных случаях на эффективную поддержку властей ГДР уже не приходилось. Мы были вынуждены готовиться к худшему.

Решение возникшей проблемы обеспечения безопасности посольства стали искать с помощью Берлинской бригады Западной группы войск. Её солдаты и раньше по договоренности посла с главным командованием ЗГВ круглосуточно охраняли служебный вход в посольство с Беренштрассе (сотрудникам посольства и членам их семей выдавались специальные пропуска на русском языке, чтобы они могли пользоваться этим входом). Раз в сутки в посольство приезжал военный автобус из расположения бригады в берлинском районе Карлсхорст – производилась смена караула. Теперь численность военной охраны была удвоена на тот случай, если понадобится прикрыть и главный вход в посольство. По счастью, такой необходимости не случилось. Но приходилось учитывать возможность любых неожиданностей.

Укрепление охраны посольства силами Берлинской бригады наверняка не укрылось от внимательных глаз, пристально и непрерывно наблюдавших за всем, что делали находившиеся в ГДР представители Советского Союза. Надо полагать, что данный факт был истолкован как признак решимости при возникновении прямой угрозы для безопасности советских учреждений в ГДР пустить в ход немалые возможности Западной группы войск (как хорошо знали в столицах НАТО, её потенциал был рассчитан на успешное ведение военных операций против совокупных сил альянса). Подобная перспектива должна была поддействовать отрезвляюще на тех, кто из-за кулис дёргал за ниточки происходящего в республике. В свою очередь, последовавший холодный душ с Запада, видимо, несколько охладил горячие головы по эту сторону всё ещё стоявшей, хотя уже и переставшей выполнять своё предназначение стены.

Однако главным было то обстоятельство, что ликвидация всех рычагов поддержания общественного порядка в республике не оставляла иной возможности справиться с кризисом в случае его крайней эскалации, кроме

прямого вмешательства ЗГВ. Такое развитие событий было абсолютно нежелательно для советского руководства, но с гражданской войной в ГДР не смог бы смириться даже Горбачёв. Однако уже одна мысль о возможности советского вмешательства была равнозначна крушению генерального курса советской внешней политики на разрядку напряжённости, преодоление конфронтации и построение общего европейского дома. Другими словами, речь шла о провале личной линии Горбачёва как вдохновителя этого курса, а это означало бы предельно острый кризис власти в СССР. В итоге получалось бы нечто вроде перенесения на советскую почву сумятицы, бушующей в ГДР. От раздумий на подобные темы дыбом вставали волосы. «Созерцательная» тактика, которой придерживались товарищи из ЦК и, следовательно, Кочемасов, не давала, по моим наблюдениям, реальных результатов. Времени для принятия возможных превентивных мер оставалось ультимативно мало.

Опасения, высказанные Момпером, укрепили мою убеждённости в необходимости предпринять хотя бы минимум активных действий, которые, оставаясь в тени закулисы, могли бы в то же время способствовать снижению градуса агрессивности закопёрщиков уличных волнений, пока не стало слишком поздно. Ещё до беседы с Момпером я приступил к установлению личных контактов с руководством блоковых партий и умеренной оппозиции, которые до сих пор были для нас официально в некоего рода карантине. Моей целью было попытаться использовать их влияние на создаваемые повсюду «гражданские комитеты», чтобы противодействовать полной потере контроля над уличной стихией. Уже в **среду 29 ноября** я переговорил с новым председателем ХДС (ГДР) Лотаром де Мезьером, занимавшим к тому же пост заместителя председателя Совета министров республики. В **среду 6 декабря** состоялась моя встреча с председателем ЛДПГ Манфредом Герлахом, только что ставшим исполняющим обязанности председателя Государственного совета ГДР. На следующий день я посетил нового председателя НДПГ Гюнтера Хартмана. В **субботу 9 декабря** вместе с советником посольства по культуре А. П. Ивановым беседовал с известной писательницей Кристой Вольф, располагавшей большим влиянием на «гражданские комитеты» (мы заручились её обещанием «поднять всех на ноги») ⁸³. В **среду 13 декабря** я принял в посольстве для беседы авторитетного в оппозиционных кругах заместителя председателя Объединения евангелических церквей ГДР Манфреда Штольпе, который заверил в том, что евангелическая церковь сделает всё возможное для сохранения гражданского мира в стране. Не исключено, что эти мои усилия – в ряду других факторов – способствовали тому, что события не пошли по наихудшему сценарию.

⁸³ Оценки ситуации, которые давала Вольф по ходу беседы, были достаточно мрачными: «В целом положение тревожное. На предприятиях нет ни партийных организаций, ни профсоюзов – нет ничего. В ГДР есть только правительство. Надо поддерживать Модрова. Настроения среди населения всё больше склоняются в сторону воссоединения. Рабочие говорят: мы не хотим никаких новых экспериментов; в ФРГ всё функционирует, поэтому надо присоединяться. Народ всё больше отходит от интеллигенции. Воззвание „За нашу страну“ подписали с 28 ноября около миллиона человек, но всё испортило, что к подписантам присоединился Кренц».

На совещании в **среду 6 декабря** посол подробно информировал сотрудников о своих оценках складывающейся в ГДР ситуации: *«Положение продолжает ухудшаться. Царит растерянность перед лицом противоправных действий оппозиции против госбезопасности (Росток, Лейпциг, Эрфурт, Дрезден). Помещения госбезопасности опечатаны. Внешне всё спокойно. Ясно, что друзьям надо защищаться. Возникла опасность захвата зданий окружкомов СЕПГ (Эрфурт), окружных советов и т. д. Налицо раздраженность многих звеньев руководства. Аппарат ЦК СЕПГ, за редким исключением, не работает. Сейфы опечатаны. „Народные комитеты“⁸⁴ – попытка создания параллельных структур власти. Правительство ещё слабо. Рычагов власти нет. Сумятица в головах от идеи воссоединения. Симпатии к „плану Коля“ растут. СМИ отбились от рук. Окружная печать СЕПГ частично тоже. Работают на разрушение. ХДС ГДР перешла на радикальные позиции, руководство ведёт себя заносчиво, ведутся контакты с западниками. Геншер заверял в Москве, что ФРГ не вмешивается в дела ГДР. А. Н. Яковлев заявил ему: „Вы шутите с огнём, мы не остаемся в стороне“. Друзья попросили помочь с подготовкой съезда. Сегодня прлетает группа товарищей из Москвы».*

Посол рассказал также о состоявшемся накануне блиц-визите Кренца: *«Кренц был вчера ночью в посольстве. 5 декабря состоялись два заседания президиума Народной палаты по вопросу о председателе Госсовета. Руководство ХДС настаивало на созыве сессии Народной палаты. Переговоры Модрова не помогли. Большинство президиума молчало, а затем рекомендовало отставку. В результате Кренц решил добровольно сложить свои полномочия председателя Госсовета и председателя Совета обороны. На сессии Народной палаты Кренц мог бы вполне получить большинство, но тогда сессия превратилась бы в суд над СЕПГ. Сегодня в 14.00 будет объявлено об этом решении Кренца. Исполняющим обязанности председателя Госсовета будет Герлах, исполняющим обязанности председателя Совета обороны – Модров».* Затем посол вернулся к анализу складывающейся ситуации: *«Демонтаж органов госбезопасности очень опасен. Нарастает недовольство их сотрудников. После митинга во дворе бывшего МГБ коллегия Министерства национальной безопасности⁸⁵ ушла в отставку. Во многих местах сотрудники госбезопасности заменяются служащими народной полиции. Усилился выход из СЕПГ – вышло уже 20 % членов партии, причём главным образом рабочие. Очень плохая обстановка в Плауэне. Мы должны поддерживать контакты со всеми, с кем мы обычно поддерживаем контакты».*

В пятницу **8 декабря** МИД СССР письменно уведомил нас о решении советского правительства дать западным державам положительный ответ на их «берлинскую инициативу». Я был на беседе в МИД ГДР с заместителем министра Эрнстом Крабачем, когда посол срочно вызвал меня (пришлось прервать беседу) и поручил провести соответствующие переговоры

⁸⁴ Имелись в виду «гражданские комитеты».

⁸⁵ Руководство ГДР попыталось спасти структуры и кадры госбезопасности путём реформирования и переименования МГБ в ведомство национальной безопасности, но это не удалось из-за сопротивления улицы.

с властями трёх держав в Западном Берлине на предмет незамедлительной четырёхсторонней встречи на уровне послов. Этикет требовал, чтобы это было сделано не по телефону. Надо было лично встретиться с каждым из посланников и довести до его сознания необходимость не терять времени. Как всегда, во второй половине дня по пятницам многочисленные пробки затрудняли уличное движение, особенно в Западном Берлине. Тем не менее все три встречи состоялись.

Поскольку Франция председательствовала в этом месяце в западноберлинской трёхсторонней комендатуре, первым моим собеседником (в 17.00) стал французский посланник Франсис Бошато. Он задал мне вопрос, который свидетельствовал о том, что западники уже размышляли над деталями предстоящей четырёхсторонней акции: «Вы, разумеется, хотите, чтобы встреча состоялась в здании Контрольного совета?» Хотя в указаниях из Москвы об этом не было ни слова, я, разумеется, поспешил ответить «Да!». Нетрудно было догадаться, что желаемый психологический эффект от предстоящих переговоров четырёх послов будет максимальным, если они пройдут в том же здании, из которого Германия управлялась в 1945–1948 годах. В ходе состоявшихся затем у меня бесед с посланниками Великобритании (в 18.00) и США (19.30) я уже уверенно исходил из того, что послы встретятся в Контрольном совете, здание которого на Кляйст-плац в Западном Берлине было недавно отремонтировано. (Оно практически пустовало – в нём размещался только Берлинский центр воздушной безопасности, последний четырёхсторонний орган, который действовал до конца германской двухгосударственности.)

Гарри Гилмор давал в этот вечер обед в честь Бошато, недавно прибывшего в Берлин. Параллельно из соседней комнаты велись напряжённые телефонные переговоры с Вашингтоном и Бонном. Несколько раз Гилмора и меня просили «на минуточку» зайти в эту комнату, чтобы дать пояснения по тому или иному пункту повестки дня предстоящего заседания. Когда мы выходили во второй или в третий раз, одна из присутствующих высокопоставленных западноберлинских дам сказала нам весьма явственным шёпотом: «Пожалуйста, удержите их от глупостей!», имея в виду уличную стихию в ГДР. Эта фраза хорошо передавала тогдашнее настроение в западноевропейской общественной среде. Взрыв в ГДР никому из нормальных людей не был нужен – даже на Западе.

Поздно вечером в воскресенье **10 декабря** Гилмор позвонил мне⁸⁶ и сообщил, что всё готово для встречи четырёх послов в здании Контрольного совета на следующий день, 11 декабря, в 11.00. В назначенное время на Кляйст-плац прибыл наш посол в сопровождении группы сотрудников, среди которых был и я. От линии секторального разграничения кавалькада

⁸⁶ Процесс телефонных переговоров с властями трёх держав в Западном Берлине заслуживает особого упоминания. Эти переговоры осуществлялись по линии, проложенной ещё в 1947 году, когда весь Берлин находился под управлением четырёхсторонней комендатуры, и с тех пор ни разу не модернизированной. Слышимость была отвратительной. Приходилось всё время кричать, чтобы тебя услышали. Но эта линия обладала одним неоспоримым преимуществом – она давала возможность связаться напрямую с моими западными коллегами. К тому же обычная телефонная связь с Западным Берлином после 9 ноября была практически парализована вследствие огромного числа ежедневных звонков с обеих сторон от стены.

автомобилей советского посольства двигалась в сопровождении расчищавших дорогу машин американской военной полиции. Послы в Бонне Вернон Уолтерс (США), Кристофер Мэллеби (Великобритания) и Серж Буадеве (Франция), а также посланники этих стран в Западном Берлине поджидали нас уже на месте. Большое впечатление произвели организаторские способности американцев, взявших на себя техническую подготовку встречи. За несколько часов были созданы условия для длительных переговоров: украшенный флагами четырёх держав вместительный зал заседаний с огромным квадратным столом, оснащённые всем необходимым отдельные кабинеты для каждого посла, отлично оборудованные комнаты для советников, а также для технического персонала (не были забыты даже пишущие машинки с русским шрифтом, которые вызвали неподдельный восторг у включённых в состав нашей делегации секретарш). Вся эта роскошь на первом заседании послов не понадобилась: оно не было продолжительным и свелось в основном к обмену декларациями. Но участники встречи смогли убедиться в наличии материальных предпосылок для целой серии последующих обсуждений.

Все четыре посла высказывались по очереди. Советский посол говорил, естественно, о необходимости стабилизировать политическую обстановку в самом Берлине и вокруг него. Западники сконцентрировались на тематике, связанной с «берлинской инициативой», сделав упор на совершенствовании воздушного сообщения с городом. Чувствовалась определённая скованность наших западных партнёров, чьи речи были построены по однообразному трафарету. Позже из неофициальных источников мы узнали, что западная подготовка встречи послов сопровождалась острейшим внутренним конфликтом: правительство ФРГ отчаянно сопротивлялось тому, чтобы «четвёрка» собралась без западногерманских представителей. Дело в том, что западные немцы не совсем бесосновательно опасались, что начинающиеся переговоры четвёрки выльются в своего рода возрождение послевоенного четырёхстороннего «диктата» и могут, таким образом, помешать замаячившему на горизонте быстрому поглощению ГДР.

Согласие на встречу вчетвером Бонн дал лишь под сильнейшим давлением со стороны США, опасавшихся разрушительных последствий для ситуации в мире, если в ГДР начнётся что-то похожее на гражданскую войну. Как повёл бы себя объединённый Запад в случае вероятных ответных акций властей ГДР и Советского Союза, оставалось совершенно неясным перед лицом распространённого в высших политических кругах Франции и Англии неприятия перспективы молниеносного возрождения германского гиганта в центре Европы. Разрекламированное западное единство действий вполне могло развалиться. Судя по всему, и сами США к этому моменту ещё не совсем определились, будет ли поспешное объединение Германии соответствовать их глобальным интересам. Американский прагматизм подталкивал к тому, чтобы действовать наверняка и попридержать пока западногерманскую напористость, рискующую подорвать сплочённость Запада. Именно опасениями Вашингтона, что загнанный в угол СССР решится на энергичный отпор, объясняется настойчивый совет американцев ФРГ воздержаться от действий, способных оттолкнуть Москву, когда она после дол-

гих лет раздумья приняла общую западную идею четырёхсторонних контактов по Берлину.

Итоги перетягивания каната по вопросу о составе участников встречи послы отразили фундаментальные изменения в соотношении сил внутри западных союзов. Цена согласия западных немцев не настаивать на своём участии оказалась существенной. Американцы, англичане и французы были вынуждены обещать Бонну, что переговоры с СССР по любым аспектам германских дел проходят без западных немцев в последний раз. Западные послы в своих речах на встрече дружным хором высказались за привлечение немцев ФРГ к дальнейшим переговорам. Кочемасов, со своей стороны, не стал возражать против их приглашения при условии, что будут участвовать и представители ГДР. Положение в ГДР было настолько серьёзным, что все остальные детали теряли своё значение. Требовалось во что бы то ни стало сбить накал. И в целом это удалось.

Однако по сути приглашение немцев на переговоры было косвенным отказом от признававшегося до тех пор всеми заинтересованными сторонами подхода к Западному Берлину как к самостоятельному субъекту международного права с установленным ещё в 1945 г. особым статусом. Всё последующее время считалось, что Западный Берлин входит в исключительную сферу компетенции четырёх держав. Так, в ходе многолетних переговоров, закончившихся в 1971 г. подписанием Четырёхстороннего соглашения по (Западному) Берлину, в зале заседаний не было немцев (ни из ГДР, ни из ФРГ), что вызывало недовольство у обоих германских государств. Однако четыре державы могли позволить себе игнорировать это недовольство. Встреча послы 11 декабря 1989 г. формально посвящалась берлинской тематике, и посему в ней не требовалось непосредственного немецкого участия. Более того, такое участие неизбежно вызвало бы дополнительные споры и расхождения, а самое главное – потерю времени. Между тем фактор времени играл решающую роль в предотвращении катастрофы, которая вот-вот грозила разразиться в ГДР.

Правительство ГДР спокойно отнеслось к тому, что не было приглашено на встречу четвёрки – у него были заботы посерьёзнее, и проблемы Западного Берлина в них не входили. Однако недовольство и возмущение в Бонне как у официальных лиц, так и в средствах информации приобрело прямо-таки истерические масштабы. Особое раздражение вызвало опубликованное мировой прессой «семейное фото» четырёх послы на фоне Контрольного совета, украшенного флагами СССР, США, Великобритании и Франции.

Что бы то там ни было, главная цель операции «Берлинская встреча послы» была достигнута: участники внутривнутриполитических процессов в ГДР смогли убедиться в наличии единогласия среди мировых держав, несущих ответственность за Германию в целом, по важнейшему вопросу о недопущении сползания восточногерманских событий в немирное русло. Решающим моментом коммюнике о встрече послы было указание на необходимость поддержания стабильности обстановки, сформулированное по нашей инициативе. Во избежание журналистских потуг выявить расхождения во мнениях среди участников встречи послы согласились не

комментировать содержание коммюнике в контактах со СМИ. В итоге был подан сигнал такой мощи, что не услышать его не смог никто. Даже самые радикально настроенные элементы поняли, что после такого предупреждения шутить не стоит. Надо было развивать успех. Всё было готово для переговоров, которые позже получили название «четыре плюс два» (то есть четыре державы плюс два германских государства). Но Москва вновь «зависла»...

На совещании во **вторник 12 декабря** посол информировал сотрудников посольства об итогах вчерашнего четырёхстороннего совещания: *«Встреча четырёх послов состоялась по инициативе СССР. Мы предложили встретиться для обсуждения „берлинской инициативы“ и более широких вопросов. Нам было важно продемонстрировать нашу озабоченность развитием событий в германском регионе. Мы предложили систему постоянных встреч четырёх держав – механизм, который позволит нам проводить нашу линию. Западники будут консультироваться по этому поводу со своими правительствами. Мы достигли цели, которую мы ставили перед собой, выдвигая предложение о проведении встречи четырёх послов. Конфиденциальность обеспечена – никто не должен давать комментарии к согласованному сообщению для печати. Ситуация в ГДР развивается опасно – прежде всего в направлении сближения с ФРГ. Растут настроения в пользу воссоединения (митинг в Лейпциге). Государственные структуры на местах разрушены, растёт недовольство, появилось много безработных (члены СЕПГ, сотрудники госбезопасности). Уходят в ФРГ бывшие партработники, работники госбезопасности, военнослужащие. Образовалось ядро организаторов антисоциалистического, антисоветского движения. Выдвигнут проект восстановления земель. Трудности велики в экономике. Нужна серьёзная экономическая помощь. Поэтому руководство ГДР вынуждено идти на сотрудничество с ФРГ. Будут договорённости с Колем. Возможны позитивные шаги в отношении Западного Берлина. Друзья нас спрашивают по этим делам, а мы задерживаем ответы. 16 декабря съезд СЕПГ будет продолжен⁸⁷. Большинство составляют делегаты с невысокой политической культурой – особенно от интеллигенции (допускают непродуманные высказывания, затем от них отказываются). Нам нужно вносить предложения о том, как строить дальнейшие отношения с СЕПГ. В Центре этим занимается политбюро ЦК КПСС, лично Горбачёв. Сейчас в ГДР фактически действует только правительство. Местные органы власти ослаблены. Модров советуется с нами. К сожалению, в правительстве у него мало помощников. Шюрер подал в отставку. Контакты с нами на уровне министров прерываются. Нам надо заботиться о том, чтобы устанавливать новые. Это относится и к блоковым партиям, где обстановка постоянно обостряется. Раздаются требования об отставке Герлаха. Дело осложняется тем, что печать вышла из-под контроля. Нам надо искать в СССР партнёров для блоковых партий, расширять наши связи с интеллигенцией».*

---

⁸⁷ Первая часть чрезвычайного съезда СЕПГ состоялась 8 и 9 декабря. На нём председателем партии был избран адвокат Грегор Гизи, заместителями председателя – Ханс Модров и Вольфганг Бергхофер; ЦК преобразовали в правление, а политбюро – в президиум партии.

Вечером в тот же день, **12 декабря**, госсекретарь США Джеймс Бейкер посетил Потсдам для встречи с Модровом. Это был первый и последний визит столь высокого уровня в ГДР из-за океана. Американец заверил Модрова в том, что США заинтересованы в мирном и стабильном развитии процесса реформ в ГДР и что его приезд должен послужить политическим сигналом в этом духе⁸⁸. И действительно, в соединении с встречей четырёх послов накануне жест Бейкера стал сигналом, который дошёл до сознания самого последнего из авантюристов, подстёгивавших напряжённость в ГДР. Манфред Никлас, помощник министра иностранных дел республики Оскара Фишера, говорил мне в состоявшейся в этот день беседе, что перечисленные акции восприняты большинством восточных немцев как «плановые игры»: *«Если разразится хаос в ГДР, то власть возьмут на себя четыре державы. Это важный и своевременный знак»*.

Во **вторник 12 декабря** писатель Штефан Гейм, близкий соратник Кристи Вольф по «гражданским комитетам», обратился с призывом к общественности ГДР не допустить, чтобы мирно начавшаяся революция закончилась кровавой баней. На следующий день Манфред Штольпе сказал мне: *«Встреча четырёх – хорошее дело. Достигнут сигнальный эффект. Беда в том, что у оппозиции в ГДР наблюдается потеря чувства реальности: ей кажется, что всё решает Коль. Такие встречи необходимо продолжать. Экономическую общность надо налаживать в рамках самостоятельной ГДР; то же относится и к сотрудничеству с Европейскими сообществами. Тогда Франция и Великобритания будут соперничать с ФРГ в борьбе за сотрудничество с ГДР. Единство действий СССР и США – самый убедительный аргумент для немцев»*. Представляя интерес его характеристика позиции евангелической церкви в отношении внутривосточного кризиса ГДР: *«Церковь приветствует движение к демократии, но важно, чтобы оно шло без насилия»; «Происходит переплетение социальной и национальной проблем. По национальному вопросу церковь последовательно говорила: нация едина, но всегда жила в разных государствах. Раньше эта тема была табуизирована»; «Нужно немедленно начать повышение уровня жизни населения»; «Если люди увидят, что дело пошло, настроения будут лучше. За один-два года можно добиться существенного сближения уровня жизни [в ГДР с уровнем жизни в ФРГ]»; «Положение не так опасно, как кажется. Модров очень популярен, его позиции надо укреплять. Церковь пригласила [президента ФРГ] Вайцеккера в Потсдам; может быть, удастся устроить его встречу с Модровом»*.

В **понедельник 14 декабря** в Берлин для консультаций с новым руководством СЕПГ неожиданно пожаловал А. Н. Яковлев, который быстро становился «серым кардиналом» советской политики. Прибывший вместе с ним

⁸⁸ См.: Hans Modrow, Ich wollte ein neues Deutschland. – München. – 1999, S. 391.

Характерна датированная следующим днём заметка в моей записной книжке (без указания источника): «Американские данные: трёхэтапный план воссоединения – до 1992 года максимальная экономическая помощь; до 1995 года предоставление ГДР статуса наблюдателя, а затем члена Европейских сообществ; до 2000 года полное объединение» с припиской: «Майер-Себастиан [посланник постпредства ФРГ в ГДР, с которым я встречался 13 декабря] утверждал, что идея членства ГДР в ЕС абсурдна; следует ограничиться обычным соглашением о сотрудничестве».

сотрудник Международного отдела ЦК КПСС В. А. Коптельцев встретился в МИД ГДР с заместителем министра Крабачем и помощником министра Никласом. Они хорошо знали друг друга, поскольку Коптельцев занимал до мая 1987 года пост советника-посланника посольства СССР в Берлине. Его интересовал прежде всего вопрос о том, как оградить от влияния кризиса отношения между ГДР и СССР (в компетенцию Международного отдела не входили отношения с социалистическими странами, но германская проблема стирала все границы). Я присутствовал на беседе – мне очень хотелось уточнить для себя уже ощутимую разницу в подходах к урегулированию кризиса ГДР различных фракций в московском руководстве (окружение Горбачёва, аппарат ЦК КПСС, МИД).

Из моих записей явствует, что Крабач и Никлас, признавая определённое успокоение среди демонстрантов, подчёркивали тем не менее, что признаки развала в партии нарастают и опасность неконтролируемого развития сохраняется: *«В МИД, в правительстве есть члены партии, но партии нет. Фронт проходит через все парторганизации, партбюро и т. д. Положение очень серьёзное»*; *«Все политические силы ФРГ нашли для себя резонансное пространство в ГДР. Тактика Коля, Вайцеккера и др. состоит в том, чтобы предоставить ГДР самой „навести порядок“, загнать коммунистов в гетто, а затем западные немцы явятся как спасители. Ни одно соглашение не рассчитывается на срок больший, чем два года»*. В том что касается упрочения отношений с Советским Союзом, собеседники высказали мнение, что *«необходимы сигналы для ФРГ и для населения ГДР; например, [демонстративные] двусторонние консультации, заявления по обстановке в Центральной Европе, включая ГДР, встречи министров иностранных дел с соответствующими оценками»*.

Высказывания Коптельцева сводились к следующему: *«Концепция ФРГ – до выборов [в Народную палату] в мае [сохраняются] спокойствие и Модров, затем [приходят] новое правительство без СЕПГ и референдум по воссоединению. Расчёт реальный. Партия должна настроиться на выборы – никакого регулярного съезда в марте, никакого самодействия. Предвыборная программа на две страницы. ХДС [ГДР] – почти филиал Запада, остальные партии также выскажутся за воссоединение. Если нельзя будет удержать ГДР, нам следует поддержать товарищей, помочь им. Если по тактическим соображениям партия выскажется за воссоединение, то мы не должны им мешать. Немецкие товарищи не должны чувствовать себя преданными русскими»*. И далее: *«Мирный договор и изменение границ невозможны без согласия четырёх держав. Войска, стоящие в ФРГ и ГДР, уйдут, когда не будет больше опасности от Германии. Даже воссоединение не заставит нас убрать войска – [решает] принадлежность к союзам. Вывод войск – это цена за нейтрализацию Германии»*.

Утреннее совещание во **вторник 15 декабря** пришлось проводить мне – посол постоянно сопровождал Яковлева. Я решил воспользоваться случаем и напомнить коллегам, многие из которых уже начали списывать ГДР со счетов, о нашей принципиальной линии в отношении республики. У меня сохранился текст, который я тогда огласил: *«Во избежание любых*

неясностей или недоразумений хочу уточнить – при всех внутренних размышлениях, анализе возможных вариантов развития, разработке идей и предложений для внесения на рассмотрение Центра нам нужно помнить, что официальная позиция СССР по германским делам сформулирована М. С. Горбачёвым и гласит: соединение немецких государств в любой форме (конфедерация, федерация, унитарная конструкция) не стоит на повестке дня. Реальность самостоятельного существования ГДР относится к реальностям итогов Второй мировой войны и послевоенного развития, реальностям, на которых зиждется общеевропейский процесс. Игнорирование этой реальности приведёт к непредсказуемым последствиям. ГДР – наш стратегический союзник, и мы не дадим его в обиду. Всё остальное должно быть предоставлено на усмотрение истории. Все наши собеседники должны чётко понимать – это наша незыблемая позиция. Пока мы стоим твёрдо, дело не проиграно».

Ключевое значение имела завершающая фраза. Мы все понимали, что надолго чисто негативную позицию по германской национальной проблеме удерживать не удастся – мы уже слишком сильно заангажировались в плане строительства общего европейского дома с нашим участием. Но предстоявшую корректировку позиции нужно было обставить категорически незыблемыми условиями – потребовав, в частности, твёрдой гарантии нашего равноправного включения в Большую Европу. И согласие Запада на нашу программу действий было тем вероятнее, чем решительнее мы стали бы настаивать на отказе обсуждать даже дальнюю перспективу исчезновения ГДР.

Однако, как выяснилось позже, приезд Яковлева служил иной цели. Никто из нас не мог представить себе, что визит высокопоставленного гостя из Москвы в Берлин именно в этот момент был связан с начавшейся в глубокой тайне подготовкой к развороту на 180 градусов в германских делах. Период выжидания и промедления со стороны высшего руководства нашей страны принёс неожиданные плоды – посещение ГДР госсекретарём США, немыслимое ещё вчера и только что ставшее реальностью, можно было оценить только как невероятный успех. Вместо того чтобы развить этот успех путём активизации нашей внешней политики, в Москве задумали круто изменить её направленность. Видимо, кто-то очень торопился, сдав восточногерманскую республику, инициировать практическое разрушение социалистического лагеря, что вело бы к минимизации влияния Советского Союза на мировые дела.

На специальном совещании утром в **субботу 16 декабря** посол постарался подвести итоги миссии Яковлева: *«Беседы с Яковлевым показали, что у Гизи есть хорошие задатки стать крупным партийным деятелем, но опыта организационной работы у него нет. Ему нужно давать советы, подсказывать. Следует смотреть, откуда ещё на него могут влиять (национализм?). Модров показывает, что стремительно вырастает в настоящего крупного руководителя. Оба они предупреждали, что усиливается антисемитизм. Он ещё не стал большой политической силой, но тенденция налицо. Яковлев выразил готовность сотрудничать [с друзьями] по партийной и по государственной линии. [Посольству] следует разрабаты-*

вать предложения и соображения по партийной и государственной линии об интенсификации сотрудничества. Надо добиваться, чтобы приезжали специалисты из Москвы для бесед с деятелями СЕПГ, а также других партий и группировок. Необходимо также заняться инвентаризацией – сколько же здесь наших организаций и граждан и на каких юридических основаниях. [...] Посмотреть на возможность сокращения. Это же относится и к представительству КГБ, и к ЗГВ».

В этот день в прессе ГДР было опубликовано сообщение АДН о пресс-конференции заместителя министра иностранных дел СССР В. Ф. Петровского в Нью-Йорке, в ходе которой советский представитель заявил, что СССР намерен до 2000 года вернуть домой все свои находящиеся в данный момент за рубежом войска, общая численность которых составляет 627 тысяч человек.

В воскресенье **17 декабря** Горбачёв направил Колю личное послание в связи с намеченной поездкой канцлера в Дрезден. Подготовленный, надо полагать, в МИД СССР текст содержал перечень основополагающих моментов, на которых Советский Союз считал возможным строить дальнейшее сотрудничество с ФРГ: 1) неукоснительное соблюдение принципа нерушимости послевоенных границ в Европе; 2) отказ от извлечения односторонних выгод из ситуации в ГДР; 3) обеспечение стабильности в ГДР и в Европе в целом; 4) содействие развитию общеевропейского процесса и сближению в его рамках всех государств и народов континента. Советская позиция была обозначена чётко и недвусмысленно. Послание заканчивалось осторожным предупреждением: «Если у нас сохранится такое взаимопонимание (а оно совпадает с позицией на этот счёт других европейских государств, США и Канады), то надеюсь, что и Ваш предстоящий визит в ГДР пройдёт под знаком согласия, достигнутого нами в Москве и Бонне».

В этот же день, **17 декабря**, Вторая программа телевидения ФРГ (ЦДФ) и западногерманский журнал «Шпигель» опубликовали результаты первого проведённого в ГДР зондажа общественного мнения, согласно которым 73 % граждан высказались в пользу сохранения суверенитета ГДР и лишь 27 % поддержали перспективу объединения с ФРГ. Опрошенные относили к сильным сторонам ГДР по сравнению с ФРГ высокую степень социальной защищённости населения и отсутствие безработицы. Представительный опрос общественного мнения, проведённый социологами Академии общественных наук ГДР во второй половине декабря 1989 года, показал, что 59 % участвовавших в опросе доверяют Хансу Модрову. На предстоящих парламентских выборах 34,0 % ответивших на соответствующий вопрос намеревались поддержать СЕПГ-ПДС; 7,9 % – ХДС; 2,6 % – ЛДПГ; 2,0 % – НДПГ; 5,8 % – «Новый форум»; 5,4 % – «Объединённых левых» и СДП; 2,0 % – «Демократический прорыв»; 1,0 % – партию «зелёных». 7,3 % участников опроса не собирались принимать участия в голосовании. Эти данные не выявили существенных расхождений с прогнозами экспертов посольства.

На совещании в **понедельник 18 декабря** посол охарактеризовал ситуацию, сложившуюся после завершения 17 декабря Чрезвычайного съезда

СЕПГ, давшей ей двойное название СЕПГ-ПДС⁸⁹: *«Наступил качественно новый этап в развитии ГДР. Надо подумать, как нам строить свои отношения с партиями и организациями в условиях, когда СЕПГ больше не правящая партия⁹⁰. Мы будем продолжать поддерживать и укреплять СЕПГ-ПДС. Руководство СЕПГ было растеряно, долго не понимало, что предвыборная борьба уже началась. Имелись ликвидаторские настроения. Налицо была недооценка необходимости прекратить самоедство и заняться поисками выхода из положения. Приезд Яковлева сильно помог, были прояснены многие принципиальные позиции. Целый вечер он просвещал Гизи. Позиции Гизи трансформировались в ходе беседы. Его выступление на съезде показало, что он хорошо усвоил сказанное ему. Мы имеем дело с умным политиком, однако он непредсказуем в деталях. Быстро приспосабливается (даже „слишком гибко“), умеет говорить, владеет аудиторией. Последовательность Гельмута Коля будет зависеть и от нас. Достигнута договорённость об укреплении и расширении контактов [между КПСС и СЕПГ-ПДС] на всех уровнях. Видимо, в январе 1990 года Гизи поедет в Москву. Нужна новая основа, новые методы работы с СЕПГ-ПДС. В беседе Яковлева с Модровом не обнаружилось расхождений между нашими позициями. Отношения с ФРГ: ГДР нуждается в серьёзной экономической помощи, которую в необходимых масштабах может предоставить ФРГ (только она и, главное, быстро). Мы такой помощи оказать не можем. Более того, переход нашей внешней торговли на валютную основу (мировые цены) может нанести сильный удар ГДР (её нынешняя задолженность составляет 21 миллиард долларов). Модров собирается потребовать от ФРГ выплаты долгов за грабёж с помощью валютных курсов и так далее и начнёт с 15 миллиардов марок ФРГ. Затем будет резко расти экономическое сотрудничество через совместные фирмы и так далее. Нашим экономистам надо будет разобраться с этим. Модров сказал: „Мы не продержимся, если не договоримся с Колем“. Западные немцы серьёзно подготовились к наступлению на ГДР. 1 января 1990 года будет преодолен важный рубеж: безвизовый въезд граждан ФРГ в ГДР. Если 6 мая⁹¹ СЕПГ-ПДС получит 25–30 % голосов, это будет победой (такова оценка Модрова). Для этого нужно будет поработать, бороться за общественное мнение. Нам нужно подумать о новых принципах сотрудничества с ОГСД, которое будет совсем новым. Стратегическая задача – борьба за самостоятельность ГДР. Это сложно. Главное – настроения в самой ГДР. Нам нужно внимательно изучать настроения населения республики. Мы думаем о возможностях воздействия на ФРГ, на три державы. Например, через оживление четырёхстороннего механизма, повышения его уровня до министров иностранных дел. Ни при каких обстоятельствах нельзя давать повода для усиления антисоветских настроений. Дело в том, что идея референдума о воссо-*

⁸⁹ Единая социалистическая партия Германии – Партия демократического социализма. Это было сделано по юридическим соображениям: иначе партии грозила потеря даже того скромного имущества, которое оставалось после начавшихся в ГДР реформ.

⁹⁰ Соответствующая статья была удалена Народной палатой из конституции ГДР 1 декабря 1989 г.

⁹¹ На эту дату были первоначально назначены внеочередные выборы в Народную палату.

единении часто сопрягается с идеей референдума о выводе наших войск⁹². Надо думать над тем, как мы, наши семьи, советские командированные должны вести себя здесь. В ближайшие дни провести инвентаризацию – сколько [советских] организаций [находятся здесь], какой численности, на каком основании. Надо посмотреть, кто нам здесь не нужен, кто может без ущерба для наших интересов в ГДР быть отправлен домой».

Около полудня я встретился с генеральным директором «Интерфлюга» Клаусом Хенкесом, который подробно информировал о состоянии дел на переговорах авиаперевозчиков ГДР и ФРГ. Он сообщил, что в июне 1989 года постпред ГДР в ФРГ Нойбауэр по указанию МИД ГДР «поставил перед ведомством федерального канцлера вопрос о создании нового воздушного коридора Франкфурт-на-Майне – Франкфурт-на-Одере, точнее: международной воздушной трассы с пересечением „линии идентификации“ (то есть границы между ФРГ и ГДР). При этом имелось в виду, что с западной части этой трассы можно будет залетать в Тегель, только об этом должна договариваться с союзниками сама ФРГ. Для ГДР подобное урегулирование принесло бы двойной выигрыш: „прорыв“ линии идентификации и возможность посадки в Шёнефельде. ФРГ до сих пор не дала определённого ответа; видимо, не будет его и в коммюнике о визите Коля в Дрезден. Поскольку решение всех этих проблем возможно лишь вшестером (четыре державы плюс оба германских государства), не имеет значения, начнутся ли переговоры на уровне четырёх или на уровне двух. Вполне мыслимо, что они начнутся на политическом уровне четырёх, а затем будут приглашены технические эксперты для подготовки возможных вариантов решения. Вопрос о поднятии высот в коридорах [на чём настаивают западники] поддаётся решению, но надо проследить, чтобы новая система (или новая и действующая системы вместе) не помешала полётам военной авиации ЗГВ и ННА. Рунау действительно готов летать на Шёнефельд, но Бонн пока не даёт разрешения – американцы очень злы на Рунау. Идею „воздушного перекрёстка“ США выдвинули для своих нужд после 1992 года, когда европейский авиарынок будет в значительной степени закрыт для них и „Люфтганза“ сможет вытеснить союзнические авиакомпании с берлинского рынка. Но Рунау думает и о другом – к 2004 году Берлин станет общегерманской столицей. Если сейчас число авиапассажиров здесь составляет 8 миллионов в год (Западный Берлин 5 миллионов и [Восточный] Берлин 3 миллиона), то через 15 лет оно возрастет до 50 миллионов. Расширение Шёнефельда – не решение (рассчитано на 16 миллионов). Следовательно, нужно строить большой аэродром либо на севере (Ораниенбург), либо, что лучше, на юге (Шперенберг). Предстоящее урегулирование должно учитывать интересы всех партнёров, включая „Аэрофлот“ и „Интерфлюг“, который обладает правами на отрезок трассы между Берлинской контрольной зоной и границей с ПНР».

⁹² Этот тезис принадлежал, надо полагать, Яковлеву. По нашим же впечатлениям, демонстранты и политические деятели ГДР тщательно избегали даже простых упоминаний о ЗГВ. Были нарекания и даже локальные демонстрации по мелким проблемам (вроде высокого уровня шума вблизи военных аэродромов), но вопрос о размещении наших войск в целом не затрагивался.

О внутривнутриполитическом положении в ГДР Хенкес отозвался так: «Впечатления от второй части съезда СЕПГ в целом неплохие (первая часть была катастрофой). Партия дала единственную солидную программу выхода из кризиса. У оппозиции нет голов и нет фигур, зато есть западные деньги – поэтому все начинают поворачиваться в сторону воссоединения. [...] На выборах все партии получают примерно поровну голосов (15–20 %). Затем начнутся переговоры о коалиции. Здесь возможны любые случайности. Главное в другом: прямо в ближайшие дни начнётся экономическое срачивание [ГДР и ФРГ]. ГДР не сможет отстоять свою экономическую самостоятельность под напором населения („Не то мы просто уйдём в ФРГ!“). Вслед за этим произойдёт и политическое объединение. Его можно оттянуть, но предотвратить нельзя».

Утром во **вторник 19 декабря** посол был чрезвычайно краток. Он лишь распорядился: «Сотрудникам посольства привести кабинеты в порядок, чтобы не было ничего лишнего. 22 декабря будет открыт безвизовый въезд граждан ФРГ. Внимание к советским учреждениям будет повышенным».

В совместном коммюнике о состоявшейся 19 декабря в Дрездене встрече Модрова и Коля говорилось, в частности, о согласии сторон «значительно расширить сотрудничество между ГДР и ФРГ, поднять отношения на новый уровень и сделать их более тесными и долговременными. [...] В дополнение к существующим договорам должно быть создано договорное сообщество, располагающее институтами для обсуждения совместных проблем общественной жизни. [...] Обе стороны согласились создать совместную комиссию для углубления экономических отношений. (Западный) Берлин будет полностью включён в сотрудничество между ними. [...] Премьер-министр Модров и федеральный канцлер Коль договорились оставаться в постоянном контакте». Кроме того, было достигнуто взаимопонимание об отмене виз и обязательного обмена валюты при взаимных поездках граждан обеих стран и западноберлинцев с 24 декабря, об открытии Бранденбургских ворот для пешеходов с 22 декабря, об амнистии для политзаключённых в ГДР ещё до Рождества, о введении с 1 января 1990 года официального курса обмена 1 марка ФРГ = 3 марки ГДР⁹³.

По окончании переговоров Коль выступил на многотысячном митинге жителей Дрездена с прочувствованной речью, в которой заявил, что «единство нации» остаётся целью его политики. Толпа размахивала флагами ФРГ и скандировала лозунги «Германия – единое отечество» и «Гельмут Коль – канцлер всех немцев». В это же время в Берлине состоялась не менее многочисленная демонстрация за суверенную ГДР, против воссоединения и распродажи страны.

В **среду 20 декабря** с двухдневным визитом в ГДР прибыл президент Франции Франсуа Миттеран, который провёл в Берлине переговоры с Манфредом Герлахом и Хансом Модровом. Это был демонстративный, хотя и запоздалый жест в поддержку самостоятельности ГДР. Мои собеседники в Восточном Берлине давали ему сдержанные оценки. Лотар де Мезьер ска-

⁹³ Параллельно отменялись обязательный обмен марок ФРГ на марки ГДР по курсу 1:1 для посещающих республику граждан ФРГ и так называемые «приветственные деньги».

зал мне 22 декабря, что приезд Миттерерана был, конечно, полезным, но скоро забудется, в то время как нужны постоянные напоминания о позиции Франции. Де Мезьер заметил также, что у французов очень чувствовались сомнения в «прочности» ГДР – например, с президентом прибыл целый самолёт телохранителей («*А как же, ведь МГБ распустили!*»). Модров указывает в своих мемуарах, что на него произвела впечатление ангажированность Миттерерана и его заинтересованность в том, чтобы ГДР стала по-настоящему стабильным государством⁹⁴. По мнению Никласа, высказанному мне при встрече в **среду 27 декабря**, интерес представляли следующие моменты из высказываний Миттерерана: 1) встреча четырёх послов – это хорошо, но нельзя проводить такие встречи часто; против первоначальных прав четырёх держав всё равно никто не возражает; 2) Миттереран отнёсся скептически к идее Модрова поручить подготовку решения германской проблемы группе «четыре плюс два» (четыре великих державы плюс два германских государства); 3) переговоры в рамках СБСЕ («Хельсинки-2») не должны превращаться в мирную конференцию – пусть СБСЕ занимается преодолением раскола континента на блоки, а права четырёх держав будут заменяться по мере продвижения общеевропейского процесса; 4) можно исходить из 2000 года как даты воссоединения Германии. В целом складывалось впечатление, что Франция не торопится с поддержкой планов Бонна быстро поглотить ГДР.

Утром в **четверг 21 декабря** посол упомянул о своей беседе с главой правительства ГДР накануне: «*Вчера состоялась встреча с Модровым в посольстве. У него появляется осторожный оптимизм. Но он устал. Хочет на одну-две недели отключиться. Самые большие трудности он испытывает с блоковыми партиями*». Это было понятно – Демократический блок ГДР прекратил своё существование. Последнее заседание блока состоялось 28 ноября. 4 декабря из блока официально вышел ХДС, 5 декабря – ЛДПГ и ДКПГ, 7 декабря – НДПГ. Таким образом, в первой половине декабря 1989 г. блок развалился окончательно. Отныне каждая из партий в одиночку вела ожесточённую борьбу за выживание.

Днём 21 декабря у меня состоялась беседа с только что избранным в состав правления СЕПГ-ПДС Р. Хартманом, который говорил, что представляемая им группа членов партии добивается «от руководства более боевого выступления партии. Мы настаивали на организации контрдемонстрации в Дрездене (в день приезда) Коля). Однако руководство [распорядилось]: никаких столкновений! Зато завтра, при открытии Бранденбургских ворот, будет демонстрация СЕПГ-ПДС за независимость ГДР. Опасность столкновений, впрочем, действительно есть. [Сейчас] делается много глупостей: „общегерманский забег“ через Бранденбургские ворота в новогоднюю ночь; „общегерманские концерты“ по телевидению (как 16 декабря из Котбуса); западногерманская реакция на события в новостных передачах ТВ ГДР; в марте будет „общегерманская футбольная команда“ – „Германия против всего остального мира“! Кто, собственно, заставляет всё это делать? Кроме того, западногерманские партии открыто влезают

⁹⁴ Hans Modrow. Ich wollte ein neues Deutschland. – München. – 1999. S. 393.

в предвыборную борьбу в ГДР – Блюм, Зюсмут, Динген, Геншер, Брандт, Фогель. Надо же поднимать общественность [против этого]! Не должно быть обречённости. В обществе сильны настроения против распродажи ГДР и против фашизма. Правая опасность сейчас правильно ставится в центр предвыборной стратегии партии. Но нужен [голос] предостережения и из-за границы. Непростительно, что речь Шеварднадзе публикуется [в газетах ГДР] только на 5-й странице и только в изложении. Советские представители должны говорить на эти темы с руководством СЕПГ-ПДС и с Модровом. Журналистов сейчас можно сдвинуть с места только убеждением».

Своё сообщение на совещании в **пятницу 22 декабря** посол посвятил намеченному на этот день открытию прохода через Бранденбургские ворота. Они оставались закрытыми для любого движения с момента возведения Берлинской стены в 1961 году. Договорённость об открытии ворот Коль достиг ещё с Кренцем. Канцлер хотел как можно более торжественно обставить это событие, так как собирался наглядным образом связать своё имя с устранением границы между обеими частями Берлина (9 ноября он был в Польше и, таким образом, упустил момент для того, чтобы вписать в историю своё имя в качестве «сокрушителя стены»). Он даже пригласил участвовать в церемонии Буша и Горбачёва, но Буш оказался занят, а Горбачёв не решился приехать без Буша. По словам посла, вопрос об открытии ворот рассматривался в Москве, причём посол, исходя из соображений безопасности посольства, возражал против того, чтобы соглашаться с открытием ворот. Но *«Москва дала согласие. Возникает новая обстановка вокруг здания посольства. Особенно это будет чувствоваться после 24 декабря, начала безвизового въезда граждан ФРГ».*

Церемонию открытия ворот при огромном стечении народа провели Коль и Модров в сопровождении Момпера и Крака, бургомистров обеих частей города. Телевидение донесло это событие до общественности всех стран мира. Отныне Гельмут Коль мог считать своё имя навсегда связанным с им лично распахнутыми настежь воротами, прежде наглухо закрытыми «раскольниками» с Востока. После 1949 г. Бранденбургские ворота превратились психологически в символ раскола страны и нации, который во что бы то ни стало подлежал преодолению. Открывая их, Коль целеустремлённо выстраивал легенду о себе как о канцлере – объединителе Германии. Он остался очень доволен праздничной атмосферой мероприятия. Действительно, обстановка сильно смахивала на народные гуляния.

Сразу после утреннего совещания я поехал в правление ХДС (ГДР), где беседовал с новым председателем партии Лотаром де Мезьером, который поделился своим видением событий в ГДР. Он сказал, что его *«мучают сомнения насчёт перспектив правительства Модрова в связи с „разоблачениями“ связей МГБ с торговцами оружием и наркотиками. Ему кажется, что западники „знают всё“ и могут решать, сколько ещё продержится правительство ГДР. Он сомневается в правильности тактики СЕПГ в отношении правой опасности – это удар по всему, что правее СЕПГ, то есть и по ХДС тоже. Он видит повсюду происки бывших людей из МГБ; это относится и к демонстрации этой ночью против от-*

крытия Бранденбургских ворот, и к завтрашней демонстрации в этом же районе против воссоединения. В стране постоянно возникают мелкие группы с самыми дикими лозунгами, которые могут вообще остановить всю жизнь. Много и реальных трудностей – [забастовка] водителей грузовиков в Магдебурге из-за низкой зарплаты; теперь угрожает забастовка в Эрфурте и Галле. Но правительство никому не может помешать [бастовать]. В текстильной промышленности общественность настояла на закрытии небольшой фабрики в Галле по соображениям экологии, и сейчас под угрозой вся текстильная промышленность. Состояние огромного большинства промышленных предприятий вызывает ужас. У де Мезьера будет сегодня встреча с Колем в Западном Берлине. Он собирается настаивать на немедленной и конкретной помощи [ГДР]. До сих пор были только слова».

В этот же день, в **пятницу 22 декабря**, состоялось очередное заседание Смешанной комиссии СССР – ГДР. В повестке дня значились четыре вопроса: 1) использование переданных ЗГВ лесных угодий (около 100 тысяч гектаров); 2) взаимоотношения главной дирекции спецторговли ГДР и советского торгового предприятия 147 (ЗГВ); 3) предоставление ЗГВ новых земельных участков; 4) состояние дел с разработкой принципов передачи ГДР военных городков.

По первому пункту состоялась конструктивная дискуссия на основе подготовленного экспертами ЗГВ и министерства сельского и лесного хозяйства ГДР проекта соглашения, регулирующего использование ЗГВ лесных угодий, в том числе объявляемых временно закрытыми, организацию охраны этих угодий от пожаров, планирование использования и контроль за ним. Учитывались также такие моменты, как необходимость сокращения ущерба от учений и манёвров, а также использование древесины. Договорились о том, что ЗГВ и министерство подпишут соответствующее соглашение в январе 1990 года. Сторона ГДР поставила вопрос о разработке нового соглашения об охоте, поскольку старое соглашение 1964 года *«уже не соответствует существующим условиям»*. Заключительное слово посла гласило: *«Нам нужно принять дополнительные меры по сведению к минимуму ущерба, причиняемого ЗГВ. Это требует постоянного внимания. ЗГВ рассмотрит в рабочем порядке меры по ужесточению существующих положений с целью исключить ущерб. Мы благодарим друзей за понимание того, что войска не могут постоянно находиться в казармах. Мы согласны с подготовкой документа о совершенствовании сотрудничества. [Предлагаю] принять к сведению и дать соответствующие поручения»*. Возражений не последовало.

Доклад о сотрудничестве торговых организаций сторон сделал представитель министерства торговли ГДР, подчеркнувший, что *«планы выполняются и перевыполняются, снабжение советских военнослужащих и членов их семей осуществляется бесперебойно»*. В то же время он предложил переработать существующий договор о торговле с целью: *«1) чётко определить взаимоотношения сторон в области ширпотреба и оборудования для торговых предприятий; 2) [обеспечить] планирование материально-технических показателей (с учётом финансовой стороны дела)*

в качестве части единого государственного плана ГДР (при обязательности указываемых данных, цифровых показателей, контрольных цифр и соответствии возможностям); 3) закрепить ответственность договаривающихся сторон за планирование и реализацию договоров; 4) [гарантировать] ответственность владельцев складов; 5) [предусмотреть] ответственность за ассортимент; 6) [добиться] самокупаемости для главной дирекции спецторговли ГДР (сейчас ежемесячно 2–3 миллиона марок убытка); 7) сократить разделы о принципах сотрудничества». Представитель ЗГВ передал свой контрпроект, указав на то, что «хотя объёмы поставок для группы войск в денежном выражении сохраняются, в физическом выражении они сокращаются. Это относится в первую очередь к меховым товарам, мебели, изделиям из кожи, детским игрушкам, музыкальным инструментам. Фонды на 1989 год сократились, фонды на 1990 год вопреки обещаниям сокращаются ещё больше (за счёт ковров, гардин, верхнего трикотажа, обуви)». Посол подвёл итог: «Надо улучшить снабжение советских войск. Заявки ЗГВ – минимальные. Просьба учесть пожелания группы. Следует провести переговоры, нерешённые проблемы решать в рабочем порядке – не на комиссии, но под её контролем». Кроликовский согласился.

В отношении выделения новых земельных участков для нужд ЗГВ сторона ГДР обратилась с просьбой временно воздержаться от подачи подобных заявок: «В нынешних политических условиях ГДР любая просьба о выделении участков для ННА или ЗГВ вызывает критическое отношение со стороны населения. Поэтому лучше решать задачи в пределах уже выделенных участков. Пример со строительством площадки для вертолётов в Пренцлау: строительство приостановлено, но население знает, что вертолёты уже прибыли в ГДР». Представители ЗГВ настаивали на том, что заявки группы сокращения до предела и она готова в случае выделения новых участков возвращать равные по площади участки из числа выделенных ранее: «Надо бы вернуться к рассмотрению заявок в районе Готы, Плауэна, Грайфсвальда. Что касается Пренцлау, в беседах с населением мы заявили об удовлетворении его просьб – вертолётов не будет, но, возможно, будет другая воинская часть». Посол заметил: «То, что согласовано, хорошо. Остальное надо ещё раз посмотреть. Необходимо считаться с общей обстановкой». Предложение было принято.

При обсуждении последнего пункта повестки дня обнаружилось, что позиции сторон существенно сблизились, но разногласия ещё сохраняются. Представитель министерства обороны ГДР так сформулировал остающиеся расхождения: «1) по возврату собственности, переданной в своё время немецкими властями ГСВГ, – ЗГВ считает, что следует передавать её в том состоянии, в каком она находится на сегодня; ГДР считает, что ЗГВ должна произвести капитальный и текущий ремонт или оплатить стоимость соответствующих работ; 2) по оценке объектов, сооружённых группой, продолжают сохраняться разногласия; 3) по протоколу о передаче недвижимости в четырёх гарнизонах договорённость не достигнута». Немцы считали, что возможен компромисс – следует составить подробное описание технического состояния подлежащих передаче объектов, что по-

может прекратить споры вокруг их оценки, и отказаться от коммерческого подхода к расчётам, что должно позволить напрямую использовать положения договора 1957 года, с тем чтобы ни одна из сторон не получала неоправданной выгоды (при этом объекты смогут передаваться в том состоянии, в каком они находятся на день передачи). Проект такого соглашения может быть передан советской стороне в январе 1990 года. Представитель ЗГВ выразил согласие с позицией министерства обороны ГДР в целом, оговорив, что ряд аспектов намеченного соглашения требует всё же дополнительного изучения и согласования. Он подчеркнул: *«Мы хотим избежать выплаты друг другу взаимной компенсации. Правительство СССР разрешило скорейшую передачу объектов, тем более что население уже начинает выражать непонимание [причин задержки]. Просьба к органам ГДР побыстрее реализовать приёмку объектов. О предложении о безвозмездной передаче мы доложим в Москву».*

Посол завершил дискуссию предложением принять к сведению выступления представителей сторон и подготовить обращения к правительствам обеих стран на их основе. Кроликовский выразил согласие и обещал, что проект соглашения об условиях передачи объектов недвижимости будет передан советской стороне в течение января следующего года.

23–26 декабря посол был в Москве по случаю очередного пленума ЦК КПСС, членом которого он состоял. 26 декабря, на пути на аэродром ЗГВ Шперенберг для встречи возвращавшегося посла, у нас произошло ДТП – наша машина (в ней находились трое советников и я) перевернулась несколько раз на скользкой дороге (в окрестностях Берлина сильно подморозило). К счастью, с людьми ничего не случилось, мы отделались синяками, но автомобиль восстановлению уже не подлежал.

Утром в **среду 27 декабря** посол передал дипсоставу посольства приветы и новогодние поздравления от руководства ЦК КПСС. Он продолжал: *«В отношении ГДР у участников пленума главной заботой было сохранение суверенной республики. Нам необходимо внимательно изучать обстановку и взвешивать наши слова. Надо учитывать, что наши материалы воспринимаются в Москве по-другому. Всех поражает, задевает происходящее в ГДР. Нам надо формулировать программу действий на ГДР (да и на ФРГ тоже). Скоро этот вопрос будет рассматриваться на политбюро ЦК КПСС. Друзья заинтересованы в развитии отношений с нами по всем направлениям. Необходимо приглашать из СССР крупных деятелей в течение ближайших трёх месяцев для встреч с трудовыми коллективами, выступлений и так далее. Списки кандидатур надо дать завтра по группам [отделам] посольства, включив в них деятелей науки, политологов, германистов, депутатов. [...] Ещё раз посмотреть, нужны ли наши организации здесь и какой численности. Надо убрать всё, что выделяет нас из общего дипломатического фона. Улучшить организацию охраны посольства. [...] Нужны прогнозы. Сколько ещё продержится ГДР, спрашивали многие на пленуме. В Москве неблагоприятно воспринята эйфория в передаче Центрального телевидения об открытии КПП у Бранденбургских ворот. Нужды сдержанность и взвешенность».*

В этот же день у меня состоялась очередная беседа с Никласом. Эти беседы были ценны для меня тем, что проясняли позицию МИД ГДР по самым насущным проблемам развития обстановки. По сообщению Никласа, МИД ГДР ведёт дело к тому, чтобы чётко оговорить в договоре, который должен быть заключён между ГДР и ФРГ, что сближение обоих германских государств будет привязано к объединению Европы. Он подчеркнул: *«Если не удастся этого сделать в самом договоре, то следует добиться договорённостей, принятия на себя твёрдых обязательств вокруг него»*. МИД ГДР видел средство сбить темп развития в том, чтобы поставить Хельсинки-2 в центр переговоров по германской проблеме: *«Все должны сформулировать, какие предпосылки нужны для заключения мирного договора с Германией. Не четыре державы диктуют, а вся Европа определяет эти условия – вполне демократический путь: коллективная разработка представлений о том, как должна выглядеть цель процесса, определение его рамок (германская конфедерация, члены которой остаются в своих блоках, плюс отказ от ядерного оружия). Предложения А. П. Бондаренко министром Оскаром Фишером приняты. Надо только избежать впечатления, будто ГДР уже списана и мы готовимся к периоду после неё»*.

Подозреваю, что последняя фраза была произнесена собеседником не случайно – мы уже не раз имели возможность убедиться в том, что в МИД ГДР лучше знали о настроениях в московских высших сферах, чем посольство.

В пятницу 29 декабря посол отметил трудности, возникшие в работе Круглого стола, который постоянно вторгается в сферу управления страной (назначил дату внеочередных парламентских выборов на 6 мая 1990 года, предписал ускорить разработку новой конституции и ликвидировать ведомство национальной безопасности). Посол продолжал: *«Модров ставит задачу сближения коалиционных партий. Важный рубеж – 1 января 1990 года. ФРГ использует все возможности для дестабилизации ГДР. Январь – февраль очень важный период для республики. Осквернение советского мемориала в Трептове⁹⁵ – дело рук засланных из Западного Берлина провокаторов. Но и здесь правые элементы активизировались. Нам надо использовать этот факт, чтобы показать миру опасность, грозящую ГДР. Надо подумать, что мы можем сделать со своей стороны. Пока друзья ввели круглосуточную охрану в Трептове. Может быть, нам поставить свою охрану, как в Тиргартене⁹⁶? В эти дни всем сотрудникам посольства быть в пределах досягаемости. Нужны бдительность и осторожность»*. Характерна концовка сообщения посла: *«В Москве сейчас нет спиртных напитков – оттуда просят ГДР ускорить их отгрузку к Новому году (корн⁹⁷, шампанское и так далее)»*.

На фоне результатов опросов общественного мнения верховная власть ГДР чувствовала себя достаточно уверенно. В пятницу 29 декабря за

⁹⁵ В ночь на 28 декабря советский воинский мемориал в Трептов-парке был испещрён надписями антисоветского содержания.

⁹⁶ Советский воинский мемориал в Западном Берлине (недалеко от здания рейхстага) охранялся караулом Берлинской бригады ЗГВ.

⁹⁷ Немецкая 38-градусная зерновая водка.

подписями председателя Совета министров Ханса Модрова (СЕПГ-ПДС), и. о. председателя Государственного совета Манфреда Герлаха (ЛДПГ) и председателя Народной палаты Гюнтера Малойды (ДКПГ) было опубликовано обращение к гражданам республики по итогам завершающегося и перспективам наступающего года. В обращении говорилось: «ГДР находится в процессе перехода к новому. Многие кажутся непривычным, кое-что угрожающим. Старые структуры рассыпаются, ставятся под сомнение. Формируются новые политические силы. Предстоит найти твердую опору. Нам надо создавать её вместе, демократическим путём. В новом году должна окрепнуть уверенность в будущем. Пусть никто не испытывает страха, пусть каждый помогает укреплять порядок, налаженную жизнь в городе и деревне. Мы не должны забывать о пожилых и больных людях, мы должны позаботиться о детях». Подчеркивалось также: «Даже при полном открытии границ с ФРГ и Западным Берлином не будет допущено распродажи ГДР. Распродажи предприятий нашей страны не будет и в дальнейшем. Каждый гражданин должен знать, что сохранность его сбережений гарантирована. Валютной унии [с ФРГ] не предусматривается».

Далее следовал призыв к гражданам ГДР активно выступить за реализацию лозунгов, уже поддержанных участниками демонстраций: «Нет насилию! Нет нагнетанию ненависти! Нет враждебности к иностранцам! Не оставить ни малейшего шанса право-радикальным крикунам и неофашистам! Первым гражданским долгом каждого являются мужественные действия с осознанием своей ответственности!» И наконец: «Европа смотрит на нас, так как развитие событий в ГДР и её отношения с ФРГ затрагивают всю Европу, в первую очередь соседей и партнёров обоих германских государств. Договорное сообщество [ГДР] с ФРГ, контуры которого должны проясниться в 1990 году, может оказаться полезным для Европы и для нас только в том случае, если правительство ГДР сможет действовать как надёжный партнёр. Стабильность и управляемость ГДР являются германской необходимостью и настоящей европейской потребностью».

Празднование Нового 1990 года приобрело в Берлине поистине гигантский размах. Ни до, ни после мне не приходилось быть свидетелем столь безудержного массового веселья в той части Германии, которая отличается в целом сдержанностью и уравновешенностью в проявлении чувств. Причиной была, несомненно, новизна всего происходящего. Впервые за три десятка лет в неделю между Рождеством и Новым годом без всяких помех ГДР посетили более миллиона жителей ФРГ и Западного Берлина. В столице центром новогодних торжеств стали недавно открытые Бранденбургские ворота, всё ещё не совсем освоенные горожанами и приезжими. У ворот собралась необозримая толпа. Гремели десятки оркестров. Люди забирались на всё, на что только можно было забраться. Под тяжестью множества любопытствующих зевак рухнули несколько временных осветительных мачт, на которых размещались телевизионные камеры. Были даже пострадавшие. Но этого практически никто не заметил, так же как остались незамеченными «скалолазы», забравшиеся под шумок на сами Бранденбургские ворота и начавшие разбирать на сувениры детали венчающей их квадриги. Демон-

таж частично увенчался успехом, и впоследствии на основе этой варварской добычи стали изготавливаться особо ценные сувениры из «оригинального материала». Кто-то из немцев несколько дней спустя подарил такой сувенир и мне. У меня до сих пор хранится миниатюрная копия ворот из позеленевшей от времени меди.

У большинства немцев приподнятое настроение сохранялось до середины января. Это устраивало не всех. 15 января 1990 года грянул гром – при очень неясных обстоятельствах собравшаяся по призыву управляемой извне оппозиции толпа разгромила пустовавшее здание бывшего министерства госбезопасности ГДР.

II. МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ (ЯНВАРЬ – МАРТ 1990 Г.)

Новогоднему веселью не было удержу в обоих германских государствах. Немцы отпраздновали Новый год, что называется, от души. Общий шум перекрыл голоса тех, кто был озабочен своим будущим. У людей, связавших свою судьбу с ГДР (а это были, как правило, наши друзья), на душе скребли кошки. Беспокойно было и нам – как-то не верилось, что пик кризиса пройден и теперь всё постепенно вернётся в нормальное русло.

Тем временем в посольстве торжествовала бюрократия: шла обычная для начала календарного года скучная внутренняя деятельность, составлялось великое множество отчётов за истекший год (какие бы грозы ни бушевали над нашими головами, отчёты о прошлогодних событиях, о работе посольства и его важнейших подразделений должны в установленные сроки прибыть в МИД). Из-за нехватки времени внешние контакты были сведены к минимуму. К тому же у немцев продолжались рождественские каникулы: все были в отпусках. Газеты не выходили или выходили в сильно сокращённом варианте. Телевидение обоих германских государств тщательно избегало серьёзных тем. В ГДР даже не было отмечено уличных демонстраций. Правда, продолжалось это «перемирие» недолго.

Моя первая запись о совещаниях дипсостава в Новом году относится к **вторнику 9 января**. Информация посла началась с тревожной ноты – не все противники ГДР отдыхали в праздничные дни. Посол подчеркнул: *«Идёт концентрированная атака на СЕПГ-ПДС и лично Гизи и Модрова. Вчерашняя демонстрация в Лейпциге меньше по численности, чем обычно, но агрессивнее. Выдвинут лозунг дележа имущества партии – но это у них не выйдет. Оппозиционеры рвутся в СМИ, требуют передавать заседания Круглого стола по телевидению. СЕПГ-ПДС проверит надёжность редакторов. Ведётся атака на предстоящую встречу Модров – Коль, это одна из форм нажима на правительство ГДР»*. И далее: *«Поездка Оскара Фишера в Москву почти решена. [...] Сроки: конец второй декады – начало третьей декады января. Нужны соображения к беседам с Фишером по темам: отношения ГДР – ФРГ, СССР – ГДР; соцсодружество; вопросы СЭВ, СЭВ – ЕС; разоруженческие мотивы (предложения Гизи). Главное – развитие отношений СССР – ГДР и поддержка друзей, а также отношения ГДР – ФРГ»*. О своих контактах посол сказал: *«Гизи сообщил: сформирован аппарат правления СЕПГ-ПДС. Сегодня состоится беседа посла с Маловом⁹⁸ – обсуждение состояния связей между КПСС и СЕПГ-ПДС. Какие неформальные организации можно было бы привлечь к этому процессу? Посол встретится с Малойдой – необходимо развивать контакты с Народной палатой. Надо приглашать в ГДР много наших представителей повыше рангом. Эту идею важно поддержать»*.

В среду 10 января посол рассказал о беседе с Маловом, который вместе с сотрудником правления СЕПГ-ПДС Вольфгангом Хергером *«остался из старого состава»*. Они сообщили: *«Состав аппарата и руководящих*

⁹⁸ Бруно Малов – секретарь Международной комиссии при правлении СЕПГ-ПДС.

органов СЕПГ-ПДС сформирован. Пришло много новых людей. Радикализма хоть отбавляй. Общий прогноз: массовый психоз среди населения; коммунисты боятся расправ, но всё же оправляются от шока. Образованы сто групп во главе с членами правления партии для создания структур по месту жительства. При этом важно не уходить с предприятий там, где это возможно. Обсуждался план сотрудничества между КПСС и СЕПГ-ПДС. Проект друзей шире, чем наш. Единственно – сузилась материальная база для приглашения представителей партии-партнёра на отдых. Планы обмена на учёбу остаются (Академия общественных наук, Высшая партийная школа, институт Коциолека⁹⁹). Общая оценка: осторожный оптимизм, хотя много некомпетентности».

В четверг 11 января посол подчеркнул необходимость «пересматривать методы работы и структуру совпосольства: обстановка усложняется. СЕПГ-ПДС хотят растоптать как серьёзную политическую силу. Все бывшие блоковые партии отказываются блокироваться с ней. Саботируется деятельность правительства (тормозится экономическая реформа, срывается создание ведомства по охране конституции). Модров мог поставить вопрос о референдуме, но предпочитает оставить его про запас. Прошла демонстрация строителей под лозунгом: „Долой СЕПГ-ПДС!“ Предупредительные забастовки проводятся не только в Берлине. СЕПГ-ПДС может остаться в изоляции. Нам надо работать со всеми политическими партиями (кроме правых экстремистов) – с «Новым форумом», СДП, бывшими блоковыми, с церковью. У нас никто не знает толком лидеров новых партий, никто с ними не работает. Нужны досье, знание соотношения сил внутри них, знакомство с руководителями. ЦК КПСС имеет в виду налаживать контакты со всеми политическими силами здесь. Надо наладить сотрудничество Верховного Совета СССР с Народной палатой ГДР. Модров вынужден в третий раз реорганизовывать правительство. Распределение обязанностей произойдёт в воскресенье. Очень сложную игру ведёт с ГДР Западная Германия с учётом интересов предвыборной борьбы в самой ФРГ. Нельзя допускать, чтобы нас ставили перед свершившимися фактами. Следует реализовать координацию действий между ГДР и СССР».

Обращает на себя внимание, что посол не счёл нужным даже упомянуть о событии, которое в дальнейшем предопределило во многом возможность для Бонна осуществлять экономический (а затем и политический) диктат ФРГ по отношению к ГДР (и не только к ней). На сессии Исполкома Совета экономической взаимопомощи 9–10 января в Софии СССР настоял на том, чтобы отныне внутренние расчёты между членами организации производились в свободно конвертируемой валюте, то есть в долларах США. И без того ослабленный каркас СЭВ не смог выдержать такого удара. Организация, смысл существования которой заключался во взаимопомощи социалистических стран, стала разваливаться. Стоявший во главе делегации ГДР Ханс Модров констатировал, что советское решение «ускорит сближение

⁹⁹ Гельмут Коциолек – директор Центрального института социалистического хозяйствования ГДР.

экономики ГДР с экономикой ФРГ в большей степени, чем мы этого хотели бы»¹⁰⁰. И это была ещё очень мягкая формулировка.

Утром в **понедельник 15 января** посол сообщил, что визит Оскара Фишера в Москву состоится 19–20 января: *«Темы переговоров – двусторонние отношения плюс согласование линии в отношении ФРГ. Прорабатывается вопрос о визите в Москву Гизи и Модрова. Нужен наш совет в отношении обстановки в ГДР. Важно следить за расстановкой сил в республике. Друзья действуют нерешительно, на местах проявляют робость. Вчера на Алексе¹⁰¹ было очень много народа из Западного Берлина. В Карл-Маркштадте получился большой митинг в память о Карле Либкнехте и Розе Люксембург. Друзья действовали удачно; социал-демократы собрали только 10 тысяч человек. Многие обеспокоены дальнейшей судьбой республики. Друзья должны больше доверять массам, активнее работать с ними. Нам нужно постепенно устанавливать контакты с оппозиционными партиями и группировками. Следует обратить внимание на тональность передач радио и телевидения ГДР: об СССР сообщается только негативное. Необходимо разобраться».*

Однако на то, чтобы разбираться с восточногерманскими радио и телевидением (да и как это могло сделать посольство?), элементарно не хватило времени. Во второй половине дня 15 января по инициативе двух участников круглого стола у давно законсервированного главного здания МГБ ГДР на Норманнштрассе (в нём оставались лишь пара охранников) собралась толпа. Настроение собравшихся неожиданно изменилось, и от протестов они перешли к штурму здания. Извещённый о сложившейся ситуации Ханс Модров отложил все государственные дела и поспешил на Норманнштрассе, чтобы попытаться предотвратить незаконные действия толпы. Это ему почти удалось, но в решающий момент кто-то (так и осталось неясным кто) открыл изнутри стальные ворота, способные выдержать танковый таран. Разъярённая толпа хлынула внутрь. Сцены опустошённых в знак «отмщения» рабочих кабинетов, переломанной мебели, покрытых рассыпанными листами бумаги полов демонстрировались «вживую» по каналам западно- и восточногерманского телевидения.

Позже выяснилось, что разгрому подверглась лишь та часть здания, в которой размещались канцелярии, а архивы и картотеки, то есть наиболее ценная категория хранившихся в здании документов, остались в целостности и сохранности. О многом говорит тот факт, что картотека зарубежной агентуры внешней разведки «штази», одной из самых успешных разведывательных служб мира, всплыла через некоторое время где-нибудь, а в Вашингтоне. Однако главный удар по стабильности ГДР нанесла не потеря имущества или документации, хранившихся на Норманнштрассе, а та сигнальная функция, которую приобрели события 15 января – как по команде началась общая атака на «неспособное» правительство Модрова, которому до сих пор удавалось так или иначе удерживать республику на плаву.

Во **вторник 16 января** посол расценил захват толпой здания МГБ накануне как *«начало нового этапа кризиса ГДР»*: *«Начались забастовки, по-*

¹⁰⁰ Hans Modrow. Ich wollte ein neues Deutschland. – München. – 1999. – S. 404.

¹⁰¹ Александерплац в Восточном Берлине.

явились лозунги против госбезопасности и СЕПГ-ПДС (вплоть до требований роспуска), за воссоединение. Налицо ещё более непредсказуемое развитие. Руководство ГДР запуталось в бесконечных дискуссиях. Нам надо бы покритиковать западников».

В этот же день у меня состоялась беседа с генеральным секретарём МИД ГДР А. Нойманом по техническому вопросу (посольство собиралось приобрести соседнее с его зданием строение по адресу Унтер-ден-Линден, 67). Оказалось, что Нойман во власти безудержной паники: *«Практически всё уже кончено. Поезд ушёл. Юг по Карл-Маркс-штадт включительно уже воссоединился с ФРГ. В ближайшие 2–3 недели демонстранты добьются роспуска СЕПГ-ПДС. Забастовок не выдержит никто. Нажим снизу слишком велик. И тогда, собственно, всё будет закончено ещё до выборов 6 мая. Ошибочный курс на зажим всей внутривнутриполитической жизни начался в 1985–1986 годах. За него теперь приходится расплачиваться. Население очень враждебно настроено по отношению к СЕПГ-ПДС и к СССР. Как только чехи добьются соглашения о выводе советских войск, эти же лозунги появятся и в ГДР. И отсюда придётся выводить войска. Толпе наплевать на юридические доводы, она знает, что если Советская Армия не стреляет в Прибалтике, то в ГДР она точно стрелять не будет. Нельзя Модрова принимать [в Москве] вместе с Гизи, это будет катастрофа. США действительно хотели бы сейчас продлить существование ГДР. Но ничего ни СССР, ни остальные три державы против воссоединения сделать не смогут. Тяга к воссоединению легко объяснима – все побывали в ФРГ, и у всех вопрос: нас держали 28 лет взаперти, чтобы сохранять нашу нищету?»*

На следующий день, в **среду 17 января**, посол снова проявил обеспокоенность ситуацией. Он сказал: *«Надо позаботиться о безопасности сопольства и других совучреждений»*. Именно в этот момент по договорённости с командованием ЗГВ была удвоена численность караула Берлинской бригады, охранявшего служебный вход в здание посольства с Беренштрассе.

В первой половине дня я встретился с де Мезьером, который был склонен к драматизации ситуации. Ссылаясь на мнение Гизи, он утверждал, что после штурма здания МГБ следует ожидать *«в следующий понедельник штурма зданий парткомов, а ещё через понедельник настанет очередь ратушей. Кто будет править? В нынешнем виде правительство [Модрова] не справится. Нужна „коалиция разума“ с привлечением всех партий и группировок, претендующих на власть, – именно всех, чтобы кончились разговоры о выходе из коалиции с СЕПГ-ПДС»*. Де Мезьер требует от ХДС (ФРГ) *«прекратить давать советы, они только мешают»*. Предложенное западниками совместное выступление Коля и де Мезьера на предвыборном митинге было бы, по мнению де Мезьера, контрпродуктивным: *«Идея сохранения хоть какой-то особенности ГДР остаётся сильной»*. Он продолжал: *«Вопрос в том, кто сумеет объединить вокруг себя рабочий класс (или социальную прослойку, именуемую так). СДП (ГДР) слаба организационно и персонально. У ХДС есть в этом смысле шанс: надо только дать массам простой и ясный лозунг (например, „Добропорядочные люди остаются*

здесь“). *От СССР требуется огромная осторожность – нельзя заявлять: „Мы поддерживаем социализм в ГДР или СЕПГ“. Это перенесёт всю ненависть народа на СССР. Лучше не принимать Гизи [в Москве] – это будет иметь тот же результат. Ни в коем случае не принимать Гизи вместе с Модровом – [это будет означать политическую] гибель Модрова. [Желательно следующее] содержание советских высказываний: „Мы за народ ГДР, за его благополучие и благосостояние“. Четырёхсторонние жесты (типа встречи четырёх послов) сейчас вряд ли окажут воздействие. Открытое выступление СССР против воссоединения [было бы] контрпродуктивно». О царящей в правительстве ГДР атмосфере де Мезьер отозвался так: «Положение в правительстве тяжёлое – аппарат всё время подводит Модрова. Нет уверенности, что [сделанный Модровом] доклад по [гос] безопасности 15 января содержит всю правду. Если там есть враньё или умолчания – правительство погибло. С Шальком¹⁰² связано такое, что в случае разглашения это приведёт к кровопролитию (наркотики, золото). Гизи наделал много ошибок: манифестация старого стиля в Трептов-парке, предвыборный плакат, означающий изоляцию всех оппозиционных, а также всех остальных демократических сил, задержки с расформированием госбезопасности. [Неудачная предвыборная] тактика СЕПГ: без нас вы всё равно ничего не сможете, мы самые умные; без нас социальная катастрофа, безработица, [невыплата] пенсий; без нас – правая опасность. Это запугивание, которое вызывает злобную реакцию. Круглый стол стал местом болтовни для интеллигентов. Причина захвата здания МГБ – доклад Модрова по госбезопасности на круглом столе. Запад подгонял развитие [событий] в ГДР в течение последних недель, а теперь испугался [и призывает]: „Держитесь!“».*

Конечно, в оценках де Мезьера были весьма важные моменты, отражавшие заучилисную реальность проблематики управления страной в самый драматический период её существования. Но общий их тон определялся тем обстоятельством, что исходили они от оппозиционера, хотя и лояльно относящегося к действующему главе правительства. В частности, нападки де Мезьера на Грегора Гизи носили совершенно несправедливый характер. Никто не сможет отрицать, что ПДС, ставшая уважаемой политической силой в объединённой Германии и основой учрежденной в 2007 годулевой партии, сохранилась только благодаря совместным усилиям Гизи и Модрова.

Вопреки обострению обстановки к середине января 1990 года было потеряно далеко не всё. Об этом свидетельствовали весьма откровенные оценки и высказывания только что прибывшего в Берлин первого советника (то есть советника-посланника) посольства Франции в ГДР Ива Годёля в состоявшейся в **среду 17 января** беседе: *«Ситуация в ГДР внушает опасность. Вмешательство из ФРГ переходит все допустимые границы. То, что*

¹⁰² Имелся в виду Александр Шальк-Голодковский, одна из самых загадочных фигур в истории ГДР – заведующий секретным отделом коммерческой координации министерства внешней торговли, полковник госбезопасности, бежавший в Западный Берлин 4 декабря 1989 года после того, как был исключён из ЦК СЕПГ и из партии. Как утверждалось, в задачи возглавлявшегося им отдела входили тайные сделки с целью получения конвертируемой валюты для ГДР. Контакты с советскими представителями ему были запрещены.

правительство ГДР не пресекает прямую помощь из ФРГ партиям ГДР, свидетельствует о его слабости. Надо бы попытаться как-то лимитировать „помощь“ из ФРГ в тексте закона о выборах или о партиях. В случае чего можно было бы апеллировать к мировой общественности. К Западу следует апеллировать и по поводу того, что сейчас в ГДР нарушаются законы противоправными действиями против коммунистов, что многие из них находятся в заключении без достаточных на то оснований. Также следовало бы начать кампанию по поводу незаконных требований запретить СЕПП-ПДС. Разве цель состоит в том, чтобы создать фашистское, а не правовое государство? Не следует спешить с объединением. Следует гарантировать, чтобы из этой затеи не возникло что-то угрожающее миру в Европе. Концепция „европейской конфедерации“ Франсуа Миттеррана нацелена именно на это. Но надо спешить с её реализацией. Следовало бы подумать об ускорении созыва конференции Хельсинки-2. Продумать и быстро решить вопрос о вступлении ГДР в ЕЭС – там её труднее будет проглотить. Сформулировать условия, на которых четыре державы могли бы согласиться на сближение двух немецких государств, – пока у них есть ещё возможность формулировать такие условия. Встреча четырёх министров иностранных дел плюс ГДР и ФРГ реальна не как „мирная конференция“, а как один из аспектов решения европейской проблемы. Надо спешить, пока фактор ЗГВ можно использовать в качестве политического средства. Даже если допустить, что воссоединение Германии не приведёт к возрождению германского национализма и спорам из-за границы, объединение немецких государств изменит соотношение сил в Европе. Через 5–6 лет Польша и Чехословакия, а также другие восточноевропейские страны станут зависимыми экономически от Германии. А там, где есть экономическая зависимость, рано или поздно начинается и политическая зависимость».

Французы явно знали о том, что на начало февраля планируется встреча Горбачёва и Коля в Москве, от которой будет зависеть, как пойдут дальше дела в центре Европы. Знали они и о существовании в советских верхах неформальной «прогерманской фракции», делающей ставку на согласование политики СССР с интересами ФРГ (точнее – бездействие Москвы в условиях активизации усилий Бонна с целью поглотить ГДР). Я уверен, что демарши, аналогичные предпринятому Годёлем, имели место и по другим каналам. Вопрос был в том, захотят ли на советском политическом Олимпе услышать французские предложения о взаимодействии?

На совещании в **четверг 18 января** посол рассказал о некоторых моментах состоявшейся у него накануне беседы с Модровом по телефону, в частности, о его позитивной оценке действий министра экономики ГДР Кристины Люфт, которая вела переговоры в Бонне об оказании ГДР экстренной экономической помощи¹⁰³. Модров считал, что «уступки в отношении доли капитала ФРГ в планируемых совместных с ГДР предприятиях неизбежны». Одновременно, по мнению главы правительства ГДР, «нужно срочно расширить экономические отношения с Австрией, Англией, Францией».

¹⁰³ 5 февраля Кристиной Люфт была достигнута договорённость о срочной помощи ГДР в размере 10–15 миллиардов марок ФРГ.

Модров собирался поехать на Всемирный экономический форум в Давосе 4–6 февраля, где должна была состояться его встреча с Колем. «25 января приезжает в ГДР Зайтерс¹⁰⁴ с целью подготовки соглашений между ФРГ и ГДР». Посол отметил также, что Модров оценивает ситуацию в СЕПГ-ПДС и состояние отношений между партией и правительством как «сложные»: «Большинство населения отвергает СЕПГ-ПДС. Как быть Модрову? Может быть, сосредоточиться на правительстве и расширении правительственной коалиции? Модров решил изменить свою тактику поведения за круглым столом – нужно создание общей ответственности. Удручает некомпетентность участников круглого стола. По оценкам Модрова, население обеспокоено разгромом здания МГБ. Этим занимались „боевики“ отсюда и, главным образом, из Западного Берлина: искали документы о связи между руководством СЕПГ и МГБ. Курсируют слухи о возможных захватах парткомов и ратуш, на 30 января предсказывают „ночь длинных ножей“. Принимаются превентивные меры. Страх населения растёт». Посол продолжал: «Ситуация в ГДР становится всё более непредсказуемой. Нам надо следить за развитием. Для партии (СЕПГ-ПДС) наступил трудный переходный период». Кочемасов отметил также, что согласовал с Модровым свою предстоящую встречу с Бёме¹⁰⁵. Закончил он указанием: «Коллективы совучреждений в ГДР должны подготовиться к чрезвычайным обстоятельствам – освободиться от ненужных документов и так далее».

В этот день в советской печати была опубликована статья Э. А. Шеварднадзе, посвящённая ситуации в германских делах. Главными моментами статьи были: 1. Германский вопрос – сердцевина безопасности Европы. 2. Неизменна ответственность четырёх держав за то, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила угроза миру (Потсдамские соглашения, Устав ООН). 3. Сотрудничество немецких государств должно встраиваться в эволюционное общеевропейское развитие; сближение ГДР и ФРГ не может быть оторвано от общего хода дел между Востоком и Западом Европы. 4. Поглощение ГДР, её механическая инкорпорация в западные структуры означали бы подрыв стабильности на континенте; военно-политический статус обоих немецких государств может меняться только с учётом общеевропейской стабильности; то же относится и к сокращению присутствия иностранных войск на территории ГДР и ФРГ. 5. Границы трогать нельзя, если мы хотим жить в мире. 6. Вмешательство ФРГ во внутренние дела ГДР нетерпимо.

Не вызывало сомнений, что текст статьи был подготовлен Третьим Европейским отделом МИД – чувствовалась рука А. П. Бондаренко. Меня порадовало, что министр согласился поставить свою подпись под документом, со всеми положениями которого мы в посольстве были абсолютно согласны. Честно говоря, было бы трудно более точно сформулировать позицию, соответствующую нашим интересам. Основные тезисы статьи я занёс в мою записную книжку, которая была под рукой на всех беседах, которые я вёл. Я должен был располагать возможностью в любой момент с точностью

---

¹⁰⁴

Рудольф Зайтерс – глава ведомства федерального канцлера ФРГ.

¹⁰⁵

Ибрагим Бёме – председатель СДП (ГДР).

до запятой излагать официальную позицию советского руководства по отношению к фундаментальным проблемам европейской безопасности. Предстояло до конца стоять на своём.

Вечером этого дня у меня состоялась встреча с Манфредом Штольпе, который констатировал, что «с начала года перестройку в ГДР взяли в свои руки рабочие – [начались] предупредительные забастовки. [В этом смысле] дела плохи: на рабочих [обычные] аргументы не действуют. [Они отвечают]: „Долой МГБ!“, „Долой СЕПГ!“ Очень скоро может [прозвучать]: „Долой ГДР!“ Надо быстро укреплять авторитет государства – мы должны дожить до 6 мая! То есть должна быть обеспечена жизнеспособность [ГДР]. Партия [СЕПГ-ПДС] не должна исчезнуть – она должна „встать в ряд“, превратиться в одну из многих. Модров должен править до 6 мая. Надо исходить из того, что круглый стол является эрзацем парламента. Правительство не должно подчиняться одной партии. Следует восстановить Государственный совет, символ государства. Его главой может стать Курт Мазур. В число его заместителей церковь направит своих людей. Церковь просит [министров от] ХДС не уходить в отставку [то есть не вызывать правительственного кризиса] и не ставить советские войска в невозможное положение. [Надо отказаться от] нагнетания страха – тактики СЕПГ-ПДС. Церковь решила поддержать Модрова. Хорошо бы, чтобы МВД возглавил кто-нибудь, кто сможет приободрить полицейских. Нельзя допускать разрушения государства и, следовательно, армии. Нет уверенности в „Новом форуме“, епископу Ляйху придётся самому выступать по телевидению в воскресенье. „Молчаливое большинство“ против расшатывания обстановки, за сохранение порядка».

Тональность выступления посла утром в пятницу 19 января передавала растущее беспокойство: «Серьёзно ухудшилось положение в партии [СЕПГ-ПДС]. Предстоит заседание правления партии с целью рассмотреть положение в районных и окружных партийных организациях. Требование созыва чрезвычайного съезда действительно есть. Пока преждевременно говорить о его удовлетворении. Трудности исходят от городских, районных, иногда окружных парторганизаций. Ситуация критическая. Если партия уйдёт с политической арены, возникнет совершенно новая ситуация. Модров пока держит ситуацию под контролем. Сегодня посол встретится с ним. Инициатором требования о роспуске партии стала парторганизация Гумбольдтского университета. Налицо наиболее критическая ситуация, начиная с октября 1989 года». Посол добавил: «Народу, всем членам партии внушён тезис о тождественности партии и аппарата госбезопасности. Кроме того, многие из партаппарата не понимают, что происходит и что нужно делать. Плюс ко всему – открытое и наглое вмешательство Запада. Ситуация в руководстве партии осложнилась в результате наметившегося предательства Бергхофера (переход на позиции СДП)»¹⁰⁶. Посол сообщил, что советовался с А. Н. Яковлевым по поводу складывающегося положения, и тот рекомендовал «убедить друзей не идти на самороспуск».

¹⁰⁶ 21 января 1990 года появилось официальное сообщение о выходе из партии заместителя председателя СЕПГ-ПДС Вольфганга Бергхофера. В подписанном им и ещё 39 членами руководства дрезденской парторганизации выдвигалось требование немедленного роспуска партии.

После этого посол переговорил с Гизи и Модровом: «У Модрова имеется точная программа действий. Он высказался против самороспуска. Гизи дано право открыто ссылаться на мнение Горбачёва по этому вопросу: против самороспуска». Посол посоветовал собеседникам: «Не надо транслировать по радио заседание правления партии 20 января. Если удастся удержать партию, то Гизи должен в ближайшие дни слетать в Москву, хотя бы на полдня – нужно сообщение о встрече Гизи с Горбачёвым».

На заседании правления СЕПГ-ПДС 20–21 января было принято решение не распускать партию, а преобразовать её в радикально обновлённую Партию демократического социализма. В соответствии с этой целью из партии были исключены все члены прежнего руководства, включая Кренца и Шабовского. Окончательно удалить старое название «СЕПГ» из имени партии решили с 4 февраля. Отказались также от эмблемы СЕПГ (две скрещенные руки – рукопожатие, которое символизировало слияние КПГ и СДПГ советской зоны оккупации в 1946 году). Было объявлено о предстоящей выдаче новых партбилетов. К этому моменту в партии оставалась лишь половина членов (до ноября 1989 года их насчитывалось 2 325 000).

В воскресенье 21 января посол сообщил: «Правлению СЕПГ-ПДС удалось избежать самороспуска, хотя интеллектуалы закачались (на чрезвычайном съезде в правление было избрано много случайных людей). Заседание будет продолжено в следующую субботу, 27 января. Оценка Модрова: „Главное достигнуто, но дискуссия оставила удручающее впечатление. Не давали сосредоточиться на главном. Многие члены правления находились под давлением группы интеллектуалов, которые сами запутались и запутали других. Путаница часто идёт и от самих партийных органов“. Параллельно работала контрольная комиссия. Она исключила из партии всех, кто работал с Хонеккером, кроме Лоренца¹⁰⁷. Сейчас надо выявить несколько моментов, по которым предстоит дать бой. Рост неонацизма, влияния „республиканцев“¹⁰⁸ требует от нас, чтобы мы показали народу ГДР, куда это ведёт. Второе: сказать ясно, что дальше отступить нельзя, надо кончать верхушечную борьбу и заняться базисом. Продумать, как мы можем помочь СЕПГ-ПДС, усилить взаимодействие с друзьями в этот кризисный момент. Гизи в ближайшие дни полетит в Москву (по крайней мере, мы надеемся на это). Тщательно следить за развитием обстановки, объективно докладывать в Москву».

Затем посол приступил к изложению того, что ему, по всей видимости, говорили его московские собеседники: «СССР готов к конструктивному сотрудничеству со всеми политическими силами в странах Восточной Европы. Надо быть готовыми к тому, что линия этих стран в международных делах станет иной. Это требует изменения наших подходов к отношениям с ними. Сближение ГДР с Западом небеспроблемно. „Открытое общество“ означает эмоциональный перегрев в обществе. Нужны абсолютно объективная оценка ситуации и продуманные предложения о наших шагах, вариантная проработка проблем, прогнозные оценки, инициативы».

¹⁰⁷

Зигфрид Лоренц – с ноября 1989 года секретарь ЦК СЕПГ.

¹⁰⁸

Республиканская партия ФРГ относилась к числу крайне правых, неонацистских организаций.

ние реакции на всевозможные рецепты и концепции преобразований. Разобраться, почему демократизация сопровождается антисоциализмом, и предложить контрмеры. Хорошо знать, насколько можно полагаться на заверения, что никто не собирается приобретать преимущества за наш счёт. Нужны предложения по нашей дальнейшей тактике в германском вопросе. Радикальные силы здесь пытаются использовать иллюзии в отношении готовности Запада помочь странам Восточной Европы. Хочет ли и может Запад действительно помочь? [...] Нам надо заняться многовариантностью развития в ГДР. Точно оценивать динамику развития, вносить неординарные предложения, выходить на контакты с другими партиями и группировками. Надо осмотреться, провести инвентаризацию, оценить, с кем мы будем иметь дело. Особый вопрос – немецко-немецкие отношения. Куда они идут? Нужны предложения насчёт того, что можно сделать».

Завершилось выступление посла очередным призывом к бдительности: «Мы переходим на особый режим работы: уход с работы (то есть с рабочего места) отменяется. На две недели вводится круглосуточное дежурство. Должна быть налажена чёткая подмена, если кто-либо выезжает в город. Нить размышлений не должна прерываться. Создать кризисный штаб. Задача состоит в том, чтобы из разрозненных фактов выбирать главное, оперативно собираться, оценивать и давать предложения в Центр». Посол закончил так: «Освободить кабинеты от хлама, подготовиться к чрезвычайной ситуации, никакой беспечности!»

В понедельник 22 января заместитель министра иностранных дел ГДР Эрнст Крабач вручил мне для передачи в Москву меморандум об отношении республики к проблематике СБСЕ. Главным моментом меморандума была информация об изменении отношения правительства ГДР к обязательствам, принятым в рамках совещания: «Мы сейчас ликвидируем все дефициты, которые имелись в области выполнения документов СБСЕ. Отменён обязательный обмен валюты; новые условия работы для журналистов; ликвидирована цензура; разрешён ввоз печатной продукции; ориентация на рыночное хозяйство; публикация данных об охране окружающей среды; публикация Венских документов. До 6 мая будут приняты новые законы – о выборах, о референдумах, о судьях, о собраниях, о гражданстве, о контроле за административными постановлениями». ГДР пригласила экспертов из стран-участниц на совещание 6–7 февраля в Берлине в порядке подготовки предстоящей встречи СБСЕ в Бонне по вопросам экономики.

Поступающие из Москвы обрывки информации заставляли предполагать, что там готовятся какие-то важные решения по германским делам. Посол явно хотел быть в состоянии немедля дать согласованный с экспертами посольства ответ на любой запрос из Центра, в какое бы время суток такой запрос ни поступил. Это было не так просто, так как разнобой в оценках необходимой реакции на события сохранялся: в окружении Горбачёва всё ещё не желали ничего слышать об установлении каких-либо более тесных связей между ГДР и ФРГ. Однако это представлялось экспертам посольства неизбежным – речь следовало вести, по нашему мнению, скорее о формах, сроках и условиях установления таких связей. В то же время регулярно повторявшиеся сигналы тревоги из уст посла не могли не нервировать: и без

них ни у кого не было «уверенности в завтрашнем дне». Настойчивые предупреждения посла, который располагал закрытой информацией спецслужб, нагнетали беспокойство.

Видимо, данным обстоятельством объясняется, что в очередной беседе с Момпером и Шрёдером, состоявшейся вечером в **понедельник 22 января**, я высказался в пользу перенесения внеочередных выборов в Народную палату с 6 мая на более раннюю дату, чтобы «успокоить теряющих терпение людей». Такую идею уже выдвинул 18 января федеральный канцлер Коль, но она не получила пока всеобщей поддержки. Мои собеседники также не были убеждены в том, что стоит это делать, поскольку календарь политических мероприятий в ГДР, ФРГ и Западном Берлине на ближайшие месяцы был и без того перегружен. Я не уверен в том, что моё мнение сыграло хоть какую-нибудь роль, но через несколько дней социал-демократы в ФРГ и Западном Берлине поддержали перенос выборов с мая на март. В итоге Коль добился очередного ускорения темпов предстоящей ликвидации восточно-германской республики. С другой стороны, именно решение о приближении даты выборов действительно принесло ощутимое успокоение митинговых страстей в ГДР.

Момпер вновь «случайно» заглянул «на огонёк» во время нашей очередной встречи с Дитером Шрёдером 22 января в Западном Берлине. Мои поездки на такие встречи носили достаточно необычный характер: дабы не плутать по малознакомому ночному мегаполису, я оставлял посольскую машину на стоянке сразу после пересечения линии секторального разграничения у знаменитого КПП «Чекпойнт Чарли» и пересаживался в поджидавшую машину сената, в которой уже сидел, как правило, Шрёдер. Такой способ передвижения осуществлялся по его предложению – помимо всего прочего он позволял избегать «засвечивания» номеров посольских автомашин у сената.

Момпер пришёл, чтобы ещё раз изложить своё видение ситуации. Он сказал: *«Ситуация в ГДР непрогнозируема. Беспокоит нарастание агрессивности по отношению к СЕПГ, склонность к забастовкам и нагнетание психоза воссоединения, а до выборов ещё очень много времени. Судьба СЕПГ после ухода Бергхофера решена – рано или поздно партия распадётся. Деятельность Гизи заслуживает уважения, но [стоящая перед ним] задача безнадежна. Тем большее значение приобретает Модров и его правительство. СДП (ГДР) играет здесь самую позитивную роль. Советскому Союзу нужно поскорее установить связи с социал-демократами ГДР. В принципе, можно рассчитывать, что до 6 мая удастся дотянуть без особых потрясений, но и рисков много. Нельзя исключать состояния хаоса. В этом случае Западный Берлин может помочь своими дежурными полицейскими отрядами (в Берлине, Потсдаме, Франкфурте-на-Одере). Затевать какие-либо четырёхсторонние акции не советуем: плохая реакция населения; три державы всё равно не согласятся. Главная опасность – требование немедленного воссоединения. В основе таких настроений лежат экономические мотивы (иметь тот же уровень жизни, что и в ФРГ). Силой здесь ничего не добьёшься, четырёхсторонними акциями тоже – лишь увеличится отток населения из ГДР (уже сейчас до одной трети рабочих мест пустует). Надо*

думать над тем, как бороться экономическими же средствами. И здесь напрашивается идея ускоренного приёма ГДР в Европейские сообщества. [Этим] лишается остроты вопрос о государственном слиянии и обеспечивается быстрый рост уровня жизни. [Вхождение] ГДР в ЕС не обязательно [означает] выход ГДР из СЭВ и ОВД. [Вероятен] длительный переходный период, в течение которого возможны особые урегулирования. Пример Австрии показывает, что нет неизбежности включения в политическую и военную систему [ЕС]. Зеркальное отражение нынешней ситуации: ГДР будет официальным членом ЕС и неофициальным членом СЭВ. Социал-демократы постараются оттянуть [решение] вопроса о самостоятельности ГДР на период после 6 мая, хотя это сложная задача, поскольку ХДС уже повела грязную атаку [под лозунгом]: СДПГ = СЕПГ. Но затем надо будет решать. Советское руководство должно точно знать: пусть СМИ уже начали много болтать о воссоединении, но главная трудность в том, что за него большинство населения ГДР. Что касается четырёхсторонних переговоров о воздушном сообщении с Западным Берлином, Момпер не имеет ничего против них, но боится, что они безнадежно запоздали: „Люфтганза“ и „Интерфлюг“ всё уже решили напрямую; [получилось] почти что совместное предприятие на коммерческой основе». В заключение Момпер отметил «благотворное воздействие» на обстановку двух факторов – штурма здания МГБ, который «всех напугал», и статьи Джорджа Кеннана¹⁰⁹, в которой содержалось предупреждение о том, что в случае необходимости «четыре державы могут позаботиться о поддержании порядка в ГДР». Момпер подчеркнул также наличие «подсознательного табу для немцев ФРГ затрагивать вопрос о присутствии американских войск, а для немцев ГДР – о присутствии советских войск. Об этом не говорят».

Утром во **вторник 23 января** посол сказал: «Важный шаг предпринял Модров – он внёс предложение об участии оппозиции в правительстве. Положение в СЕПГ-ПДС ухудшается – продолжается выход членов партии. Уход Берхофера повлечёт за собой уход других руководящих деятелей округа (председатель дрезденского правления партии Хан, гендиректор комбината „Роботрон“ Вокурка, другие гендиректоры комбинатов). Нам надо обращать внимание на некоторые факты, докладывать о них в Москву. У нас ещё есть каналы влияния на ГДР. „Нойес Дойчланд“¹¹⁰ даёт о нас самые негативные моменты. О визите Фишера в СССР почти ничего нет. В то же время экономическая комиссия СССР – ГДР проходит в очень хорошей атмосфере, хотя мы в течение двух дней не качали нефть в ГДР (а у них запас в Шведе на полтора-два дня и всё). Интерес ГДР к расширению экономического и научно-технического сотрудничества с нами сохраняется. Проблема перехода на мировые цены и расчёты будет обсуждаться 24 января на встрече Модрова с Силаевым¹¹¹. В СЕПГ-ПДС не работает аппарат, у партийных организаций нет ориентировок. Дружья склоняются к объединению коммунальных выборов 6 мая с парламентскими. Правора-

¹⁰⁹ Джордж Кеннан – известный американский дипломат, историк и политолог, автор «доктрины сдерживания» Советского Союза (февраль 1946 года).

¹¹⁰ Neues Deutschland – центральный орган СЕПГ-ПДС.

¹¹¹ И. С. Силаев – заместитель председателя Совета министров СССР.

дикальные элементы в ГДР („республиканцы“) создают группы боевиков, выступают организаторами демонстраций. Радикализация идёт и в рядах безработных – бывших сотрудников МГБ, госучреждений и партаппарата (сто тысяч человек, с семьями – полмиллиона). В Лейпциге появился лозунг: „Поддержим Горбачёва!“ Нам надо восстанавливать связи с аппаратом президиума СЕПГ-ПДС, с председателями комиссий на правах секретарей». 22 января состоялась «очень интересная» беседа посла с Модровом, который сообщил, что «обвинение в адрес Никель не доказано»¹¹². Кренц и Хергер хорошо выдержали „допрос“ на круглом столе¹¹³; Модров остался доволен».

В этот день я встречался с Фердинандом Туном, послом ГДР в отставке, членом руководства НДПГ, нашим давним другом. Он рассказал о только что состоявшемся первом этапе съезда национал-демократов, подтвердившем их поправление: «Настроения базиса [склоняются] в пользу немедленного воссоединения». Тун колеблется, не покинуть ли партию: «Становится неуютно. Предстоит жёсткая предвыборная борьба». Он продолжал: «Нам надо прекратить тешить себя иллюзиями и признать, что воссоединение неизбежно. Задача в том, чтобы оттянуть его, дав Европе и [самим] немцам время подготовиться, предотвратить, чтобы воссоединение Германии пошло во вред континенту. Моральная обязанность четырёх держав – не допустить воссоединения, если станет ясно, что уже подготовка к нему ведёт к росту правой опасности в одном или обоих германских государствах. Необходима немедленная проработка на уровне учёных, экспертов условий, которые нужно было бы поставить для [реализации] воссоединения, и варианты, которые возможны в этом деле. На правительственный уровень вынести можно потом, а сейчас, не позже апреля (чтобы был материал к периоду после 6 мая) собрать экспертов [для начала] из Института международных отношений в Бабельсберге, Дипломатической академии МИД СССР и МГИМО с приглашением специалистов из других научных институтов, а также практиков. Видимо, было бы целесообразно, чтобы инициативу проявила советская сторона. Специалисты из ГДР с радостью поддержат».

Этим же днём датирована запись в моей записной книжке: «Ушёл в отставку В. Глезер, избранный председателем НДПГ 21 января на 14-м съезде партии. В своём заключительном слове он назвал следующие причины отставки: 1) несогласие с агрессивной предвыборной борьбой „против всех“, особенно против СЕПГ-ПДС; 2) несогласие с получением помощи „овсюду“, в том числе от „республиканцев“; 3) несогласие со стратегией „Пусть против нас будут 90 % избирателей, но свои 5 % мы всё-таки получим“. Глезер говорил также о чувстве разочарования. 11 февраля съезд НДПГ продолжит свою работу».

¹¹² Ута Никель – министр финансов в правительстве Модрова. 21 января окружная прокуратура Лейпцига возбудила против неё дело по обвинению в коррупции. Никель подала в отставку, однако позже выяснилась полная несостоятельность обвинения.

¹¹³ На заседании круглого стола 22 января Эгон Кренц принёс извинения всем, кто «пострадал от старой доктрины безопасности», а бывший заведующий отделом безопасности ЦК СЕПГ Вольфганг Хергер признал свою ответственность за разработку политики в области обороны и безопасности ГДР начиная с 1985 года.

В четверг 25 января посол охарактеризовал итоги работы межправительственной экономической комиссии СССР – ГДР как позитивные: *«Главные вопросы решены, некоторые проблемы отложены для дополнительной проработки. Царила хорошая атмосфера, не было больших трудностей. Модров заявил: „ГДР не мыслит своего будущего без сотрудничества с СССР. В то же время она должна идти и на сотрудничество с ФРГ – настолько далеко, насколько это возможно без потери суверенитета“.* Сегодня в ГДР прибывает Зайтерс. В этой связи Модров просит совета: где граница возможного сотрудничества с ФРГ? Он за сотрудничество в „треугольнике“ СССР – ГДР – ФРГ. Модрова больше всего беспокоит положение в СЕПГ-ПДС. Решён вопрос о поездке Гизи в Москву 2 февраля (дата под вопросом). Это важный шанс для руководства партии. Модров озабочен развитием неонацистских и правоэкстремистских сил в ГДР. Широко развёрнуты масштабные контакты „республиканцев“ ФРГ с правыми радикалами ГДР. Складывается впечатление, будто сейчас 1932 год (оценка Модрова). „Республиканцы“ надеются получить на выборах в бундестаг в конце 1990 года до 30 % голосов. Может быть, они рассчитывают на такой же показатель в ГДР?» Посол добавил: *«Из Москвы получена директива о работе в связи с активизацией ультраправых в ФРГ и ГДР. Возникает неонацистская опасность. Нужны эффективные международные гарантии против „коричневой угрозы“.* Следует включить тезис об озабоченности в этой связи в коммюнике о возможной встрече послов четырёх держав. [...] Нам надо давать объективную картину обстановки здесь, включая рост антисоветских настроений. [...] Циркулируют слухи о „ночи длинных ножей“ 30 января. Нужна бдительность. Продумать варианты нашего поведения на любой случай развития внутривосточной обстановки в ГДР».

Днём у меня состоялась встреча с Манфредом Никласом, который рассказал в общих чертах об итогах разговора с глазу на глаз между Оскаром Фишером и Э. А. Шеварднадзе в Москве. Собеседники согласились, что вопрос о договоре о сотрудничестве отпал, так как Коль против. Но есть и другие важные проекты. По оценке Фишера, 25–30 % населения ГДР регулярно выходит на улицу, 8 % выступает за объединение, 10 % составляют правые радикалы. Основная масса сидит у телевизора и мечтает о соединении уровня жизни ФРГ с социальной защищённостью ГДР. О том, что такое невозможно, говорит лишь СЕПГ-ПДС. Положение на юге особенно скверное – там идёт самороспуск партийных организаций, преобладает восприимчивость к лозунгам воссоединения и правоэкстремистским настроениям, имеет место враждебное отношение к иностранцам. Согласованное коммюнике о визите Фишера в СССР не опубликовано в ГДР – правительство не может влиять на СМИ. Ускоряются темпы нагнетания и осложнения обстановки: в октябре – ноябре ухудшение ситуации происходило каждые десять дней, в декабре – каждую неделю, в январе – каждые три дня, сейчас ещё быстрее. Под лозунгом перестройки идёт демонтаж, приходится думать не о совершенствовании социализма, а о продлении существования ГДР ещё на некоторое время. По мнению Шеварднадзе, США рассчитывают на то, что единая Германия сорвёт европейскую интеграцию. Великобритания от-

стаивает американскую линию на то, чтобы Германия была в НАТО. Советский Союз согласен с высказанной ГДР идеей связать германский вопрос с общеевропейским строительством в рамках Хельсинки-2. Фишер считает мысль Миттерана о европейской конфедерации удачной, ГДР поддержит её. *«Прогнозы на период после 6 мая невозможны. Ясно лишь, что вырастет социальная напряжённость. Ожидается, что в ГДР будет два миллиона безработных. Ситуация лабильна. Маятник может качнуться в любую сторону. Интересы многих затрагивают претензии бывших владельцев производственных единиц и недвижимости».*

Никлас высказал и свою личную точку зрения на складывающееся положение: *«Идёт концентрированная атака на СЕПГ-ПДС, разжигаемая из ФРГ. В этом смысле налицо консенсус всех партий и мнения населения ГДР. Не участвует только ДКПГ. Положение усугубляется настроением самороспуска в СЕПГ-ПДС – давление извне (особенно катастрофический характер приобретает давление с юга) не ведёт к сплочению. Растёт разнородность мнений. Противник ведёт планомерное наступление – сначала госбезопасность, затем партия, затем армия и полиция, наконец госорганы. А у нас есть мнение, что нужно самораспуститься, чтобы создать новую левую партию в противовес общему поправению. И другое мнение: нужно бороться, хотя сил мало. Бороться до конца требует чувство ответственности. Предстоит предвыборная борьба. Всё это происходит на фоне явлений распада. Нет единого мнения, единой линии, единой ориентировки (включая „Нойес Дойчланд“). Среди сотрудников МИД ГДР растёт страх перед завтрашним днём – везде неуверенность. Ликвидируются 18 постов послов и генконсулов. Есть идея создания зарегистрированного общества дипломатов, но возникают сомнения – не составит ли оно конкуренцию профсоюзам».*

В этот же день, в четверг **25 января**, Модров предпринял шаг, который способствовал определённому успокоению обстановки в стране. В ходе встречи участников круглого стола в резиденции председателя Совета министров ГДР он внёс предложение о том, чтобы оппозиционные партии делегировали своих представителей для участия в работе правительства, которое стало бы отныне «правительством национальной ответственности». В ходе указанной встречи социал-демократы при поддержке СЕПГ-ПДС настояли также на переносе выборов в Народную палату на 18 марта.

На вечерней пресс-конференции после завершения переговоров с Зайттерсом, который подчеркнул заинтересованность правительства ФРГ в «стабилизации процесса демократизации ГДР», Модров заявил, что намечаемое договорное сообщество обоих германских государств будет «определяться конфедеративными чертами».

Утром в пятницу **26 января** посол сообщил, что вылет Модрова в Москву для встречи с Горбачёвым назначен на 30 января: *«Темы – экономика, внутреннее развитие ГДР, отношения ГДР – ФРГ и ГДР – СССР. Ожидается, что 2 февраля в Москву полетит Гизи (также беседа с Горбачёвым). Цель: поддержка правительства ГДР и руководства СЕПГ-ПДС. Здесь дискутируется вопрос о предвыборной тактике СЕПГ-ПДС. Надо разобраться в процессах, происходящих в правительстве ГДР. Модров не*

приостанавливал своего членства в партии¹¹⁴, но его положение во многом зависит от степени активности его работы в правлении СЕПГ-ПДС. Ему надо сосредоточиться на работе в правительстве. У Модрова нет серьёзных партнёров, чтобы советоваться. Отсюда многочисленные просчёты».

Днём посол созвал совещание советников, чтобы дать указания по подготовке к визиту Модрова информационных материалов, которые необходимо отправить в Москву сегодня же: «Дать оценку, куда же развивается обстановка в ГДР. Новые дестабилизирующие факторы – давление снизу; не только улица, но и забастовки (политические требования, повышение зарплаты, улучшение условий труда – любой предлог); радикализация (преобладают лозунги воссоединения, идёт атака на Модрова и его правительство)». Посол продолжал: «По германо-германским делам обратить внимание на заявление Кристины Люфт о формах сотрудничества между ГДР и ФРГ. Западногерманские фирмы хотят добиться выработки условий для своего проникновения в ГДР ещё при правительстве Модрова, поскольку совершенно неясно, что будет после выборов. Происходит сращивание структур обоих государств, появляются новые структуры на земельном уровне. Нарастают объединительные тенденции – куда идёт дело? Обстановка явно движется в этом направлении – предстоит референдум, может быть, даже всеобщая забастовка. Партия находится в критическом состоянии. Неуверенность в руководстве усиливается давлением снизу. Округа один за другим требуют самороспуска – Дрезден, Лейпциг, Магдебург, Росток. [...] Рост неонацизма. „Республиканцы“ часто основное ядро демонстраций и митингов здесь. Отношение к нашим войскам в ГДР осложняется. Оппозиция, люди на местах ставят вопросы об отдельных советских частях, о ЗГВ в целом. Нельзя исключать в ближайшее время острой постановки этого вопроса населением и оппозицией».

Уже по этим указаниям посла можно было понять, какие решения назревают в Москве. Мы все прекрасно знали, что Вячеславу Ивановичу была присуща ярко выраженная способность подчиняться «партийной дисциплине». Она постоянно поддерживала его на всём протяжении долгой карьеры, разворачивавшейся во втором эшелоне государственной власти. С учётом этого обстоятельства надо всё же признать, что в общем и целом он был неплохим послом, хотя так и не выучил немецкого языка. Пока в ГДР сохранялся режим «реального социализма», ему удавалось главное – поддержание доверительных отношений с руководителями страны, в которой он был аккредитован. Уникальной была его связь с Хонеккером, с которым он подружился ещё в 1951 году, во время Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Берлине. Тогда Хонеккер в качестве председателя Союза свободной немецкой молодёжи был ответственным за всю организационную сторону дела, а занимавший пост секретаря ЦК ВЛКСМ Кочемасов обеспечивал содействие друзьям с советской стороны. В период перестройки он искренне старался учесть требования нового времени, но направляемая им информация в Центр (а только информация за его подписью принималась Москвой во внимание) часто от-

¹¹⁴ ХДС (ГДР) предложил 25 января Модрову «заморозить» своё членство в СЕПГ-ПДС, чтобы подчеркнуть независимость правительства.

вечала скорее представлениям окружения генерального секретаря ЦК КПСС, чем реальной обстановке в ГДР. Это сказывалось, в частности, на упорном прорицании надвигающейся угрозы осложнений вокруг ЗГВ, в то время как у экспертов посольства не было ощущения, что такие осложнения являются делом завтрашнего дня. Не раз случалось, что, прежде чем отправить в Москву подготовленную экспертами посольства информацию на серьёзную тему, он консультировался с «товарищами из ЦК»: надо ли её посылать, а если да, то когда и как это сделать?

Острая стадия кризиса в ГДР поставила в центр всеобщего внимания проблему сближения обоих германских государств – его методы, темпы, внешние условия. Мудрый Модров из последних сил пытался придать этому сближению не слишком обязывающую форму «договорного сообщества», при том что реальное содержание термина можно было бы модифицировать в зависимости от обстоятельств. В сложившейся обстановке эксперты посольства считали идею Модрова максимально удачной, поскольку она позволяла обойти навязываемый Бонном и прямым ведущий к поглощению ГДР лозунг «воссоединения», регулировать при нашем участии порядок и сроки сближения, настаивать на сохранении конституционных норм и социальных достижений ГДР, добиваться обеспечения европейской безопасности. Однако направляемая посольством в Берлине официальная информация для Центра игнорировала проблему «договорного сообщества». В качестве объяснения посол повторял: «Горбачёв же сказал: „Существование ГДР нельзя ставить под вопрос!“, – а „договорное сообщество“ ставит». В информационных материалах посольства содержалось подробное перечисление опасностей, проистекающих из складывающейся в ГДР обстановки, но не было предложений о наших ответных действиях, которые могли бы хотя бы с минимальными шансами на успех осложнить продвижение западногерманского бульдозера. Соответствующие идеи у экспертов посольства были, но все они были так или иначе заточены на «договорное сообщество» и его варианты.

В этом месте мне придётся изменить дневниковому стилю изложения череды событий в пользу довольно подробного пересказа эпизода, о котором я на протяжении длительного времени ничего не знал и о значении которого мог лишь догадываться. Дело в том, что решения, принятые вечером в **пятницу 26 января 1990 года** на неформальном совещании части советского руководства у М. С. Горбачёва, имели решающий («судьбоносный») характер для дальнейшего развития событий в центре Европы: политика СССР в германском вопросе совершила разворот на 180 градусов. Без учёта радикальности этих решений, без представления о той панической атмосфере, в которой они принимались, невозможно правильно понять и по достоинству оценить последующие шаги высшего руководства, которые привели к (слава Богу, лишь временной) утрате страной статуса великой державы.

Содержание дилетантского вердикта, предопределившего судьбу половины мира, не было даже пунктиром доведено до сведения людей, непосредственно державших западный дипломатический фронт. Отныне бойцам на передовой придётся тратить больше сил на объяснение друзьям, почему мы их бросаем, чем на то, чтобы отстаивать неприкосновенность наших

государственных интересов. Тем более можно было с уверенностью предсказать, что в конечном счёте Москва сама откажется от их защиты. Предстояло действовать в соответствии с указаниями, истинное предназначение которых тщательно скрывалось от исполнителей.

Все обстоятельства, сопровождавшие проведение совещания 26 января и последующую реализацию его решений, свидетельствовали о том, что оно было создано не для всестороннего анализа самых свежих фактических данных о ситуации в ГДР, а для создания коллективной поддержки уже созревшего решения Горбачёва «сдать» ГДР и «задружиться» с ФРГ. На совещание не были приглашены представители профильных подразделений МИД СССР (присутствовал лишь Э. А. Шеварднадзе, которого никак нельзя назвать экспертом, да и был он там в своём качестве члена политбюро). Отсутствовали послы в Берлине и Бонне, а также эксперты-германисты из системы Академии Наук СССР. Из знатоков проблемы были только те люди, кто работал в аппарате ЦК КПСС. Для большинства из них характерной была позиция помощника генерального секретаря по внешней политике А. С. Черняева, выполнявшего функции «теневого министра иностранных дел», – он уже в 1986 году настаивал на том, чтобы настроиться на слияние обоих германских государств. В своих мемуарах он сообщает: «Первым моим советом Горбачёву было – не забыть в документах [XXVII] съезда партии о „воссоединении Германии, от чего всё равно не уйти, раз уж будем намечать стратегическую линию на годы вперёд“ (это было пока проигнорировано)»¹¹⁵. Видимо, теперь, по мнению этой группы вершителей судеб великой страны, назрел момент для советского содействия в деле реализации политической сверхзадачи внешней политики Гельмута Коля.

Существует два варианта сведений о ходе и итогах совещания 26 января. Один из них изложен в воспоминаниях Черняева «Шесть лет с Горбачёвым», вышедших в свет в 1993 году, то есть ещё по свежим следам событий. Он перечисляет имена участников совещания, проходившего в кабинете генсекретаря в ЦК КПСС: председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, председатель КГБ В. А. Крючков, советник председателя Верховного совета маршал С. Ф. Ахромеев, член политбюро А. Н. Яковлев, член политбюро Э. А. Шеварднадзе, заведующий Международным отделом ЦК В. М. Фалин, его заместитель Р. Ф. Фёдоров, первый заместитель заведующего отделом ЦК по связи с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Г. Х. Шахназаров и сам Черняев. Автор мемуаров сообщает: «Я выступил первым и предложил взять твёрдую ориентацию на ФРГ, потому что в ГДР у нас уже нет никакой опоры, чтобы влиять на ход событий. Причём конкретно в ФРГ ориентироваться на „взаимопонимание“ с Колем, а не с СДПГ. Социал-демократы превращают объединение в объект избирательной [видимо: предвыборной] борьбы, а Коль, во-первых, твёрдо держится идеи: воссоединение в рамках общеевропейского процесса; во-вторых, связан союзниками по НАТО; в-третьих, „более верный“ в личных отношениях с Горбачёвым – человек слова. Я высказался против приглашения в Москву Модрова, тем более против встречи М. С. [Горбачёва] с Гизи – с пар-

¹¹⁵ А. С. Черняев. Шесть лет с Горбачёвым. По дневниковым записям. – М., 1993. – С. 66.

тией, „которой уже фактически нет и не будет“. В этом последнем со мной не согласились». По словам Черняева, за ориентацию на СДПГ высказались Фалин и Фёдоров; впрочем, их аргументацию он не излагает, иронизируя лишь по поводу заявления Фёдорова, что «воссоединения никто в ФРГ не хочет». (Между тем Фёдоров, недавно посетивший оба германских государства, был хорошо знаком с особенностями настроений их населения: объединение было действительно мечтой восточных, а не западных немцев, которые отлично себя чувствовали и без Восточной Германии). Черняев с гордостью подчёркивает, что единодушно было поддержано его предложение «выступить с инициативой об образовании „шестёрки“: четыре победителя (СССР, США, Англия, Франция) и две Германии (ФРГ и ГДР) – для обсуждения всех проблем, связанных с процессом воссоединения».

Если бы на совещании были эксперты МИД, то они могли бы напомнить, что подключение германских государств к консультациям «четвёрки» – это давно решённое дело. Вот против чего они наверняка стали бы возражать, так это против отданного без раздумий указания Горбачёва «готовить вывод войск из ГДР – „проблема больше внутренняя, чем внешняя: 300 тысяч, из них 100 тысяч офицеров с семьями куда-то девать надо“»¹¹⁶. Во-первых, группировка наших войск в ГДР насчитывала более полумиллиона людей (точнее: 546 000 человек, из них 338 000 военнослужащих и 207 000 членов их семей), и их вывод представлял собой гигантскую логистическую проблему, для решения которой требовалось немалое время; во-вторых, ни ГДР, ни ФРГ не ставили вопроса о выводе советских войск, поэтому у нас не было причин торопиться с ним; в-третьих, у ЗГВ была очень важная внешнеполитическая функция – её существование было залогом уважительного отношения Запада к интересам обеспечения безопасности СССР на европейском направлении.

Второй вариант информации о совещании 26 января содержится в публикации «Михаил Горбачев и германский вопрос», подготовленной в 2006 году тем же А. С. Черняевым и А. А. Галкиным¹¹⁷. Это также заметки Черняева, которые он сопровождает следующим примечанием: «Запись сделана сразу после заседания, стенограмма которого (даже протокол) не велась. Запись неполная. Однако за аутентичность зафиксированного в записи сделавший её ручается». В этом варианте дискуссии открывает Горбачёв, уже убеждённый в необходимости отказаться от поддержки ГДР. Он начал своё выступление так: «Мы сейчас с ГДР как со своим Азербайджаном: не на кого опереться, не с кем иметь доверенных [видимо: доверительных] отношений. А если и можно с кем-то договариваться, то это не имеет решающего значения. Даже Модров отваливает из СЕПГ. Неважно, что он искренний наш друг. Нет реальных сил в ГДР. Следовательно, на процесс мы можем воздействовать только через ФРГ». Один из сделанных им выводов – обращение к Колю: «Давай соберём не „4“, а „5“ – с твоим, Коль, участием. И определимся в правах немцев и правах остальных» (на что Черняев был

¹¹⁶ А. С. Черняев. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. – М., 1993. – С. 346–347.

¹¹⁷ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований «Горбачев-фонд», Михаил Горбачев и германский вопрос, Сборник документов 1986–1991. Предисловие и составление: Александр Галкин, Анатолий Черняев. – М., 2006. – С. 307–311.

вынужден напомнить: в этом случае приглашать к участию в переговорах четвёрки придётся также и ГДР). Крючков подтвердил: «Дни СЕПГ сочтены. Это не рычаг и не опора для нас» – и добавил, что «необходимо активно выступать в поддержку наших друзей – бывших сотрудников КГБ [видимо: МГБ] и МВД в ГДР». Яковлев высказал несколько весьма спорных тезисов: «Надо, чтобы Модров вмонтировался в СДП и возглавил её восточную часть. Наши войска в ГДР Америке нужны больше, чем нам самим. Хорошо, если бы Модров выступил с программой воссоединения – без предрассудков, исходя из реальностей, а мы бы его активно поддержали» – и далее: «Ставим в ситуацию раздумья Соединённые Штаты. А мы можем сидеть на горе и сверху смотреть на схватку». Рыжков согласился с тем, что «сейчас всё дело в тактике, потому что ГДР нам не сохранить», но отметил, что «неправильно всё отдавать Колю».

Вопреки мнению Черняева Горбачёв всё же решил, исходя из «моральных обязательств», принять в Москве Модрова и Гизи. В дальнейших высказываниях Горбачёва обращает на себя внимание странная смесь здравых суждений и пораженческих настроений: «Никто не должен рассчитывать, что объединённая Германия уйдёт из НАТО»; «Теперь мы в ситуации „Брестского мира“ № 2. Если не справимся, нам грозит... что отхватят опять полстраны»; «Самый трудный пункт – ГДР. Ибо она может уйти: есть ФРГ и есть Европейское сообщество, к которым она давно привязана. Для нас есть ещё моральный фактор – реакция советского народа»; «Самое главное сейчас – растянуть процесс, какова бы ни была конечная цель (воссоединение). Надо, чтобы к этой цели привыкли и немцы, и Европа, и в СССР»; «Канализировать германский вопрос в Венский процесс¹¹⁸. По проблеме войск в Европе держаться так, чтобы не показалось, что мы просто уходим в год 50-летия Победы. Наличие войск в Германии тесно связать с Венским процессом».

По итогам обсуждения генеральный секретарь потребовал подготовить аналитические материалы по темам: а) отношения СССР с тремя западными державами; б) Венский процесс; в) отношения с СЕПГ; г) отношения с ФРГ; д) отношения с ГДР. Он также сформулировал конкретные поручения: а) пропагандистское обеспечение процессов в Восточной Европе; б) подготовка интервью о воссоединении Германии после встреч с Модровым и Кодем; в) не исключать краткого визита генсекретаря в Лондон и Париж (по одному дню); г) «Ахрамееву готовиться к выводу войск из Германии». Как видно, решение о выводе войск было уже бесповоротно принято (возможность сокращения их численности даже не дебатировалась); намечены были конкретные сроки – до 1995 года. Любопытно, что среди планируемых на будущее шагов Горбачёв особо поставил вопрос: «Когда менять послов [в ГДР и ФРГ]?» Со своей стороны, Шеварднадзе назвал этот вопрос «центральным». Видимо, старое русское правило «коней на переправе не меняют» не внушало присутствующим доверия.

По существу, принятые 26 января решения означали следующее: а) на продолжавшей бороться за свое существование ГДР был поставлен жир-

¹¹⁸ В Вене шли переговоры об ограничении обычных вооружений и вооружённых сил в Европе.

ный крест; отныне в Москве принималась в расчёт только позиция Гельмута Коля; б) не было проявлено ни малейшего беспокойства по поводу будущей судьбы многих тысяч людей в ГДР, связанных с Советским Союзом (только Крючков призвал «активно выступать в поддержку» бывших сотрудников спецслужб ГДР); в) по собственной инициативе, без какого-либо подталкивания извне, не определив требований относительно ответных шагов, СССР приступил к подготовке вывода своих войск с территории ГДР, в то время как наличие ЗГВ оставалось последним козырем в сложной партии с Западом, ставкой в которой было обеспечение безопасности страны в новых геостратегических условиях; г) не было даже упомянуто выдвигавшееся ранее Москвой ультимативное требование об отказе от членства объединённой Германии в НАТО¹¹⁹; д) из всех партнёров, важных с точки зрения ограждения советских интересов в процессе сближения германских государств, Кремль выбрал в союзники самого неподходящего – Гельмута Коля, лично заинтересованного в скорейшем поглощении ГДР: по оценкам большинства западногерманских политтехнологов, только поглощение ГДР в кратчайшие сроки могло обеспечить победу ХДС/ХСС на предстоящих в конце 1990 года выборах в бундестаг и, следовательно, дальнейшее пребывание Коля на посту канцлера. Советское согласие на начало забега наперегонки к поглощению ГДР было дано на самых неблагоприятных для Москвы условиях.

Перспектива исчезновения ГДР, которое с высокой степенью вероятности повлечёт за собой развал Организации Варшавского договора, чьей несущей опорой была республика, означала необходимость предварительной детальной договорённости о замене существовавшей системы безопасности в Европе, основанной на конфронтации, системой, опирающейся на новый, партнёрский стиль взаимоотношений, которые должны установиться между вчерашними противниками. Откладывать подробную проработку проекта «Большой Европы» на потом было по меньшей мере легкомысленно – кто же будет добровольно накладывать на себя ограничения в ситуации, когда все поставленные цели стратегического ослабления соперника уже достигнуты? Согласование новой системы безопасности во всех её частностях было возможно – ведь и в условиях конфронтации удавалось договариваться об ограничениях вооружений. Но для этого требовалось время, и, как показывала практика, весьма значительное.

Практически у всех вовлечённых сторон – у Великобритании, Франции, других соседей немцев, у социал-демократов в обоих германских государствах, влиятельных оппозиционных кругов в самой ГДР, по всем признакам также и у будущего правительства республики после выборов 18 марта – имелись по разным причинам веские стимулы желать, чтобы темпы «германского объединения» не были слишком высокими. Особняком стоял Вашингтон, увидевший в некоторых аспектах восточногерманского «разгула демократии» эвентуальную опасность для сохранения своих военных баз на территории ФРГ, которые гарантировали американское присутствие в Европе (в ГДР оппозиционные группировки левацкого толка время от времени

¹¹⁹ Черняев считал, что результаты совещания 26 января означали согласие на членство объединённой Германии в НАТО. Видимо, не только он один.

требовали вывода из Германии «всех иностранных войск»). Американцы пришли к выводу, что чем быстрее подтвердивший свою преданность Америке и НАТО Бонн «наведёт порядок» в ГДР, тем будет лучше для США. К тому же Вашингтон выяснил, что связанный с потерей ГДР сокрушительный удар по престижу и потенциалу Советского Союза не вызовет с его стороны ответных мер крайнего характера. После первоначальных колебаний США поддержали курс Коля на быстрое присоединение ГДР и оказали соответствующее давление на союзников по НАТО. Запад вновь сомкнул ряды. Естественно, Коль не преминул воспользоваться шансом шагнуть в открывшееся вследствие кризиса в руководстве СССР «окно возможностей» и заслужить титул «канцлера германского единства».

По окончании совещания у Горбачёва помощники генсекретаря ЦК КПСС довели по телефону до сведения Кочемасова «заказ» на срочную информацию о положении дел в ГДР, попутно намекнув на то, какие положения были бы благосклонно восприняты в Москве. Уже после полуночи посол вызвал к себе на квартиру нас с советником посольства В. М. Грининым и поручил немедленно подготовить текст для передачи в Центр. Ни слова о совещании у генсекретаря. Посол сказал лишь: *«Из Москвы просили срочно сообщить Модрову, что с ним будут обсуждаться не только международные, двусторонние и так далее проблемы, но и вопросы выхода из внутртриполитического кризиса ГДР. Горбачёв готов выслушать самые смелые предложения и идеи Модрова, затрагивающие кардинальные проблемы нынешнего положения. Вылет Модрова в Москву вечером 29 января. Модров позвонит послу в воскресенье 28 января вечером. 29 января они встретятся в Народной палате. Надо подумать над тем, какими могут быть эти смелые предложения. Следует подготовить проект телеграммы в Москву, где нам высказаться за воссоединение Германии, то есть встать на позиции западных держав».*

Той же ночью в Центр ушёл спешно подготовленный Грининым текст информации, в которой было изложено давно сформировавшееся мнение экспертов посольства по германской проблеме. Высказывалась поддержка предложения Модрова о «договорном сообществе» ГДР и ФРГ, которое постепенно должно приобрести черты конфедерации. Расчёт был на то, что сосуществование германских государств будет сохраняться на время, требующееся для ликвидации разделительных линий в Европе. Разумеется, отношения между ГДР и ФРГ в предстоящие годы не могли бы не носить «особого характера», но определение рамок и темпа сближения германских государств должно было зависеть от четырёх держав, несущих ответственность за Германию в целом в соответствии с договорами антигитлеровской коалиции. ГДР и ФРГ участвовали бы в работе «четвёрки» на равноправной основе. Ничего особенно «смелого» в наших оценках не было, просто посольство осмелилось наконец вслух высказать своё мнение.

По странному совпадению именно **26 января** у меня состоялась беседа с австрийским посланником Людвигом Графом, которая подтвердила обоснованность и реальность тех предложений, которые мы направили в Москву. Представитель нейтральной Австрии говорил: *«Ситуация продолжает осложняться, главным образом вследствие надежд жителей ГДР*

на улучшение своего материального положения в случае немедленного воссоединения (по формуле: сегодня воссоединение, завтра – „Мерседес“) и наглого поведения западных немцев, ведущих свою избирательную кампанию на сцене ГДР и за счет интересов её жителей. [...] Бесцеремонность западных немцев скоро вызовет ответную реакцию в ГДР. Не исключено, что настроения против опекунов со стороны „богатого дядюшки“ выплеснутся к весне и на улицу. У Модрова есть шансы на успех. Все европейцы и все сознающие свою ответственность немцы должны сделать всё для того, чтобы затянуть процесс объединения: чем больше потребуется времени, тем в большем порядке будет проходить процесс, тем в большей степени будут учтены интересы других европейцев. Самоопределение должно быть самостоятельным – сейчас под нажимом из ФРГ, оглушённые изобилием, которое они увидели там, с головами, забитыми лозунгами с чужого голоса, жители ГДР не могут определиться сами. Сейчас немцы заняты „разглядыванием своего пупа“. История показывает, что такое состояние чревато опасностями для окружающих. Надо заставить их вспомнить, что они не одни в Европе и в мире. Визиты – очень важно. Но нужны и акции коллективного характера. Во-первых, [это могут быть] какие-либо четырёхсторонние мероприятия (не повторение [встречи четырёх посланцев], но что-либо такое же краткое для прессы, телевидения и т. д.). Во-вторых, [необходимо] подключение СБСЕ; поскольку сейчас германский вопрос стал главным вопросом европейской безопасности, его нужно обсуждать в Вене. Мандат будет дан на встрече в верхах, но в порядке подготовки можно [начать] уже сейчас: немцы будут возражать, но одни против всех они не пойдут. Главное – дать малым странам возможность высказаться вслух свои страхи. Если воссоединение будет завтра, сразу же начнётся кампания за границы 1937, а затем и 1938 года ([под вопросом] судьба Австрии и Судетской области). Модров – единственный в стране человек, которому верит население. Если его свалят, это может вызвать демонстрации [в его поддержку]. У оппозиции нет выбора – главой правительства должен оставаться Модров. Но ему надо как-то отойти на определённую дистанцию от СЕПГ-ПДС. [...] Все страны делают всё возможное для того, чтобы поддержать ГДР (Австрия, Бельгия, США, Англия, Франция). Но это [как правило] забывается».

Поскольку в понедельник 29 января посол был занят в Народной палате, следующее утреннее совещание состоялось во **вторник 30 января**. Посол начал своё выступление с анализа предложения Модрова о создании правительства национальной ответственности. Он считал эту инициативу ответом на «ситуацию, чреватую опасностью возникновения хаоса». Посол продолжал: «Идея переноса даты парламентских выборов и расширения состава правительства была активно поддержана церковью. Оппозиционеры выдвинули претензии на самые важные министерства. Удалось отстоять МИД. Пока министры от оппозиции будут без портфелей, а затем распределение обязанностей будет уточнено¹²⁰. Перенос выборов выгоден СЕПГ-ПДС (есть ещё силы). Отсутствие структур и известных фигур у

¹²⁰ Министры от оппозиции так до конца и остались министрами без портфеля, то есть они обладали всеми правами членов кабинета, но не признавали за собой никаких обязанностей.

оппозиции будет мешать оппозиционерам. СДП пока завывает [видимо: переоценивает] свои силы. Вмешательство СДПГ (ФРГ) вызывает неоднозначную реакцию у населения ГДР. Позитивный вотум оппозиции в Народной палате не помешал демонстрациям вчера против СЕПГ-ПДС. Друзья думают о переименовании партии: оставить в названии только ПДС. Настроения в базе против самороспуска. Гизи будет в Москве 2 февраля, у него состоится беседа с Горбачёвым. Нам надо следить за вмешательством ФРГ в дела ГДР и докладывать в Москву. Друзья боятся всеобщей забастовки с требованием о повышении заработной платы и референдума по воссоединению. Главное внимание правительства ГДР направлено на то, чтобы обеспечить снабжение населения хотя бы до выборов. С этой целью мобилизуются все средства. Нарастает число выступлений в пользу сокращения и вывода советских войск из ГДР. Используется пример Венгрии и Чехословакии. Заявление правительства ГДР¹²¹ согласовано с нами. Важно учесть аргументацию, использованную в этом заявлении. Круглый стол поставил вопрос о [закрытии] АЭС в Грайфсвальде, построенной нами. Возможна ажитация в общественности ГДР».

Утром в **среду 31 января** посол констатировал: «Главное – итоги визита Модрова в Москву. Там царил обстановку полной открытости и товарищества. Обсуждались: оценка ситуации в Восточной Европе, отношения СССР – ГДР, отношения ГДР – ФРГ. По всем этим вопросам достигнуто полное взаимопонимание, в том числе по вопросам немецкого единства. Мы заинтересованы в том, чтобы помочь ГДР справиться с трудностями. Проявляем готовность переосмыслить существующие проблемы. Модров вернулся в хорошем настроении. Переговоры прошли удачно. Сразу по возвращении он собрал круглый стол и проинформировал устно. 1 февраля состоится заседание Совета министров ГДР по итогам визита. Затем пройдёт пресс-конференция Модрова. Друзья пойдут несколько дальше, чем это ими первоначально намечалось. Наши [то есть посольства] предложения по нашей позиции в отношении соединения немецких государств восприняты в Центре положительно. Друзья заканчивают разработку своей позиции по немецко-немецким делам. Имеется солидная основа для переговоров с ФРГ при нашей поддержке. Друзья могут быть отныне более гибкими и сбить давление улицы в этих вопросах. В наших беседах следует руководствоваться тем, что опубликовано, без домыслов и авансов. Стоит вопрос о приезде Горбачёва и Рыжкова в ГДР: если западные немцы ездят в ГДР, как к себе домой, то и нам можно». Посол добавил: «Шансы Модрова на выборах повышаются. Этому способствует не только его собственная работа, но и наша мощная поддержка. С ним будут считаться ещё больше, чем раньше».

В состоявшемся в этот день выступлении в Евангелической академии Тутцинг (Бавария) министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер недвусмысленно подчеркнул: «Дело НАТО ясно заявить – что бы ни происходило в Варшавском пакте, не будет расширения территории НАТО на восток, то есть к границам Советского Союза. Эти гарантии безопасности

¹²¹ В правительственном заявлении Модрова в Народной палате 29 января говорилось о растущей угрозе безопасности граждан в результате радикализации политической жизни республики.

имеют большое значение для Советского Союза и линии его поведения. Запад должен считаться с пониманием, что перестройка в Восточной Европе и процесс германского объединения не должны вести к ущемлению интересов советской безопасности. Для того чтобы создать необходимые для этого предпосылки, потребуется высокая степень европейского государственного искусства»¹²². Как вскоре выяснилось, настояния Геншера на государственном искусстве Запада оказались излишними. Когда одна из сторон играет в поддавки, другой не приходится особенно напрягаться.

В четверг 1 февраля ГДР приступила к выполнению договорённостей, достигнутых Модровом и Горбачёвым. На пресс-конференции в Берлине Модров представил общественности план решения национальной проблемы немцев, который он озаглавил «Германия – единое отечество». Это была строка из государственного гимна ГДР, который, правда, уже давно исполнялся без слов. В заявлении Модрова, в частности, говорилось: «Объединение обоих германских государств встанет на повестку дня. Немецкий народ займёт своё место в строительстве нового мирного порядка, благодаря которому будут преодолены как разделение Европы на враждебные лагеря, так и раскол немецкой нации». Заявление предусматривало четыре этапа реализации плана: 1) сотрудничество и добрососедство в рамках договорного сообщества; 2) образование конфедерации, располагающей общими государственными органами; 3) передача этим органам членами конфедерации своих суверенных прав; 4) создание единой Германской Федерации (или Германского Союза) в результате всеобщих выборов. В качестве предпосылки осуществления плана Модров назвал уважение интересов и прав четырёх держав, а также всех европейских государств и военный нейтралитет ГДР и ФРГ в ходе подготовки создания федерации. Заявление заканчивалось так: «Эта концепция основывается на демократических, патриотических идеях и движении за единство германской нации из нашей совместной истории и недавнего прошлого. Она основывается на гуманистических и антифашистских традициях германского народа. Она обращена к гражданам ГДР и ФРГ, к мировой общественности, поскольку нуждается в их поддержке».

Модров сообщает в своих мемуарах, что задержал на сутки обнародование своего плана германо-германского сближения, чтобы быть уверенным в прочности согласия советской стороны. 31 января В. М. Фалин подтвердил послу ГДР в Москве Герду Кёнигу, что возражений нет. Модров продолжает: «Отказ Москвы от твёрдых обещаний в сфере экономического сотрудничества я расценил как дополнительное подтверждение вывода о том, что отныне будущую экономическую стабильность ГДР нельзя обеспечить без тесного взаимодействия с Федеративной Республикой. [...] Было ясно, что Советский Союз слишком слаб, чтобы оказать ГДР основательную экономическую помощь»¹²³.

Реакция на выступление председателя Совета министров ГДР была в основном позитивной, за исключением высказанной им идеи о внеблоковом характере единой Германии. Модров справедливо отмечает в своих мемуа-

¹²² См. также: Richard Kiessler, Frank Elbe. Der diplomatische Weg zur deutschen Einheit. – Baden-Baden, 1993. – S. 80.

¹²³ Hans Modrow. Ich wollte ein neues Deutschland. München, 1999. – S. 415–416.

рах, что опубликование его плана «вызвало широкое, причём не враждебное эхо в средствах массовой информации. Однако проект военного нейтралитета немедленно развязал полемику и натолкнулся на сильное сопротивление. Могу себе представить, как раскалились телефоны, связывающие западные столицы; началась интенсивная подготовка предстоящей встречи между Горбачёвым и Колем. [...] Но прежде чем дело дошло до этой встречи, в Москве объявился министр иностранных дел США Джеймс Бейкер. Цель – новая расстановка вех. В то время как США ничего не предпринимали, не проконсультировавшись заранее с Федеративной Республикой о предстоящих шагах, Горбачёв отныне не советовался основательно даже со своими людьми, а ГДР всегда была последним звеном в информационной цепочке. Мы узнали о результатах беседы с Бейкером много позже, только 12 февраля, из разговора по телефону между Горбачёвым и мною. Соглашенная с министром иностранных дел США позиция (внешние условия объединения должны определяться четырьмя державами, однако внутренние вопросы отношений между ГДР и ФРГ касаются лишь одних немцев) уже означала несомненный отход от плана Модрова»¹²⁴.

США поставили проблему военного статуса объединённой Германии в центр всей своей европейской политики. Ни для кого не было секретом, что Вашингтон полон решимости сохранить войска США на территории ФРГ в целях закрепления американского присутствия в Европе (военное ведомство США было убеждено, что без западногерманского плацдарма глубина обороны Западной Европы была бы недостаточной). Нейтрализация будущей объединённой Германии, которую нельзя было полностью исключить в свете откликов общественности обоих германских государств на план Модрова (пацифистские настроения были особенно сильны в ГДР), означала бы неизбежный вывод американских войск. Отсюда решимость США удержать на плаву Гельмута Коля, готового ради скорейшего поглощения ГДР согласиться на все требования Вашингтона. К тому же просто сохранить своё присутствие на европейском континенте в прежнем масштабе скоро показалось американцам недостаточным. Они почуяли шанс получения НАТО «свободы рук». И в этом Колю был согласен им помочь.

В пятницу 2 февраля посол сообщил, что председатель Совмина ГДР *«просил поддержки в связи с нападками „Ди вельт“¹²⁵ по поводу мнимого участия Модрова в разгоне демонстраций 4–5 октября в Дрездене. Выдвинутый Модровом вчера план „Германия – единое отечество“ вызвал то главное возражение, что он ведёт к нейтрализации единой Германии. Остальное поддерживают. В ГДР план встречен очень позитивно, за исключением бывших партийных деятелей. Из кругов круглого стола исходит мнение, что в ГДР кроме Модрова никого нет, кто мог бы стоять во главе республики»*.

В субботу 3 февраля в западноберлинской прессе появились сообщения об альтернативном плане германского воссоединения, оглашённом на состоявшейся накануне в Лондоне пресс-конференции Момпера. Как сооб-

124

Hans Modrow. Ich wollte ein neues Deutschland. München. – 1999, S. 416.

125

«Die Welt» – влиятельная газета ФРГ право-консервативного направления (концерн Шпрингера).

шил правящий бургомистр Западного Берлина, в предыдущие дни он ознакомил со своими предложениями в предварительном порядке министров иностранных дел Франции (Ролана Дюма) и Великобритании (Дугласа Хёрда). По словам Момпера, сказанное им было выслушано и в Париже, и в Лондоне «с благожелательным интересом». СМИ предпослали публикации заголовок: «Момпер представляет свой план создания Германии». В пояснительных замечаниях главы западноберлинской администрации высказывалась довольно сомнительная идея установления какого-то подобия четырёхстороннего протектората над ГДР: «До вступления в силу европейского миропорядка союзнические гарантии по берлинскому образцу будут распространены на восточную часть Германии». Текст плана содержал семь пунктов: «1) предстоящая конференция ОБСЕ должна принять решение о гарантии существующих европейских границ, в частности западной границы Польши; 2) правовое урегулирование и обязательства, касающиеся территории до Эльбы, сохраняются; 3) ГДР налаживает широкие связи с ФРГ, в число которых входит право решающего голоса для [западноберлинских] депутатов, избираемых в бундестаг прямым голосованием; 4) торговля между Восточной Германией и территорией СЭВ получает привилегированный характер, в частности путём предоставления режима наибольшего благоприятствования; 5) по истечении переходного периода действие законов ФРГ распространяется на Берлин и Восточную Германию и вся эта территория подчиняется конституционной юрисдикции; исключением остаются лишь законы о воинской повинности ФРГ; 6) Восточная Германия демилитаризуется; советские войска той же численности, что и их западные визави, а также военные миссии связи четырёх держав пока остаются; они обладают правом приостанавливать действие законов, касающихся военных вопросов; 7) Германия заранее принимает обязательство подчиняться решениям международной судебной палаты». В заключение пресс-конференции Момпер сказал, что намерен совершить «информационную поездку» для разъяснения своего плана также в Вашингтон. При этом он сослался на то, что «в Лондоне и Париже осознают, что единство Германии придёт быстрее, чем ожидалось», а «у нацеленного на нейтрализацию единой Германии плана Модрова нет шансов на успех». В итоге к уже предложенным планам воссоединения, авторами которых были Коль и Модров, социал-демократы ФРГ добавили свой проект.

В разговоре со мной в **понедельник 5 февраля** шеф политического отдела постпредства ФРГ¹²⁶ Эрнст-Йорг фон Штудниц сообщил, что в Бонне осознали серьёзность положения в ГДР и примут во время предстоящего визита Модрова в ФРГ 13–14 февраля меры по оказанию срочной помощи республике. Штудниц был уверен, что смягчение остроты ситуации в экономической сфере ГДР сделает более контролируемым развитие в политической области, даст «передышку» всем, кого затрагивает воссоединение Германии. Он высказал мнение, что ФРГ могла бы на несколько лет удовлетвориться экономическим объединением, не торопясь с политическим.

---

¹²⁶ Дипломатические представительства ФРГ в ГДР и наоборот именовались по настоянию западных немцев не посольствами, а «постоянными представительствами», чтобы подчеркнуть «особый характер» отношений германских государств между собой.

Главной здесь остаётся проблема безопасности – создание коллективной системы безопасности в Европе потребует нескольких лет. Видимо, до этого момента *«придётся оставить советские войска там, где они стоят»*.

В ходе нашей вечерней встречи в этот же день Дитер Шрёдер постарался объяснить причины появления «плана Момпера». Он утверждал, что надо было торопиться: правительство ГДР, которое будет сформировано после выборов 18 марта, станет *«правительством воссоединения»* и как таковое окажется *«лишённным авторитета и власти»*. Это перенесёт проблему на уровень воссоздаваемых земель, правительства которых являются *«авторитетными для локальных властей (полиция, учителя, пожарные и т. д.)»*. Согласно статье 23 Основного Закона для включения в состав ФРГ *«достаточно, чтобы земля заявила о своём присоединении»*. Так могут поступить по отдельности Бранденбург, Тюрингия, Саксония, они уже готовы к этому шагу. Предупредить подобное развитие можно, *«зарезервировав 5–10 лет путём заключения специального договора о поэтапной реализации воссоединения»* и доверив обсуждение землям. Например, совещанию премьер-министров земель ФРГ с участием земель ГДР. Поскольку воссоздание земель завершается в мае, для принятия мер остаётся мало времени; нужно всё сделать до летней паузы в работе парламентов. Дюма и Хёрд согласны с тем, что надо торопиться. Положение осложняется тем, что *«Тюрингия и Саксония не платят налогов; Восточный Берлин, кстати, тоже. В результате налицо бюджетный дефицит, забастовки, развал на местном уровне. Давление против всего, что мешает воссоединению, опрокидывает всё. Давление снизу в пользу немедленного воссоединения невообразимо [сильное]. Вероятное правительство [лидера СДП (ГДР)] Бёме будет находиться в более трудном положении, чем правительство Модрова: СДП не владеет ситуацией»*. Присоединившийся к нам Момпер был настроен более оптимистично: *«До августа ГДР ещё хватит»*. Относительно своего плана он подчеркнул: *«Мы не хотим впечатления, будто СССР проиграл итоги Второй мировой войны. Нужны предохранители для объединённой Германии. Эту роль должны сыграть союзники»*.

В среду 7 февраля посол обратил внимание на обострение обстановки вокруг аэродрома ЗГВ в Пренцлау. Он отметил, что *«хотя стройка нового аэродрома, в которую уже вложено нашими военными 400 тысяч марок ГДР, законсервирована и наши вертолёты пользуются взлётно-посадочной полосой, находящейся в 50 километрах от города, а по субботам и воскресеньям полоса вообще не используется и, таким образом, с нашей точки зрения всё в порядке, население недовольно авиационным шумом»*. Посол сообщил, что примет депутацию жителей Пренцлау 10 февраля вместе с командующим авиацией ЗГВ и скажет, что *«нашим войскам стоять и стоять в ГДР. Параллельно главнокомандующий ЗГВ пошлёт генералов во все „горячие точки“ для разбора ситуации на месте»*. Посол рассказал также о состоявшейся у него беседе со статс-секретарём МИД ГДР (первым заместителем министра иностранных дел) Гербертом Кроликовским, который подчеркнул, что в гарнизоне Кёнигсбрюкке *«ситуация тоже не очень хорошая. Предстоит совещание с общественностью при участии генералов ЗГВ и ННА»*. Кроликовский говорил также о внутривнутриполитической ситуации в ГДР в преддверии

выборов в Народную палату. Он пожаловался на «плохую обстановку на юге ГДР, где сильна поддержка ХДС. На севере сильнее влияние СДП. В Тюрингии большие крайние правых. В Лейпциге 50 % на 50 %. Сейчас там проводят демонстрации другие силы – крайние правые со всей ГДР. Шансы СДП на выборах повышаются – у них поддержка бывших членов СЕПГ. Линия ПДС: члены партии должны получить новые партбилеты. Это глупое решение – очень немногие будут прилагать усилия, чтобы остаться членами партии. Будет также „полезное для правых“ голосование левых – голоса, поданные за мелкие группки типа „Красных звездик“, просто пропадут. Выходы из ПДС продолжаются, выходит много учителей».

На совещании в **пятницу 9 февраля** посол вернулся к обстановке вокруг ЗГВ. Он сказал: «Здесь нарастают настроения против присутствия советских войск в ГДР. Выдвигаются требования вывода воинских частей, аэродромов и так далее. 10 февраля в 10.00 состоится демонстрация у сопосольства под лозунгом „Жители Пренцлау против советского гарнизона“. Необходимо принять все меры предосторожности. Уступать нельзя, иначе будет цепная реакция. Наши войска находятся здесь на иной основе, чем в Чехословакии или Венгрии. Они будут стоять здесь, пока не будет урегулирован германский вопрос в целом. Во время демонстрации всем быть на своих рабочих местах. Надо ставить решётки на окнах первого этажа здания посольства. Если нужно, заказать их у наших военных. Необходимо вообще пройтись по периметру и по внутренним помещениям нашего комплекса зданий. Привлечь военных к выполнению необходимых работ». Посол добавил: «Предстоит перестройка наших отношений с ГДР с прицелом на новое правительство после выборов. Работа с ПДС остаётся в числе наших задач, какой бы малочисленной она ни стала».

Во второй половине дня у меня состоялась ещё одна беседа со Шрёдером, который отметил дальнейшее ухудшение обстановки в ГДР: снижается качество предоставляемых населению услуг, перестают функционировать административные аппараты (шесть районных бургомистров Восточного Берлина не подчиняются Краку), растёт количество забастовок, в Тюрингии некоторые районы объявили о своём «выходе из государства» и пытаются существовать отдельно, государственный бюджет ГДР более не существует, банки отказываются принимать вклады в марках ГДР. В случае нужды сенат готов взять на себя организацию пожарной охраны в Восточном Берлине, наладить сотрудничество западноберлинской криминальной полиции и восточноберлинской народной полиции, гарантировать водоснабжение, работу канализации, газо- и электроснабжения, больниц и поликлиник, детских садов (со школами можно подождать). Денег может не хватить. Надо будет обращаться за поддержкой к предпринимателям. «В Западном Берлине выделено дополнительно тысяча коек для беженцев из ГДР, но этого слишком мало». В понедельник встречаются полицейско-президенты обеих частей Берлина с целью согласовать действия на случай грабежей, нападений на супермаркеты. Успокоить население может, пожалуй, только объявление о введении в ГДР марки ФРГ. Может быть, Модров упомянет об этом во время визита в Бонн 13 февраля. Похоже, что 4 февраля в Давосе Модров рассказал Колю о ситуации в ГДР «что-то страшное: Бонн полон слухов о скором

распаде республики. Нужно срочно восстанавливать четырёхстороннюю крышу для [всего] Берлина». Наверное, потребуется обращение СССР или – что ещё лучше – от имени четырёх держав к сенату с призывом помочь в Восточном Берлине и прилегающих округах.

Утром в **субботу 10 февраля** посол сообщил мне о своём решении не разговаривать с делегацией демонстрантов из Пленцлау, и поручил принять её на уровне кого-нибудь из первых секретарей посольства. Я вызвался взять на себя выполнение этой миссии – мне уже давно хотелось поговорить «вживую» с представителями уличной оппозиции, посмотреть, что у них за душой и к чему они собираются вести страну. Посол согласился. Мой разговор с демонстрантами получился долгим и временами напряжённым. Главная трудность состояла в том, что у людей, проживавших рядом с военным аэродромом и страдавших от шума авиационных двигателей, за всё это время не было собеседников, с которыми они в нормальном порядке могли бы попытаться найти путь к урегулированию волнующих их проблем: ни местные власти, ни наши военные не проявляли готовности выслушать их жалобы. В результате накопились взаимные обиды и недоверие. Через два часа интенсивных дискуссий мы всё-таки нащупали решения, которые были приемлемы как для жителей, так и для наших лётчиков. Находившийся в соседней комнате командующий ВВС ЗГВ (он не говорил по-немецки и поэтому предпочёл остаться «за кадром») одобрил выработанные предложения, причём удивился умеренному характеру выдвинутых демонстрантами требований. На меня также произвело впечатление, что люди настаивали не на выводе войск или переносе авиабазы куда-нибудь подальше от них, а лишь на соблюдении некоторых условий, облегчавших сосуществование аэродрома и его соседей. По окончании переговоров члены делегации вышли к демонстрантам, стоявшим дисциплинированно перед посольством, и информировали их о результатах, после чего собравшиеся послушно разошлись. Этот эпизод ещё раз убедил меня в том, что ничто не может заменить прямого разговора с демонстрировавшей на улицах оппозицией. Любую проблему можно решить мирными методами, была бы только готовность идти друг другу навстречу. Всякие посредники лишь нагнетали страхи и усложняли поиски компромиссов.

Центральным событием субботы 10 февраля были переговоры в Москве с канцлером Колем. Однако основные моменты договорённостей по германским делам обсуждались уже накануне в беседе между Горбачёвым и госсекретарём США Джеймсом Бейкером. Позитивные отклики на выдвижение «плана Модрова» создали впечатление, что Коль начинает терять очки. Это обеспокоило американцев, и Бейкер настоял на приёме у Горбачёва накануне встречи с Колем.

Из советской записи беседы Горбачёва с Бейкером в **пятницу 9 февраля** явствует, что американец упорно настаивал на двух моментах: 1) механизм обсуждения путей решения германского вопроса должен строиться по принципу «два плюс четыре» (то есть ФРГ должна была получить возможность без помех извне диктовать ГДР, как именно должно происходить объединение по существу, а четырём державам предстояло лишь в международно-правовом плане оформить результаты); при этом данная конструкция

должна была заработать только после выборов 18 марта, когда ГДР получит «легитимное» правительство без Модрова; 2) объединённая Германия должна состоять в НАТО (Бейкер несколько раз повторил обещание, что при этом «юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии»). Госсекретарь не получил ясного «нет» ни по одному из этих моментов. По поводу механизма переговоров (похоже, что Горбачёв так и не понял различия между формулами «четыре плюс два» и «два плюс четыре» – или тщательно скрывал это) было обещано продолжить консультации с партнёрами на Западе и Востоке, причем Горбачёв высказал беспочвенное предположение, что Модров согласится с формулой, предложенной Бейкером. Относительно членства в НАТО последовало философское замечание генсека: «Вполне возможно, что в той ситуации, как она складывается сейчас, присутствие американских войск может играть сдерживающую роль»¹²⁷.

Благодаря исследованиям американского историка Мэри Саротт, работавшей с президентскими архивами в США, стало известно следующее обстоятельство. В кратком письменном докладе президенту 9 февраля Джеймс Бейкер сообщил: «Конечный результат: объединённая Германия, закреплённая в (политически) изменившейся НАТО, юрисдикция которой не продвигается на Восток». По указанию президента Джорджа Буша-старшего Совет национальной обороны США в инструкции для направлявшегося в Москву канцлера Коля заменил ясную формулировку Бейкера, отвечавшую согласованной с Горбачёвым договорённости, на туманное понятие «особого военного статуса для нынешней территории ГДР» при включении единой Германии в НАТО. Когда Коля прибыл 24 февраля в Вашингтон, чтобы отчитаться о встрече с советским лидером, Буш паушально отверг всякие компромиссы с Москвой: «Ну их к чёрту! Мы добились своего, а они нет. Мы не можем допустить, чтобы Советы в последнюю минуту избежали поражения»¹²⁸.

Хотя письменно оформленных договорённостей между Горбачёвым и Бейкером достигнуто не было, остается фактом, что в ходе переговоров с Колем в **субботу 10 февраля** генсекретарь следовал «рекомендациям» Бейкера. Гельмут Коля отлично подготовился к разговору с Горбачёвым. Беседу с глаза на глаз он начал с сообщения о том, что по его предложению правительство ФРГ согласилось на финансовое содействие Советскому Союзу для закупок продовольствия, и добавил: «... Когда вам понадобится помощь или поддержка и вы решите, что я могу помочь, прошу вас сразу обращаться ко мне». За обещанием содействия последовал прозрачный намёк на возможные осложнения в отношении Западной группы войск: «В ГДР дислоцированы советские войска численностью около 400 тысяч человек. Там же живут жёны и дети советских офицеров. Долгом советского руководства является их защита. Это элементарная логика, законный интерес, и я его поддерживаю».

¹²⁷ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991. – М., 2006. – С. 332–338.

¹²⁸ Mary Elise Sarotte, 1989. The Struggle to Create Post-Cold War Europe, Princeton University Press, 2009. – P. 222–224.

Сразу же после этого Коль информировал собеседника, что в порядке оказания помощи ГДР он предложил ей заключить валютную унию с ФРГ. Канцлер не стал уточнять, что такое соглашение положит начало процессу экономического поглощения ГДР – введение в ГДР марки ФРГ в качестве единственного платёжного средства означало бы объединение «с чёрного хода», и о суверенитете восточногерманского государства можно было бы забыть. Но это было понятно и без уточнений. Однако Горбачёв отреагировал на сообщение Коля лишь ссылкой под конец беседы на то, что личный состав ЗГВ получает часть своего жалования в марках ГДР, а марок ФРГ у Советского Союза нет. На это последовала необязательная реплика канцлера: «Мы не будем уклоняться ни от каких вопросов».

На главный тезис Горбачёва: «Центральный вопрос статуса единой Германии – в военной безопасности» – Коль безмятежно ответил: «Здесь можно найти решение». После чего он получил самый драгоценный подарок за всю свою долгую политическую карьеру. Горбачёв заявил, что «между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос». Через некоторое время он повторил: «Советский Союз и ФРГ с учётом мнения Модрова констатируют, что у них нет разногласий по проблемам единства Германии и права немцев сделать их выбор». И ещё раз, уже при встрече в расширенном составе: «У нас с федеральным канцлером есть общее понимание того, что вопрос о будущем немецкого народа – а оно приближается, – о его государственности, о выборе, который он хочет сделать, – это, конечно, выбор немцев».

Растроганные западные немцы пообещали особо информировать Москву о ходе переговоров с ГДР. Министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер со свойственной ему вездливостью уточнил: «Оба германских государства будут договариваться о собственном будущем, говорить на эту тему с четырьмя державами – одним словом, определять совместный путь к объединению. Затем оба германских государства могли бы приступить к консультациям с советской стороной в рамках существующих процедур». Горбачёв получил также заверение Коля, что «с немецкой земли должен исходить только мир» и что «мы возьмём на себя все те обязательства [в экономической области], которые взяла на себя ГДР в договорах и соглашениях, заключённых с вами». Стоит упомянуть также странное замечание Горбачёва при обсуждении перспектив участия единой Германии в Североатлантическом альянсе: «Если мы в одностороннем порядке выведем из ГДР все войска, то вы НАТО тоже не удержите». Коль не стал обсуждать этот смелый тезис¹²⁹.

В итоге Гельмут Коль совершенно неожиданно привёз из Москвы ключи от германского единства, то есть нечто, на что он до визита не мог рассчитывать в самых смелых своих мечтаниях. Сразу после возвращения из советской столицы услужливые западногерманские журналисты стали именовать его «современным Бисмарком», сравнивая его успех с достижениями прусского канцлера, чьей главной заслугой считается создание германского

¹²⁹ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991. – М., 2006. – С. 339–360.

рейха в 1871 году. Однако эта лесть была ещё несколько преждевременной – ситуация оставалась лабильной. Если бы ГДР, чьи интересы вне зависимости от её государственного или общественного строя во многом перекликались с интересами СССР, получила советскую поддержку, она могла бы также рассчитывать на определённое закулисное содействие со стороны Великобритании и Франции. На худой конец, достаточно было, чтобы за спиной ГДР только угадывались контуры Советского Союза, отнюдь не растерявшего все рычаги влияния на обстановку в Германии и в Европе в целом. ГДР могла бы в таком случае оперировать ссылками на предположительно резкую реакцию СССР на ущемление восточногерманских интересов. Именно поэтому так несказанно счастлив был Коль, когда выяснил, что Москва и не думает вступаться за своего союзника.

К тому же какими-нибудь шансами на успех ГДР могла бы располагать, если бы её представлял на переговорах с ФРГ располагающий авторитетом в своей стране харизматический политик, в чьём послужном списке значились бы преодолённые обострения ситуации, опыт международного общения, умение говорить с массами, достигать компромиссы, находить ответы на вызовы времени. В ГДР начала 1990 года таким политиком был только Ханс Модров. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на спешку с присоединением ГДР, Коль отказался начать переговоры об условиях объединения до выборов 18 марта, после которых Модрову грозила отставка.

Для Ханса Модрова результаты визита Коля в Москву предвещали политический закат. Всему миру стало ясно, что ГДР нечего рассчитывать не то что на помощь со стороны СССР, но даже на не требующую материальных затрат моральную поддержку. Горбачёв, публично одобрявший содержание опубликованного 1 февраля плана Модрова, отпустил на его реализацию всего лишь десять дней – уже 10 февраля он вручил Колю судьбу ГДР. Отныне не оставалось надежд на более или менее длительный переходный период. Весь мир и прежде всего восточные немцы поняли, что будущее ГДР определяет только канцлер ФРГ, единолично решающий, что и в какие сроки происходит в республике. Немедленно последовал отказ Бонна от давно обещанной реальной экономической помощи «братьям и сёстрам на Востоке». Отныне ФРГ неукоснительно следовала правилу: «Чем хуже, тем лучше» – чем тяжелее будет экономическое положение ГДР, тем скорее её население поддержит безоговорочное вступление республики в состав ФРГ.

Ещё не дожидаясь официальной ориентировки из МИД СССР, посол утром в **понедельник 12 февраля** огласил полученную им в устной форме информацию из Москвы о переговорах Горбачёва и Коля. Ссылаясь на только что состоявшийся у него разговор по телефону с Горбачёвым, посол подчеркнул: *«Нам надо исходить из того, что опубликовано в „Правде“.*

Спекуляции на Западе в этой связи безосновательны¹³⁰. В Москве Колю было сказано, что германский вопрос урегулирует история. Процессы в Восточной Европе, в ГДР приобрели быстрый характер. Это отразилось и на германском вопросе. ФРГ не должна допускать дестабилизации ГДР при любых обстоятельствах. Германский вопрос должен решаться с учётом интересов и мнений всех государств мира, европейских государств. Нужны осмотрительность, взвешенность, точное следование достигнутым договорённостям, участие четырёх держав. Процесс должен иметь свои этапы. Существует опасность форсирования развития. Коль ссылаясь на трудности в ГДР в связи с уходом населения (специалистов) в ФРГ. Особенно остро обстоит дело в столице ГДР. Он заверил, что не будет делать ничего, что противоречило бы интересам СССР. Коль много говорил о непредсказуемости развития в ГДР. Горбачёв подчеркнул: „Нужны переговоры четыре плюс два – без них не может быть и речи о воссоединении Германии“. Этот вопрос будет обсуждаться на встрече в верхах ОБСЕ¹³¹».

Похоже на то, что или посол был сам дезинформирован о реальном содержании подвижек в советской позиции, о которых шла речь в ходе встречи с Колем 10 февраля, или он умышленно пытался ввести в заблуждение нас – и через нас официальных представителей ГДР, с которыми мы поддерживали служебные контакты. В любом случае возникла совершенно ненормальная ситуация, когда передний край обороны получал абсолютно фантомные задания, ещё больше подрывавшие и без того пошатнувшееся доверие к нам со стороны союзников. То, что посол говорил нам, не соответствовало ни содержанию переговоров с Колем, ни решениям, принятым на совещании 26 января. Комментарий посла сводился к следующему: *«Коль пытается с помощью СМИ и вмешательства официальных лиц добиться решающих сдвигов в ГДР ещё до выборов 18 марта. Он стремится к „воссоединению из страха, нищеты и хаоса“.* Нам надо сегодня начать разъяснительную работу, изучить реакцию различных слоёв населения, а также ведущих политиков. Суть нашей позиции: механизм четыре плюс два и Хельсинки. Нам нужно активно работать с оппозицией, участниками круглого стола, но приоритет отдавать ПДС. Надо вселять в друзей чувство оптимизма, уверенности в будущем: ситуация трудная, но не безнадёжная. В Давосе Модров нарисовал в беседе с Колем очень мрачную картину положения в ГДР и особенно в Берлине. Коль воспользовался случаем, чтобы развернуть кампанию».

В этот же день, **12 февраля**, состоялась встреча посла с Вальтером Момпером. В моей записной книжке есть запись о высказываниях правящего бургомистра, обосновывавшего свой план воссоединения: *«Экономическое*

¹³⁰ Непонятно было, в чём состояла «безосновательность западных спекуляций». В упомянутой публикации «Правды» центральный пункт переговоров с Колем излагался следующим образом: «М. С. Горбачёв констатировал – и канцлер с ним согласился, – что сейчас между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по поводу того, что вопрос о единстве германской нации должны решить сами немцы и сами определять свой выбор, в каких государственных формах, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать» («Правда», 11 февраля 1990 г.). Единственное замечание, какое можно сделать по поводу такой формулировки, это то, что ссылка на ГДР некорректна, так как мнения ГДР никто по этому поводу не запрашивал.

¹³¹ Встреча в верхах ОБСЕ состоялась в Париже в ноябре 1990 г.

положение ГДР катастрофическое. К объединению людей толкает желание улучшить свою экономическую ситуацию, потребность в гарантиях против возвращения собственности прежним владельцам, присутствие советских войск. Выход население видит в скорейшем воссоединении. Модров не сможет оставаться на своём посту после 18 марта: это был бы сигнал, что старое может вернуться. Ассигнования на нужды столицы бюджетом ГДР не обеспечены. Может встать метро, тогда люди побегут в Западный Берлин. В случае осуществления валютной унии ФРГ – ГДР возникнет огромная социальная напряжённость – в ГДР закроется громадное количество предприятий. А если из ГДР уйдут ещё 700–800 тысяч человек, республика рухнет. Уже сейчас вместо 3–4 ветеринаров остался один, а если уйдёт детский врач, то уйдут и родители детей. Крах ГДР может наступить и до 18 марта, и после этой даты. Как поведёт себя Советская Армия? Пока для немцев действует табу: о советских войсках не говорят. Но если люди в ГДР почувствуют, что эти войска – единственное препятствие для воссоединения, то поднимется дискуссия и о советских войсках. Пример – недавняя демонстрация жителей Пренцлау. В психологии масс происходят сдвиги».

Во **вторник 13 февраля** посол рассказал о посещении Модровом посольства накануне: «Он передал платформу, на основании которой будет вести переговоры в Бонне. Она соответствует договорённостям с нами. Нам надо вести такую линию: инициативу в деле воссоединения проявил Модров; мы поддержали его план; только после этого Коль и Геншер запросились в Москву. Таким образом, мы не действуем на основе „плана Коля“. В Бонне не будет подписано документов, друзья изложат свои концепции. К проекту валютного союза отношение у друзей очень осторожное, преобладает настроение – не спешить. Вчерашний телефонный разговор Горбачёва с Модровом внёс ясность в вопросы, которые пытался запутать Коль». В этой связи посол поручил дипломатам внимательно ознакомиться с ориентировкой МИД СССР, которая тем временем была уже получена (её содержание соответствовало тезисам, изложенным послом накануне, – видимо, и МИД не был полностью посвящён в договорённости с Кодем).

О ситуации в ГДР посол сказал: «Обостряется предвыборная борьба – на митинг в Лейпциге собралось 50 тысяч человек. Там присутствовал лозунг о выводе иностранных войск из Германии. Может быть, нам стоит опубликовать материал о связи между присутствием наших войск в ГДР и переговорами о разоружении? Шеварднадзе собирался встретиться в Оттаве с министрами иностранных дел трёх держав, но времени не хвати-

ло¹³². Мы выступаем за введение в действие четырёхстороннего механизма либо сразу на основе четырёх держав, либо на двусторонней основе». Последний вариант предусматривался в ориентировке МИД СССР, однако после того, как Горбачёв фактически сдал ГДР Бонну, ни одной из трёх западных держав не приходило в голову вести двусторонние переговоры с Москвой по данному поводу. Посол продолжал: «Следует изучать реакцию здесь на нашу линию в германских делах. В ГДР есть недовольство – дескать, бросили на произвол судьбы. Это среди тех, кто связан с прошлым режимом: „Продали ГДР!“ Какой будет судьба тех, кто честно работал на дружбу с нами?» Посол считал, что важно «заняться изучением настроений среди местных советских граждан», и с некоторым удивлением констатировал: «Экономический механизм ГДР работает – план поставок Советскому Союзу выполняется. Опозданий с поставками больше с нашей стороны, чем со стороны ГДР».

Уже включение в состав правительственной делегации ГДР на переговорах в Бонне по экономическим проблемам 13 февраля восьми министров без портфеля, представлявших основные оппозиционные партии, было убедительным свидетельством проводимых в республике глубоких реформ. Тем самым было выполнено условие, выдвинутое Бонном в качестве предпосылки для оказания помощи ГДР в преодолении кризисных явлений в экономике республики (при встрече с Модровом в Давосе 4 февраля Коль подтвердил готовность оказать финансовую поддержку, если в ГДР начнутся реформы; речь шла о «взносе солидарности» в размере примерно 10–15 миллиардов марок ФРГ). Однако теперь западные немцы категорически отказались обсуждать данное канцлером обещание. Смена декораций мотивировалась тем, что идея «взноса солидарности» перекрыта проектом валютной унии, о котором Коль впервые публично упомянул 8 февраля, накануне вылета в Москву. Действительно, зачем тратиться, когда дата кончины пациента уже практически установлена?

С оглушающим пропагандистским шумом проект валютной унии, несовместимой со самостоятельностью ГДР, был представлен в качестве величайшей жертвы, приносимой западными немцами на алтарь братской любви к восточным немцам. На совместной с представителями ГДР пресс-конференции в Бонне 13 февраля Коль заявил: «Лучшее, что есть у ФРГ, – это германская марка; вскоре граждане ГДР должны также получить это высокое благо». Валютная уния стала основной темой психологической обработки

¹³² 13–14 февраля в Оттаве состоялась первая и последняя совместная конференция министров иностранных дел НАТО и ОВД (она была посвящена реализации концепции «открытого неба», то есть контроля с воздуха за перемещениями наземных войск стран-участниц). То, что в Оттаве «не хватило времени» на обсуждение центральной проблемы европейской политики СССР, было чрезвычайно характерно для Шеварднадзе, который тем не менее успел согласиться с предложением перевернуть с ног на голову принцип «четыре плюс два». Геншеру хватило времени провести совместную встречу с министрами иностранных дел США, Англии и Франции, на которой был одобрен проект коммюнике четверки о начале переговоров директоров политических департаментов МИДов с целью подготовки германского единства по формуле «два плюс четыре», которая, по мнению западных немцев, больше соответствовала договорённостям между Горбачёвым и Колем. Этот проект сразу получил одобрение Шеварднадзе, который сознательно не включил в состав советской делегации в Оттаву ни одного эксперта по германским делам, хотя с самого начала планировалось, что там состоится обсуждение состояния и перспектив отношений между ГДР и ФРГ.

восточных немцев. Людям старательно внушали, что введение в ГДР марки ФРГ сразу же выведет жизненный уровень восточных немцев на сравнимую с западногерманскими стандартами высоту. В результате стремление граждан ГДР поскорее очутиться в зоне марки ФРГ приобрело черты паранойи.

В ходе переговоров в Бонне министр экономики ГДР Криста Люфт не стала отклонять проект валютной унии, но настаивала, чтобы она была тесно увязана с заключением экономической и социальной уний. Расчёт Коля на то, что делегация ГДР расколется на «прогрессивную» и «реакционную» части, не оправдался. Требование социальной унии было сформулировано круглым столом, и министры без портфеля энергично поддержали его. Более того, представитель «Демократии сейчас» Вольфганг Ульман выступил значительно более резко, чем «старые» министры. В частности, перед лицом оживления правых сил он предостерег от опасности появления «Четвёртого рейха». Коля яростно запротестовал против использования этого понятия, а также термина «аншлюс» для обозначения будущего включения ГДР в состав ФРГ.

После переговоров в Бонне окончательно прояснилась несбыточность надежд на какое-то конструктивное сотрудничество германских государств. Наступление на ГДР приобрело откровенно грубый характер. Модров констатировал: «13 февраля 1990 года осталось историческим событием на пути к объединению ГДР и ФРГ. Ещё более чётко, чем другие события, этот день отразил на примере явно холодных отношений между Колем и мной то, что несколько месяцев спустя, после того, как прошла первая эйфория, стало реальностью и в обыденной жизни: стена пала, но нас продолжали разделять целые миры»¹³³. Единственным результатом переговоров в Бонне стала договорённость о создании совместной комиссии для подготовки валютной унии параллельно с переводом ГДР на рельсы рыночной экономики.

Утром в **среду 14 февраля** посол отметил: *«Результаты встречи Модров – Коля не являются неожиданными: ФРГ намерена затянуть дело до выборов 18 марта»*. Он подчеркнул, что это придаёт дополнительное значение его сегодняшней беседе с Модровом. По Оттаве посол высказал мнение, что запущен механизм четыре плюс два¹³⁴, и похвалил конструктивную позицию Маргарет Тэтчер. О ситуации в ГДР он сказал: *«Происходит дифференциация мнений по отношению к воссоединению Германии. Многие (миллионы!) боятся такого будущего. Растёт неуверенность. Гизи говорил вчера [послу], что многие сообщают ему о своём несогласии с воссоединением, утверждают, что их продали. Правление ПДС будет проявлять осторожность в отношении лозунгов германского единства. Представления ПДС отличаются от „плана Модрова“. Формируются левые силы вне ПДС; они формируются и внутри новых партий. Появляется возможность создания левой коалиции. Обостряется проблема социальных гарантий в ГДР. Правительство перешло к постепенной отмене дотаций на услуги и товары. Население должно почувствовать, что это такое – разрушение социальных гарантий. Молодёжь поворачивается к левым силам. Однако*

¹³³ Hans Modrow. Ich wollte ein neues Deutschland. – München, 1999. – S. 420–421, 424.

¹³⁴ Возможно, что посол употребил уже формулу «два плюс четыре». Я ещё некоторое время полагал, что он употребляет её «по ошибке».

после визита Коля в Москву из ПДС вышли за несколько дней сотни тысяч человек. Нужна поддержка со стороны КПСС. Шансы ПДС на выборах не так уж плохи, если Модров выдвинет свою кандидатуру (в этом случае ожидается прибавка до 5 % голосов). В то же время усиливаются нападки на Модрова (обвинения в разгоне демонстраций и фальсификации выборов 7 мая 1989 года). Застрельщик – западногерманский журнал „Шпигель“. Используется также история с Бергхофером». Закончил посол так: «Главная задача правительства Модрова – сдержать экономическую ситуацию до выборов. Экономические показатели ГДР за январь вселяют тревогу. Поставки в СССР реализуются нормально. Страны СЭВ хуже осуществляют свои обязательства в отношении ГДР».

Шеф сенатской канцелярии Западного Берлина Дитер Шрёдер в беседе **14 февраля** оценивал итоги визита делегации ГДР в Бонн следующим образом: «Результаты встречи Модрова и Коля понятны (Момпер называет их „удручающими“): Коль не хочет помогать социал-демократам и стремится создать обстановку, в которой катастрофа в ГДР стала бы неизбежной. Тогда она упала бы к его ногам, как перезревший плод, – без выборов 18 марта, без победы социал-демократов [на них] и даже без выборов в бундестаг 2 декабря. Вместо них [состоялись бы] общегерманские выборы, на которых Коль победил бы как триумфатор».

Дальнейшее развитие в общем и целом соответствовало прогнозу Шрёдера. Вот только верх на выборах в Народную палату ГДР 18 марта взяли не социал-демократы (хотя опросы общественного мнения ещё за неделю до выборов предсказывали их победу), а ХДС (ГДР) в коалиции с примкнувшими к нему «Демократическим прорывом» и Немецким социальным союзом. Такой результат во многом определялся бесцеремонным вмешательством ХДС (ФРГ) в предвыборную борьбу в республике, чему способствовал и сенсационный успех переговоров Гельмута Коля в Москве.

Только по линии боннского министерства по внутригерманским отношениям было выделено для ведения предвыборной кампании в ГДР 7,5 миллиона марок, из них 4,5 миллиона марок непосредственно для ХДС (ГДР). Мероприятиями ХДС (ФРГ) с участием Коля и других видных руководителей партии были охвачены 10 % населения ГДР (1,6 миллиона человек). В восточногерманскую республику было направлено 2 тысячи докладчиков и 50 высокооплачиваемых менеджеров по организации предвыборной агитации. В ГДР были распространены 20 миллионов листовок, 5 миллионов предвыборных газет, 2 миллиона наклеек, 500 000 плакатов, 2,5 миллиона календарей¹³⁵. Подобный размах воздействия на избирателя был совершенно непривычен для условий ГДР.

К **14 февраля** относится запись интересного замечания, сделанного в разговоре со мной депутатом бундестага от ХДС К. Бюлером: «Статья 23 Основного Закона связана с оговорками трёх держав в отношении „земли Берлин“ (заявление от 15 мая 1949 года: Берлин имеет особый статус, и Основной Закон на его территории не действует). Без согласия СССР, США, Англии и Франции на изменение статуса Берлина Бонн не сможет

¹³⁵ «Berliner Zeitung», 16. März 1990.

задействовать статью 23 по отношению к ГДР (как это было при присоединении Саара). Требование о прямых выборах западноберлинских депутатов бундестага объясняется как раз стремлением изменить статус Берлина». Слова Бюлера иллюстрировали бездну крившихся в особенности статуса Западного Берлина юридических возможностей повлиять при желании на развитие обстановки в центре Европы.

В четверг 15 февраля посол поделился информацией, полученной им от Модрова накануне: *«Переговоры в Бонне проходили очень трудно (особенно с Колем). Коль не хочет приходить на помощь ГДР до выборов, выступает категорически против нейтрализации объединённой Германии (ссылаясь на согласие Горбачёва), не даёт никаких гарантий по границе по Одеру и Нейссе. По валютному союзу созданы рабочие группы для более глубокого изучения данной проблемы. Для ГДР ясно, что торопиться с валютным союзом не следует – можно наломать дров. Члены делегации ГДР вели себя достойно, было единство в подходах. Обратил на себя внимание совсем иной характер встречи Модрова с [президентом ФРГ] Вайцзеккером – доверительный, товарищеский. Вайцзеккер проявил внимание к гуманитарной проблематике. Он осудил нехорошее отношение к бывшим руководителям ГДР, которое противоречит общепринятым нормам морали. Встреча Модрова с деловыми кругами ФРГ показала: у них имеется огромная заинтересованность в кооперации с ГДР (в ряде случаев на очень льготных условиях). Пресс-конференция Модрова прошла в принципе удачно: он смог сказать всё, что хотел; пакостных вопросов не задавалось. Завтрашний визит Модрова в Польскую Республику – жест по границам».*

В пятницу 16 февраля американский посланник в Западном Берлине (заместитель военного коменданта США) Гарри Гилмор говорил мне: *«Настроение в Вашингтоне [сводится к тому, что] всё предрешено; ни остановить, ни замедлить воссоединение нельзя; все прежние вопросы потеряли значение; сейчас самое главное – не раздражать немцев, обеспечить хорошие отношения с будущей единой Германией, всё [делать,] как хочет Коль. До сих пор нет окончательного ответа на продолжение „берлинской инициативы“. Удалось получить согласие на обсуждение вшестером воздушного сообщения с Западным Берлином, но затянулось согласование с Бонном (Бонн хотел бы постепенной отмены воздушных коридоров и линии идентификации). Похоже, что Коль ведёт дело к ликвидации четырёхстороннего статуса Берлина („Как совместить его с ролью Берлина как столицы [объединённой Германии]“?) и ликвидации военного присутствия четырёх держав в городе. Но если не будет военного присутствия, не будет и политического».* Гилмор придерживался мнения, что США и СССР «заинтересованы в сравнительно длительном переходном периоде, в течение которого сохранялся бы статус Берлина (скорее в качестве символа). Войска четырёх держав стояли бы там с официальной задачей обеспечить планомерное воссоединение Германии с соблюдением всех выработанных условий. В бушующем море изменений Берлин играл бы роль якоря стабильности на весь переходный период. Момпер – за такое решение, Коль против». Гилмор опасался, что позиция Коля станет определять линию Вашингтона, и считал желательным, чтобы Горбачёв и Шеварднадзе обратились по этому вопросу

к американскому руководству. Но в Москве было всего несколько человек, которые разбирались в том, что такое «четырёхсторонний статус Берлина». Ни Горбачёв, ни Шеварднадзе к ним не относились. Да и в целом преобладало поверхностное мнение, что «германский вопрос» решён.

16 и 17 февраля помечены сделанные мной записи о позициях западников на предстоящих переговорах по германским делам (без точного указания источника). Первая касалась линии Лондона: *«Механизм шести должен обсудить следующие вопросы: что делать с послевоенными правами четырёх держав; должна ли объединённая Германия официально отказаться от ядерного и химического оружия; определить границы единой Германии нынешними территориями ФРГ и ГДР; зафиксировать принадлежность единой Германии к военно-политическим структурам НАТО»*. Вторая относилась к западногерманской СДПГ: *«После 18 марта ГДР предложит реализовать [германское] единство на основании статьи 146 Основного Закона путём выработки новой конституции единой Германии. Создаются временные переходные структуры в рамках Германского союза (ФРГ, ГДР, Большой Берлин). [При таком образе действий] изменения [новой] конституцией прав четырёх и статуса Большого Берлина не требуется. Возможен и вариант со статьёй 23: тогда нужна договорённость с четырьмя державами по вопросам безопасности с последующим обсуждением в СБСЕ»*.

Всё более остро ощущалась потребность в определении и у нас ясной линии поведения в отношении будущего германских государств. Видимо, по этой причине вопрос о преодолении кризиса в ГДР был вынесен на обсуждение партийной организации посольства. В **понедельник 19 февраля** состоялось партийное собрание дипломатического состава, с докладом на котором выступил посол. Основные тезисы доклада сводились к следующему:

«ПДС – не модифицированная СЕПГ, а новая партия; мы не должны ослаблять связи с ней, учитывая и перспективу создания единой Германии.

Произошли коренные изменения в профсоюзах и молодёжной организации; пока у нас нет чётких представлений о путях улучшения связей с ними.

В ОГСД разразился тяжелейший кризис; произошло резкое сокращение численности его членов.

Творческая интеллигенция в разброде – мы ею не занимались; то же можно сказать и о научной интеллигенции.

Неблагополучно со СМИ – даже „Нойес Дойчланд“ не выражает более линии ПДС.

Неизбежны изменения в структурах государственной власти – после 18 марта придут новые люди; возникает проблема доверительности, нужен отказ от прямолинейного проведения политики; изменения коснутся и нас – необходимо будет упорядочить договорную основу пребывания советских организаций в ГДР.

Возникли новые политические партии и организации, цель которых состоит в отстранении ПДС от власти; идёт прямая состыковка структур партий ФРГ и ГДР; происходит массированное вмешательство во внутренние дела ГДР; наибольшие шансы на победу на выборах имеет СДП

(ГДР); однако в последнее время популярность ПДС стала повышаться; тем не менее надо устанавливать контакты с руководством новых партий; правые в ФРГ требуют: „Никакой помощи правительству Модрова, а также будущему [после выборов 18 марта] правительству СДП!“; цель: население должно качнуться вправо и дать победу Колю на общегерманских выборах.

Следует оценить наши вероятные потери в области экономики в случае воссоединения Германии, опасность утраты наших позиций здесь; предотвращению ущерба мешают сами советские ведомства – их бюрократизм и косность; можно ещё подключиться к происходящим процессам – через Бонн, Берлин и Западный Берлин; необходимо уточнить функции межправительственной комиссии (вопросы „Висмута“, атомной энергетики).

Германский вопрос должны решать сами немцы, но надо учесть интересы их соседей и Европы в целом; Оттава положила начало; в марте предстоит совещание экспертов 35 государств, затем состоится встреча министров иностранных дел, которые выработают повестку дня для встречи в верхах [ОБСЕ].

В сфере отношений ФРГ – ГДР пошло фактическое воссоединение на уровне коммун; друзья должны дать свои соображения относительно концепции реализации германского единства; всем необходимо включиться в эту работу».

Подводя итоги состоявшейся на собрании дискуссии, посол сказал: «В выпутлении товарищевой содержится интересная программа действий. Процесс объединения приобрёл необратимый характер, но это не значит, что не нужно драться за ГДР, за сохранение её наследия. Не надо драматизировать, но и не надо приходить в восторг». Всё это было в общем и целом правильно, но чёткой концепции защиты жизненно важных интересов страны в решающем для обеспечения нашей безопасности регионе не просматривалось.

Вряд ли могло нас утешить, что оторопь и нерешительность ощущались в определённом смысле также и в западном лагере. Складывалось впечатление, что великие державы строятся по ранжиру в соответствии с представлениями ФРГ. Американцы шли напролом, для них был важен только Гельмут Коль. Французы пали духом и опустили руки. Среди англичан царил разброд. Лишь премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер не оставила пока надежды восстановить единство действий обеспокоенных европейцев.

*В состоявшейся в **среду 21 февраля** беседе британский посланник Майкл Бёртон признался мне, что «в Лондоне (как и в Вашингтоне, и в Париже) практически ещё не начали думать [над ситуацией], все застигнуты врасплох и растерялись. Западные немцы нажимают по всей линии и кое-где добиваются успеха. США, где решение всех вопросов [по Германии] взято на себя тройкой в составе [президента] Буша, [госсекретаря] Бейкера и [советника по национальной безопасности] Скоукрофта, никак не могут решить, стоит ли портить отношения с ФРГ, которая не сегодня-завтра поглотит ГДР (там очень верят рассказам Бонна о скором развале ГДР). Единственный выход – начинать неформальный обмен мнениями между*

представителями четырёх держав в Берлине, поскольку другого „естественного“ форума пока нет, а времени в обрез. Это нужно уже потому, что обеспечение внешней стороны объединения Германии немыслимо без решения вопроса о её принадлежности к НАТО. Геншеровские полумеры¹³⁶ неубедительны, а других вариантов нет. Это наиболее сложная проблема, но есть и другие. Например, нужно ли добиваться особого статуса для Берлина после воссоединения (на переходный период, бесспорно, нужно). В принципе это возможно, если поставить дело на новую основу и рассматривать статус Берлина как символическое выражение ответственности четырёх держав за то, чтобы с германской земли не исходила война. Разумеется, придётся отказаться от военных аспектов статуса, распустить союзническую комендантуру, сильно сократить наличные контингенты войск, заново определить функции воздушных коридоров и так далее. Но, видимо, за такое решение стоит побороться».

Не исключено, что выдвигавшиеся в неофициальном порядке представителями западных администраций в Западном Берлине предложения были плодом их собственных представлений о способах сдерживания будущего германского гиганта в центре Европы и не вполне отражали линию столиц трёх держав. Однако Бёртон был в любом случае прав: за реализацию (хотя бы частичную) этих представлений стоило бы побороться. Впрочем, несмотря на зондажи западников, согласие высшего советского руководства на планируемое Колем скорейшее поглощение ГДР оставалось неизменным.

То, что остальная Европа продолжает ждать каких-то действенных мер по вразумлению теряющих чувство реальности немецких политиков, доказывали высказывания посла Испании в ГДР Альвареса де Толедо, с которым мы разговорились на приёме в редакции ведущей западноберлинской газеты «Тагесшпигель» вечером **21 февраля**. Испанец горячо приветствовал настояния СССР на необходимости заключения мирного договора с Германией: *«Хотя это не нравится немцам, нельзя поддаваться их настояниям на том, чтобы обойтись без мирного договора – тогда всё будет опять временным, непостоянным, ненадёжным. Разумеется, немцы не должны воспринимать договор как что-то им навязанное; это не должно быть [вторым] Версалем. Но это должно быть точкой в конце длинной главы европейской истории, которая позволит начать новую главу. Многое зависит от того, как будет выработываться [этот] договор. Лучшие всего [заключить его] с двумя государствами в период образования конфедерации: президент конфедерации может подписать договор от имени всех немцев. Эта процедура поможет продлить переходный период. Кстати, с этой целью было бы полезно отделить вопрос об экономическом воссоединении, который должен быть решён сравнительно быстро, от политического объединения, которое потребует гораздо большего времени и будет увязан с мирным договором».*

В **четверг 22 февраля** Р. П. Фёдоров, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, встретился с Момпером. Прибывшего на съезд ПДС московского гостя интересовало в первую очередь, как со-

¹³⁶ Имелось в виду уже упоминавшееся выступление министра иностранных дел ФРГ Геншера 31 января в Тунцинге.

беседник представляет себе дальнейшее развитие событий. Согласно моим записям, Момпер считал, что после выборов 18 марта начнётся «быстрое продвижение к воссоединению. Или Народная палата сразу же использует статью 23, или это сделают [для себя] земли, или Восточный Берлин присоединится к Западному (может быть, последнее произойдёт без [формального] решения: просто развалится городское хозяйство), но за Восточным Берлином потянется вся ГДР. Если в новой Народной палате начнутся дискуссии, то народ снова выйдет на улицы. Политика федерального правительства состоит в том, чтобы добиться развала ГДР по нулевому тарифу. Кое-кто действительно не понимает, насколько слаба ГДР. Распродажа уже идёт – авторские права, патенты, издательства. Мы не знаем, что федеральное правительство имеет в виду под „валютной унией“. Замена марки ГДР на марку ФРГ – дело быстрое, но за нею может последовать крах ГДР и поражение на выборах [в бундестаг] 2 декабря. По вопросу о разделении экономического и политического воссоединения нужно иметь в виду, что экономика здесь только один из компонентов. Другой компонент – гарантия против возвращения прежних времён (СЕПГ, МГБ, Советы), а это возможно лишь в составе Запада. Контраст между севером и югом ГДР – в Тюрингии и Саксонии не платят налогов, предприятия не перечисляют прибыль». Относительно линии будущего правительства ГДР, которое будут формировать социал-демократы (в этом Момпер не сомневался), было сказано следующее: «Способность СДПГ завоевать большинство в объединённой Германии потребует времени. В новое правительство ГДР придёт включив консерваторов, иначе возобновится ситуация Коль – Модров. С воссоединением поток переселенцев на Запад не сократится, но правительство будет прилагать все усилия для выравнивания условий жизни путём реализации структурных программ в рамках единого государства. ГДР просуществует в лучшем случае до сентября – не выдержит бюджет. Процесс воссоединения будет длиться годы, но психологически важно его демонстративно начать». Момпер считал, что общегерманские выборы состоятся до конца года. Относительно референдума в ГДР о воссоединении он сослался на то, что начались «грязные интриги» вокруг формулирования вопроса, который надо поставить перед голосующими: «Нам нужна пауза, её даст [новая] Народная палата, которая учредит соответствующие совместные комитеты».

В этот же день Фёдоров встретился с членом руководства «Нового форума» Л. Хенрихом, который заявил: «Для немцев и русских дружба существует исторически, за исключением последних 40 лет, когда дружбу вбивали в наши готовы молотом и серпом. О настоящем сближении речь может пойти только теперь. Горбачёв много поправил. В ГДР многое изменится – нужен рынок. Большинство членов „Нового форума“ хочет конкурентоспособных предприятий, для чего потребуются реструктуризация. Система партий соответствует системе ФРГ, за исключением ПДС (5–8 % голосов). Возможно, сначала победит СДПГ, но затем маятник качнётся в сторону консерватизма; это произойдёт уже осенью, на выборах в ландтаги. После воссоединения Германия вернётся к своей исторической роли, означавшей определённую дестабилизацию. Но в условиях разоружения

Германия не будет угрозой. ГДР не должна идти в НАТО. Да и не нужно это будет, так как для „экономического чуда“ потребуется от 5 до 10 лет при условии стабильности внешнеполитической обстановки. Кооперация с СССР будет очень важна и для единой Германии. Валютная уния должна прийти сразу, воссоединение – как можно скорее. Моя просьба: никто не должен говорить „нет“ – внутри страны никто на это не обращает внимания; „нет“ со стороны будет способствовать росту числа правых экстремистов». Хенрих говорил о создании «германоязычного центра Европы» из Германии, Австрии (где «неизбежны изменения») и Бельгии. В этой связи он упомянул и немцев в СССР. Относительно перспектив германо-советских отношений он высказал ту точку зрения, что «опасность для СССР состоит в том, что его могут отождествить с теми силами, которые здесь проиграли и которых ненавидят все. Нельзя, чтобы КПСС была для ПДС тем, чем СЕПГ была для КППГ. У Гизи нет здесь шансов». Из той идеологической каши, которая определяла отношение человека из «Нового форума» к окружавшей действительности, мне показался интересным его отказ одобрить вовлечение ГДР в НАТО. По моим наблюдениям, такие настроения были свойственны большинству восточных немцев.

На совещании во **вторник 27 февраля** посол рассказал о своих впечатлениях от состоявшегося 24–25 февраля съезда ПДС (на первый день работы съезда были приглашены послы социалистических стран и постоянный представитель ФРГ). Он отметил: «*Партия начинает восстанавливать чувство оптимизма по всем аспектам борьбы, внутренним и внешним. Становится всё более очевидным, что ПДС – это новая партия. Центральное событие съезда – согласие Модрова на выдвижение своей кандидатуры на предстоящих выборах в Народную палату*¹³⁷. Когда Модров появился на съезде, зал потребовал прервать прения и предоставить ему слово. По-новому раскрылся Гизи: он сделал отличный доклад». Посол информировал также о своей беседе с лидером СДП (ГДР) Ибрагимом Бёме 26 февраля: «*Бёме не очень доволен итогами съезда СДП – не очень чётко изложены программные установки, многим трудно уловить разницу между СДП и ПДС. Заявление съезда об отказе от коалиции с ПДС на будущее было ошибкой. Ещё не найдены свои лидеры. Тяготит назойливая опека со стороны СДПГ (ФРГ). Бёме едет в Москву, а затем в Вашингтон. По оценке Бёме, согласие Модрова баллотироваться даёт ПДС дополнительный шанс на выборах – она соберёт 15–20 % голосов. Опасность справа реально имеется*». Посол продолжал: «*С социал-демократами надо работать, с другими партиями тоже. После выборов будут новые структуры и совсем новые люди. В руководстве МИД ГДР не будет членов ПДС. Необходимо обсудить новые формы работы по подразделениям посольства. Может быть, съездить в командировку в Австрию, Швецию для освоения [тамошнего] опыта работы. Некоторые наши организации потеряют в ГДР партнёров. Изменятся отношения между армиями. Возможны антисоветские проявления против*

¹³⁷ Мне запомнился следующий эпизод: 22 февраля на приёме в посольстве по случаю дня Советской Армии Модров вдруг громко пожаловался мне, что «они» хотят, чтобы он участвовал в предвыборной кампании, а у него «просто нет сил». Действительно, минувшие месяцы очень заметно отразились на его здоровье.

ЗГВ. Мы хотим начать разговор с западными немцами по поводу процессов объединения ГДР и ФРГ. В начале марта в Бонн вылетает заместитель министра иностранных дел СССР А. Л. Адамишин. Друзья дадут завтра свои соображения к этой поездке. Нужны и наши посольские соображения – их следует подготовить к завтрашнему дню. Надо дать в Москву информацию о фактах преследования за политические убеждения в ГДР. Мы имеем в виду вынести этот вопрос на комиссию ООН по правам человека. Материалы должны быть точными и выверенными. Подключить к этой работе генконсульства».

В четверг 1 марта посол сообщил, что «проект поездки Модрова с министрами от новых партий в Москву находится в процессе осуществления, намечены встречи с М. С. Горбачёвым и Н. И. Рыжковым. Требуются соображения к этим встречам. Нужен анализ публикаций печати ГДР для характеристики настроений здесь. Завтра в Женеве состоится встреча Адамишина со статс-секретарём МИД ФРГ Дитером Каструпом. Друзья не смогли дать чего-либо толкового насчёт того, что ГДР хотела бы видеть учтённым в ходе консультаций между СССР и ФРГ. Важен вопрос об отношении населения к пребыванию наших войск в ГДР. Сегодня в посольство снова явится делегация из Пренцлау. Надо урегулировать проблему, чтобы не было больше демонстраций¹³⁸».

В информации ТАСС о встрече Шеварднадзе с Ибрагимом Бёме в Москве **2 марта** следующим образом излагалась советская позиция по «германской проблематике»: «Было отмечено, что только при поэтапном рассредоточенном по времени и регулируемом строительстве своего единства немцы могут рассчитывать на понимание со стороны своих соседей, всего международного сообщества». И далее: «Любые попытки игнорировать внешне аспекты сближения ГДР и ФРГ и их движения к объединению несостоятельны и никогда не получают поддержки Советского Союза и других европейских государств». Присутствие на беседе посла ГДР Кёнига придавало беседе характер почти государственного визита. Пожалуй, трудно было более ясно дать понять, на чьей стороне в предвыборной гонке в ГДР лежат симпатии советского дипломатического ведомства (правда, Бёме рассчитывал на встречу с Горбачёвым и был очень разочарован тем, что она не состоялась).

В понедельник 5 марта я был в Дрездене, чтобы по поручению посла вручить 14-летней дрезденской школьнице Сюзанне Вюнше присланную из Москвы фотографию Горбачёва с его автографом (день рождения Сюзанны совпадал с днём рождения генсека, и она вместе с поздравлениями сообщила ему об этом). Помимо этой милой церемонии я провёл в столице Саксонии ряд встреч, чтобы составить представление о настроениях в одной из самых проблемных провинций ГДР. После беседы в окружном правлении ПДС я записал: «*В Лейпциге, Дрездене, Карл-Маркс-штадте ощущается рывок вправо: радикальный, националистический, реакционный настрой, выступления против ПДС и СПД. „Демонстрации по поне-*

¹³⁸ Массовой демонстрации жителей Пренцлау у посольства на этот раз не получилось. Посетившей посольство делегации демонстрантов была подтверждена достигнутая в прошлом договорённость о мерах по снижению уровня шума от самолётных двигателей. Больше демонстраций не было.

дельникам“ вышли из-под контроля. В Дрездене после перехода Модрова на общегосударственный уровень возник вакуум, выход Бергхофера из партии дополнительно подорвал позиции ПДС. Но сейчас обстановка меняется – люди на предприятиях инстинктивно обеспокоены. В первую очередь чувствуют угрозу для себя женщины. Они революционизируются, растут левые настроения. Правой радикализации подвержена рабочая молодёжь, а интеллигенция, инженерный состав – левые. Кризисные явления: прекращена подготовка воспитательниц для детских садов, отменяются горячие завтраки в школах. Задача ПДС – добиваться, чтобы страхи населения стали осознанными, что позволило бы сохранить промышленность, искусство, науку. Только тогда можно надеяться на то, что Саксония отстоит себя в составе объединённой Германии».

Запись о беседе в окружном правлении СДП гласила: «Нарастает давление населения в пользу воссоединения. Налицо сдвиг вправо, поскольку люди не знают, что такое капитализм. Неизвестно, удастся ли предотвратить поспешное объединение. Бергхофер не будет играть заметной роли в будущем – он причастен к фальсификации итогов выборов 7 мая 1989 года».

Встретился я и со «сбежавшим с корабля» Вольфгангом Бергхофером (по его просьбе). Это стало возможным, поскольку он продолжал пока оставаться обер-бургомистром Дрездена. Судя по всему, Бергхофер попытался в каком-то смысле осуществить идею, высказанную 26 января Яковлевым, – вступить в ряды социал-демократов с целью возглавить их левое крыло. Замысел осуществить не удалось, СДП его не приняла, и он завис между фронтами. Согласно моим записям, Бергхофер сказал: «Я остаюсь „человеком Горбачёва“, человеком перестройки. Судьба ГДР зависит от успеха перестройки в СССР. Всё, что выглядит как её неудача, вызывает новый прилив сил у консерваторов. Предстоят очень серьёзные потрясения. Замена валюты [марок ГДР марками ФРГ] возможна, и валютная уния вероятна уже этим летом. Но это будет политическое, а не экономическое решение – если оно задержится, то население уйдёт в ФРГ. Однако после реализации валютной унии будет больше миллиона безработных уже в этом году, политическая борьба примет иррациональные формы, возрастёт готовность к забастовкам. Никто не думал, что правые могут иметь такой успех – у них нет никакой программы, только „воссоединение“. До последней недели казалось, что СДП выиграет выборы с большим отрывом. Но сейчас стремительно набирает силу „Альянс за Германию“¹³⁹. Плохо будет, если „Альянс“ и СПД получат примерно одинаковое количество голосов: правительство меньшинства не гарантирует стабильности, а „большая коалиция“ означает немедленный конец ГДР со всеми катастрофическими последствиями (в частности, в свете линии Коля по западной границе Польши¹⁴⁰). Страну захлестнёт волна национализма, особенно на юге. Пока отношение к СССР терпимое. Но стоит сотне крикунов потребовать: „Русские танки вон!“, как всё изменится. Всем конструктивным силам ГДР следует продолжить работу в пользу советско-германской дружбы. Надо скорее сокращать советские войска в ГДР».

139

Коалиция партий во главе с ХДС (ГДР).

140

Коль отказывался заранее признавать границу по Одере-Нейссе.

В этот же день председатель ХДС (ГДР) де Мезьер обратился в посольство со срочной просьбой содействовать направлению «авторитетного советского представителя» на организуемый его партией 10 марта в Берлине международный коллоквиум на тему об «условиях реализации немецкого единства». По его словам, цель коллоквиума состоит в том, чтобы «отмечаясь от катастрофической позиции ХДС (ФРГ), прежде всего канцлера Коля, в отношении западной границы Польши». На мероприятие были приглашены видные христианско-демократические политики Польши, Дании, Голландии, других соседних стран. Де Мезьер считал, что на нём должна прозвучать «официальная советская позиция по германскому вопросу». Посольство поддержало просьбу де Мезьера, исходя из того, что СДП ГДР сможет осуществить «свою программу „постепенного объединения“ только в том случае, если ХДС (ГДР) не будет вести фронтальную атаку против этой программы в духе Коля и ХДС (ФРГ)». Ответа из Москвы не последовало – Гельмут Коль оставался привилегированным партнёром.

Во вторник 6 марта посол информировал, что прибывшая в Москву делегация во главе с Модровым «состоит из 15 министров¹⁴¹. Обсуждаются все основные проблемы наших отношений и отношений между ГДР и ФРГ. Делегация опоздает на сессию Народной палаты, которая начинается сегодня в 13.00. Модров повёз в Москву ряд серьёзных документов, определяющих характер отношений между СССР и ГДР, включая период после выборов». Затем посол остановился на текущих задачах работы посольства: «Наше внимание следует обратить на характер и содержание предвыборной борьбы. Набирает силу правый блок. Важно правильно оценить перспективы развития. Происходит определённое отрезвление от эйфории, вызванной возможностью воссоединения. Имеет место драчка в ФРГ вокруг условий воссоединения. Центральное место занимает польский вопрос. Налицо стремление почти всех европейских государств участвовать в определении внешних условий объединения Германии, не отдавая это на откуп шестёрке».

В состоявшейся у меня на следующий день, в среду 7 марта, беседе с Гилмором основное место заняло его сообщение об итогах визита Момпера в США, во время которого он встретился с президентом Бушем, министром обороны Чейни и госсекретарём Бейкером. Американец отметил, что в Вашингтоне встретили определённое понимание представления Момпера о характере «переходной фазы» для Берлина – войска четырёх держав сохраняются, но подвергаются сокращению и получают вывеску ОБСЕ. Гилмор постоянно возвращался к тезису о том, что мысли Момпера направлены на учёт интересов безопасности СССР и заслуживают изучения. В отношении идеи провести «совместный обед» четырёх послов по германским делам Вашингтон предпочитает, чтобы обмен мнениями происходил с самого начала в формате «два плюс четыре». Сейчас это невозможно, но положение может измениться.

¹⁴¹ В состав правительственной делегации ГДР, посетившей Москву 6 марта, входили 7 министров от оппозиции. После переговоров журналистам сообщили: обе стороны едины в том, что «должно происходить ответственное поэтапное сращивание обоих германских государств на равноправной основе; аншлюс ГДР в соответствии со статьёй 23 Основного закона ФРГ отвергается».

К концу дня 7 марта я встретился с Дитером Шрёдером, который высказал мысль о том, что ожидавшееся решение ГДР в пользу применения статьи 23 Основного Закона ФРГ можно было бы обставить рядом условий – в частности, введением переходного периода, в течение которого ГДР сохранит определённую самостоятельность, при том что ФРГ будет финансировать её бюджет. Для обсуждения деталей подобной конструкции и в целях «успокоения общественности», продолжал Шрёдер, Вальтер Момпер готов в ближайшее время посетить Москву (были названы желательные временные рамки визита: 27 марта – прилёт, 29 марта – отлёт); он надеется на переговоры с Шеварднадзе и приём у Горбачёва. Для того чтобы обойти протокольные трудности, которые ранее препятствовали реализации планов визита правящих бургомистров Западного Берлина в советскую столицу, Момпер был согласен полететь в Москву рейсом «Аэрофлота» или «Интерфлюга» из Шёнефельда и не настаивать на исполнении гимна и вывешивании флага ФРГ при прилёте. Он не сможет отказаться только от присутствия посла ФРГ в аэропорту и организации официального обеда в западногерманском посольстве в честь Момпера с участием советских представителей.

Естественно, мы сразу же доложили в Центр о предложении, сделанном западноберлинским руководством. Рекомендую принять его, посольство ссылаясь на то, что социал-демократы в обоих германских государствах готовятся к созданию в ГДР после выборов 18 марта «большой коалиции» с ХДС, но выдвигают при этом свою интерпретацию статьи 23, чьё применение, по их мнению, «*потребует довольно продолжительного переходного периода (минимум 5 лет), этапы которого будут определены в специальном договоре между ФРГ и ГДР. Завершением одного из первых этапов (продолжительностью, видимо, не менее двух лет) станет принятие новой конституции объединённой Германии. Таким образом, роль статьи 23 ограничится тем, что на территории ГДР до выработки новой конституции будет действовать Основной Закон ФРГ (опять же с целым рядом оговорок и изъятий). Однако её применение даст возможность решить дело быстро, как этого желает большинство населения ГДР, создав необходимые правовые предпосылки для экономической и валютной унии, без которой не удастся остановить бегство людей в ФРГ*».

В четверг 8 марта Бёртон информировал меня по телефону о решении своего правительства переименовать «британское военное правительство в Берлине» в «британскую миссию». Этот шаг мотивировался тем, что новое название более точно отражает деятельность учреждения, руководимого штатским чиновником в ранге посланника. «*Статус британского комманданта города, являющегося высшим представителем своей страны в Берлине и в союзническом Контрольном совете, этим переименованием не затрагивается*», – добавил Бёртон. Любопытно, что при «модернизации» своей позиции в отношении Берлина англичане озаботились тем, чтобы не навредить сохраняющейся фикции четырёхстороннего управления общегерманскими делами (иначе невозможно было расценить упоминание Контрольного совета в сообщении Бёртона и в британском коммюнике для печати). Всеведующие западноберлинские журналисты тут же уточнили, что французы пока не предприняли аналогичного шага.

10 и 11 марта я в отсутствие посла участвовал в протокольных мероприятиях в Лейпциге по случаю открытия традиционной Лейпцигской ярмарки (ей в 1990 году исполнилось 825 лет). Официально приветствовал Ханса Модрова, посетившего советский павильон.

В понедельник 12 марта состоялось последнее заседание круглого стола. На нём было подтверждено ранее принятое решение не соглашаться на применение статьи 23 Основного Закона ФРГ при объединении Германии. По единодушному мнению участников заседания процесс объединения должен опираться на право граждан на самоопределение и на равноправие обоих германских государств. В этот же день в Лейпциге прошла последняя «демонстрация по понедельникам». Численность демонстрантов сильно упала. В шествии приняли участие (по разным оценкам) от 30 000 до 50 000 человек.

На совещании утром в **среду 14 марта** посол кратко информировал о решении пленума ЦК КПСС 11 марта, в котором он участвовал. В частности, он сообщил: *«Экономическое положение в стране плохое – глубочайший кризис, развал»*. Он продолжал: *«Широко распространено беспокойство по поводу положения в восточноевропейских странах. В „Огоньке“ опубликована статья Шеварднадзе по этому вопросу. Идея о заявлении Съезда народных депутатов СССР к выборам 18 марта [в ГДР] не осуществилась. 17 марта состоится Комитет министров иностранных дел [Варшавского договора] в Праге. Венгрия и Румыния грозят не принимать участия в заседании, если на нём будет обсуждаться развёрнутое заявление по германскому вопросу»*. Стоящие перед посольством задачи посол сформулировал следующим образом: *«Изменить стиль работы в соответствии с обстановкой, которая сложится после 18 марта. Думать о перспективах. Добиваться закрепления за СССР нашего имущества в ГДР, наших совместных предприятий. Подумать, что можно сделать для тех членов ПДС, которые безвинно пострадали»*.

Днём 14 марта посол принял Момпера и Шрёдера в посольстве. Беседа проходила так, будто предстоящая поездка правящего бургомистра в СССР – дело решённое. Во всяком случае, Момпер исходил из того, что протокольных проблем более нет *«и ничто не мешает поехать в Москву»*. Он был готов обсудить *«будущее Европы, Германии, СССР, мира [в рамках] свободного обмена мнениями, который должен помочь укреплению мира и безопасности»*.

Кочемасов уточнил, что в качестве организатора поездки выступает ЦК КПСС, который *«определит, кто будет партнёром для бесед. Будет обеспечен достойный уровень, полная свобода обмена мнениями. Намечены встречи в ЦК КПСС, с Шеварднадзе. Предусмотрена возможность для пресс-конференции. Протокольные проблемы отсутствуют: посол ФРГ будет на аэродроме, он сможет проводить протокольные мероприятия, но на беседах в ЦК КПСС посла не будет»*.

Момпер выразил надежду, что порядок его приёма в Москве будет таким же, как и для Вилли Брандта и Йоханнеса Рау¹⁴², а сопровождать его будут

¹⁴² Йоханнес Рау (1931–2006) – премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия (СДПГ) в 1978–1998 гг., президент ФРГ в 1999–2004 гг.

лица такого же ранга, что и при поездках в столицы союзников (каждый раз с Момпером был один из посланников трёх держав в Западном Берлине). *«Желательно, чтобы пресс-конференция состоялась в пресс-центре МИД СССР».* Главной темой бесед станет *«будущее Германии, Берлина и советско-германских отношений. После 18 марта ситуация в ГДР будет яснее. Хотелось бы, чтобы нам не пришлось бороться за стабильность в ГДР. СДП много потеряла на юге за последние две недели, ПДС во многом восстанавливает свои позиции. В пользу ХДС (ГДР) действуют два мощных фактора – деньги и ХДС (ФРГ). Согласно прогнозам, победителем на выборах станет СДП (но соберёт не больше 40 % голосов), ПДС получит 10 %. Многие воздержатся от участия в голосовании».*

Уже на следующий день, в **четверг 15 марта**, в 9.45 утра я был у Шрёдера и передал ему устное послание для Момпера от заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалина с известием о том, что Шеварднадзе не сможет принять его в согласованные сроки; взамен предлагалась беседа с кем-либо из заместителей министра. Шрёдер подчеркнул, что встреча с Шеварднадзе имеет для Момпера принципиальное значение. К тому же было ясно, что для социал-демократов было важно сообщить о поездке Момпера в Москву и о её программе до выборов 18 марта в ГДР. Посольство сообщило об этом в Центр. Ответа не было. В результате Момпер отказался от поездки. В беседе с послом **21 марта** он пояснил, что *«для СМИ важна фигура собеседника с советской стороны. С другой стороны, четвёртая держава из числа гарантов статуса Берлина должна быть сама заинтересована в том, чтобы продемонстрировать внимание к проблеме. Когда готовились поездки в столицы союзников, запросы делались через МИДы. Предложения о встречах с Джорджем Бушем и министром обороны США были американской инициативой, которой мы были очень рады. Поездку в Москву придётся отложить до того момента, когда станет возможной встреча с Шеварднадзе».* Вполне возможно, что «на самом верху» в Москве сознательно не захотели демонстрировать поддержку социал-демократов. В таком случае это был триумф стратегии складывания всех яиц в одну корзину.

Утром в **пятницу 16 марта** посол сообщил, что из Москвы предписано *«проводить работу по пропаганде избрания М. С. Горбачёва президентом СССР. Направлять в Центр отклики по этой теме – первые уже сегодня. Проследить за международной реакцией на решение Литвы о восстановлении государственной независимости. Пока в мире вопрос о признании этого шага обходится – только Австралия поспешила. Законным выход из Союза ССР был бы лишь при согласии центральных властей СССР. Налицо некая „группа риска“ – Латвия, Эстония, Грузия».*

В тот же день я в порядке регулярного обмена мнениями о ситуации встретился с председателем ХДС (ГДР) Лотаром де Мезьером. Высказанные им оценки ситуации были тем значительнее, что исходили от человека, который после состоявшихся в воскресенье 18 марта парламентских выборов стал премьер-министром ГДР. Де Мезьер говорил: *«Правительство Модрова имело три задачи: обеспечить, чтобы народ ГДР не голодал, не голодал и не истекал кровью. Все три задачи были выполнены. Новому пра-*

вительству придётся труднее – уже сейчас в государственном бюджете „дыра“ в 40 миллиардов марок, которых неоткуда взять. Продолжается бегство населения на Запад. В ГДР жизненный уровень на 60 % ниже, чем в ФРГ. Пока эта разница не будет сокращена до 30 %, бегство не прекратится. Производительность труда в ГДР снизилась до 94 % по сравнению с 1989 годом. Поднять её без капитала из ФРГ невозможно, а он придёт только при введении в ГДР правовой системы ФРГ. Понадобится очень быстро вводить в действие статью 23 Основного Закона ФРГ. В политическом отношении желательно было бы иметь новую конституцию для единой Германии (ведь возникает новое государство), но вряд ли население ФРГ – а это большинство немецкого народа – согласится менять свою конституцию». Относительно политической ситуации после выборов де Мезьер сказал: «Ни СДП, ни „Альянс“ не смогут править в союзе с мелкими партиями (коалиция с ПДС невозможна), поэтому будет „большая коалиция“. [...] У „большой коалиции“ будет то преимущество, что при любом исходе выборов [в бундестаг] 2 декабря у ГДР будут хорошие отношения с Бонном. Поскольку ни де Мезьер, ни Бёме не обладают качествами, необходимыми для того, чтобы быть премьер-министром страны, на этот пост будет избран человек независимый, но хорошо известный, – видимо, Манфред Штольпе».

Опросы общественного мнения накануне парламентских выборов в ГДР предсказывали победу социал-демократов, придерживавшихся в целом умеренных позиций в том, что касалось методов объединения Германии и длительности переходного периода. 15 марта были опубликованы данные опроса, согласно которым только 23 % граждан республики считали, что объединение должно произойти на основе статьи 23 Основного Закона ФРГ. Однако пропагандистское давление правивших в Бонне ХДС/ХСС, прежде всего лично канцлера Коля, оказалось настолько сильным, что победителем на выборах в Народную палату стала коалиция «Альянс для Германии», возглавлявшаяся ХДС (ГДР). За неё было подано 48 % голосов (в голосовании приняли участие 93 % избирателей). Партия де Мезьера получила наибольшее количество мандатов (163 из 400 мест в Народной палате). Социал-демократы завоевали вдвое меньше мандатов (88). Неожиданно сильным для многих оказался результат ПДС, занявшей третье место (16,3 % голосов, 66 мандатов). В интервью на следующий после выборов день де Мезьер, как бесспорный триумфатор, провозгласил следующую программу действий на ближайшую перспективу: 1) создание возможно более широкой партийной базы для будущего правительства (включая СДПГ); 2) скорейшее заключение экономической, валютной и социальной унии с ФРГ; 3) ускоренное восстановление земельной структуры республики; 4) обеспечение соответствия процесса объединения Германии общеевропейскому сближению; 5) верность нового правительства принципу соблюдения имеющихся договоров; 6) «стена должна исчезнуть как можно скорее».

На совещании в **понедельник 19 марта** посол признал: «Прогнозы исхода выборов не оправдались – избиратели проголосовали за «германскую марку». Перспектива – „большая коалиция“ СДПГ – ХДС. Модров считает, что социал-демократам следовало быть более настойчивыми в защи-

те социальных прав населения. ПДС хотела бы предотвратить „большую коалицию“. Результат ПДС можно считать успехом. У неё линия на сильную оппозицию в Народной палате. В пресс-центре МИД СССР будет объявлено о результатах выборов в ГДР. Поздравлений не будет».

Во **вторник 20 марта** посол кратко информировал о состоявшейся у него накануне беседе с Модровым, в которой тот анализировал итоги выборов. Оценки, данные Модровым: «Большую роль сыграла в предвыборной кампании церковь. Она же будет играть огромную роль в новом правительстве. Причина победы правых – массированное вмешательство ХДС (ФРГ) и стремление населения к ДМ, а также низкое политическое сознание масс. У СДПГ (ГДР) была размытая программа, вялое ведение предвыборной борьбы. Модров недоволен высказываниями некоторых советских комментаторов (например, В. И. Дашичева). Задача ПДС состоит в том, чтобы не допустить „большой коалиции“ ХДС и СДПГ. Важно, что в Восточном Берлине СДПГ и ПДС имеют подавляющее большинство. Теперь надо брать прицел на коммунальные выборы 6 мая».

В **среду 21 марта** посол посетил Момпера по предварительной договорённости. В ходе состоявшейся беседы, на которой я присутствовал, правящий бургомистр меланхолично заметил: «С вечера 18 марта проблемы ГДР стали проблемами боннского правительства и лично канцлера Коля. СДПГ и население ГДР не дадут забыть об этом. Следует ожидать скорее роста давления со стороны населения ГДР в направлении скорейшего объединения. Народ ГДР не пожелал вручить свою судьбу социал-демократам. Но непосредственные последствия коснутся прежде всего социал-демократов Западного Берлина и его сената – если что-нибудь пойдёт не так в ГДР, это сразу отразится на Западном Берлине. Восточные немцы выбрали бананы¹⁴³ – это означает, что у СДПГ практически не было шансов с самого начала. Она набирала очки, пока Вилли Брандт, социал-демократы возглавляли процесс объединения, но когда на съезде партии в Лейпциге¹⁴⁴ притормозили, пришёл конец. Хорошо, что крайне правых (НСС¹⁴⁵) не услышали. Удивил результат ПДС, Гизи удалось мобилизовать много молодёжи и интеллигенции. Перспективы партийного ландшафта неясны, он ещё не устоялся, не устоится он и после [муниципальных] выборов 6 мая. Нужна стабильность, отсутствие социальных страхов. Выборы 18 марта были по существу общегерманскими выборами, продемонстрировавшими тесную связь между настроениями в обеих частях Германии. Они подтвердили правоту афоризма Бертольда Брехта: „Сначала – жертва, а мораль – потом“».

¹⁴³ Формула о решении граждан ГДР «в пользу бананов» возникла в связи с тем, что по каким-то необъяснимым причинам в республике нельзя было купить бананы, хотя в соседнем Западном Берлине торговля ими процветала. Такой контраст привёл к тому, что в ГДР была популярна шуточная расшифровка краткого немецкого названия ФРГ (BRD – Bundesrepublik Deutschland, Федеративная Республика Германия) как Bananenrepublik Deutschland (то есть Банановая Республика Германия).

¹⁴⁴ Съезд СДПГ в Лейпциге (24–25 февраля 1990 года) предусматривал объединение обоих германских государств «в общеевропейских рамках» при «уважении прав и интересов держав-победителей, а также соседей Германии». Объединение должно было происходить как «упорядоченное срастание, а не как хаотичный аншлюс ГДР со стороны ФРГ».

¹⁴⁵ НСС – Немецкий социальный союз, мелкая партия в ГДР, ориентировавшаяся на баварский Христианско-социальный союз. Входила в «Альянс для Германии».

В тот же день я встретился с Виллердингом. Его прогноз: *«Процессы [воссоединения] замедлятся. Объективно сохранится разница между ГДР и ФРГ. Возможна конфедерация (не исключено, что под другим именем). ПДС выступает за разработку новой конституции, включающей в себя лучшие элементы Основного Закона и нынешней Конституции ГДР. Концепция ХДС состоит в политической унии ГДР и ФРГ при сохранении ГДР как особой экономической зоны, то есть нечто прямо противоположное тому, за что голосовало 18 марта население ГДР. Бонн считает, что СССР настолько слаб, что ничего сделать не сможет».*

В беседе в **четверг 22 марта** Манфред Никлас, помощник министра иностранных дел ГДР Оскара Фишера, излагая мнение своего шефа, сказал мне: *«Не надо питать иллюзий – объединение Германии состоится быстро, не позже 1991–1992 года. Права четырёх держав, пребывание советских войск в ГДР отданы на усмотрение [западных] немцев».* Он констатировал: *«ГДР закончилась 18 марта».*

Посланник Франции в Западном Берлине Франсис Бошато (французы сохранили прежнее название для своего представительства там: «французское военное правительство») в беседе со мной в **пятницу 23 марта** изложил следующую позицию в отношении германских дел: *«Франция согласна с тем, чтобы статус Берлина оставался неизменным вплоть до погашения прав и обязанностей четырёх держав. Но следует различать между статусом и формами его применения. Изменение условий полётов (рубежи), допуск в коридоры – это сфера применения статуса. К ней также относятся прямые выборы западноберлинцев в бундестаг. Здесь могут быть изменения. В частности, Франция, другие западные державы были бы готовы дать добро на прямые выборы, если СССР согласится не видеть в этом нарушения статуса. Основной проблемой „шестёрки“ остаётся безопасность, вопрос – объединённая Германия в НАТО или нет? Может быть, пойти по такому пути: Германия вступит в политическую организацию НАТО без участия в её военной организации? Плюс к этому основательное разоружение Германии».*

В докладе посла на собрании партийного актива во второй половине дня **среды 28 марта** говорилось (судя по всему, посол излагал согласованную с МИД СССР позицию): *«В ГДР состоялись так называемые свободные выборы, в которые слишком сильным было вмешательство ФРГ. Победа ХДС – это заслуга Коля. Причина потерь СДПГ – излишне жёсткая борьба против ПДС. ПДС же не выступила против вмешательства ФРГ. Левые группировки, начавшие „октябрьскую революцию“ 1989 года, оказались на обочине истории. Главный итог выборов состоит в сохранении ПДС как влиятельной силы в обществе. Масса населения ГДР оказалась классово незрелой, хотя прошлое руководство уверяло нас в обратном. Сейчас наблюдаются попытки раскачать стабильность ГДР, происходит рост левого и правого экстремизма. Совзагранучреждения в ГДР должны работать так, чтобы не давать повода для проявлений антисоциализма и антисоветизма. Москва постоянно выступает в поддержку ГДР. Сегодня публикуется заявление в поддержку системы собственности в республи-*

ке¹⁴⁶. Нам надо добиваться сближения точек зрения ГДР и СССР на проблему безопасности в Европе. Надо готовить материалы к встрече „два плюс четыре“ – нельзя, чтобы объединение Германии вело к снижению безопасности СССР. Поднимается вопрос о наших войсках здесь. Будут проблемы с созданием экономической и валютной унии ГДР – ФРГ. Нам следует закрепить наше военное присутствие в ГДР – через него мы будем влиять на процесс объединения. Складываются новые условия для экономического сотрудничества СССР и ГДР. Нам следует добиваться соблюдения прав человека в отношении бывших членов СЕПГ-ПДС. Пребывание ЗГВ в ГДР имеет иные правовые основы, чем, скажем, размещение наших войск в Венгрии, Чехословакии и так далее. Советское посольство в Берлине несёт часть ответственности за наши войска в ГДР – посол является сопредседателем Смешанной комиссии СССР – ГДР по связанным с этим проблемам. Следует прояснить юридическую основу нашей собственности в ГДР. Мы должны и дальше показывать противоправность вмешательства ФРГ в дела ГДР. Надо стремиться к трёхстороннему экономическому сотрудничеству СССР – ГДР – Западный Берлин. Ждём решения проблемы „Висмута“¹⁴⁷. Необходимо развивать контакты с новыми партиями ГДР. В том, что касается Западного Берлина, мы не откажемся от своих прав. Время для решения берлинского вопроса наступит при объединении в последнюю очередь. Мы не допустим подкопа под наши права! Не хотят ли начать объединение Германии с Берлина? Надо внимательно следить за обстановкой и пресекать такие попытки. Выборы в Народную палату показали, что Берлин остаётся красным. Экономическое объединение Германии – уже реальность. Экономика ГДР постепенно растворяется в экономике единой Германии. Всё шире становится общий рынок. Проблемы будут для нас и с импортом, и с экспортом. Уже сейчас 1 100 западногерманских фирм ведут переговоры в ГДР о кооперации и совместных предприятиях. Германский вопрос выдвинулся в центр мировой политики. Он может быть решён только в общеевропейских рамках. Нельзя забывать о реальностях. Наиболее сложный вопрос – определение военно-политического статуса единой Германии. Членство Германии в НАТО для нас неприемлемо. Важно перевести это в плоскость практической политики. Информационная обстановка осложнилась – сюда хлынули газеты и журналы ФРГ. Западные немцы пытаются купить здешние издательства, предпринимаются

¹⁴⁶ Заявление Советского правительства от 28 марта 1990 года содержало требование в случае создания валютной унии и экономического сообщества ГДР и ФРГ, а также в случае возникновения единой Германии «исходить из законности мер в области экономики, осуществлённых в 1945–1949 годах Советской военной администрацией в Германии». Это требование было направлено прежде всего против попыток толковать предстоящее включение ГДР в состав ФРГ как «поражение» СССР и упразднение решений оккупационного периода. Оно соответствовало урегулированию аналогичной проблемы при создании ФРГ на базе бывших оккупационных зон трёх держав в 1949 году.

¹⁴⁷ «Висмут» – совместное предприятие СССР и ГДР, занимавшееся добычей урана в горах Саксонии и Тюрингии. ГДР стояла на четвёртом месте в мире среди производителей урана. Последние годы Советский Союз искал способ сбыть с рук проблему «Висмута» вследствие его нерентабельности из-за низкого содержания металла в добываемой руде (меньше 0,1 %). Никто не знал, что делать с отходами производства, которые составили, по данным созданного уже после объединения Германии ООО «Висмут», 311 миллионов кубических метров пустой породы и 160 миллионов кубических метров радиоактивного ила.

попытки захватить теле- и радиостанции ГДР. Цены на печатную продукцию возрастут с 1 апреля втрое. Стал падать спрос на наши издания».

В пятницу 30 марта меня пригласил к себе заместитель министра иностранных дел ГДР Гарри Отт и завёл разговор на тему, которая была бы немислимой для контактов с нами до выборов 18 марта. Сославшись на поручение Модрова, он упомянул об усиливающейся кампании в СМИ в связи «с выявленными массовыми могилами на территории лагерей в Заксенхаузене, Бухенвальде и других. Называется цифра 11 существовавших с 1945 по 1949 и даже 1951 год лагерей для интернированных. Правительство ГДР находится в трудном положении: никаких документов об этих лагерях у него нет, зато есть „свидетели“ здесь и в ФРГ. МИД ГДР ожидает нарастания размаха этой кампании и непредсказуемых последствий от неё. Надо полагать, что к выборам 6 мая будут новые „находки“. Совет министров ГДР собирается принять решение о создании правительственной комиссии по расследованию обстоятельств, чтобы показать, что правительство занимается этой проблемой. Существует опасность, что предстоящая 45-я годовщина Победы пройдёт под аккомпанемент криков о лагерях». Отт продолжал: «Мы не можем сказать, что речь идёт о захоронениях преступников, поскольку не располагаем документальным подтверждением. Мы предлагаем, чтобы советское правительство или МИД СССР выступили с заявлением на эту тему – чем дольше будет пауза, тем серьёзнее станет положение: гражданские комитеты ведут самостоятельное расследование. Если документы не сохранились, то у заявления могло бы быть следующее содержание: лагерь для интернированных были созданы по решению правительств антигитлеровской коалиции. Параллельно могли бы выступить советский комитет ветеранов войны, связав этот вопрос со страданиями населения Советского Союза в военные годы и надеждой, что результаты 40-летней советско-германской дружбы не пострадают от злонамеренной пропаганды».

Мы сообщили об обращении Отта в Москву, ответа на него не поступило. В данном случае мы были полностью согласны с позицией Центра, поскольку с поставленным Оттом вопросом всё было понятно без всяких дополнительных разъяснений. Тот факт, что оккупационные власти всех четырёх держав-победителей в соответствии с союзническими соглашениями военного времени проводили в поверженной Германии денацификацию, был достаточно известен. В этом состоял их долг. То, что для размещения лиц, подозреваемых в участии в преступлениях нацизма, частично использовались бараки бывших нацистских лагерей, было лишь справедливым – возможные преступники должны были получить реальное представление о том, как выглядел концлагерь в фашистской Германии (на самом деле условия содержания в лагерях для интернированных были куда более человечными, чем в нацистских «фабриках смерти»). То, что ослабленный недоеданием и недостаточной защитой от холода организм задержанных часто не выдерживал безобидных для нормальных времён простудных и иных заболеваний, было обычным делом для первых послевоенных лет не только в Германии.

Для организаторов «разоблачительной» кампании эти общеизвестные обстоятельства не были секретом. Их интересовало совсем другое – они хотели бы путём «гласного расследования» выяснить и опубликовать личные данные тех, кто сообщал оккупационным властям о фактах участия своих сограждан в нацистских злодеяниях. Сведения об этих «предателях» и «доносчиках» наверняка содержались в архивах советского военного ведомства, и получить доступ к этим архивам было собственно целью инициаторов кампании. Месть задним числом – вот что их интересовало в первую очередь: месть тем, кто сотрудничал с оккупантами, а заодно и самим оккупантам, которые были, конечно же, «злостными нарушителями прав человека». Побеждённые в Великой войне стали примерять на себя роль победителей в «холодной войне». Официальная реакция Советского Союза на эти происки только подыграла бы этим самозванцам, поскольку поставила бы нас в положение оправдывающейся стороны. Фигура умолчания больше всего подходила в этой ситуации.

III. ВОШЛИ В ШТОПОР (АПРЕЛЬ – ОКТЯБРЬ 1990 ГОДА)

Если выражаться языком литературных критиков, развитие событий в центре Европы после 18 марта 1990 г. страдало почти полным отсутствием интриги. Для всех действующих лиц и исполнителей разыгрывавшейся на глазах у всех трагедии ГДР исчезновение республики было делом ближайшей перспективы. Всё более очевидным становилось отступление Москвы с заявленных ею ранее позиций (при официальных заверениях в неизменности генеральной линии партии). Соответствие сюжетных линий представлениям и желаниям Гельмута Коля не вызывало сомнений. Партнёры СССР быстро теряли стимулы учитывать советские интересы. Некоторую неясность вносил лишь вопрос, в какой именно день управление Восточной Германией перейдёт полностью в руки Бонна. Но поскольку речь могла идти только о разнице в несколько недель, никого это особенно не волновало.

Драматичность наших утренних совещаний заметно снизилась. Во **вторник 3 апреля** посол поделился информацией о содержании только что состоявшихся переговоров Маргарет Тэтчер и Гельмута Коля в Лондоне. По его словам, итогом вояжа Коля стало *«подтверждение членства объединённой Германии в НАТО при особом статусе нынешней территории ГДР и сохранении там советских войск в течение 5–7 лет (мнение англичан) или 2–4 лет (мнение западных немцев). Коля понял, что с объединением не надо торопиться: полное юридическое объединение станет возможным не ранее 1992 года. Если будет применена статья 23 Основного Закона ФРГ, то это одновременно будет означать присоединение ГДР к Европейским сообществам – в 1991 году (считают западные немцы) или в 1992 году (считает Тэтчер)»*. Посол продолжал: *«На заседании кабинета министров в Бонне решено (1) признать все экономические договоры ГДР с СССР и (2) выделить средства из бюджета на содержание советских войск в ГДР в западногерманских марках¹⁴⁸ (по предложению [председателя бундестага] Риты Зюсмут). 5 апреля в Народной палате состоится отставка правительства Модрова; через неделю в ГДР будет новое правительство»*.

Утром в **четверг 5 апреля** посол напомнил: *«В 11.00 начинается заседание Народной палаты – при этом сохраняется ещё много неясностей. Общий элемент дестабилизации представляет собой требование о проверке связей с МГБ. Есть среди депутатов люди, которые действительно сотрудничали, но есть и фабрикация доказательств. Почти всё диктуется с Запада. Импортированы группы специалистов, которые определяют программу действий и расставляют людей. Вновь муссируется идея „повторных выборов“ – это означало бы конец ПДС. Уже сейчас прекратился приток новых членов в партию. Важно, чтобы Модров попал в новое руководство Народной палаты. Упразднение Госсовета состоится сегодня же. Идут атаки и на де Мезьера [обвинения в связях со „штази“]. Возможно,*

---

¹⁴⁸ В прошлом часть расходов в марках ГДР по пребыванию Западной группы войск брало на себя правительство ГДР; этот источник финансирования ЗГВ иссякал в связи с предстоящим переходом республики на западногерманскую валюту в соответствии с договором о валютной унии ГДР и ФРГ.

его заменят. Это будет серьёзным ударом по политике защиты интересов ГДР. Сегодня пройдёт демонстрация против намеченного обмена валюты ГДР на валюту ФРГ в пропорции 2:1».

В число кандидатов на пост председателя Народной палаты входили Сабина Бергман-Поль (ХДС), Райнхард Хёпнер (СДПГ), Ханс Модров (ПДС), Гюнтер Малойда (ДКПП) и Вольфганг Ульман (Союз 90 – зелёные). Избрана была Сабина Бергман-Поль. Ей же 9 апреля было поручено временно исполнять обязанности главы государства. 6 апреля она высказалась в пользу объединения ГДР и ФРГ на основе статьи 146 Основного Закона ФРГ, согласно которой Основной Закон прекращает своё действие «в день вступления в силу Конституции, принятой немецким народом свободным решением».

Во вторник 10 апреля посол подчеркнул: «Надо усилить контакты с работниками министерств и ведомств ГДР, выяснить политическое лицо министров и старших чиновников. Один из главных вопросов – дальнейшее сотрудничество с СССР. Принципиальная позиция СССР по всем вопросам объединения Германии известна (заявления М. С. Горбачёва, Э. А. Шеварднадзе). Права четырёх держав остаются, и мы от них не отказываемся. Объединённая Германия не должна быть в НАТО. Наши войска в ГДР остаются».

В четверг 12 апреля Народная палата большинством голосов избрала председателя ХДС Лотара де Мезьера «министром-президентом» (премьер-министром) ГДР и утвердила состав его правительства. Министром иностранных дел стал лидер СДПГ (ГДР) Маркус Меккель.

В состоявшейся в этот день беседе Виллердинг сообщил мне, что первоначально в принятую Народной палатой внешнеполитическую декларацию хотели включить «вопрос о Литве». Это было заблокировано голосами фракций ХДС и ПДС. Виллердинг продолжал: «СДПГ теряет членов и популярность вследствие участия в коалиции с „Альянсом“. Нынешнее руководство проводит резко антикоммунистическую линию, [стремясь] разгромить ПДС. Положение партии [ПДС] очень сложное. Гизи знает всех в Народной палате, кое-чего добивается через эти связи, но результаты по большей части носят поверхностный характер. Планы Бонна (а решать при новом правительстве будет он) состоят в уничтожении ПДС. Программа действий НСС это чётко продемонстрировала. Член НСС Дистель на посту министра внутренних дел – это опасно».

Утром в **пятницу 13 апреля** посол сообщил, что в течение дня встретится с де Мезьером и Меккелем. Он продолжал: «В коалиционном документе нового правительства ГДР налицо недостаточный учёт наших интересов – намечены слишком быстрое воссоединение и членство Германии в НАТО. Состав правительства отражает спешку в подборе кандидатур – у большинства министров нет никакого опыта в тех областях, которые им доверены. Очень много представителей религиозных кругов. На следующем заседании Народной палаты 18 апреля будет правительственное заявление де Мезьера. Наша линия – установление устойчивых отношений со всеми политическими силами ГДР. Наверное, надо встречаться и с представителями крайних направлений. Модров будет играть видную роль в

политической жизни ГДР и затем Германии. Создан комитет Народной палаты по расследованию связей с МГБ; могут быть неожиданности. Нам надо свести к минимуму наши экономические потери в ГДР». Затем посол впервые упомянул о своём намерении окончательно покинуть свой пост в ГДР ориентировочно 10 мая, после приёма в посольстве в честь годовщины Победы, который проведёт сам. По этому поводу он рассказал, что «намерен свести все протокольные мероприятия в связи с отъездом к минимуму – встречи с послами трёх держав (с каждым по отдельности) и с послами восточноевропейских стран (со всеми вместе). Собирается попрощаться с коллективом и с военными ЗГВ на приёме в посольстве 5 мая. Ранее он дважды просился у М. С. Горбачёва в отставку, но тот говорил: „Ты же знаешь, как высоко мы ценим твою работу“. Э. А. Шеварднадзе повторял: „Нужно посоветоваться с Горбачёвым, потом решим“. У посла спрашивали совета в отношении назначения его преемника в Берлине: был выбор между послом в Австрии Г. С. Шикиным и сотрудником международного отдела ЦК КПСС Р. П. Фёдоровым. Посол рекомендовал Фёдорова, но в Москве предпочли Шикина». Действительно, Шеварднадзе считал Шикина, который работал в его секретариате, «своим человеком».

В субботу 14 апреля посол посетил нового министра иностранных дел Маркуса Меккеля и по поручению МИД СССР сделал в беседе с ним следующее заявление: «Западногерманский проект договора о валютной, экономической и социальной унии ФРГ и ГДР затрагивает принципиальные позиции и практические интересы СССР в германских делах. По форме и по существу – это ультиматум, а не договор двух равноправных сторон. Применение статьи 23 перечёркивает возможность объединения на равноправной основе; фактически это поглощение ГДР. Проект представляет собой заявку на капитуляцию нового правительства ГДР, исключаящую защиту интересов граждан ГДР. Правительство ГДР может рассчитывать на полную поддержку и солидарность со стороны СССР в отстаивании законных прав и интересов республики. Мы готовы к контактам, в том числе в рамках „шестёрки“. Проект не обеспечивает правопреемства по международным обязательствам ГДР. Это нанесло бы ущерб интересам СССР, затронуло бы права и ответственность четырёх держав. Перспектива валютной, экономической и социальной унии выдвигает серьёзную проблему выработки совместных мер по выполнению взаимных экономических обязательств СССР и ГДР в новых условиях. СССР ожидает, что в процессе объединения не будет нанесено народнохозяйственного ущерба СССР с учётом его разветвлённых торгово-экономических связей с ГДР, наличия движимого и недвижимого имущества и советских денежных вкладов в банковских учреждениях ГДР».

Во вторник 17 апреля посол встретился с де Мезьером и в соответствии с поручением МИД СССР довёл до его сведения подробное изложение официальной советской позиции по германским делам: «1. СССР неоднократно доказывал, что он не чужд идее объединения Германии, и вносил по этому поводу предложения, которые, к сожалению, не находили должного отклика. Нет оснований менять эту точку зрения, поскольку стабильность в Европе и обеспечение мира не только не исключают, но и предполагают существо-

вание единой германской нации и её государства. В какой форме германский народ реализует своё право на государственное единство, решают сами немцы. 2. Вместе с тем внутренние и внешние процессы германского единства взаимосвязаны и должны решаться синхронно. Объединение не должно вести к уменьшению безопасности любого государства и нарушать баланс интересов в ущерб какой-либо из сторон. 3. СССР не чинит препон решению вопросов сближения германских государств, исходя из того понимания, что ГДР и ФРГ будут выполнять свои обязательства и принимать в расчёт права и интересы СССР по основным соглашениям экономического, политического и военного характера, которые могли бы быть затронуты. 4. При передаче функций управления временному правительству ГДР в октябре 1949 года СССР принял к сведению намерение ГДР стоять на позициях решений Потсдамской конференции и выполнять обязанности, вытекающие из совместно принятых решений четырёх держав. Фундаментальные интересы СССР требуют, чтобы до принятия в будущем всеобъемлющих решений по данному комплексу вопросов не возникало каких-либо отклонений от этих договорённостей. Нельзя допускать, чтобы обязательства ГДР перед СССР и другими государствами на Востоке Европы имели меньший вес по сравнению с обязательствами ФРГ на Западе. 5. Включение объединённой Германии в НАТО неприемлемо. Сохранение НАТО при ликвидации Варшавского договора не будет положительным вкладом в дело общеевропейской безопасности и создания структур, в большей степени отвечающих интересам стабильности и мира. 6. Только общая цель и общая направленность политических усилий всех государств сегодня и завтра могут обеспечить плодотворность шагов по сокращению вооружений и предотвратить возобновление гонки вооружений в Европе в результате ломки сложившихся за 40 лет структур. 7. Было бы нежелательно, чтобы одно германское государство демонстрировало свою лояльность к той военной организации, которая привела в своё время к расколу Германии, а другое германское государство отдалялось бы от своих союзников, хотя Варшавский договор был создан в ответ на вхождение ФРГ в НАТО. 8. Выход заключается в создании системы европейской безопасности. 9. Объединение Германии – это слияние, а не поглощение. Идея применения статьи 23 преследует цель погасить обязательства ГДР перед СССР и другими союзниками при сохранении обязательств ФРГ, в том числе военно-политического характера, в отношении территории нынешней ГДР. Попытка страны НАТО узурпировать суверенные права страны Варшавского договора – это покушение блока НАТО на коренные права и ответственность СССР в отношении Германии, которые являются частью действующего международного права и зафиксированы в Уставе ООН. СССР не может освятить своим согласием применение статьи 23 или иной статьи Основного Закона, так как там речь идёт о сохранении рейха в границах 1937 года. Неизвестно, будет ли Основной Закон соответствовать тому германскому мирному договору, который ещё предстоит заключить. 10. СССР твёрдо стоит на том, что Вторая мировая война должна завершиться заключением мирного договора с Германией, содержащим её обязательства перед другими странами, которые освободят народы Европы от тревоги за возможность повторения ужасов германской агрессии, а также

гарантии границ и удовлетворения законных интересов государств, ставших жертвой гитлеровской агрессии и оккупации. Предстоит работа в рамках „два плюс четыре“ при активном участии обоих германских государств. Положения договора не должны дискриминировать Германию и ущемлять национальное достоинство немцев. II. В том что касается экономических отношений между СССР и ГДР, изменение ситуации для ГДР не освобождает стороны от взятых на себя обязательств, ряд которых носит долговременный характер, захватывающий и XXI век. Имеется немало вопросов в связи с финансовыми расчётами, связанными как с текущими контрактами, так и с переданными в своё время правами собственности. Целесообразно немедленно начать проработку всех экономических и связанных с ними вопросов на двусторонней основе, чтобы избежать возникновения осложнений в будущем».

В среду 18 апреля посол вкратце информировал о своей состоявшейся накануне встрече с де Мезьером. В частности, посол отметил: *«Беседа была непростой – есть расхождения. Де Мезьер обещал „уточнить“ свои позиции».* Посол беседовал по этому вопросу также с Маркусом Меккелем и министром финансов Вальтером Рорбергом: *«Правительство ГДР находится под сильным давлением со стороны ФРГ».* Далее посол сказал: *«Де Мезьер вызывает двойственное впечатление: в личных беседах он соглашается с нашим мнением, в публичных выступлениях – расходится. В вопросе о валютной унии ГДР и ФРГ для нас важно, чтобы при этом не было ущерба нашим интересам. Де Мезьер утверждает: „Ничего ещё не решено“ – и обещает одновременно информировать нас, а также посоветовать, что делать».* Относительно мероприятий по случаю 45-й годовщины Победы посол напомнил, что 8 мая состоится торжественный акт правительства ГДР, а 9 мая – традиционный приём в посольстве: *«Де Мезьер обещал быть и там, и здесь».* Посол отметил также: *«Беспокоит растущий негативизм по отношению к нашим войскам. По непроверенным данным, в субботу будет демонстрация перед совпосольством с требованием вывода советских войск из ГДР».* Однако в субботу никакой демонстрации не было.

Оглашённое де Мезьером правительственное заявление содержало множество положений, поддающихся самой различной интерпретации. Почти везде чувствовался боннский почерк. При этом весьма заметным было стремление успокоить советское общественное мнение. В заявлении, в частности, говорилось: *«Мы просим граждан Советского Союза не рассматривать политику ГДР и её стремление к единству Германии как угрозу. Мы сознаём свой долг по отношению к Советскому Союзу, и мы хотим дружественно сотрудничать с Советским Союзом, в котором победило новое мышление. Гласность и перестройка открыли миру новые исторические горизонты, считавшиеся долгое время невозможными. Они вызвали также в ГДР гражданское движение, охватившее все секторы общества».* Затем следовали слова признательности в адрес ФРГ: *«От имени правительства ГДР я хотел бы поблагодарить граждан Федеративной Республики Германия. Они стояли на нашей стороне, они подбадривали нас и помогали, где только было возможно. И мы не забудем: на протяжении десятилетий западные СМИ были для многих граждан ГДР, хотя и небескорыстно, важнейшим*

источником информации. Часто они были единственным рупором для угнетённых и политически инакомыслящих в этой стране». Относительно сроков объединения с ФРГ отмечалось: «В течение ближайших 8–10 недель мы намерены заложить основы экономической, валютной и социальной унии, с тем чтобы она могла вступить в силу ещё до летних каникул. При этом обмен валюты 1:1 является принципиальным моментом. [...] Наказ избирателей, которому мы следуем, требует установления единства Германии в неразделённой, мирной Европе. Это требование содержит в себе указание на темп и качество. Единство должно прийти как можно быстрее, но его рамочные условия должны быть настолько надёжны, настолько разумны и настолько ориентированы на будущее, насколько это необходимо. Дискуссия о пропорциях обмена валюты – 1:1 или 1:2 – со всей отчётливостью показала нам, что здесь речь идёт о взаимозависимости, и мы должны договориться об условиях, которые гарантировали бы, что у граждан ГДР не возникнет чувства, будто они становятся второсортными бундесбюргерами. Обе цели – темп и качество – будут достигнуты наилучшим образом, если мы договоримся пойти по пути, пролегающему через применение статьи 23 Основного Закона». О военно-политической стороне дела сообщалось: «Задачей правительства ГДР является вести политику, способствующую процессу замены военных союзов выходящими за их рамки структурами в качестве начала создания общеевропейской системы безопасности. При этом целью ведущихся нами переговоров должна быть европейская система безопасности с постоянно сокращающимися военными функциями. [...] На сегодняшней территории ГДР на переходный период наряду с советскими вооружёнными силами будет расположена существенно сокращённая и ориентированная на строго оборонительные задачи Национальная народная армия, задачей которой является защита этой территории. Лояльность по отношению к партнёрам по Варшавскому договору будет для нас выражаться, в частности, в том, что мы будем постоянно учитывать интересы безопасности Советского Союза и других государств – членов Варшавского договора». В отношении восточноевропейских соседей указывалось: «ГДР намерена углублять свои особые отношения с народами Восточной Европы в экономической, политической и культурной областях. Связь с Европейскими сообществами будет играть при этом важную роль. Правительство ГДР приветствовало бы скорое поэтапное расширение ЕС».

В понедельник 23 апреля посол отметил: *«Обращает на себя внимание интенсивность контактов между ГДР и ФРГ. Идёт координация действий. Проект валютной унии должен позволить оказать влияние на избирателей ГДР. В то же время трудности и сложности ситуации в ГДР сохраняются. Министр экономики ГДР Герхард Поль высказывается за сохранение отношений с СССР, которые остаются приоритетными. Он хочет как можно скорее поехать в Москву. Но советник у него из Бонна. Де Мезьер просится в Москву тоже – приблизительно 26–27 апреля. Следует следить за контактами ГДР с ФРГ и за тем, что там у них получается»*. О состоявшейся у него 20 апреля встрече с министром разоружения и обороны ГДР Райнером Эппельманом (евангелический пастор, в недавнем прошлом видный деятель непримиримой оппозиции) посол сообщил, что

тот «*поедет в СССР на День Победы. Предстоит заседание комитета министров обороны стран Варшавского договора в июне в Берлине*». Посол добавил, что «*сегодня встречается с заместителем премьер-министра и министром внутренних дел ГДР Петером-Михаэлем Дистелем. Тот проявил заинтересованность во встрече с послом и сразу согласился прийти в посольство (в 14.00). Посол проводит регулярные встречи с Гизи и Модровом (сегодня возвращается из Москвы). Гизи был на днях у Эпельмана*». О порядке работы посольства посол сказал: «*Важно собирать информацию по следующей тематике – (1) торгово-экономические вопросы; (2) итоги переговоров гедезроцев в Бонне; (3) встреча „два плюс четыре“ в Бонне 5 мая. Относительно обмена валюты для сотрудников совзагранучреждений ясности нет. Будут специальные переговоры, придет представитель из Москвы. День „X“ наступит не раньше июня*». И возвращаясь к празднованию Дня Победы: «*Торжественный акт ГДР 8 мая, возложение венков к мемориалам советских воинов 8 мая, приём в посольстве 9 мая в 17.00 на 800 человек (200 пар иностранцев). При возложении венков не будет военных оркестров, гимнов, прохождения войск (как в прошлые годы)*».

Во **вторник 24 апреля** Коль и де Мезьер достигли в Бонне соглашения о вступлении в силу экономической, валютной и социальной унии с 1 июля 1990 года. Таким образом, на эту дату была назначена точка невозврата в процессе поглощения ГДР. День спустя правительство ГДР выступило с критикой одностороннего решения правительства ФРГ ограничить предстоящий обмен марок ГДР на марки ФРГ по курсу 1:1 суммой 4 000 марок на человека (всё, что превышало эту сумму, подлежало обмену по курсу 2:1). Никакие протесты не помогли. Обмен валюты состоялся в соответствии с решением Бонна.

В **пятницу 27 апреля** посол отметил, что «*идёт подготовка к визиту де Мезьера в Москву. Предстоит встреча на самом высоком уровне. Есть много нюансов, о которых я сегодня ещё не могу говорить. Скажу о них попозже*». Он сообщил также: «*Вчера была беседа с де Мезьером (до 10.30 вечера), который рассказал о своей поездке в Бонн. Коль пытался сначала действовать, как бульдозер, как уютюг. Пришлось объяснять ему многие детали. Начала слабеть ДМ. Между тем как никогда велика важность социальной проблематики – иначе неизбежна дестабилизация*». Посол добавил, что «*спросил о курсе обмена валюты для сотрудников совзагранучреждений. Де Мезьер даст указание изучить ситуацию и затем представить нам предложения. Поставим также данный вопрос перед Москвой – пусть Н. И. Рыжков прояснит эту проблематику с де Мезьером в Москве. Это будет третья телеграмма посла на данную тему*». По словам посла, в беседе де Мезьер «*дал характеристику почти всем министрам; она совпадает с нашими представлениями. Его главная забота – не подорвать коалицию. Затем некоторых министров придётся менять*».

В заключительном слове на партийном собрании дипсостава в **субботу 28 апреля** посол подвёл некоторые итоги своей работы и деятельности коллектива в кризисный период. Он сказал: «*Будучи делегатом XXVII съезда КПСС, я не мог предвидеть того тяжёлого кризиса, который мы сейчас переживаем. Партия должна сохранить своё единство, иначе народ отка-*

жет ей в доверии. У нас единственный выход – укреплять партию. Демократия – это и употребление власти там, где это нужно. Народ устал. Нужно наводить порядок. Развитие в восточноевропейских странах беспокоит. Социалистический строй там обанкротился. Да и какой социализм строился в этих странах?! Мы не сумели вовремя разглядеть корни глубочайшего кризиса в Восточной Европе. Мы не сумели реализовать правильный тезис о приоритете отношений с социалистическими странами. После начала кризиса в ГДР посольство действовало в целом чётко. Ориентация на контакты с новыми партиями была правильной. Впереди очень сложные перипетии борьбы за условия германского единства. Основа для проведения нашей политики в этой области создана. Позади восемь месяцев тяжёлой, самоотверженной работы. Впрочем, можно было сделать и больше. Следует отказаться от ненужного бумаготворчества. Нужно по-новому расставить силы, укрепить некоторые участки. Нельзя на людей смотреть только через ЭВМ. Кадровая политика в посольстве должна измениться – талантливые люди должны продвигаться быстро. У руководства посольства нет возможности материально поощрять лучших работников. Может быть, нужно отношение к нашему коллективу как к посольствам, которые побывали в чрезвычайных обстоятельствах?»

В **понедельник 30 апреля** состоялись переговоры правительственной делегации ГДР во главе с де Мезьером в Москве. Они подтвердили сохраняющиеся разногласия по вопросу о включении объединённой Германии в НАТО.

Показателем накала противоречивых страстей, которые сопровождали приход к власти в ГДР оппозиции, противопоставлявшей себя СЕПГ и её политическому курсу (в том числе официальной политике дружбы с СССР), может служить публичная дискуссия на тему «Раздумья о Германии. Европейское измерение», состоявшаяся в **среду 2 мая** в Доме советской науки и культуры в Берлине. Для группировавшихся вокруг ДСНК сторонников сохранения тесных связей ГДР с Советским Союзом вопрос о том, как будут развиваться дела в этой сфере, носил жизненно важный характер. Для участия в дискуссии руководство ДСНК пригласило Ханса Модрова, только что покинувшего пост председателя Совета министров, а также известного деятеля партии «Новый форум» Фридриха Шорлеммера, недавно примкнувшего к социал-демократам, и меня в качестве «модератора», тот есть ведущего дискуссии. Я принял приглашение прежде всего потому, что надо было что-то противопоставить всё более чётко ощущавшемуся в ГДР давлению западной пропаганды, главным (хотя и несколько завуалированным) тезисом которой было – СССР проиграл, и нечего обращать на него внимание.

Модров сразу определил общее направление дискуссии, сформулировав её тему следующим образом: «Как следует обращаться с германским вопросом, чтобы это пошло на пользу немцам и их соседям?» Выступавший в целом за сближение с СССР, Шорлеммер начал с признания, что плохо спит по ночам и привёл в качестве объяснения часто использовавшуюся в то время цитату из поэмы Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка»: «Только вспомню ночью о Германии – сразу, как рукой, снимает сон». Он подчеркнул, что следует быть очень внимательным к тому, что сейчас рождается из недр

германского вопроса. Неизвестно, чем всё это закончится. Пугает то, что делают вид, будто нет проблем. А безработица? По словам Шорлеммера, социализм не может быть «реальным» и состоять только из одной партии. Сталинизм был попыткой загнать людей в утопию. Однако поражение «реального» социализма ещё не означает, что победил капитализм, вот только средства строительства нового общества должны быть также социалистическими. Для немцев было бы безответственно ставить национальный вопрос в центр своей деятельности. Советско-германскую дружбу ещё предстоит обрести. Нужно ближе знакомиться с живущими рядом русскими, одетыми в униформы. Почему объединение Германии намечается в столь сжатые сроки? Германия должна быть связана с системой коллективной безопасности. Наличие блоков – это абсурд.

Взявший затем слово Модров возразил, что главный вклад Сталина в историю заключается в том, что он выиграл войну («а Горбачёв проиграл мир»). Модров согласился, что движение к объединению происходит слишком быстро. «Когда мы были молодыми, у нас тоже были иллюзии в отношении быстрого построения социализма. Но тогда надо было возместить тот ущерб, который Германия нанесла Советскому Союзу. Впоследствии нам следовало быть более последовательными в отношении перестройки в СССР». Но кто теперь даст молодёжи перспективу? Церковь? Маркс? Ни «реальный» социализм, ни капитализм, взятые по отдельности, не в состоянии дать ответ на проблемы XXI века. Может быть, выход состоит в рыночном хозяйстве на социалистической основе? Социализм у нас ещё впереди! «Нужна нейтральная Германия, готовая к диалогу, настаивающая на разоружении, участвующая в создании коллективной безопасности». Европейский дом состоит из богатой западной части, центральной части со средним достатком и бедной восточной части. Именно этой проблемой должна заняться конференция «Хельсинки-2».

Пришлось и мне отвлечься от роли только «модератора» и активно включиться в дискуссию. Главным моим тезисом было: «Нет оснований говорить о „поражении“ СССР, игра не проиграна, у нас есть достаточно возможностей защитить наши интересы в Европе».

В качестве иллюстрации представляет интерес посвящённая этой дискуссии статья «О вере в чудо разума», опубликованная через день на второй полосе «Нойес Дойчланд». В статье, в частности, говорилось: «Он хорошо спит по ночам, что, видимо, больше объясняется возрастом – заявил вчера в ДСНК посланник посольства СССР в ГДР Игорь Максимычев, отвечая на вопрос об актуальности знаменитого изречения Гейне в его „Зимней сказке“. Но озабоченности в связи с „раздумьями о Германии в европейском измерении“ он вполне разделяет со своими собеседниками – Хансом Модровым, почётным председателем ПДС, и пастором Фридрихом Шорлеммером, доцентом Евангелического семинара в Виттенберге. Шорлеммеру с его пренатальными воспоминаниями о ночных бомбардировках кажется дурным сном, когда он по дороге в Берлин видит плакаты, которые подменили слова Кете Кольвиц „Навсегда нет войне!“ лозунгом „ Навсегда нет социализму!“ . А Ханса Модрова одолевают сомнения, можно ли и как ответить на вопрос, заданный ему недавно в Токио: принесёт ли объединение Германии одина-

ковую пользу немцам и европейцам? Советский дипломат – демонстрируя вполне оправданное великодержавное самосознание – заверил в том, что Советский Союз не испытывает страха перед [объединённой] Германией. [...] К тезису о том, что недопустимо говорить о проигрыше (Максимычев) и 8 мая 1945 года должно оставаться последним днём мировых войн вообще, Шорлеммер добавил следующую мысль: перед лицом экологических, а также экономических факторов, угрожающих существованию человека, было бы безответственно ставить в центр наших забот национальный вопрос. И дальше: „Горбачёв, этот счастливый случай истории, близок к трагическому концу, Советскому Союзу грозит развал, а мы тут спокойно обдeldываем свои делишки?“ В ответ на вопрос об обстоятельствах выдвижения инициативы Модрова в январе 1990 года¹⁴⁹, бывший председатель Совета министров изложил идею (подтверждённую и дополненную недавно министром иностранных дел Шеварднадзе) о том, что германский нейтралитет может послужить созданию всеобъемлющей системы безопасности в Европе. Эта система должна гарантировать необратимое разоружение, общий экономический подъём и безопасность для каждого участвующего в Хельсинкском процессе квартирoсъёмщика Европейского дома. С учётом совпадения мнений с Модровым Шорлеммер выразил опасение: „У нас не получится по-настоящему спорить друг с другом“. Как следует нашему „невротизированному западногерманской маркой народу защититься от самого себя?“ (Шорлеммер). „Как можно постичь и, возможно, преодолеть темп и масштабы разрыва между 4 ноября 1989 года (идея конфедерации) и сегодняшним днём (исключительно валютная уния)?“ (Модров). Оба ясно видят неспособность „реально существующего социализма“ решить поставленные временем проблемы, сознавая одновременно, что у капитализма также нет на них ответа. Из понимания, что „реальный“ социализм не является подлинным социализмом, и из своего жизненного опыта Максимычев выводит принцип ожидающегося возрождения социалистической идеи. Похожие рассуждения, а также размышления о своей („достаточно последовательной“) позиции в последние годы подводят почётного председателя ПДС к выводу том, что прежде всего молодёжи придётся искать и находить ответ на вопрос, что же готовит человечеству XXI век. Не в последнюю очередь из „прямоты ответов“ Ханса Модрова на вопросы, касающиеся его деятельности на посту главы правительства (почему он ещё раз пытался воссоздать службу безопасности, почему правительство не смогло предоставлять субвенции совсем без учета персоналий, каким образом г-н Райхельт¹⁵⁰ вновь стал министром экологии), Шорлеммер делает вывод о „возможности согласиться на совместное основательное обсуждение мучительных для нас главных вопросов современности“. Шорлеммер считает „важным не то, в какую партию входит тот или иной человек, а то, как он относится к возложенной на него ответственности“. „Внимание к социальной стороне дела ещё не делает человека человеком. Рыночное хозяйство с социальными ком-

¹⁴⁹ Имелся в виду «план Модрова» от 1 февраля 1990 года.

¹⁵⁰ Ханс Райхельт, член правления Демократической крестьянской партии, с ноября 1989 по январь 1990 г. министр по охране природы, охране окружающей среды и водного хозяйства ГДР, был объектом ожесточённых нападков со стороны внесистемной оппозиции.

понентами ещё не создает человека, о котором Горький говорил: это звучит гордо“. Обозначенный Модровым таким образом человеческий образ Шорлеммер собирается „обязательно обсудить, причём скоро!“ . В восприятии виттенбержца „психологическому сверхдавлению со стороны СЕПГ мы обязаны тем, что, освободившись от него, мы почувствовали себя субъектами истории“, и он уверен: „Это означает, что надо крепить прямую демократию“. Один из слушателей спросил его: Г-н пастор, верите ли Вы в чудо или в разум? Шорлеммер: „Я верю в чудо разума“»¹⁵¹.

В **четверг 3 мая** меня пригласил к себе заместитель председателя Народной палаты Р. Хёпнер (СДПГ) и попросил передать в Москву сообщение о решении руководства парламентов ГДР и ФРГ провести в июне в Восточном Берлине их совместное заседание в качестве символического жеста в подтверждение общегерманских традиций немецкого парламентаризма. Конечно, я пообещал сделать это, но заметил, что было бы гораздо логичнее провести такое заседание во Франкфурте-на-Майне, где во время революции 1848 года действительно функционировал общегерманский парламент. Хёпнер согласился с этим, но отметил, что с 1871 года, когда состоялось первое германское объединение, символом германского единства стал Берлин.

На совещании утром в **понедельник 7 мая** посол сообщил: *«На состоявшейся 5 мая в Бонне встрече „два плюс четыре“ Шеварднадзе занял более осторожную позицию по членству объединённой Германии в НАТО¹⁵². Удалось договориться о поэтапности объединительного процесса. Условились о нескольких встречах министров иностранных дел „шестёрки“ и вынесении этой проблематики на СБСЕ. Проведённые 6 мая выборы в местные органы власти ГДР не принесли больших изменений. ПДС сохранила в основном свои позиции. Она готова к сотрудничеству с другими партиями. У неё остаётся влияние в крупных городах (например, в Берлине). Теперь местные структуры власти будут претерпевать серьёзные изменения. ПДС вытесняется из местных органов. [...] Заслуживает внимания вопрос о реальной расстановке сил на местном уровне. Популярность политических деятелей выглядит так: де Мезьер, Дистель, Эппельман (по результатам опроса телезрителей). Имеет место фактическое проникновение представителей ФРГ в государственные структуры ГДР – представители в министерствах, совместных комиссиях. Надо уточнять»*.

В этот же день страны – члены Европейских сообществ отменили въездные визы для граждан ГДР. Во вторник 8 мая было подписано соглашение о торговле и кооперации между ГДР и Европейскими сообществами сроком на 10 лет.

¹⁵¹ «Neues Deutschland», 5./6. Mai 1990.

¹⁵² В воспоминаниях А. С. Черняева, помощника М. С. Горбачёва по внешней политике, сообщается, что, когда перед первой встречей министров по формуле «два плюс четыре» в начале мая 1990 года политбюро ЦК КПСС утверждало инструкцию для Э. А. Шеварднадзе, Горбачёв «разразился речью, главную в которой – не пустим Германию в НАТО и всё тут! Пойду, сказал, даже на срыв Венских переговоров [о сокращении обычных вооружений в Европе] и по СНВ [стратегическим наступательным вооружениям], но не допущу этого». Пришлось уговаривать генерального секретаря сменить точку зрения. С этой целью Черняев направил ему специальную докладную о том, что «формируется взгляд, в данном случае на германский вопрос, под воздействием лигачёвского крика: НАТО приближается к границам [Советского] Союза! Это чушь. Это уровень рассуждений 1945 года. Это лжепатриотизм толпы. Ведь всё равно Германия будет в НАТО, и нам опять придётся догонять поезд» (А. С. Черняев., Шесть лет с Горбачёвым. По дневниковым записям. – М., 1993. – С. 347–348). Как видно, уговоры подействовали.

Когда в **среду 9 мая**, после разъезда гостей с приёма в посольстве по случаю годовщины Победы, в зале остались лишь члены нашего коллектива, мы попрощались с уезжавшим послом. У меня сохранились тезисы моего гостя: *«Одной из особенностей дипломатической профессии является то, что смена капитана происходит на идущем полным ходом корабле. А когда к этому добавляется шторм в открытом море и вне видимости спасительного берега, то сложность операции становится ещё более ясной для каждого. ВИК [В. И. Кочемасов] испытал за свою жизнь не одну бурю, не один крутой поворот и из всех испытаний выходил победителем. Биография ВИК – это практически биография советской власти, ровесником которой (с разницей всего лишь в год) он является. Из тиши деревенской жизни в центр индустриализации России, со студенческой скамьи на руководящие комсомольские должности, из антифашистского молодёжного движения на дипломатическую работу, с поста заместителя председателя Совета министров РСФСР на должность посла СССР в Берлине – и везде, на каждом месте работы он оказывался достойным доверия партии и правительства. Завершение дипломатической миссии – повод оглянуться назад и подвести итоги. Не будет преувеличением сказать, что посольство под руководством ВИК всегда было на высоте предъявляемых к нему требований. У ВИК есть все основания испытывать чувство глубокого удовлетворения проделанной за семь лет его пребывания в ГДР работой».*

В **пятницу 11 мая** в Центральном доме германо-советской дружбы состоялось вручение группе сотрудников посольства (в том числе и мне) почётного знака ОГСД. (Новый председатель общества, евангелический пастор, сказал мне «по секрету», что он унаследовал большое количество этих почётных знаков и торопится их раздать, «пока не поздно».) В слове благодарности от имени награждённых я сказал (перевод с немецкого): *«В такие моменты, собственно, не принято говорить о кризисах. Но очень многое из того, что происходит сегодня, тоже является необычным. Мы переживаем период перехода к новому миру. Лишь близорукий может подумать, что мы возвращаемся к тому, что было полвека назад. Единая Германия станет концом не только сегодняшней ГДР, но и сегодняшней ФРГ. Было бы непоправимой недооценкой веса и значения вклада ГДР в германское единство полагать, что результатом объединения двух германских государств может стать лишь большая ФРГ, а не новая Германия. Непростые времена переживает и Советский Союз. Унаследованное нами нагромождение проблем нарастает день ото дня. Дело идёт действительно о существовании страны. Судьбы Советского Союза никогда не были лёгкими. Но мы верим, что справимся и с нынешними трудностями. Тем не менее нам трудно. Тем большее значение приобретает сейчас работа ОГСД, направленная на то, чтобы сохранить и укрепить настоящую – не приказную, а идущую от сердца – дружбу между немецким народом и народами СССР. Мир находится на переломе. Мы должны сделать всё для того, чтобы перенести накопленное всеми нами доброе, человеческое, истинное в наше общее будущее».*

В **субботу 12 мая** министр иностранных дел ГДР Маркус Меккель дал прощальный обед в честь уезжавшего В. И. Кочемасова. На обеде присутствовал

ряд старших чинов министерства и посольства. Меккель произнёс большую речь, в которой изложил основы нового подхода ГДР к отношениям с Советским Союзом. Согласно моим заметкам, он сказал: *«Я люблю русский народ, русскую литературу. Я хочу, чтобы будущая Европа имела развитые связи с СССР. Объединяясь с нашими братьями и сёстрами [в ФРГ], мы не хотели бы отворачиваться от Востока. Но наше сотрудничество не должно наносить ущерб другим – линия из Берлина [ведёт] на Варшаву и [только] затем на Москву. В войну немцы причинили большие страдания советскому народу. Советский народ принёс немцам освобождение от фашизма (не один, конечно, а вместе с союзниками). Но и немецкий народ пострадал за истекшие 45 лет, в том числе от советских солдат. Пользы взаимное предъявление обвинений не даст. Поможет только подлинное примирение. Наши свободно избранное правительство приехало в Москву с высоко поднятой головой. Мы опираемся на поддержку 75 % населения нашей страны, но одновременно мы должны защищать их интересы. Мы приехали в Москву не для того, чтобы получать приказы или выслушивать указания, как нам поступать дальше. Кажется, что результаты бесед хорошие, закладывают добрую основу на будущее».* В последующем разговоре Меккель коснулся даты вступления в силу валютной унии, которая будет означать необратимость объединения. Он признал, что *«1 июля – это рано, но давление снизу очень велико (к сожалению, эту дату первой назвала СДПГ). Осень 1990 года будет, скорее всего, тяжёлой: растёт социальная напряжённость».*

В **понедельник 14 мая** статс-секретарь МИД ГДР Ханс-Юрген Миссельвиц (СДПГ) устроил приём в честь 35-летия Варшавского договора для представителей посольств государств – членов Организации. В своей приветственной речи он упомянул возможное урегулирование статуса Германии, допустимое в мирном договоре. Я записал его слова: *«Мы не против ограничения суверенитета [объединённой Германии], но хотим, чтобы сначала суверенитет был восстановлен (хотя бы на минуту), а затем мы добровольно откажемся от той части суверенитета, от которой захотим отказаться. По вопросу о „расцеплении“ сроков объединения Германии и урегулирования внешних аспектов [следует понять, что] это предложение Шеварднадзе неприемлемо, так как оставляет неопределённым переходный период, то есть время пребывания советских войск на территории нынешней ГДР. Нашему населению будет тяжело после введения ДМ, денег будет не хватать, и люди быстро сообразят, что часть недостающих денег тратится на советские войска. Поднимется волна народного недовольства, начнутся столкновения, и не известно, чем всё это кончится. СДПГ не хочет убыстрять процессы объединения. Давайте посмотрим, как скажется на настроениях валютная уния. Подождём до осени, не будем сейчас пороть горячку».* Довольно путаная аргументация человека, занявшего в ГДР пост дипломата № 2, наглядно давала понять, с какими трудностями нам придётся сталкиваться в ходе попыток согласовать нашу общую линию действий в предстоящих переговорах с Западом.

На утреннем совещании во **вторник 15 мая** посол заявил, что *«необходимо разобраться с валютной унией, особенно в том, что касается советских граждан и организаций. Нужно отдельное рассмотрение этих во-*

просов между Советом министров ГДР и Советом министров СССР». Он добавил, что «налаживается сотрудничество по линии МВД ГДР и МВД СССР. В начале следующей недели Дистель поедет в Москву по приглашению министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина. Дистель производит благоприятное впечатление. Говорит, что не брать бывших членов ПДС на работу – глупость. Его принцип – профессионализм. Очень хочет наладить сотрудничество с МВД СССР. Надо присмотреться к Дистелю». Посол поставил перед ним также «вопросы в отношении обеспечения безопасности нашей колонии». Затем последовало саркастическое замечание относительно развернувшейся в новой ГДР борьбы с привилегиями: «У Хонеккера был один „ситроен“, у Дистеля уже два „ситроена“, у Эпельмана – шесть „ситроенов“». Упомянув о Хонеккере, посол не смог удержаться от связанных с ним воспоминаний: «Сотрудничество с Хонеккером было непростое. Он ставил вопрос об отзыве Кочемасова – их разговор по поводу запрета „Спутника“ носил резкий характер. Так что и этот период был далеко не простым. После октября 1989 года надо было установить контакты с новыми людьми. За последние три месяца посол провёл сто встреч. „Мой недостаток – недостаточный личный контакт с тем или иным работником посольства“».

Это совещание было последним, в котором участвовал посол В. И. Кочемасов. Днём **15 мая** старшие чины посольства попрощались с ним в Шперенберге, на главном военном аэродроме Западной группы войск. Посол почти всегда летал в Москву из Шперенберга, где ему оказывались особые знаки внимания – у него сложились отличные отношения с командованием ЗГВ.

Оглядываясь назад, я должен признать, что Вячеслав Иванович был очень неплохим послом. Конечно, по сравнению с корифеями профессии, под руководством которых мне посчастливилось работать ранее (послы в Бонне А. А. Смирнов и В. С. Семёнов, посол в Париже В. А. Зорин), у Кочемасова отсутствовала добротная дипломатическая школа. Например, и Смирнов, и Семёнов начинали с младших должностей в нашем полпредстве ещё в довоенной Германии. Кочемасов оставался по большей части аппаратным человеком, ориентировавшимся в основном на мнение «старших товарищей». Но надо отдать ему должное – набранный им гигантский опыт руководящей государственной работы помог ему достаточно рано разобраться с плюсами и минусами перестройки. После бесед с Хонеккером, которые были у него одно время практически еженедельными, он часто возвращался под глубоким впечатлением критики, которой генсек СЕПГ подвергал перестроечные метания и шараханья, – он ясно видел обоснованность этой критики. Он был неважным оратором, часто повторялся, ставил неправильные ударения в словах. Но он добивался, чтобы все в посольстве (и не только в посольстве) действовали на основе аутентичной информации, которую он старался довести до каждого. И старался быть справедливым по отношению к любому из своих сотрудников. Если его и можно было упрекнуть в чём-либо в этой области, то только в «излишнем либерализме».

На три недели до 5 июня, когда в Берлин прибыл Г. С. Шикин, мы остались без посла. Из важных событий этого периода заслуживает упоминания подписание в Бонне в **пятницу 18 мая** договора о вступлении в силу валют-

ной, экономической и социальной унии ГДР и ФРГ с 1 июля. Окончательное решение проблемы курса обмена валюты носило компромиссный характер. Были введены дифференцированные потолки обмена по курсу 1:1 для разных возрастных групп населения ГДР: для детей – по 2 000 марок ГДР, для взрослых от 15 до 59 лет – по 4 000 марок, для более пожилых – 6 000 марок. Все остальные суммы денег подлежали обмену по курсу 2:1. Обмениваемые деньги должны были находиться на счетах в банке или в сберегательной кассе как минимум за полгода до 1 июля.

С 18 по 20 мая в Берлин приезжал заведующий Международным отделом ЦК КПСС, председатель комитета по внешней политике Верховного совета СССР В. М. Фалин. У него было несколько встреч с политиками ГДР, наиболее существенной из которых была беседа с Маркусом Меккелем в **пятницу 18 мая**, сразу после прилёта. В краткой записи у меня значится следующее: *«ММ: Между нами остаётся ещё много вопросов. ВМФ: От голоса ГДР многое зависит. 45 лет существовали временные урегулирования. Сейчас их надо заменить на постоянные. Добрососедство – наш общий интерес. ММ: Центральными вопросами накануне второго раунда переговоров „два плюс четыре“ являются: 1) НАТО – надежды на изменения там ослабли; для будущей Германии необходима привязка; мы отклоняем нейтралитет; 2) специфические интересы СССР в экономической сфере; Коль собирается компенсировать уступки [СССР] в области политики безопасности за счёт экономики, но это не выйдет; 3) представления СССР о системе безопасности в Европе. ВМФ: Опыт десятилетий научил нас осторожности в отношении НАТО. В истории ещё не было такого военного союза, который столь негативно влиял бы на развитие событий, как НАТО. НАТО представляет собой не только европейскую проблему, она одновременно – элемент глобального соотношения сил СССР – США. Надо учитывать и это. Насчёт привязки надо спросить народ, это и будет самоопределение. В любом случае Германия должна стать частью европейской системы коллективной безопасности. Мы не можем допустить, чтобы немецкая земля использовалась для угрозы какой-либо стране. Даже если советское правительство подпишет договор, предусматривающий участие Германии в НАТО, Верховный Совет не ратифицирует его. Насыщенность немецкой территории оружием чрезмерна (одного находящегося здесь ядерного оружия хватит, чтобы 5–10 раз уничтожить всё человечество); мы хотим радикального сокращения. Германия не должна быть в состоянии вести наступательные действия. Если мы зафиксируем эту цель, то можно говорить о любых переходных периодах. Реформа НАТО вряд ли может реализоваться; военная доктрина не может быть изменена без того, чтобы НАТО стала другой. Даже если сегодня политика будет в ней поставлена на первое место, нет гарантии, что через пару лет всё не вернётся на круги своя. Мы должны подвести черту не только под Второй мировой войной, но и под „холодной войной“. К сожалению, США ещё не готовы прекратить гонку вооружений. Горбачёв сказал 8 мая: „Мы не согласимся на принадлежность Германии к НАТО“. Хорошее решение – это решение добровольное, не навязанное под давлением. Что дальше? Конечно, мы экономически сильно заинтересованы в ГДР. Мы будем настаивать на соблюдении договоров. ГДР – не 40 „потерянных лет“, не „потерян-*

ные поколения“. Демократия в ФРГ никогда не стала бы столь развитой без ГДР. ММ: Я сам скептически отношусь к НАТО. Но каким же должен быть путь вперёд? Какие структуры нас устроят? Нужен переход к европейской коллективной безопасности – через НАТО или нет? Требуется быстрый ответ. Нового Версаля быть не должно. Не следует использовать слабость партнёра. ВМФ: По НАТО позиция Запада ещё не окончательная. Нужно договориться о конечной цели, промежуточные этапы определить легче. На несколько лет НАТО и ОВД сохраняются. Пока американские войска с ядерным оружием находятся в ФРГ, мы будем настаивать на присутствии наших войск на территории нынешней ГДР. Если Германия будет в НАТО (даже с особым статусом территории нынешней ГДР), то через несколько месяцев в НАТО войдут и Польша, и ЧССР, и Венгрия. Тогда какой смысл в специальном статусе территории нынешней ГДР? Последствия объединения Германии должны быть революционными для нас и для Запада. Мы заботимся не только о своих интересах, но и об интересах всех, в том числе немцев. За Горбачёвым последует новый Горбачёв, если Запад не будет пытаться загонять нас в угол. Иначе неизбежна диктатура. ММ: Наши интересы не обязательно идентичны интересам ФРГ. Мы хотим новую Германию и новую Европу. Что такое „двойное членство“? А если не „членство“, а „обязательства“? В каком объёме, виде? У ГДР есть ещё свобода манёвра в рамках договоров с ФРГ. Надо её использовать, учитывая интересы СССР. ВМФ: Германия может способствовать преодолению раскола Европы и обеспечить порядок на континенте на многие десятилетия».

Содержание беседы со свежееиспечённым министром иностранных дел ГДР подтверждало наши наблюдения, сделанные в ходе других контактов с новыми людьми у власти в Восточной Германии, – чёткое и напористое изложение позиции СССР вызывает уважение и готовность искать компромисс; ГДР и после выборов 18 марта не стала ещё простым исполнителем приказов из Бонна. Твёрдость позиции Фалина не встретила отторжения у руководства ГДР, напуганного бульдозерным напором Коля. Люди, только что добившиеся власти и попавшие в огни рампы в центре политической сцены континента, вовсе не рвались досрочно вновь раствориться в неизвестности. Их явно обрадовало бы, если бы «переходный период» длился подольше. ГДР не хотела умирать – во всяком случае, скоростижно, как этого требовал Коль.

Поздно вечером в этот же день состоялась беседа Фалина с Грегором Гизи. Лидер ПДС подчеркнул, что Коль давит на де Мезьера под предлогом, что неизвестно, сколько ещё Горбачёв продержится у власти – «а новый [руководитель] сразу восстановит стену: они [русские] знают-де, что три державы не вмешаются, если СССР станет наводить порядок в ГДР (в пределах её границ)». Гизи считал, что нельзя допускать, чтобы «из всех этих передраг вышло лишь укрепление НАТО. Ценой за отказ от преимуществ, предоставленных победой в войне, должна стать военная незначительность Германии. Надо связать её непринадлежность к НАТО с разоружением, денуклеаризацией, сокращением вооружений и т. д.». Гизи сообщил, что собирается в июне поехать в Москву, чтобы укрепить Горбачёва «в убеждении о непозволительности отделения внешних аспектов

объединения от внутренних». Он также охарактеризовал де Мезьера как «честного человека, который очень одинок».

Основной причиной приезда Фалина в Берлин было то обстоятельство, что ЦК КПСС поручил объединённой парторганизации совзагранучреждений в ГДР рассмотреть вопрос о его кандидатуре в качестве делегата XXVIII съезда КПСС. 19 мая в здании посольства в Берлине состоялась партконференция, поддержавшая рекомендованную кандидатуру. Пользуясь случаем, я попросил Фалина выступить перед дипсоставом посольства с оценкой ситуации в германских делах. Во второй половине дня **пятницы 18 мая** такое выступление состоялось.

Фалин начал с того, что *«после периода неопределённости расстановка сил сулит нам трудное противостояние. После колебаний в западных столицах США поддерживают на 100 % Коля, действующего в соответствии с девизом „Сейчас или никогда!“.* СССР слаб, в ГДР вскоре начнутся сказываться последствия перевода экономики на рельсы рынка (в том числе усиленная эмиграция в Западную Германию и социальные обострения там). США намерены свести процесс „два плюс четыре“ к роли похоронного бюро при погребении четырёхсторонних прав – внутренние аспекты объединения не подлежат, мол, рассмотрению; мирный договор с Германией „не нужен“; СССР должен будет лишь наблюдать. Активно ведётся работа с союзниками СССР по Варшавскому договору. Есть колебания и в советском руководстве, не говоря уже про печать. Цель США – быстренько прибрать ГДР к рукам через статью 23 Основного Закона ФРГ: не придётся перестраивать членство в международных организациях, а обязательства ГДР „исчезают“ (во всяком случае ФРГ будет выбирать, что ей принимать на себя, а что – нет). Запад уверен, что СССР подуетесь, побряцает оружием и смиритесь: не то можно создать плохую атмосферу вокруг советских войск в ГДР, „прижать“ СССР через DM. Идёт рост напряжённости в отношениях СССР с США и Западной Европой. Они рассчитывают на наш здравый смысл, а сами действуют авантюристически. В последние дни у французов появились новые нюансы (неофициально): Франция как будто не будет мешать Советскому Союзу добиваться своей цели, в подходящий момент она будет ему ассистировать. У англичан похожая позиция, но они не очень доверяют французам. Английский проект американо-англо-западногерманских ВВС, базирующихся на Англию, – не что иное, как „нога в двери“. Отказ Запада от заключения мирного договора с Германией преследует цель ликвидации прав СССР (в то время как Запад сохранит свои права по Боннскому договору, Римским договорам, договору о НАТО, договору о ЗЕС и так далее), а также отказа от совместного с СССР определения военно-политического статуса Германии. Наша позиция, изложенная М. С. Горбачёвым в беседах с Меккелем, Бейкером и другими, состоит в следующем: не может быть и речи о включении объединённой Германии в НАТО – необходима общеевропейская система коллективной безопасности. Если мы договоримся об этом и о временных рамках создания такой системы, тогда можно договариваться и о промежуточных этапах. Пока в Западной Германии есть американские войска, наши войска будут в Восточной Германии; их вооружение будет соответствовать американскому. „Двойное членство“ (то есть обязательства

Германии одновременно по отношению к НАТО и ОВД) возможно. Реформа НАТО маловероятна – об этом свидетельствуют последние недели, когда в альянсе разрабатываются планы, как обойти договор о ракетах средней и малой дальности (самолёты с ракетами нового поколения с дальностью до 1 000 километров). Американцы на всех переговорах ищут возможности не облегчать нам бремени расходов на вооружение. Кроме того, они навязывают самые дорогие формы контроля. От договора по РСМД у нас экономии нет».

О возможных шагах советской внешней политики в сложившейся обстановке Фалин сказал следующее: «Наше поле манёвра: гибко и настойчиво убеждать немцев, что без учёта наших предложений объединённая Германия не будет располагать безопасностью. [...] Снижение вооружённости Германии до среднеевропейских пропорций означало бы развал НАТО. Надо убеждать европейцев в том, что концентрация ядерного оружия на немецкой земле – смертельная опасность для Европы. В то же время вывод ядерного оружия из Германии равнозначен тому, что сенат США примет решение убрать американские войска из Европы. Наконец, надо стоять на позиции, что мы не собираемся отказываться от наших прав в Германии и воспользуемся ими, чтобы предотвратить угрозу нам с немецкой земли. Мы не предлагаем ничего, что оскорбило бы, дискриминировало бы немцев. Большинство населения Германии за её военную нейтрализацию (это не одно и то же, что нейтралитет). Немцы устали от опасности, хотят пользоваться своим благосостоянием в спокойствии. Запад говорит нам: „Неизвестно, что будет после Горбачёва“. Я отвечаю на это: „Пусть Запад не загоняет нас в угол!“ Привязка Германии к НАТО означает недоверие к немцам, отрицание права немцев самим решать, входит им в блоки или нет. Надо провести референдум [в ФРГ] об участии в НАТО до вступления объединённой Германии в альянс (по испанскому примеру). Запад хочет старой, а не новой политики, хочет тектонического сдвига в соотношении сил против СССР, хочет, чтобы объединение Германии не означало объединение Европы. А Горбачёв подчёркивает: объединение Германии должно вести к объединению Европы, созданию структур общеевропейского значения. Горбачёв выступает за германское мирное урегулирование. При этом есть вещи, которые не подлежат дискуссии, – границы, определённые рамки для военных возможностей Германии (безъядерный статус, запрет химического и бактериологического оружия плюс неразмещение этих видов оружия в Германии), а также другие вопросы. Например, от Германии не должна исходить угроза войны (пусть это будет добровольное обязательство немцев, которое четыре державы примут к сведению). Мирный договор с Германией будет означать не только окончание Второй мировой, но и „холодной войны“ (нас поддержат французы, бельгийцы, итальянцы, поляки и другие). Надо использовать заинтересованность немцев в мирном договоре: большинство их хочет завершить действие прав западных держав, а также предотвратить авантюры своего собственного правительства. Важны формы объединения Германии. Коль торопится – завтра статья 23 может встать под вопрос. Нужно вспомнить – так ли уж безоговорочно мы вручили государственную власть ГДР в 1949 году? Осенью 1989 года, когда полиция ГДР перестала справляться со своими обязанностями,

нам надо было восстановить нашу ответственность за восточный сектор Берлина. Попытка включить ГДР в состав ФРГ – это по существу агрессия одной из стран НАТО против одной из стран ОВД. Наши войска в ГДР тоже включаются в ФРГ? Как быть с обязательствами ГДР перед нами по Варшавскому договору? Горбачёв заявил в беседе с Меккелем: „Для нас статья 23 неприемлема. Мы не можем принять эту статью за базу договорённостей“. Мы не можем согласиться на это – это был бы ущерб не только для престижа СССР, но и по существу ([пострадает] оборона). Предстоят обострения и с США, и с ФРГ, и даже с ГДР. В любом случае Верховный Совет СССР не ратифицирует договор со статьёй 23 и НАТО». Фалин закончил так: «Без ФРГ не может быть НАТО, без ГДР не может быть ОВД. Стоит вспомнить, что 31 марта 1954 года СССР просился в НАТО (по инициативе Н. С. Хрущёва), но получил отказ».

Фалин выступил и на партконференции в **субботу 19 мая**. К сожалению, я не смог участвовать в ней с самого начала, так как должен был присутствовать на традиционном британском «королевском параде» в Западном Берлине, на который меня пригласили в числе почётных гостей вместе с Вальтером Момпером. Основные тезисы той части выступления Фалина, которую мне удалось услышать, сводились к следующему: «Информирование Центра о нарастающих кризисных явлениях в стране пребывания сопольствами в ГДР и НРБ было хорошим, посольство в ВНР с задачей более или менее справилось, остальные (посольства в ПНР, СРР, ЧССР) нет. Горбачёв шесть раз говорил с Хонеккером: „Если не учтёте необходимость реформ, то придёт навёрстывать под топор ног“. В октябре 1989 года он сказал это уже открытым текстом. В ответ Хонеккер заявил: „ГДР на подъёме, а у вас соли нет“. То, что произошло в ГДР, не было неизбежным. Если бы не волевое решение Кренца, Шабовского, Штофа 9 ноября, то сейчас в ГДР была бы совсем другая ситуация. В 1971 году посольство СССР в Бонне¹⁵³ предупреждало, что Хонеккера нельзя ставить во главе ГДР, он погубит республику. Тогда к нам не прислушались. Теперь уже ничего не исправить. Но если удастся уничтожить НАТО и покончить с „холодной войной“, то случившееся в Центральной Европе случилось не напрасно. Вспомним наши цели 1945 или 1952 года – мы возвращаемся к ним. Главное, чтобы мы сумели воспрепятствовать вхождению Германии в НАТО и настоять на мирном договоре. Статья 23 включена в госдоговор ГДР – ФРГ. По этому поводу Горбачёв будет говорить с де Мезьером на заседании Политического консультативного комитета Варшавского договора». О задачах посольства Фалин сказал: «Посольство должно добиваться рассмотрения вносимых им предложений. Каждый день ориентировать руководство, какие события предстоят, а не только регистрировать. Предлагать, как действовать. Предстоит развивать личные контакты со всеми, кто решает вопросы здесь, пока ещё ГДР не стала частью ФРГ. Следует координировать работу посольств в ГДР и ФРГ. Упростить поездки сотрудников в ФРГ и Западный Берлин. Подбирать кадры так, будто ГДР и ФРГ – это уже единое государство».

153

В это время В. М. Фалин был послом СССР в ФРГ.

Утром в **воскресенье 20 мая**, перед отлётом в Москву, Фалин встретился с Виллердингом, который рассказал о планах Фонда социальных исследований в Гамбурге подготовить 12-томную «Историю холодной войны» и пригласил Фалина участвовать в этом проекте. Характеризуя прошедшие с Потсдамской конференции годы, Фалин назвал их *«сорокапятилетием упущенных возможностей»*. Он отметил, что ПДС *«может стать притягательным центром для интеллектуалов и создать школу нового политического мышления: расставание с прошлым плюс философия будущего»*. Собеседники согласились, что ПДС удалось стабилизироваться. Виллердинг подчеркнул, что *«вопрос заключается в том, в какую сторону движется кризис – вправо или влево?»*

Изложенная Фалиным внешнеполитическая концепция прозвучала для коллектива посольства как музыка с небес. Впервые с момента начала кризиса в ГДР перед нами была развёрнута программа действий, отвечавшая серьёзности положения. Чёткое определение национальных интересов нашей страны сочеталось с решимостью защищать их. Мы знали, что отношение в ГДР лично к Фалину не было в прошлом беспроблемным. В своё время возражения против кандидатуры уроженца Саарской области Эриха Хонеккера в качестве преемника Вальтера Ульбрихта на посту главы СЕПГ надолго сделала Фалина в некотором роде «персоной нон-грата» для руководства ГДР (тогда победила точка зрения тогдашнего посла СССР в ГДР П. А. Абраимова, стоявшего горой за Хонеккера и добившегося поддержки со стороны Л. И. Брежнева). Однако на пике кризиса Фалин бескомпромиссно выступил за уважение интересов ГДР, даже после того как республика изменила свой политический профиль.

Когда в МИД ГДР (после беседы Фалина с Меккелем) его «отловил» настырный корреспондент газеты «Вельт» и задал «в лоб» вопрос, на каких условиях СССР согласится на членство единой Германии в НАТО, ответ был абсолютно категоричен: «Ни на каких!» На моё высказанное в разговоре после его выступления в посольстве опасение, что в случае обострения обстановки (Фалин упомянул о том, что «при необходимости» можно удвоить численность ЗГВ) уход населения ГДР на Запад приобретёт ещё более массовый характер, он насмешливо парировал: «Вот и хорошо – нам не придётся их кормить!» Оставалось надеяться, что нашу внешнюю политику будут отныне делать люди с позицией Фалина.

Во **вторник 22 мая** меня пригласил к себе статс-секретарь в МИД ГДР Гельмут Домке (по образцу МИД ФРГ теперь и во внешнеполитическом ведомстве ГДР стало двое статс-секретарей, один из которых отвечал за связи с парламентом). Он информировал о смене сопредседателя от ГДР в Смешанной комиссии СССР – ГДР по связанным с ЗГВ проблемам, а также поднял вопрос об удалении текстов цитат из речей и приказов И. В. Сталина военного времени со стел в Трептов-парке. Новым сопредседателем комиссии вместо уволенного из МИД ГДР Кроликовского стал сам Домке. В кратком заявлении по этому поводу он подчеркнул, что новое правительство ГДР придаёт большое значение развитию отношений с СССР, добавив: *«Мы самостоятельны и не хотим, чтобы эту самостоятельность ставили под вопрос. Обсуждение всех проблем должно происходить по этапам»*

– сначала с нами. Разумеется, на рабочем уровне можно согласовывать позицию с МИД ФРГ, но сейчас фаза трёхстороннего обсуждения ещё не наступила. От соблюдения этого порядка зависит свобода нашего манёвра. А это важно для наших отношений с СССР». Мне оставалось принять к сведению эту информацию и обещать довести её до Москвы.

По теме Трептов-парка состоялся «обмен мнениями», в ходе которого я категорически возражал против того, чтобы наносить ущерб памятникам истории, в особенности тем, которые так тесно связаны с непростым прошлым отношений между русскими и немцами. Мой протест не был сюрпризом для Домке, который больше «по долгу службы», чем по убеждению стал уговаривать меня привлечь к «исправлению» текстов художников из ГДР, создавая таким образом *«совместное произведение искусства, которое будет действовать в духе примирения и всепрощения, как о том сказано в заявлении Народной палаты»*. Аргумент Домке, что таким образом будет предотвращено *«то, что происходит с советскими военными памятниками в других странах»*, я отклонил. Не оставив и тени сомнения в том, что Москва не станет даже разговаривать на эту тему, я сделал упор на то, что охрана советских памятников в ГДР является закреплённой в договорном порядке обязанностью властей республики.

В среду 23 мая у меня состоялась беседа с Дитером Шрёдером, в ходе которой он сообщил, что Момпер по-прежнему заинтересован в поездке в Москву. В качестве сроков больше всего ему подошёл бы ноябрь, когда в СССР начинаются гастроли оркестра Берлинской филармонии. Шрёдер подчеркнул, что *«в процессе объединения обеих частей города сенат не хотел бы терять уже налаженных связей с Волгоградом. Он думает над тем, как их поддерживать в новых условиях наряду с имеющимися у Восточного Берлина связями с Москвой, а также породнениями между его городскими районами и Минском, Тбилиси, Таллином и Ригой. Само объединение города не должно ни обгонять, ни отставать от общего процесса объединения. Намечено создание совместного „комитета за единство Берлина“ во главе с Момпером и [новым обер-бургомистром столицы ГДР] Швирицной, которые вместе будут представлять интересы Берлина в Бонне и Брюсселе и, возможно, в более широких рамках»*.

В четверг 24 мая в соответствии с указаниями из Москвы я посетил Маркуса Меккеля и передал ему послание Шеварднадзе по проблемам развития («инструментализации») Хельсинкского процесса, а также информацию по ряду текущих вопросов. Из сказанного Меккелем обратили на себя внимание три момента: 1. Он выразил *«озабоченность слухами о прямых контактах ФРГ (Тельчик) и СССР по вопросам, касающимся ГДР. Необходимо соблюдать договоры и говорить с нами о том, что затрагивает нас политически»*. 2. Меккель подчеркнул своё согласие с позицией де Мезьера, что определение уже сейчас даты объединения ГДР и ФРГ, на чём настаивает Коль, вызвало бы дестабилизацию республики; надо сначала посмотреть, что выйдет из валютной унии. 3. Министр поинтересовался мнением Шеварднадзе о предложенных ГДР поправках к проекту текста «государственного договора» с ФРГ; он считал, что эти поправки учитывают замечания советской стороны. Зашёл разговор и о памятниках эпохи «старой» ГДР. Меккель сообщил, что вопрос

о сносе памятников Карлу Марксу и В. И. Ленину передан на рассмотрение соответствующих муниципалитетов и, видимо, они будут сноситься¹⁵⁴. Но мемориал в Трептов-парке не будет затронут: *«Эта проблема не является неотложной. Мемориал – документ эпохи, связанный с освобождением от нацизма. Вопрос сложный, и ставить его несвоевременно»*.

В этот же день Миссельвиц информировал меня о ходе подготовки позиции ГДР на встрече «два плюс четыре», предстоящей в Берлине 22 июня. Внимание дипломатов республики было сконцентрировано на структуре заключительного документа, признании границы с Польшей, военно-политическом статусе будущей Германии, присутствии иностранных войск, судьбе Потсдамской системы, отказе от атомного, бактериологического и химического оружия, обязательствах в сфере политики мира. Особняком стоял вопрос о НАТО – *«Не обязательно речь должна идти о членстве в альянсе, могут быть временные обязательства по отношению к нему. Урегулирование должно быть прочным и соответствовать правительственному заявлению де Мезьера. Политика ГДР родилась не сегодня. Мы – её продолжатели. Она основана не на уступках Советскому Союзу, а на интересах самой ГДР»*. Миссельвиц был намерен в оставшееся время посетить для консультаций Вашингтон и Бонн, а также провести переговоры с МИДами Польши и Чехословакии.

Во **вторник 28 мая** меня ни свет ни заря пригласил Меккель (8.30 утра как время для беседы было действительно несколько необычным). Тему беседы также нельзя было признать повседневной: поводом для неё стали кричащие сообщения прессы о продажах автоматов Калашникова «из казарм ЗГВ», кражах взрывчатки, мнимых контактах с террористами РАФ¹⁵⁵, их угрозах в адрес де Мезьера, самого Меккеля, Дистеля. Министр передал «официальный запрос» де Мезьера в этой связи. Он стал говорить о сообщениях из Чехословакии, где выводимые советские военнослужащие якобы *«проявляют пренебрежение экологией, злонамеренно уничтожают имущество, разливают авиационное топливо и отработанные смазочные материалы»*. После того как мне удалось успокоить разволновавшегося министра ссылкой на отсутствие каких-либо доказательств утверждений СМИ в отношении ЗГВ, разговор принял более конструктивный характер. Меккель попросил передать командованию ЗГВ пожелание, чтобы военные обращали самое большое внимание на вопросы окружающей среды – *«надо установить контакт с лесничествами, наладить сотрудничество с муниципалитетами, оберегать лесопосадки, больше заниматься восстановлением лесов, продвигать информацию об этом в СМИ»*. В заключение Меккель подчеркнул заинтересованность в установлении личного контакта с Шеварднадзе и выразил готовность приехать ради этого в Москву.

В **четверг 31 мая** я передал Меккелю ответы из Москвы на его вопросы, заданные 24 мая. Быстрота реакции указывала на внимание, которое в МИД

¹⁵⁴ Памятники В. И. Ленину (дар СССР по случаю 100-летия со дня его рождения) и К. Марксу (также дар СССР) были снесены, но памятник Марксу и Энгельсу работы местного скульптора сохранился.

¹⁵⁵ Террористическая левацкая группировка «Фракция Красной Армии», которая действовала в ФРГ и Западном Берлине с 1968 по 1998 год.

СССР продолжали уделять сотрудничеству с ГДР. По основной интересовавшей министра теме в нашем сообщении говорилось: *«В Москве исходят из того, что ГДР является суверенным государством со всеми компетенциями. Мы регулируем всё в наших отношениях напрямую, на двусторонней основе. Одновременно мы не можем не учитывать, что с заключением валютной унии 1 июля часть компетенций переходит к западногерманским институциям. Поэтому мы не исключаем, что в последующем для урегулирования некоторых вопросов потребуются трёхсторонние контакты. Об этом г-ну де Мезьеру было сказано в Москве 29 апреля, что не вызвало возражений. Визит Тельчика относился к рутинным консультациям между СССР и ФРГ на рабочем уровне. Обсуждавшиеся вопросы принадлежали к сфере двусторонних отношений СССР – ФРГ. При этом мы старались избегать всего, что могло бы восприниматься как затрагивающее компетенции ГДР»*. Далее отмечалось, что, на наш взгляд, поправки в проект «государственного договора» ГДР – ФРГ отражают в какой-то степени замечания советской стороны, однако наши пожелания *«не учтены полностью»*. *«Советская сторона неоднократно выражала мнение, что движение к германскому единству должно происходить поэтапно и синхронно с созданием общеевропейских структур. Мы убеждены, что все заинтересованные стороны должны проявлять максимум осмотрительности и ответственности. Процесс объединения не должен обгонять решения по его внешним аспектам. С удовлетворением мы констатируем идентичность нашего подхода. Мы усматриваем возможности для взаимодействия с ГДР по этому вопросу и учтём соображения, высказанные Меккелем»*.

Параллельно Москва в связи с обсуждением в Народной палате проекта закона об изъятии собственности «старых» партий и общественных организаций ГДР напомнила о заявлении советского правительства от 28 марта о недопустимости пересмотра решений Советской военной администрации в Германии по имущественным вопросам и сообщила, что министр иностранных дел и вице-канцлер ФРГ Ганс-Дитрих Геншер неоднократно подтверждал своё согласие с таким урегулированием. Ставился также вопрос, как отразится будущая «уния в области поездов» на существующей практике безвизового въезда советских граждан на территорию ГДР и Западного Берлина? Нужно ли будет оформлять визу ГДР при пересечении границы? И почему переговоры по Западному Берлину ведутся с тремя западными державами, а четвёртая держава, также ответственная за «сферу действия четырёхстороннего соглашения», остаётся как бы в стороне?

Меккель ответил, что ГДР не будет вводить визы *«так долго, как только мы сможем»*. Контроля с её стороны на линии разграничения с Западным Берлином не будет – *«если Момпер хочет, пусть контролирует»*. Сославшись на трудности, которые возникли на границе ГДР с Чехословакией, он подчеркнул, что возможно *«введение технического контроля, необходимого для борьбы с преступностью, но не затрагивающего обычных граждан»*.

В пятницу 1 июня я побывал у министра внутренних дел ГДР Петера-Михаэля Дистеля по весьма срочному и деликатному делу. Как в любом современном государстве, в ГДР большая часть внутренних телефонатов и переписки официальных лиц и учреждений оставалась защищённой от

чужих ушей и глаз, сохраняя статус секретной коммуникации. Советская техника шифрования уже давно заняла одно из ведущих мест в мире по эффективности и надёжности. Естественно, что шифровальные службы социалистических стран пользовались нашей аппаратурой. При её передаче (продаже) в договорном порядке предусматривалось, что при любых обстоятельствах должно быть предотвращено попадание этой техники туда, где её быть не должно. В ГДР после выборов 18 марта это условие как бы повисло в воздухе. В переданном через меня обращении МВД СССР указывалось, что *«советская сторона весьма заинтересована в том, чтобы были перекрыты все возможные каналы, по которым советская шифровальная техника могла бы попасть в руки секретных служб стран НАТО. С этой целью в рамках взаимодействия между министерствами иностранных дел и обороны наших стран принимается ряд мер по демонтажу современной советской шифровальной техники, находящейся в сетях связи ГДР, и передаче её на временное хранение в СССР. Однако мы располагаем сведениями о том, что в апреле текущего года в ГДР исчезли две приобретённые у СССР под грифом „секретно“ комплексные установки указанной спецификации. Попадание этой аппаратуры в чужие руки может причинить вред нашему государству. Эта ситуация вынуждает советскую сторону обратиться к правительству ГДР с настоятельной просьбой принять дополнительные меры для защиты находящейся в ГДР советской шифровальной техники. Кроме того, мы полагаем бы целесообразным заключить специальное межправительственное соглашение по этому вопросу. Если ГДР согласна с этим предложением, мы готовы в скором времени назвать наших экспертов для разработки такого соглашения».*

Дистель сразу же вызвал соответствующего сотрудника своего министерства (генерала Бауэра), который подтвердил, что две шифровальные машины действительно были вывезены в ФРГ, как он выразился, «предателем». Но эти установки были демонтированы в спешке, как попало и вряд ли смогут пригодиться. Остальную чувствительную технику ГДР в соответствии с имеющимися соглашениями передаёт на хранение в ЗГВ. В ближайшие месяцы все телетайпы ГДР будут переведены на производимое в республике оборудование; перевод высокочастотной телефонной связи на своё оборудование планируется завершить в середине будущего года. Меры для предотвращения новых случаев утраты шифровальной техники приняты. Валютная уния не окажет воздействия на условия её использования.

В дальнейшем мне не приходилось что-либо слышать о проблемах с советскими шифровальными машинами. Видимо, всё удалось урегулировать к внящему удовлетворению сторон.

Завершил беседу Дистель напоминанием о просьбе ГДР прояснить ситуацию с лагерями для подозреваемых в нацистских преступлениях лиц в первые послевоенные годы. Он возобновил уже высказывавшееся им в Москве пожелание получить доступ к архивам органов НКВД в Советской оккупационной зоне Германии. Министр сказал, что такой шаг был бы неопределимой поддержкой для де Мезьера и него самого. Как о заветной мечте Дистель упомянул о своём желании порыбачить в Тихом океане, где-нибудь

в районе Владивостока, о чём он уже говорил с министром внутренних дел СССР В. В. Бакатиным.

Во вторник **5 июня** в Берлин прибыл новый посол Г. С. Шикин. В тот же день состоялась церемония вручения им верительных грамот исполняющей обязанности президента ГДР Сабине Бергман-Поль. Новые власти ГДР настаивали на том, чтобы советский посол стал как можно скорее действующей величиной в сложной ситуации вокруг республики. Без прикрытия со стороны СССР они чувствовали себя беспомощными перед лицом сильного давления извне.

Ещё до приёма у Бергман-Поль Шикин провёл встречу с дипломатическим составом посольства, в ходе которой объявил о ряде нововведений в работе коллектива. Посол потребовал представить ему к утру завтрашнего дня список *«горящих вопросов»* по каждому отделу посольства. Он посетовал, что *«нет информации по переговорным (рабочим) группам процесса „два плюс четыре“*». Читки прессы [то есть утренние «летучки»] *отменяются. Послу прессу не докладывать»*. Исключение делалось лишь для *«срочных известий»*. Далее: *«Каждый вторник в 10.00 будет проходить совещание руководителей отделов у посла. Москве нужна информация прежде всего по экономическим вопросам (экономика, финансы, что немцы готовы взять на себя) – всё это нужно каждый день. Требуется информация о работе „шестёрки“; о мыслях руководства ГДР насчёт будущего республики; о наших представительствах и армии (как к ним относится местное население?). Нужны предположения, как быть с нашими представительствами дальше („паритет“ при единой Германии?); сохранить всё, что можно сохранить. Посол готов принимать всех сотрудников, но по возможности после 10.00 утра. Просьба передавать ему всю возможную информацию, прежде всего фактологическую, сообщать, кто и когда приезжает в Берлин из Москвы»*. Посол продолжал: *«22 июня приезжает Шеварднадзе. В ближайшие дни следует выяснить, как немцы представляют себе порядок проведения дня встречи „два плюс четыре“ в Берлине 22 июня. Не должно быть никаких чемоданных настроений. Мы будем отстаивать интересы СССР. Объединённое посольство будет действительно объединённым, всё равно, в Берлине или в Бонне»*. Предположение, что столицей объединённой Германии может стать Бонн, прозвучало для нас с такой ясностью впервые. До сих пор мы, как и подавляющее большинство восточных немцев, исходили из того, что главным городом нового государства будет Берлин, как это и предусматривалось действующими конституциями ГДР и ФРГ.

Отмена каждодневных совещаний дипсостава на первых порах даже как-то обрадовала коллектив – при вечном дефиците времени высвобождение утренних часов («летучки» часто затягивались) давало всем возможность более результативной аналитической работы в течение дня. Однако очень скоро люди стали ощущать недостаток информации о нашей стратегической линии в германских делах, тем более что непрерывные уступки со стороны Москвы, вызывавшие растущую панику у руководства ГДР, лишь с трудом поддавались объяснению. Еженедельные совещания посла с руководителями отделов мало чем помогали. Впрочем, у посла, наверное, также не было полной ясности в этих вопросах.

Вечером в день приезда посла в посольстве состоялся приём по случаю начала Дней культуры СССР в ГДР, главными гостями на котором были министр культуры СССР Н. Н. Губенко, директор Пушкинского музея И. А. Антонова и актриса Г. Б. Волчек. На следующий день приём в честь советской делегации устроил министр культуры ГДР Герберт Ширмер. Открытие Дней было отмечено открытием 6 июня выставки «Русская и советская живопись 1910–1930 годов» в музее Отто-Нагель-хаус. Руководство ГДР старательно делало вид, что в отношениях с СССР ничего не меняется.

На совещании с руководителями отделов посольства в **среду 6 июня** посол поделился сведениями об указаниях министра, которые он получил накануне отъезда: *«Посольство в Берлине остаётся центральным звеном всего, что касается ГДР. Должны быть нормальные дипломатические отношения с ГДР. Следует относиться с уважением к правительству, партиям и политикам ГДР. В то же время отстаивать наши интересы, включая ЗГВ. Посольство должно максимально объективно информировать Центр о том, что происходит в Западном Берлине, ГДР и в области единства Германии, – не сглаживать, но и не паниковать. [...] Нужна помощь всех сотрудников. Руководители подразделений должны держать совпосла в курсе дел постоянно. В Москве от посольства ждут новых идей в отношении всего общеевропейского процесса – структура безопасности, институты и так далее. То же относится к Варшавскому договору и СЭВ»*. Шикин ещё раз подтвердил отмену утренних «летучек» и проведение еженедельных совещаний с советниками «без чтения прессы». Новым моментом стало распоряжение о *«регулярных совещаниях в отделах посольства»* и о докладах руководителей отделов послу дважды в неделю *«о текущих делах и своих предложениях»*.

В **четверг 7 июня** я встретился в посольстве с председателем Берлинского окружного комитета ПДС Вольфрамом Адольфи, который поделился своими оценками складывающейся ситуации. Он подчеркнул, что ПДС *«делает всё, чтобы предотвратить осложнения на протяжении ближайших месяцев, но опасность радикализации сохраняется. Выполняя роль конструктивной оппозиции, ПДС старается избежать конфликтов в Берлине и для этого сотрудничает с Западным Берлином. Отношения с СДПГ весьма напряжены. Её политика ошибочна, нужно много терпения для работы с ней. Быстрое воссоединение предreshено, оно определяется темпами развития событий: бегство населения продолжается, шансов на выравнивание экономической ситуации нет, западногерманская экономика держит ГДР за горло – инвестиции будут только после воссоединения. На процессы в базе никто воздействовать не может. К этому добавляется политическая воля Коля. Возможно, он ошибается, но это уже второстепенно. Население ГДР в поисках правовой защищённости будет радо получить Основной Закон. Разруха в экономике слишком велика. Следует внутренне готовиться к общегерманским выборам. В [восточноберлинском] комитете „За единый Берлин“ участвуют пять членов ПДС – в пропорции, точно соответствующей итогам выборов 18 марта. В понедельник предстоит совместное заседание с западноберлинским комитетом „За единый Бер-*

лин“. *Позиция ПДС конструктивна: объединение Берлинов будет особенно сложным, но мы не собираемся тормозить».*

В тот же день у меня была беседа с французским посланником в Западном Берлине Франсисом Бошато, в ходе которой я по просьбе из Москвы упомянул, помимо прочего, о газетных сообщениях относительно разрешения союзнических властей на деятельность НДПГ в Западном Берлине (эта существовавшая в западной части города партия не имела ничего общего с Национально-демократической партией Германии в ГДР и считалась гнездом «нацистских недобитков»). Нас, естественно, волновало всё, что было связано с нацистским прошлым Германии. Бошато пояснил: *«Запрещение деятельности НДПГ (но не самой партии) в Западном Берлине производилось администрациями трёх держав по просьбе Сената на каждые последующие семь месяцев. На этот раз (к 1 июня) такой просьбы не последовало. Прямой опасности от НДПГ в Западном Берлине нет (её организация насчитывает менее 250 человек, по большей части это старики). Союзники могут возобновить запрет в любой момент, если поступит просьба от Сената или если будет угроза общественному порядку вследствие деятельности НДПГ. Советская точка зрения будет тщательно изучена и принята во внимание при окончательном решении».* Больше об этой проблеме мне слышать не приходилось. Видимо, она сама собой «рассосалась».

В пятницу 8 и понедельник 11 июня в Берлине проездом в Бонн и из Бонна был наш главный германист, заведующий Третьим Европейским отделом МИД СССР А. П. Бондаренко. Перед вылетом в Москву он посетил с визитом вежливости Маркуса Меккеля. Разговор сконцентрировался на перспективах сотрудничества с СССР, о которых докладывал присутствовавший на беседе Домке (главным адресатом его пространного заявления был явно Шикин, сопровождавший Бондаренко). Домке на все лады выпячивал заинтересованность правительства ГДР в продолжении культурных и информационных обменов с Советским Союзом. Он говорил о планах взаимных визитов парламентариев, о программе своей предстоящей поездки в Москву (помимо бесед в МИД СССР, где он хотел встретиться в первом заместителем министра Ю. А. Квицинским, были намечены посещения министерства обороны, Ленинграда, немецкой гимназии, русской школы с углублённым изучением немецкого языка), об интенсификации студенческих обменов на базе «чрезвычайных программ», об организации изучения немецкого языка для военнослужащих ЗГВ. Он предлагал подумать о подписании между МИД ГДР и МИД СССР специальных протоколов о сотрудничестве с целью создания площадок для разработки новых идей. По его представлениям, с учётом договорённостей между ГДР и СССР на последующем этапе предстоит подписание трёхсторонних протоколов с участием ФРГ для сохранения уже сложившихся связей. Домке настаивал на том, что со всем этим нужно торопиться. Под конец, однако, он затронул весьма чувствительный для нас вопрос о так называемом «трофейном искусстве», то есть о произведениях искусства, спасённых Красной Армией в ходе военных действий на германской территории от гибели в последние дни войны и отреставрированных в СССР. Домке просил ускорить промежуточный ответ на направленный ГДР в МИД СССР запрос по этому поводу.

Однако инициативы по части культурных обменов не могли заслонить тот факт, что судьбы Европы решались в политической сфере, где новые власти ГДР оставались, мягко говоря, пассивными. Изложенная в послании Шеварднадзе Бейкеру от 15 июня советская позиция по нерешённым международным проблемам (НАТО, Варшавский договор, СБСЕ и прочее) соответствовала по большей части тому, что говорил нам Фалин. В отношении германских дел формулировалось требование синхронизировать установление единства Германии с формированием общеевропейских структур стабильности и безопасности. Перед переговорами «два плюс четыре» ставились задачи: а) установить потолок для вооружённых сил объединённой Германии; б) обязать Германию не обладать ядерным оружием и другими видами оружия массового поражения; в) достичь договорённости об особом статусе территории ГДР, не входящей в НАТО; г) закрепить пребывание на этой территории контингента советских войск с его постепенным сокращением; д) определить порядок сокращения иностранных войск на территории ФРГ параллельно с сокращением советских войск в ГДР. Чёткое изложение советских требований предполагало готовность Москвы упорно отстаивать свои интересы на предстоящих переговорах. Однако очень скоро выяснилось, что послание Бейкеру рассматривалось самим Шеварднадзе как «запрос», как предложение западным державам поторговаться с намёком на то, что в ходе торга Москва будет готова идти на существенные уступки.

Министр иностранных дел СССР пошёл на попятный уже в ходе предварительных переговоров с Геншером в Мюнстере 18 июня (например, он согласился с тем, что сокращение численности бундесвера должно производиться в соответствии с сокращением вооружённых сил других европейских государств). Но всё же он продолжал настаивать на необходимости соблюдения «переходного периода» до завершения вывода советских войск из ГДР – с этим требованием Шеварднадзе связывал сохранение прав четырёх держав на некоторое время после объединения Германии, а также поддержание особого статуса территории бывшей ГДР. По полученной из Москвы информации, министр был твёрд и резок. Он заявил Геншеру: «Мы не примем вариантов, которые не учитывают наших стратегических интересов, ставят нас перед свершившимися фактами. Попытки диктовать Советскому Союзу условия могут привести к тому, что нынешняя тенденция развития и внутри страны, и в международных делах решительно переменится со всеми вытекающими из этого для немцев отрицательными последствиями». Однако, если присмотреться поближе к логике заявления Шеварднадзе, станет ясно, что он «грозил» не больше и не меньше, как крахом горбачёвской перестройки.

Вообще говоря, козырять слабостью своего правительства не очень хороший тон в дипломатии. Аргумент типа «Уступи мне, не то меня сменит такая бяка, что закачаешься!» слабо работает в условиях, когда твой партнёр по переговорам ничего так сильно не желает, как максимально ослабить тебя. Запад доказал это, чуть позже с готовностью поддержав Ельцина против Горбачёва, несмотря на все заслуги Михаила Сергеевича перед западными стратегами. Но в данном случае Запад ещё получил и прямую (правда, неофициальную) подсказку в том смысле, что твёрдый тон заявлений Шеварднадзе не должен вызывать у него беспокойства. Присутствовавший

на беседах Франк Эльбе, помощник Геншера, сообщает в своих мемуарах, что С. П. Тарасенко, помощник и доверенное лицо советского министра, сообщил немцам «по секрету», что не стоит воспринимать слова его шефа «слишком буквально» и что требование о «переходном периоде» будет снято. Немцы пришли к выводу, что Шеварднадзе просто захотел «отметиться» в качестве последовательного защитника национальных интересов Советского Союза накануне XXVIII съезда КПСС, и использовали полученную ими от Тарасенко информацию для сплочения единого западного фронта в ходе очередного раунда переговоров «два плюс четыре» в Берлине¹⁵⁶.

В воскресенье 17 июня, то есть накануне встречи в Мюнстере, в Восточном Берлине состоялось первое совместное заседание бундестага и Народной палаты. Оно было целиком посвящено годовщине событий 1953 года, которые чем дальше, тем больше стилизовались в ФРГ, а теперь и в ГДР под народное восстание, потопленное Советской Армией в большой крови. Общий смысл речей сводился к тому, что восстание 1953 года не было напрасным, поскольку сопротивление продолжалось, увенчавшись успехом в октябре 1989 года. После исторического совместного заседания прошло отдельное заседание Народной палаты, на котором фракция Немецкого социального союза неожиданно потребовала включения в повестку дня вопроса о немедленном присоединении ГДР к ФРГ в соответствии со статьёй 23 Основного Закона. Большинством в две трети голосов это предложение было принято. Де Мезьеру стоило больших усилий добиться отсрочки голосования по этому пункту и передачи вопроса на рассмотрение в соответствующие парламентские комитеты, как этого требовали принятые в Народной палате правила процедуры. Однако дамоклов меч остался в подвешенном состоянии и грозил вот-вот обрушиться на голову правительства ГДР.

В среду 20 июня я встретился с Гилмором, чтобы обменяться мнениями о протокольных тонкостях организации предстоящей через два дня в Берлине встречи министров иностранных дел в формате «два плюс четыре». Американец подтвердил, что главным аттракционом встречи станет удаление барака охраны КПП «Чекпойнт Чарли» на Фридрихштрассе (большой подъёмный кран поднимет барак и перенесёт его во двор соседнего дома). О складывающейся обстановке Гилмор сказал: *«Движение к германскому единству стало слишком быстрым даже для США. Заметно, что нет больше высказываний Вернона Уолтерса в пользу воссоединения. Задумались и в Вашингтоне. Но сохраняется убеждение, что ничего сделать нельзя, чтобы замедлить процесс. Ничего нельзя сделать и для того, чтобы добиться каких-то гарантий на будущее – всё будет зависеть от доброй воли немцев. Перспективы сохранения американских войск и миссии США в Западном Берлине неясны. Ясно одно – оккупационная основа [для этого] отпадает вместе с объединением. Таким образом, требуется приглашение от немцев, а они молчат. США не хотят просить, хотя очень заинтересованы в том, чтобы остаться в Берлине, – всё-таки какая-то гарантия стабильности. Возможно, дело прояснится, когда переговоры „два плюс четыре“ подойдут к теме „Берлин“. Если немцы не обратятся с просьбой,*

¹⁵⁶ Richard Kiessler, Frank Elbe. Der diplomatische Weg zur deutschen Einheit. Baden-Baden, 1993. – S. 159–162.

Вашингтон ликвидирует и войска, и миссию». У Гилмора складывалось «впечатление, что Момпер и Коль действуют заодно, форсируя объединение. Иногда кажется, что Момпер совсем не считается со статусом [Берлина] и действует, как ему заблагорассудится».

Демонстративный демонтаж американского КПП в центре Берлина при большом скоплении прессы и в присутствии министров иностранных дел стал единственным практическим результатом встречи «шестёрки» в **пятницу 22 июня**. В том что касается существа переговоров, советские предложения были встречены в штыки остальными участниками. Между тем СССР впервые внёс на рассмотрение конкретный проект текста будущего договора об объединении Германии. Этот проект предусматривал, в частности, вывод всех размещённых на германской территории иностранных войск не позже, чем через пять лет после объединения. Называлась и предельная численность армии объединённой Германии – не более 200 000–230 000 человек. Однако деловое обсуждение затронутых советской стороной вопросов так и не состоялось, хотя Шеварднадзе повторял, что готов к работе над внесёнными им предложениями и их вариантами. Возможно, что фактическая изоляция СССР на переговорах не была такой уж нежелательной для Шеварднадзе. Тем легче становилось сдавать впоследствии заявленные первоначально позиции.

Вечером в **понедельник 25 июня** на банкете, устроенном Аспенским институтом по случаю семинара для молодых парламентариев, у меня состоялся разговор с Райнхардом Хёпнером, который подтвердил, что СДПГ стала поддерживать «быстрое объединение». Он говорил: *«Во избежание сюрпризов, подобных заседанию Народной палаты 17 июня, мы вынуждены разработать расписание германского единства с прицелом на декабрь 1990 года. ФРГ не хочет „второго государственного договора“, но правительство ГДР настаивает на нём, так как нужно иметь время для подготовки, а также для переговоров „два плюс четыре“».*

Во **вторник 26 июня** посол передал «благодарность всем, кто готовил и участвовал в визите Шеварднадзе». По оценке посла, «сама встреча „два плюс четыре“ проходила нервно. После внесения нашего документа западники единодушно отклонили его положения. Особенно решительно они высказались против переходного периода, в течение которого сохранялись бы четырёхсторонние права. Мы были за интенсивную подготовку следующей встречи „два плюс четыре“ 17 июля в Париже, однако пока этого нет. Но все согласны с подготовкой заключительного документа встречи в верхах СБСЕ, которая будет в ноябре в Париже». Затем посол остановился на результатах переговоров в Берлине заместителя министра иностранных дел СССР Э. Е. Обминского относительно условий обмена денег для ЗГВ и других советских граждан в ГДР после вступления в силу валютной унии: *«Обмен для финансового управления армии 1:5,5 (это старый неофициальный курс марки ФРГ по отношению к марке ГДР). В остальном для военнослужащих курс 1:1 (формально 1:2, но будет специальная негласная дотация). Всем остальным гражданам СССР (за исключением приравненных к гражданам ГДР [то есть членов их семей]) обменный курс 1:2».* Посол подтвердил также, что с вступлением в силу валютной унии 2 июля отменяется всякий контроль за передвижением между Западным и Восточным Бер-

лином и поэтому *«выходы советских граждан в Западный Берлин свободны. Нужно только предупреждать людей о необходимости повышенной бдительности. В связи с обращением в консульский отдел посольства советских граждан, приехавших из СССР без валюты, послать в Центр телеграмму с предупреждением о том, что мы не сможем оказывать им материальную помощь, особенно после введения ДМ в ГДР»*.

В этот же день Домке сообщил мне, что де Мезьер поддерживает идею обмена письмами или подписания протокола о культурных обменах между СССР и ГДР на вторую половину текущего года; во всяком случае, желательно *«что-то официальное»*. Домке упомянул также о том, что «транспортная уния» между ГДР и ФРГ предусматривает строительство крупного аэропорта *«где-то к югу от Берлина»*; скорее всего, это будет Шперенберг, используемый сейчас ЗГВ. Специалисты хотели бы осмотреть его, чтобы *«определить, что возможно и что нет»*. Затем заместитель министра затронул болезненный для наших военных вопрос об автомобильной дороге F 96 Цоссен – Вюнсдорф (часть её в административных границах Вюнсдорфа оставалась открытой только для транспорта ЗГВ). Он настаивал на том, чтобы для населения прилегающих населённых пунктов была открыта хоть какая-нибудь перспектива (*«Скажем, через пять лет оно сможет пользоваться этой дорогой»*). Надо встречаться с людьми, считал он, находить *«какие-нибудь экстравагантные решения»*.

В среду 27 июня Бошато передал мне в устной форме вопросы французской стороны в отношении порядка предстоящих переговоров о воздушной зоне Берлина по формуле „два плюс четыре“. Сославшись на пожелания посольства Франции в Бонне в связи с поступившей из Москвы информацией, он попросил уточнить: *«1. Будет ли Максимычев постоянно возглавлять советскую делегацию? [К счастью, я был в курсе запланированного порядка переговоров; мой предварительный ответ гласил: «Только на пленарных заседаниях, проходящих один раз в неделю; это не касается рабочих групп и консультаций экспертов»]. 2. Равен ли статус «немцев» статусу остальных участников переговоров? [Мой ответ: «Да»]. 3. Не будет ли у «немцев» возражений против проведения переговоров в здании Контрольного совета? [Мой ответ: «Вряд ли, ведь это переговоры „два плюс четыре“»]. 4. Проконсультировалась ли советская сторона с МИД ГДР? [Мой ответ: «Видимо, да; во всяком случае возражений с этой стороны нет»].»*

В воскресенье 1 июля вступил в силу договор об экономической, валютной и социальной унии между ГДР и ФРГ. Гельмут Коль и Лотар де Мезьер выступили с заявлениями по телевидению, в которых оценили это событие как исторический и необратимый шаг в направлении германского единства. С утра по всей ГДР производился обмен восточногерманских марок на марки ФРГ. С этой целью были задействованы около 30 тысяч сотрудников сберкасс, банков, почтовых отделений и волонтеров. Власти позаботились о том, чтобы царил атмосфера народного праздника. Министры внутренних дел ФРГ Вольфганг Шойбле и ГДР Петер-Михаэль Дистель подписали на КПП Хорнбах – Нойштадт на баварско-тюрингской границе межправительственное соглашение о прекращении пограничного контроля. Уже ставшая весьма условной германо-германская граница длиной 1400 километров между Бал-

тийским морем и Северной Баварией окончательно перестала существовать. Формально перестала существовать и линия секторального разграничения в Берлине. Маркус Меккель сообщил на пресс-конференции в Берлине, что объём торговли ГДР с восточноевропейскими странами сократился за последнее время на 15–20 %. На следующий день вступил де-факто в силу таможенный союз между ГДР и Европейскими сообществами. Выяснилось, что в ГДР появились безработные; их число достигло к началу июля 142 тысяч человек.

В понедельник 2 июля посол принял посетившую ГДР делегацию сенаторов Франции по их просьбе; делегацию сопровождала посол Франции в ГДР Жоэль Тимсит. Французов интересовал вопрос о будущем статусе Берлина. Ссылаясь на внесённые Шеварднадзе в Берлине предложения, Шикин ответил, что спустя полгода после объединения войска должны будут покинуть город, а Четырёхстороннее соглашение – пересмотрено. Суть в том, что объединение будет означать конец оккупационного режима. Представитель группы франко-советской дружбы в Сенате меланхолично заметил в этой связи: *«Мы за то, чтобы дать Германии свободу, но не отказываться от того, что не может быть гарантировано»*. Шикин сослался на то, что график переговоров уже есть и эту работу надо завершить к ноябрю. Он подчеркнул: *«Нам важно, чтобы объединение Германии не привело к ухудшению безопасности СССР. Показательны три элемента переходного периода – отношения между НАТО и ОВД; разоружение; институционализация Хельсинкских соглашений. Нам важно убедиться в том, что развитие идёт нормально, что нет проблем для расположенных на территории ГДР войск»*. Французы говорили о том, что в Европе нужна атмосфера доверия, и интересовались, как будут объединяться армии обоих германских государств. Посол отметил, что по вопросу об объединении армий ГДР и ФРГ ещё не договорились, но *«мы за существенное сокращение германских вооружённых сил»*.

Между тем темпы подготовки окончательного поглощения ГДР становились всё более головокружительными. В среду 4 июля правящая в Бонне коалиция ХДС/ХСС – СвДП назначила проведение выборов в бундестаг на 2 декабря 1990 года, исходя из того, что Германия станет единой до этой даты. 6 июля полномочные представители правительств ГДР и ФРГ договорились завершить переговоры о присоединении ГДР к концу августа. 11 июля фракция Союза свободных демократов в Народной палате внесла предложение обязать правительство ГДР осуществить присоединение к ФРГ до начала летнего перерыва в парламентской работе.

В четверг 5 июля посол собрал совещание по проблемам, связанным с дальнейшей судьбой многочисленных советских учреждений и организаций в ГДР и ФРГ. Во вступительном слове он сказал: *«Надо подготовить список тех учреждений в ГДР, которые не дублируются в ФРГ. Если следует сохранить оба центра, то мотивировать, по каким соображениям. Согласно намёткам, коммерческое бюро в Западном Берлине преобразуется в коммерческий центр. Как быть с отделениями торгпредства в городах ГДР, кроме Берлина? Аппарат межправительственной комиссии СССР – ГДР ликвидируется за ненадобностью. Генеральное консульство в Западном Берлине закрывается. По трём генеральным консульствам в ГДР предстоят переговоры. Реально останется только генконсульство в*

Лейпциге; может быть, ещё в Ростоке – на переходный период. Школа при посольстве под вопросом (в зависимости от числа командированных в Берлин). Дом советской науки и культуры надо сохранить и превратить в культурно-информационный центр (КИЦ). Может быть, включить его в соглашение с ФРГ о [нашем планируемом] КИЦ в Штутгарте. „Висмут“ ликвидируется. Представительство „Интуриста“ преобразуется в ООО „Intourist-Reisen-GmbH“. „Спутник“ переводится на коммерческую основу. „Аэрофлот“ – генеральное представительство в Берлине и одиннадцать представительств в других городах – также переводятся на коммерческую основу. АПН в Западном Берлине закрывается, информационный центр пока остаётся в Бонне. Кстати, как быть с нашими линиями связи ВЧ¹⁵⁷ с декабря 1990 года?». По ходу обсуждения посол подчеркнул, что решение большинства проблем зависит от того, как будет решён принципиальный вопрос о Западной группе войск: «Остальное будет урегулировано в зависимости от предложений сторон». Посол поручил составить докладную записку по всем затронутым аспектам и до конца месяца обсудить её с посольством в Бонне и торгпредством в Кёльне. Он уточнил: в записке следует указать, что «мы не допустим использования ДСНК не по назначению и имеем в виду создать там КИЦ. При этом возникает проблема переаренды. Выяснить, есть ли у ЗГВ помещения в Берлине, которые она освободила? Если войска трёх держав останутся в Западном Берлине, то советские войска уйдут из Берлина в последнюю очередь». Затрагивалась также судьба представительств в ГДР таких учреждений, как Гостелерадио, ТАСС, общество «Родина», Торгово-промышленная палата, «Международная книга», Экспортлес, Министерство обороны, Министерство путей сообщения, Министерство морского флота, Минрыбхоз, Госснаб, Совэкспортфильм, Совтрансавто, Внешторгиздат, Стройматериалинторг, Оборонпром и др. В заключение посол сообщил, что посольство и торгпредство в Берлине будут преобразованы в филиалы посольства в Бонне и торгпредства в Кёльне.

Во вторник 7 июля посол потребовал в течение ближайших десяти дней «собрать отклики по XXVIII съезду КПСС». Другой заслуживающей внимания проблемой посол назвал подготовку «второго государственного договора между ГДР и ФРГ», то есть собственно договора об объединении германских государств («первым государственным договором» сразу стали называть договор о валютной унии, после которого пути назад уже не было). Переговоры по «второму договору» начались накануне в Бонне. Посол подчеркнул в этой связи: «Важно всё – даты, характер избирательного закона, обеспечение единства территории. Чья концепция возьмёт верх? Не повторит ли НСС попытку государственного переворота? Сегодня же информировать Москву о споре по имуществу между СДПГ и ПДС¹⁵⁸». Посол продолжал: «Ограждения наших интересов только через соглашения с ГДР сейчас уже недостаточно. Надо думать о том, как делать это через ФРГ: нужен трёхсторонний меха-

¹⁵⁷ Высокочастотная правительственная связь, к сети которой подключались советские посольства в странах, где размещались воинские контингенты Советской Армии.

¹⁵⁸ СДПГ выдвинула претензию на часть имущества бывшей СЕПГ, которая при объединении КПГ и СДПГ Советской зоны оккупации в 1946 году получила имущество обеих этих партий в Восточной Германии.

низм. Необходимо подталкивать Москву в этом направлении. Нам нельзя полностью полагаться на обещания ГДР – что будут говорить немцы после объединения, неизвестно». Относительно ситуации в ГДР последовало указание: «Надо следить за настроениями людей после 1 июля через непосредственные человеческие контакты. Через пару дней внутриполитический отдел должен дать картину настроений, может быть, с цифрами».

Картина генерального стратегического отступления СССР становилась для нас всё более чёткой. Предстояло по живому резать плотную ткань наших контактов с ГДР. Нас попросту выпроваживали из Восточной Германии. В субботу 14 июля министр по делам разоружения (так стал именоваться прежний министр обороны ГДР) Райнер Эпельман пустил в ход «тяжёлую артиллерию», заявив, что начались эксцессы со стороны населения против советских солдат. Сославшись на полторатысячную демонстрацию против аэродрома в Пренцлау, в ходе которой хулиганы стали бросаться пустыми бутылками в часовых, он заявил: «Эта проблема становится всё острее и грозит принять политический размах общеевропейского масштаба». Вовсю готовилась кризисная атмосфера перед переговорами Гельмута Коля и М. С. Горбачёва 15–16 июля в Москве и на Северном Кавказе (Архыз). После вступления в силу валютной унии Коль уже чувствовал себя хозяином положения, а Горбачёву после того, как благополучно миновал съезд партии, не надо было опасаться неприятностей на внутреннем фронте. Нужен был лишь предлог, объясняющий необходимость сдачи позиций («Мы спасаем то, что ещё можно спасти!»). Бросание бутылок в Пренцлау должно было его дать.

По возвращении в Бонн Коль сформулировал на пресс-конференции результаты переговоров, которые были восприняты во всём мире как его личная победа: 1) объединённая Германия будет состоять из ФРГ, ГДР и всего Берлина (это означало признание границы по Одере и Нейсе – но это был жест в сторону Польши, а не СССР); 2) с момента объединения теряют силу права союзников в отношении Германии в целом и Берлина; 3) суверенная Германия свободно решает вопрос о своей принадлежности к военным союзам (то есть Германия будет-таки в НАТО); 4) особым договором между СССР и Германией будут урегулированы условия вывода советских войск из бывшей ГДР не позже 1994 года; 5) в этот переходный период на территорию бывшей ГДР не будут распространяться структуры НАТО; 6) там могут размещаться части бундесвера, не интегрированные в НАТО; 7) войска западных союзников остаются в Берлине на время пребывания советских войск в бывшей ГДР; 8) после вывода советских войск в бывшей ГДР могут размещаться интегрированные в НАТО немецкие войска, но не иностранные войска и не атомное оружие; 9) общегерманские вооружённые силы сокращаются до уровня 570 000 человек; 10) объединённая Германия отказывается от обладания и производства атомного, бактериологического и химического оружия и остаётся участником договора о нераспространении этих видов оружия.

В заявлении Горбачёва на пресс-конференции после Архыза содержалась не совсем точная фраза, имевшая в виду достигнутый компромисс: «Наверное, западногерманская сторона не получила „в чистом виде“ то, на что рассчитывала. „В чистом виде“ и мы не получили того, на что рассчитывали в своё время». На самом же деле Гельмут Коль получил «в чистом виде» даже

больше того, на что рассчитывал. Недаром в начале переговоров в Архызе он процитировал слова Бисмарка о крае плаща пролетающей рядом истории, за который нужно суметь ухватиться¹⁵⁹. Коль не только ухватился, он сумел оторвать от этого плаща громадный кусок. На июльской встрече с Горбачёвым он уже выступал как хозяин единой Германии.

Можно было только поаплодировать изобретательности авторов текста достигнутой договорённости, создающего впечатление, будто речь идёт о каких-то взаимных уступках. Но, например, какое практическое значение могло иметь то, находятся ли в Восточной Германии интегрированные или неинтегрированные в НАТО немецкие войска, если сама объединённая Германия член альянса и посему обязана выполнять приказы его штабов? Похоже, что именно в этот момент зародилась мода на политическую шизофрению, расцветшую пышным цветом в последующие годы, когда советские, а затем и российские представители старательно делали вид, что США – это одно, НАТО – это другое, Евросоюз – это третье, а западное большинство в ОБСЕ – это нечто совсем иное, хотя везде речь шла об одних и тех же повязанных круговой порукой странах, добровольно или не очень подчиняющихся политической воле Вашингтона.

Итоги Архыза не обсуждались ни на одном совещании в посольстве – всё было ясно без всякого обсуждения. Оставалось ждать, когда «процесс два плюс четыре» официально оформит сдачу наших позиций. Задержек не предвиделось. Очередным этапом стала встреча «шестёрки» 17 июля в Париже. Её особенностью стали резкие возражения министра иностранных дел ГДР против итогов переговоров в Архызе. Меккель совершенно справедливо заявил протест против того, что ФРГ и СССР принимали в Архызе решения по ГДР в отсутствие её представителя. От имени ГДР он потребовал запретить распространение структур НАТО на Восточную Германию также на период после вывода ЗГВ и зафиксировать отказ от размещения ядерного оружия на всей германской территории¹⁶⁰. Раздражение Бонна не знало границ.

В среду 18 июля заведующий отделом внешней политики и разоружения в ведомстве премьер-министра Тило Штайнбах сообщил мне о мнении де Мезьера, согласно которому в Архызе *«решены все проблемы переговоров „два плюс четыре“ и время внешней политики ГДР закончилось. Выступление Меккеля в Париже вызвало резкое недовольство Геншера, и Меккелю придётся отказаться от своих слов или уйти»*. Меккель не отказался от своих слов, но его отставка (так же как отставка всех социал-демократических министров) состоялась лишь через месяц, 19 августа. Причиной было названо увольнение де Мезьером 15 августа министров финансов, экономики и сельского хозяйства (все СДПГ), на которых он возложил ответственность за катастрофическое состояние экономики ГДР после реализации валютной унии с ФРГ. Пост министра иностранных дел де Мезьер оставил за собой. Под финальным документом переговоров шести правительств стоит его подпись, хотя вклад ГДР в разработку договора «два плюс четыре» был равным нулю. Впрочем, это не имело уже никакого значения

¹⁵⁹ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991. – М., 2006. – С. 495, 525–541.

¹⁶⁰ См.: E. Bruck, P. M. Wagner. Wege zum 2+4-Vertrag. – München, 1994. – S. 201.

18 июля председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков направил Коллю и де Мезьеру послания, в которых предложил провести трёхсторонние переговоры с целью подготовки договора, регулирующего последствия для СССР, в том числе для расположенных в ГДР советских войск, в связи с валютной, экономической и социальной унией ГДР – ФРГ. Рыжков предложил создать специальную группу уполномоченных представителей трёх правительств на базе межправительственных комиссий СССР – ФРГ и СССР – ГДР, которая начала бы свою работу безотлагательно; от СССР в ней будет участвовать заместитель председателя Совета министров С. А. Ситарян. Честно говоря, такую работу следовало бы начать гораздо раньше, ещё до вступления унии в силу. Теперь же пришлось работать в дикой спешке, так как время, оставшееся до объединения, съёживалось, как шагреновая кожа.

20 июля новобранцы Национальной народной армии ГДР впервые принимали новую присягу, в которой не было уже речи о «защите социализма». С этого дня ННА перестала принимать участие в совместных манёврах Организации Варшавского договора.

В воскресенье 22 июля, воспользовавшись свободной минутой, я составил перечень наиболее ярких встречавшихся в мировых СМИ определений, характеризовавших повышение международного статуса объединяющейся Германии после Архыза. Журналисты разных стран и политических воззрений выделяли следующие моменты: «Германия возникает с согласия всех своих соседей»; «Налицо головокружительная перспектива соединения германской экономической мощи с огромным потенциалом СССР (неисчерпаемые запасы сырья, учёные мирового уровня и 80 миллионов прошедших первоначальную подготовку рабочих)»; «Немцам везёт: они получают в 1990 году всё – окончание раскола и вдобавок к союзу с сильнейшей державой планеты дружбу со второй по силе державой»; «Горбачёв знает, что путь в Европу лежит через Берлин»; «Чудотворец Коль занимался вопросами воссоединения с декабря 1989 года почти в одиночку и без серьёзных ошибок»; «Сближение обоих самых крупных и непредсказуемых народов Европы – немцев и русских»; «Немцы и русские в сущности родные братья, любящие выпить, запеть и всегда готовые на большие дела на пользу или во вред человечеству»; «Соглашение между проигравшими горячую войну в 1945 году и проигравшими холодную войну в 1990 году»; «Если Европе, этой колыбели цивилизации, и суждено когда-либо стать объединённой и сильной, то это чудо может совершить только Германия в партнёрстве с Россией. Но можно ли доверять этой стране? Пустой вопрос – в действительности альтернативы нет»; «Коль – это спокойная сила»; «Может быть, к концу столетия Горбачёву удастся довести уровень жизни населения СССР до уровня жизни в ГДР 1989 года»; «Союз Бонн – Москва: война окончена». Даже невооружённым глазом можно было разглядеть растущее на Западе беспокойство по поводу реального или мнимого сближения ФРГ и СССР. Мировая закулиса готовилась действовать.

На совещании во **вторник 24 июля** посол дал поручение прояснить с заместителем министра иностранных дел ГДР Гельмутом Домке дату следующего заседания смешанной комиссии СССР – ГДР. О состоявшейся у него встрече с де Мезьером посол сообщил, что тот *«оценивает ситуацию*

[в правящей коалиции] *как тревожную, правительственный кризис не исключён*». Премьер-министр заверил, однако, что *«даже если СДПГ и либералы выйдут из коалиции, правительство останется и будет вести дела дальше»*. По поводу обращения гражданского комитета города Пренцлау в местный суд с ходатайством закрыть находившийся поблизости военный аэродром ЗГВ де Мезьер *«обещал проследить, чтобы не было повторений»*. Посол предостерег нас: *«Обстановка будет нагнетаться»* – и предложил *«взять под контроль вопрос о памятнике В. И. Ленину»* (городские власти только что постановили демонтировать его).

В **среду 25 июля** я встретился с Дитером Шрёдером и поставил перед ним ряд вопросов: 1) нельзя ли воздействовать на социал-демократов в ГДР, с тем чтобы они заняли более конструктивную позицию в отношении ЗГВ? 2) как умерить «разоблачительный пыл» западноберлинских СМИ, особенно РИАС, в том, что касается Советского Союза и его отношений с ГДР? 3) не пора ли кончать с пропагандой мести в отношении ПДС? 4) каковы перспективы создания германо-советского института культуры в Берлине, идею которого Шрёдер как-то высказывал?

В ответ Шрёдер сослался на то, что теперь, когда Западный Берлин перестал быть «фронтовым городом», федеральное правительство упразднило выплачивавшиеся ему ранее дотации, и возможности сената резко сократились. Может быть, стоит подумать над тем, не превратить ли советский мемориал в Тиргартене в центр советско-германских встреч? Видимо, единственное, в чём сенат может реально помочь, – это переподготовка военнослужащих ЗГВ для получения ими гражданских профессий. Для нормализации отношения населения к советским войскам следовало бы поощрять развитие человеческих связей с нашими солдатами, чаще устраивать дни открытых дверей, устанавливать партнёрские отношения с частями немецких вооружённых сил.

В четверг 26 июля комитеты Народной палаты и бундестага по вопросам германского единства достигли договорённости о проведении общегерманских выборов 2 декабря 1990 года. Это было подтверждением принятого ранее решения бундестага о дате парламентских выборов в ФРГ.

Во **вторник 31 июля** посол сообщил, что *«второй государственный договор ГДР – ФРГ уже близок к завершению. Надо бы получить текст проекта договора. Использовать для этого все связи. Нужно дать месячную оценку перехода экономики ГДР на рыночные рельсы. Важен опыт – какие сложности и какие перспективы»*. Посол отметил также, что *«трудности с подвижным составом железных дорог СССР продолжаются – возить людей не на чем»*. Это особенно чувствительно било по нашим вооружённым силам, осуществлявшим перемещения личного состава в основном железнодорожным транспортом.

3 августа между ГДР и ФРГ был подписан договор о порядке проведения выборов – на ГДР распространялась западногерманская избирательная система. В этот же день де Мезьер неожиданно выступил с предложением (согласованным предварительно только с Колем) перенести общегерманские выборы на 14 октября и тогда же реализовать германское единство. Несмотря на возражения социал-демократов, Народная палата приняла 8 августа боль-

шинством голосов соответствующее постановление. Однако на следующий день бундестаг подтвердил 2 декабря как дату общегерманских выборов.

В понедельник 6 августа в помещении берлинского аэродрома Темпельгоф (бывший американский сектор) состоялась подготовительная встреча для переговоров о «совершенствовании воздушного сообщения с Берлином» по формуле «два плюс четыре». Там были подтверждены итоги предшествовавших контактов по организационным вопросам. На совещании у посла тем же утром я доложил, что в ходе этих контактов *«мы достигли наших целей: 1) обеспечена высокая интенсивность переговоров (они начнутся не 16, а 14 августа; пленарные заседания будут проходить каждую неделю или чаще, причём в течение не одного, а двух дней; экспертные группы будут работать практически непрерывно); 2) будут выработываться урегулирования не только на период до воссоединения, но и на период до завершения вывода наших войск; 3) гарантирован учёт интересов наших военных лётчиков; 4) обеспечено участие представителя министерства гражданской авиации».*

В пятницу 10 августа Тило Штайнбах признался мне в беседе, что *«предложение де Мезьера о переносе выборов на 14 октября было ошибкой. Вследствие предшествовавших споров по поводу даты и модуса общегерманских выборов, а также этого поворота на 180 градусов престиж де Мезьера сильно пострадал. Положение настолько серьёзное, что если де Мезьер не примет экстраординарных мер (например, поездка в Японию, чтобы привезти оттуда кучу заказов для ГДР), то после общегерманских выборов он будет конченным человеком в плане политической деятельности в общегерманском масштабе. Лучшим решением для него будет стать главой министерства развития для пяти земель бывшей ГДР (если таковое будет создано). Его недолюбливает Коль и ненавидит Тельчик».*

Интересным для меня было мнение Штайнбаха о трудовой морали в ГДР. Он считал, что *«в период существования ГДР был своего рода „общественный договор“ её жителей с Эрихом Хонеккером: мы терпим твоё правление, а ты не заставляешь нас чрезмерно трудиться. Этот договор просуществовал до того момента, пока не стало поздно что-либо предпринимать».*

Планы Штайнбаха на будущее сводились к участию в «группе поддержки» Манфреда Штольпе, выдвинувшего свою кандидатуру на пост премьер-министра земли Бранденбург с согласия земельной организации СДПГ. По оценке собеседника, у Штольпе есть *«серьёзные шансы победить – он знает всех священников в Бранденбурге, но сам не священник (те очень всем надоели в последнее время). Бранденбург будет очень важной точкой для объединённой Германии и для советско-германских отношений».*

Во вторник 14 августа в Темпельгофе «шестёрка» начала переговоры «по воздуху». Делегации трёх западных держав возглавлялись посланниками их посольств в Бонне, делегации ФРГ и ГДР – высокопоставленными сотрудниками их МИДов. После нескольких пленарных заседаний, на которых обсуждались главным образом общие вопросы, причём западные представители (особенно англичане) капризничали, как только могли, конкретные переговоры были поручены экспертам сторон. Работу группы советских экспертов уверенно направлял советник посольства, руководитель

его внешнеполитического отдела В. М. Гринин. В конечном счёте дело свелось к разработке чётких правил сотрудничества между создаваемой немецкой диспетчерской службой, которой после объединения передавались полномочия четырёхстороннего Берлинского центра воздушной безопасности (БЦВБ), и координационными органами военно-воздушных сил ЗГВ. «Люфтганза» получала наконец возможность летать на Берлин.

В четверг 16 августа мы получили сообщение за подписью посла СССР в ФРГ В. П. Терехова о том, какое будущее ожидало нас как посольство в ГДР. Планировалось, что после германского объединения будет и единое диппредставительство Советского Союза – посольство СССР в Бонне. *«На переходный период предполагается сохранить неизменными, за некоторыми исключениями, штаты двух существующих посольств. Посольство в ГДР преобразуется в берлинское отделение посольства СССР в объединённой Германии. Оно будет находиться под руководством советника-посланника с правом прямой цифрсвязи с Центром. По мере истечения сроков заграникомандировок в Бонне и Берлине (в некоторых случаях и раньше) намечено откомандирование или перемещение сотрудников между совзагранучреждениями в Германии. С этой целью предстоит откорректировать план замен и перемещений дипкадров на 1990–1991 годы. С 1991 года следует начать постепенное сокращение объединённого штата посольства в Германии, доведя его в течение 2–3 лет до оптимального уровня (ниже суммарной численности двух посольств, но выше численности каждого в отдельности) с изменением баланса должностей в пользу центрального аппарата МИД. Освобождающихся работников было бы целесообразно использовать при формировании штатов нашего культурного центра в Штутгарте и обновления не очень сильного состава ДСНК в Берлине».*

На совещании во **вторник 21 августа** посол поделился полученной им из Москвы информацией о переговорах с Геншером 16–17 августа. Немцам были переданы советские проекты ряда планируемых документов. Окончательное урегулирование оставлено для переговорного процесса «два плюс четыре». Посол отметил, что остаётся открытым *«вопрос о войсках объединённой Германии – когда начинать их сокращение?»*, а также *«вопрос о приостановлении прав четырёх держав. Длительная дискуссия осталась безрезультатной. Неясен вопрос и о длительности пребывания наших войск. Мы говорим: „Четыре года плюс год на вывод техники“, а Геншер заявляет: „В Архызе договорились – четыре года и баста!“ Мы настаиваем: подлежат вывозу централизованные склады, нужна инфраструктура в СССР для выводимых войск».* Несмотря на эти разногласия, *«в принципе к 22 сентября все политические вопросы процесса „два плюс четыре“ должны быть решены. Шеварднадзе за это. Заключительный документ надо будет по меньшей мере парафировать в этот день. Где подписывать, ещё не решено».* О содержании будущего договора «два плюс четыре» посол сообщил: *«Статья 8 нашего проекта подтверждает правомерность решений четырёх держав по денацификации и демилитаризации. Туда же включены памятники и захоронения. Геншер был поначалу решительно против: нельзя-де, чтобы что-то было неподсудно немецким судам. Обсуждение будет продолжено. Статья 2 предписывает, чтобы с германской земли*

исходил только мир. Геншер заявил: „Дискриминация!“ Шеварднадзе очень жёстко настаивал на этом. Обсуждение будет продолжено. Для нас важно получить пакет урегулирований, который можно было бы представить как обеспечивающий наши интересы – прежде всего в том смысле, что с немецкой земли нам военная опасность не грозит».

Посол сообщил также: «Будет нота МИД ФРГ о том, что посольства в ГДР прекращают своё существование сразу же после присоединения республики к ФРГ. Сохраняются дипломатические отношения только с ФРГ. Все государства имеют право на дипломатические представительства в Берлине в качестве составной части их посольств в Бонне или на генеральные консульства. Правительство и парламент ФРГ на ряд лет останутся в Бонне, но в конечном счёте будут в Берлине. Шеварднадзе подчеркнул: „Мы заинтересованы в том, чтобы наше представительство в Берлине было чем-то большим, чем генконсульство, и обладало существенными полномочиями“. Геншер ответил: „Должно быть только одно посольство, обо всём остальном можно договориться“». Посол продолжал: «Итак, сохранение точки в Берлине гарантировано. Встаёт вопрос о штатном расписании. Наши штаты не могут быть больше, чем в посольстве в Бонне (у нас в целом 120 сотрудников в настоящий момент). От нас ждут предложений о сокращении штатов – „естественным путём“, то есть без замены отъезжающих [по окончании срока командировки]. Собираемся предложить сохранить стандарты пребывания, отъезды планировать в основном на 1991 год. Как решит Центр, ещё неясно. Вообще поставлен вопрос о сокращении штатов посольств в соцстранах. Для нас ситуация выглядит несколько по-иному: идёт создание новых структур».

В связи со своей намеченной на 2 сентября поездкой в Бонн посол заметил, что «пока не надо персональных предложений по штатам, но необходимо существенное сокращение. Должно остаться две трети от состава посольства в Бонне (там 60 человек). В целом срок командировки не должен превышать четыре года, в крайнем случае – пять лет. Разумеется, все ведомства сами определяют, кто и когда уезжает. Предстоят переговоры с ФРГ о квотах для Берлина. Очень скоро понадобится список людей, которые будут работать в единой Германии».

23 августа Народная палата ГДР по предложению де Мезьера приняла постановление, которым объявила о «присоединении ГДР к сфере действия Основного Закона ФРГ с 3 октября в соответствии со статьёй 23 Основного Закона». При этом палата исходила из того, что к 3 октября «будет закончено обсуждение договора об объединении, переговоры „два плюс четыре“ достигнут такой степени, что будут урегулированы внешнеполитические условия и условия безопасности германского единства, а образование земель будет подготовлено до такой степени, что 14 октября смогут быть проведены выборы в земельные парламенты». Четыре державы были поставлены перед свершившимся фактом. Теперь им приходилось поторапливаться – ни один из переговорных процессов не был ещё завершён. Перед свершившимся фактом были поставлены и жители ГДР, среди которых ширились сомнения и опасения в связи с молниеносным характером предстоящего объединения. Но Коль не хотел допустить, чтобы 7 октября ГДР смогла отметить свою 41-ю годов-

щину. Вместо всенародного референдума принятие судьбоносного решения было поручено послушному восточногерманскому парламенту.

В четверг 23 августа состоялось давно намеченное референтское совещание дипсостава, посвящённое теме «Западная группа войск и наши задачи». Естественно, что постановление Народной палаты о присоединении к ФРГ оказало решающее влияние на его ход. После объединения находящиеся на немецкой земле наши войска попадали в недоброжелательное окружение с первых же шагов по выходу из расположения части. Если раньше их присутствие и проистекающие из этого некоторые неудобства для местного населения мотивировались защитой от общих врагов, то теперь наши солдаты на четыре года очутились внутри страны – члена НАТО и стали уязвимыми для любой провокации.

Было ясно, что четыре года – чудовищно мало для обеспечения нормальных человеческих условий вывода полумиллионной армии с развитой инфраструктурой и мощным вооружением, приём которой на Родине никак не был подготовлен. В первую очередь требовалась чрезвычайная государственная программа строительства военных городков для выводимых войск. Пока же шли только внутренние споры на тему, как выторговать у немцев дополнительно год-другой для вывода ЗГВ. С другой стороны, четыре года – огромный отрезок времени для живущих по соседству с казармами и полигонами ЗГВ немцев, многие из которых почувствовали себя чуть ли не победителями, освободившимися от «иностранный оккупации». От них можно было ожидать чего угодно.

Объединение Германии означало возникновение в центре континента великой европейской державы (пусть даже на первых порах «второго ряда»), которая несомненно станет требовать соответствующего отношения к себе. Анализ возникающей ситуации и её последствий для нашей работы стал основным содержанием дискуссии на совещании. У меня сохранился черновик моего заключительного выступления: *«3 октября кончается для нас „большая полтика“, начинается региональная проблематика с рядом важных для нас акцентов. Одними из самых важных, если не самыми важными, будут вопросы, связанные с пребыванием наших войск в Германии. У нашей внешней политики на данном этапе и в перспективе нет альтернативы дружбе и сотрудничеству с единой Германией. И единственный фактор, который в состоянии взорвать это сотрудничество, – осложнения с нашими войсками здесь. Совершенно необходимо, чтобы все ясно поняли: ЗГВ не имеет более военного значения, но она обладает огромным политическим значением с тенденцией в сторону знака минус. Нам нужно действовать срочно, чтобы Москва могла принять решение до 3 октября, когда сюда придёт бундесвер, что сразу в корне изменит психологическую обстановку вокруг наших войск. Мне нравится идея относительно уполномоченного президента по выводу войск, но это должен быть человек с непререкаемым авторитетом вроде А. Н. Яковлева, член Президентского совета с неограниченными полномочиями. Надо продумать эту идею».*

В ходе регулярного совещания во **вторник 28 августа** посол наметил вопросы, которыми должны заняться отделы посольства, – ситуация с ПДС, анализ объединительного договора (*«его особенности для территории*

ГДР»), установление контактов с людьми, которые будут руководить в землях ГДР («со всеми, кого сейчас выдвигают» в качестве кандидатов), перспективы экономических связей («контракты сейчас аннулируются не нами, а ГДР»). Он добавил, что ему звонил Шеварднадзе, пообещавший: «Никто из сотрудников посольства не будет обижен после воссоединения Германии».

12 сентября в Москве был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии – тот самый «договор два плюс четыре», который заменил (точнее – подменил) мирный договор с Германией. Его текст точно отразил результаты переговоров с Колем в Архызе. Если говорить о фундаментальном, долговременном значении договора, то оно исчерпывалось содержащимся в статье 2 обязательством: «С немецкой земли будет исходить только мир». Это обязательство расшифровывалось следующим образом: «Объединённая Германия никогда не применит оружия, которым она располагает, иначе как в соответствии с её конституцией и Уставом Организации Объединённых Наций». Аналогичное положение было включено и в текст договора между СССР и ФРГ от 9 ноября 1990 года (в частности, в его статье 3 фиксировалось, что договаривающиеся стороны «никогда и ни при каких обстоятельствах не используют первыми свои вооружённые силы против друг друга или против третьих государств»)¹⁶¹. Однако уже в 1999 году стал ясен исключительно декларативный характер этого обязательства, которое было безнаказанно нарушено, когда ФРГ приняла участие в войне НАТО против Югославии: мандата ООН на ведение этой войны не было и в помине, а Югославия ни на кого не нападала. Ссылки на то, что Германия лишь выполняла свой долг как член НАТО, полностью несостоятельны – договор «два плюс четыре» не предусматривал каких-либо ограничений для обязательств относительно мира, который только и должен исходить с немецкой земли.

На совещании у посла, состоявшемся в виде исключения в **понедельник 17 сентября**, Шикин заверял, что «у дипломатического представительства в Берлине будет много работы. Предстоит переориентироваться на новые вопросы – войска, переход к рынку». Он потребовал принять «дополнительные меры безопасности к 3 октября» и заверил, что сотрудников посольства будут «отправлять домой строго по завершении срока командировки: через год работы никого не отправим».

Во **вторник 18 сентября** состоялось 49-е и последнее заседание Смешанной комиссии СССР – ГДР по вопросам, связанным с пребыванием советских войск на территории республики. Работы по урегулированию проблем по существу уже не было, всё оставлялось на усмотрение будущих совместных советско-германских структур.

На совещании во **вторник 25 сентября** посол затронул некоторые вопросы, подлежащие рассмотрению в оставшееся до объединения Германии время. Он сообщил, в частности, что военные хотят вернуть в Москву музей капитуляции фашистской Германии в Карлсхорсте, а немцы просят оставить его в Берлине. «Надо выяснить, попадает ли музей в разряд памятников и мемориалов, остающихся здесь? Решение этого вопроса носит самый

¹⁶¹ Германо-советские договоры. – Бонн, 1991. – С. 13, 77.

*срочный характер»¹⁶². Посол продолжал: «Надо готовить план работы на IV квартал и готовить информацию по специфической проблематике, которая труднодоступна для Бонна. Генконсульство в Западном Берлине имеет ещё три месяца на завершение дел». Он попросил также подумать над точным переводом на немецкий язык названия для нас после германского объединения – наименование «*Filiale der Botschaft der UdSSR in der BRD*» (то есть: Филиал посольства СССР в ФРГ) ни ему, ни нам не нравилось. Один из обсуждавшихся вариантов гласил: «*Botschaft der UdSSR, Außenstelle*» (Отделение Посольства СССР); он в конечном счёте и был принят. Для генконсульства в Западном Берлине посол предложил: «*Botschaft der UdSSR, Außenstelle, Konsularabteilung*» (то есть: Отделение Посольства СССР, Консульский отдел). Шикин уточнил: «*Само генконсульство в Западном Берлине пока остаётся, только меняет вывеску. Численность сотрудников и всё прочее определяется внутренним решением (правда, записка по этому вопросу ещё не ушла в МИД СССР). Переговоры о порядке размещения советских войск закончены. Достигнута и договорённость о приостановлении прав четырёх держав начиная с 3 октября».**

В среду 26 сентября заведующий отделом СССР в МИД ГДР Штайнхофер официально уведомил меня о том, что Договор о дружбе и взаимопомощи между ГДР и Советским Союзом прекращает своё действие вследствие предстоящего присоединения ГДР к ФРГ. Мы незамедлительно передали это сообщение в Москву. Однако рассмотрение советской стороной вопроса о встречном признании договора недействующим затянулось в связи с общей неразберихой в стране. Соответствующее решение было принято Верховным Советом задним числом уже после объединения Германии.

В этот же день в МИД ФРГ уступила нота нашего посольства в Бонне, в которой советская сторона официально подтверждала: «*Посольство СССР в объединённой Германии на переходный период будет находиться в Бонне. В дальнейшем вопрос о местонахождении посольства СССР будет решаться с учётом местопребывания правительства Германии. Посольство СССР в ГДР преобразуется в филиал посольства СССР в объединённой Германии, возглавляемый представителем в ранге чрезвычайного и полномочного посла. В составе филиала действует консульский отдел, а также часть аппарата военного атташе в качестве военной секции посольства СССР. Дипломатический и административно-технический персонал филиала посольства будет постепенно сокращён с учётом деловой потребности. На территории нынешней ГДР сохраняются генконсульства СССР в Лейпциге и Ростоке. Генконсульство в Хемнице¹⁶³ предусматривается закрыть в 1991 году. Генконсульство в западных секторах Берлина завершит свою деятельность после вступления в силу Договора об окончательном*

¹⁶² Последовали длительные двусторонние переговоры, на первом этапе которых мне было поручено представлять посольство (МИД СССР). В конечном счёте в 1995 году на базе бывшего Музея капитуляции фашистской Германии, входившего в систему политпросвещения ЗГВ, был создан новый музей, официально именуемый «Германо-российский музей Берлин-Карлсхорст», постоянная экспозиция которого посвящена событиям периода Великой Отечественной войны и послевоенным отношениям между русскими и немцами. Долгие годы я имел честь быть сопредседателем Научного совета этого музея.

¹⁶³ Так стал вновь называться Карл-Маркс-штадт.

урегулировании в отношении Германии и прекращения действия Четырёхстороннего соглашения от 3 сентября 1971 года. Помещения генконсульства СССР в западных секторах Берлина будут использоваться берлинским филиалом посольства СССР в объединённой Германии».

В четверг 27 сентября был официально ликвидирован давно бездействовавший союзнический КПП «Браво» на автостраде, связывающей Западную Германию с Берлином. В сообщениях германских СМИ об этой церемонии США, Великобритания и Франция по-прежнему именовались «державами-защитницами».

В пятницу 28 сентября в нашем посольстве состоялся прощальный приём для руководящих сотрудников «старого» МИД ГДР. К 3 октября закрывались все 86 посольств ГДР. Уже было известно, что никто из профессиональных дипломатов ГДР не будет работать в МИД Германии. Настроение у участников приёма было соответствующим.

В воскресенье 30 сентября мне позвонил Франсис Бошато (Франция председательствовала в этот момент в союзной комендатуре) и сообщил, что *«МВД ГДР обратилось с просьбой к западноберлинскому сенату принять на себя руководство действиями народной полиции в Берлине, не дожидаясь формального объединения обоих германских государств в полночь 2 октября. Просьба мотивировалась опасностью уличных беспорядков в городе в результате столкновений право- и левоэкстремистских элементов, собирающихся здесь со всей Западной Европы. Слабая восточногерманская полиция явно не справится с этими беспорядками, а введение в действие специализированных подразделений западноберлинской полиции на территории восточной части города только после полуночи может оказаться запоздалым. Исходя из этого, власти трёх держав в Западном Берлине намерены разрешить сенату распространить сферу его полицейской компетенции на весь Берлин начиная уже с 1 октября. С тем чтобы при этом не возникло кривотолков, в соответствующее письмо сенату (и в сообщении для печати) будет включено положение о том, что данная акция „не наносит ущерба существующему статусу города“».* Я осторожно ответил, что *«вероятно, мы сможем воздержаться от возражений при условии, что предлагаемый тремя державами образ действий ни в коей мере не затронет договорённостей в рамках „два плюс четыре“ относительно четырёхсторонних прав и ответственности».* Бошато подтвердил это. Информировав Москву о демарше француза, мы предложили промолчать, тем более что действительно нельзя было исключать опасности беспорядков, о которых он говорил.

1 октября представители четырёх держав в ООН опубликовали в Нью-Йорке заявление о приостановлении их прав в отношении Германии и Берлина в целом до того момента, когда «договор два плюс четыре» будет должным образом ратифицирован всеми его участниками. Об изменениях в сфере компетенций ЗГВ мы сообщили в Москву в этот день следующее: *«С 30 сентября прекращён контроль за передвижениями войск трёх держав по автостраде и железной дороге Хельмштедт – Берлин (КПП Мариенборн и Новавес, Потсдамский мост). Прекращено патрулирование западных секторов Берлина. Помещения и имущество КПП переданы немецкой стороне. Участки КПП открыты для прямого транзитного сообщения. Охрана па-*

мятника в Тиргартене будет осуществляться в прежнем режиме до достижения [окончательной] договорённости с немецкой стороной. С 3 октября иностранные военные миссии прекращают свои поездки по ГДР. Деятельность советских миссий связи будет приостановлена, прекращены поездки по соответствующим зонам. Личный состав продолжает оставаться в прежних местах дислокации вплоть до решения вопроса об их возможной реорганизации. Пока им поручено поддержание связи между штабами».

Одна из редких дневниковых записей личного порядка, сделанная мной в эти дни, гласила: «Состоялся отказ от четырёхсторонних прав. Вот так, внешне буднично, даже привычно, перевернулась весьма драматичная страница европейской истории. Далось нам (да и не только нам) это решение непросто. Но весь ход событий подтверждает, что оно было единственно верным. Не „притормаживать“ объективный процесс перемен, а активно действовать в его русле, всячески закрепляя позитивные тенденции, – только так можно сохранить [вес] и влияние в новой, нарождающейся Европе». Перечитывая этот текст сегодня, я вновь прямо физически ощущаю мои тогдашние попытки рассеять сомнения, которые с каждым днём нарастали в моей душе. Потребовалось ещё несколько лет, чтобы суровая действительность покончила с традиционным российским идеализмом.

3 октября грандиозной церемонией у здания Рейхстага в Берлине было ознаменовано окончательное присоединение ГДР к ФРГ. В центре внимания ликующей толпы находился «канцлер единства» Гельмут Коль. Мы докладывали в Москву на следующий день: «2–3 октября в Берлине прошёл ряд торжественных мероприятий, посвящённых присоединению ГДР к ФРГ. 2 октября состоялось последнее заседание Народной палаты, на котором с неподдельными заявлениями выступили председатели фракций, в том числе Грегор Гизи. По телевидению ГДР и ФРГ были переданы краткие обращения Коля и де Мезьера. Вечером в концертном зале столицы ГДР „Шауштилхгаус“ прошёл торжественный акт, на котором с прощальной речью выступил де Мезьер. В большинстве выступлений с большим уважением и теплотой отмечалась положительная роль советской политики нового мышления и лично М. С. Горбачёва. Сенатом и магистратом Берлина было принято совместное постановление о прекращении раскола города. Одновременно состоялись проводы западных комендантов, которые должны 4–5 октября покинуть Берлин. Спуск трёх государственных флагов со здания союзнической комендантуры символизировал окончание оккупационного режима в Западном Берлине. В полночь перед Рейхстагом была проведена церемония поднятия флага ФРГ в знак того, что ГДР перестала существовать. Первоначально эта церемония планировалась у Бранденбургских ворот, но по соображениям безопасности её перенесли на большую Площадь республики перед Рейхстагом, где могли разместиться собравшиеся толпы народа. 3 октября в здании западноберлинской филармонии состоялся государственный акт, в ходе которого выступили с речами президент ФРГ фон Вайцеккер, председатель бундестага Зюсмут, бывший председатель Народной палаты Бергман-Поль и правящий бургомистр Западного Берлина Момпер. Выступавшие говорили о роли СССР в воссоединении Германии. Вайцеккер особо выделил тему сотрудничества Германии и СССР. Он подчеркнул: „Мы все знаем, что

будущая стабильность Европы зависит от определяющего вклада СССР. Западная граница СССР не должна стать восточной границей Европы“. На празднества в Берлине собрались свыше миллиона человек из всех частей Германии. Массовые гуляния прошли без серьёзных инцидентов. Полиция, уже с 1 октября находившаяся под западноберлинским управлением и усиленная контингентами из ФРГ, справилась со своими задачами. Попытки левозэкстремистских элементов вызвать инциденты под лозунгами „Не допустит возникновения четвёртого рейха!“ и „Пресечь враждебность к иностранцам!“ успеха не имели. Однако побоище с полицией в вечерние часы 3 октября всё же имело место: на Александелац около 500 хаотов («автономных») и 200 человек турецкой молодёжи стали бить витрины, поджигать автомашины, забрасывать полицию камнями и бутылками с зажигательной смесью. При разгоне были арестованы свыше 200 человек. Были ранены. Положение нормализовалось к полуночи».

В эти дни немцы предпочли остаться «промеж себя», без высоких иностранных гостей (исключение было сделано лишь для дипкорпуса, то есть для аккредитованных в Бонне послов). Немецкий чёрно-красно-золотой триколор на Рейхстаге был призван вытеснить память о некогда реявшем над ним Красном флаге. Большинство немцев знамя нашей Победы в сердце Берлина в мае 1945 года воспринималось как символ окончательного разгрома вермахта, безоговорочной капитуляции Германии, оккупации её территории и грядущей двухгосударственности. Германский флаг над Рейхстагом замыкал круг истории. Германия возвращалась из небытия. «Политический карлик», каким воспринималась в минувшие 45 лет давно уже ставшая экономическим великаном ФРГ, находился в двух шагах от выхода на уровень «политического гиганта» – во всяком случае, по европейским масштабам. Присоединение ГДР развязывало немцам руки и в глобальном плане.

Исторический эксперимент со строительством принципиально нового общественного порядка и в своей основе миролюбивого германского государства, каким была задумана ГДР, не увенчался успехом. Эта неудача открыла путь к стремительно протекавшему обрушению гарантий безопасности нашей страны на европейском направлении, система которых была выстроена ценой невообразимых потерь в ходе Великой Отечественной войны и невероятных усилий советских людей после её завершения. Каких-либо чрезвычайных обязательств по уважению интересов безопасности Советского Союза восставшая из пепла Германия на себя не брала. Расквартированным в Восточной Германии советским войскам предстояло покинуть немецкую землю в немислимо короткие сроки. В то же время войска западных держав (когда-то союзников СССР, а ныне союзников Германии) были вольны оставаться. Возникло впечатление, будто летопись истории Восточной Европы вновь начинается «с чистого листа» и в ней просто не было омытой огромной кровью главы Великой Отечественной войны советского народа.

IV. АВАРИЙНАЯ ПОСАДКА (ОКТАБРЬ 1990 Г. – ДЕКАБРЬ 1991 Г.)

В ночь с 3 на 4 октября 1990 г. Восточная Германия перестала по существу интересовать большой мир. Ещё накануне переживаемый ею кризис держал всех в напряжении, от ситуации в ГДР зависел политический климат в Европе и за её пределами, за действиями и решениями восточногерманских деятелей пристально следили в столицах важнейших держав земного шара. Отныне же всё, что происходило в этой отдалённой провинции ФРГ, волновало разве что боннских чиновников, да и то не чрезмерно. Благополучно похоронив республику, немногочисленные допущенные к переезду в Бонн представители разношёрстного политического класса ГДР вели себя тихо и незаметно, ограничиваясь исполнением предназначенной им роли «свадебных генералов». Население бывшей ГДР совершенно справедливо чувствовало себя забытым и преданным небрежению, но до его обид и претензий никому в большой ФРГ дела не было. Неслучайно же и 30 лет спустя после присоединения восточные немцы выходили на демонстрации против нарастающей волны иммигрантов с Ближнего Востока под лозунгами «Интегрируйте не их, а нас!».

Совершенно естественно, что исчезновение страны аккредитации сильно изменило характер деятельности дипломатов бывшего посольства СССР в ГДР. «Новые земли», как отныне официально именовалась Восточная Германия, не обладали полномочиями вести внешнюю политику и только ностальгировали по былым временам. Политики бывшей ГДР с трудом привыкали к тому, что в круг их интересов входили отныне чисто коммунальные заботы, однако выбирать им не приходилось, тем более что столицей Германии ещё десять лет оставался далёкий Бонн.

Определённым исключением из этого правила была лишь обстановка вокруг гарнизонов ЗГВ. Конечно, и здесь основные решения принимались на уровне: министерство обороны в Москве – федеральное министерство обороны в Бонне – посольство СССР в ФРГ – главное командование ЗГВ в Вюнсдорфе. Но наши сотрудники привлекались в качестве экспертов на переговорах, а также «пожарной команды» в экстренных случаях. В итоге единая прежде ткань дипломатической работы распадалась на отдельные направления, часто слабо связанные между собой. Мои записки также становились всё более фрагментарными.

ДВА ПОСОЛЬСТВА

Сразу после 3 октября нам в Берлине предстояло убедиться в том, что внешняя политика закончилась не только для ГДР, но и для нас тоже. В **четверг 4 октября** на совещании дипломатического состава Берлинского представительства посольства СССР в ФРГ выступил присутствовавший на состоявшихся накануне в Берлине торжествах в честь объединения Германии посол В. П. Терехов. Он изложил свое видение основных направлений деятельности обеих частей посольства в Германии на ближайшее время.

Главной темой его выступления стала, естественно, проблема разделения труда между боннской и берлинской точками, представлявшими вместе советскую политику в Германии. «Большую политику» Терехов недвусмысленно оставлял за посольством в Бонне, уточнив: *«Начался новый этап политики в германских делах. Историю нужно помнить, но нельзя цепляться за старые формулы. Германия будет нашим основным партнёром и экономически, и политически. Это партнёр бдительный, но доброжелательный. Германия в качестве врага нам не нужна. Не допускать никакой спесивости в отношении побеждённого во Второй мировой войне. Немцам это очень надоело – и в отношении Запада тоже. Послевоенный период закончился (лучше было бы осознать это пораньше). Но не нужно забывать и о том, что мы остаёмся великой державой – не смотреть на Германию снизу вверх! Не допускать экстаза самоуничтожения! Отношения с Германией – центральное направление нашей политики. Много, что мы получаем здесь, мы не можем получить нигде».*

Согласно изложенной Тереховым концепции, отделение посольства в Берлине должно было заниматься прежде всего анализом положения в «новых землях». Посол говорил: *«Обстановка в бывшей ГДР – в центре внимания в Центре. Малейший ущерб нашим интересам будет зарегистрирован очень внимательно в Москве. 40 тысяч вкладышей роздано гражданам СССР для въезда в ГДР. Надо попытаться решить эту проблему¹⁶⁴. Уровень требовательности к работе сотрудников Берлинского отделения посольства должен быть высоким. Места для демобилизационных настроений нет. Главные вопросы для отделения в Берлине: что происходит в Восточной Германии? Как идёт процесс слияния? Подвижки в политической обстановке (влево, вправо)? Процессы в политике, экономике, культуре? Эксперимент быстрого перехода от социализма к капитализму – как он идёт, какие вызывает последствия для людей во всех областях («ГДР-овский полигон»)? Этот опыт очень интересен для Центра. Интересно [для нас] с профессиональной точки зрения: останется ли население ГДР нашим другом? Сейчас отношение к нашей армии, к СССР в целом в ФРГ лучше, чем в ГДР. Нужно локализовать недовольство, постараться уменьшить его, не усугублять. Не надо, чтобы от нас исходили ещё дополнительные импульсы для недовольства».*

Особый упор посол сделал на проблематике Западной группы войск, выделив необходимость интенсификации работы военных с германскими СМИ: *«Важны связи ЗГВ с немецкими журналистами. ЗГВ должна больше раскрыться. Этого следует добиваться и от командования ЗГВ, и от Центра. Нам нужно помогать военным, у них трудное положение».*

¹⁶⁴ Власти ФРГ отказались сохранить практику времён ГДР, когда близкие родственники советских военнослужащих, чьи захоронения находились в Восточной Германии, располагали правом один раз в год посещать их могилы; для этой цели вместо визы, проставленной в заграничный паспорт, который в условиях СССР был редкостью, выдавался по заявлению заинтересованного лица специальный вкладыш во внутренний паспорт, позволявший совершить поездку в ГДР. После долгих переговоров окончательное урегулирование с объединённой Германией было достигнуто на той основе, что новые немецкие власти выразили готовность в течение ещё нескольких месяцев признать выданные до 3 октября 1990 года вкладыши в качестве документа, разрешающего въезд в Германию.

Изложенная Тереховым программа не вызвала сомнений или возражений. Однако поначалу нам в Берлине пришлось уделять довольно пристальное внимание «большой политике», прежде всего ситуации в объединённой Германии и Европе. Конечно, германская политика делалась в Бонне, и основным проводником нашего возможного влияния на неё было советское посольство там. Но и Берлин на протяжении ещё ряда лет (во всяком случае, до завершения вывода советских войск с территории бывшей ГДР) не терял своего значения в качестве одного из центров европейской политики. Это определялось прежде всего тем, что отношение германских властей к нашим войскам было своего рода барометром состояния связей между ФРГ и СССР/Россией в целом. Берлин постоянно посещали высокопоставленные представители из Москвы, включая Ельцина и его ближайшее окружение. По несколько раз приезжали Р. И. Хасбулатов, С. А. Филатов, С. М. Шахрай, В. И. Данилов-Данильянц. Запомнился визит А. Б. Чубайса, наведавшегося 18 мая 1992 г. для изучения опыта приватизации, осуществлявшейся в «новых землях». (По поводу Чубайса надо сказать, что вряд ли стоило изучать германский опыт: в Германии предъявлялись самые серьёзные претензии к методам и результатам приватизации государственного имущества ГДР; правда то, что произошло затем в Российской Федерации, не шло ни в какое сравнение с огрехами немецкой практики.) Терехов старался присутствовать на встречах и проводах гостей из Москвы, но делать это постоянно он не успевал. Приходилось подключаться Шикину и мне.

Западные претензии на роль «победителя в холодной войне» серьёзно осложняли работу советских дипломатов в «большой ФРГ», безусловно определявшей отныне характер обстановки в Европе. И без того эта работа была какой угодно, но только не простой. Азбучной истиной дипломатической службы является положение, что в отдельно взятой стране может быть только один посол другой державы. В соответствии с этим смена послов производится таким образом, чтобы они не встречались на территории страны аккредитации. В послевоенный период стали допускаться исключения для тех государств, где размещаются международные организации или их крупные филиалы. Так, на территории США Россия представлена послом в Вашингтоне и представителем (послом) при ООН в Нью-Йорке, в Швейцарии – послом в Берне и послом при Европейском представительстве ООН в Женеве, в Париже – послами во Франции и при ЮНЕСКО. Такие «парные» послы существуют сугубо параллельно: они не подчинены друг другу и обмениваются информацией через Москву, через МИД.

В октябре 1990 г. в Германии не было отделений международных организаций, и тем не менее на её территории оказались два советских посла – посол в ФРГ с резиденцией в Бонне и бывший посол в исчезнувшей ГДР с резиденцией в Берлине. Возвращать в Москву Шикина, «посла без страны», покровительствовавший ему Шеварднадзе не стал – действительно, было как-то не с руки отзывать человека, вручившего верительные грамоты лишь полгода назад, в июне 1990 г. Кроме того, в этом случае согласно законам логики немедленно встал бы вопрос об отзыве всего состава посольства, которое после объединения Германии как бы повисло в воздухе – а это касалось более сотни высококвалифицированных сотрудников. Правда, отказ

от принципа недопущения присутствия двух послов в одной стране привёл к тому, что посол Шикин в качестве главы Берлинского отделения оказался подчинённым послу Терехову, возглавлявшему посольство в Бонне. Неловкость положения постарались смягчить обещанием вскорости подыскать Шикину полноценную должность посла в какой-либо европейской стране. Такая возможность представилась через год, в сентябре 1991 г., когда он был направлен в Белград в качестве посла СССР в Югославии.

Помимо этих внутренних шероховатостей мешало и то, что власти объединённой Германии последовательно и целеустремлённо пытались усложнить условия работы Берлинского отделения посольства. Так, в мае 1991 г. Бонн потребовал от нас заранее, за 48 часов, направлять немецкой стороне ноты о предстоящих поездках сотрудников за пределы Берлина и Бранденбурга. Исключение делалось лишь для поездок по автостраде Берлин – Ганновер – Бонн, о которых следовало извещать за 24 часа. В результате оказывались запрещёнными «безнотные» поездки в Вюнсдорф (штаб ЗГВ), Белиц (центральный военный госпиталь группы войск), Грюнхайде (загородный дом посольства). Под вопросом очутились даже поездки в расположенный вне административных границ Берлина аэропорт Шёнефельд, на который летали самолёты «Аэрофлота». Конечно, система уведомлений о предстоящих поездках была не нова; она издавна практиковалась в ФРГ как ответная мера на существовавшее в Москве аналогичное урегулирование для западных дипломатов. Однако в СССР от нотификации освобождались поездки в 40-километровой зоне вокруг советской столицы и по магистральным шоссе за её пределами. В нашем же случае входившая в 40-километровую зону вокруг Берлина земля Саксония-Ангальт вообще не упоминалась; «забыты» были также зоны свободного передвижения для сотрудников наших генеральных консульств в Лейпциге и Ростоке. Нас ставили в худшее положение по сравнению с немецкими дипломатами в Москве и даже с нашим посольством в Бонне. Неясным оставалось также, кому мы должны были направлять наши извещения – длина пути от Берлина до МИД ФРГ в Бонне насчитывала более 1000 километров.

На совещании у посла Шикина в **понедельник 27 мая** мы договорились обратиться за помощью к МИД СССР, чтобы постараться убедить немцев в целесообразности пересмотра сформулированных ими требований или хотя бы отсрочки их реализации впредь до прояснения ситуации. В итоге нам удалось спустить на тормозах дискриминационную затею наших новых друзей, а затем обязанность нотифицировать поездки дипломатов была ликвидирована и в Москве.

В Берлине были по-прежнему представлены три западные державы, чьё влияние на развитие дел в Европе продолжало оставаться значительным. Конечно, у наших западных коллег центр тяжести также сместился в сторону «провинциальных дел». Британский посланник Майкл Бёртон говорил мне **в пятницу 12 октября 1990 г.**: *«Приходится в настоящее время заниматься почти исключительно организационными вопросами сведения воедино политической секции британской военной администрации в Западном Берлине и бывшего посольства Англии в ГДР. Процесс носит весьма болезненный характер, поскольку штатное расписание берлинского отде-*

ления не позволяет обойтись без увольнений». По словам Бёртона, «пока ещё нет ясного представления, в чём конкретно должна состоять оперативная деятельность отделения». Сам Бёртон собирался через 2–3 месяца отбыть в качестве посла на Ближний Восток. Через неделю, в **пятницу 19 октября**, французский посланник Франсис Бошато рассказал, что отделение посольства Франции «главное внимание будет уделять вопросам, связанным с расширением экономического присутствия Франции в восточно-германских землях».

Однако беседа с посланником США Гарри Гилмором в **четверг 25 октября** показала, что и общеполитические проблемы не оставляют коллег в покое. Гилмор сообщил: «В госдепартаменте считают „размягчившимися“ всех американских дипломатов, которые долго сотрудничали либо с советскими представителями в рамках четырёхсторонней ответственности за Берлин, либо с властями ГДР». У Гилмора сложилось твёрдое впечатление, что «главным стремлением Вашингтона в сложившейся обстановке является тщательное устранение заранее даже самого маленького риска вызвать неудовольствие Бонна. Ориентация администрации США на канцлера Коля носит практически тотальный характер».

Поступавшие из Берлинского отделения сведения, наблюдения его сотрудников, их оценки положения были способны сыграть дополняющую и корректирующую роль для информации, направлявшейся в МИД СССР посольством в Бонне, которое приобрело роль основного источника аналитических материалов и разработчика внешнеполитических шагов Москвы на германском направлении. Мы, например, заблаговременно констатировали усиление давления центральных властей ФРГ на общественные организации в бывшей ГДР, дружелюбно настроенные по отношению к Советскому Союзу. Состоявшаяся в Дрездене 14–15 декабря 1990 г. конференция министров внутренних дел земель ФРГ, впервые собравшаяся на восточногерманской территории, занялась организацией полицейского надзора за Партией демократического социализма – единственной партией ФРГ, которая продолжала публично выступать за сохранение сотрудничества с СССР. Было принято постановление об «открытом наблюдении» за ПДС со стороны службы по охране конституции (то есть западногерманского аналога «штгази»). Официально такое наблюдение состояло в «углублённом анализе общедоступной информации», но наверняка этим не исчерпывалось. В нашей информации об итогах конференции мы отмечали, что главным сторонником тезиса об «антиконституционном характере» ПДС выступил министр внутренних дел Баварии Эдмунд Штойбер (ХСС). Представители Саксонии (ХДС) и Бранденбурга (СДПГ) высказались против того, чтобы объявлять ПДС «антиконституционной партией» до рассмотрения результатов «наблюдения». Мы отмечали: Постановление («рекомендация») конференции «не вызвало пока заметной реакции среди восточногерманской общественности, за исключением самой ПДС». Напрашивалась поддержка (хотя бы пропагандистская) попавшей в трудную ситуацию политической организации, объединявшей людей, остававшихся нашими верными друзьями. Но Москва была по-прежнему поглощена внутренними распрями.

У нас часто возникало впечатление, что мы работаем вхолостую. Берлинское отделение производило огромное количество инициативных документов, направляло в Москву детализированные предложения о путях улучшения ситуации в сфере строительства Большой Европы, подсказывало новые идеи по части совершенствования взаимодействия с ФРГ, но все эти разработки бесследно исчезали в московских бюрократических джунглях. О работе посольства судят главным образом по его активности в телеграфной переписке. Но именно этой активности было явно маловато.

Посол Шикин лучше, чем кто-либо другой, был знаком с ситуацией в Москве и, видимо, поэтому резко сократил число информационных телеграмм, направляемых из Берлина в Центр. Мне это казалось непонятным. Я всегда придерживался принципа «Точка не должна молчать!», который был центральным для послов В. С. Семёнова (с ним мне довелось работать в Бонне в 1978–1984 годах) и В. И. Кочемасова. На мой взгляд, этот принцип является всеобъемлющим и «всепогодным» – более того, единственно оправдывающим существование загранточки. При Шикине Берлин неделями «молчал», не направляя в Центр никакой информации телеграфом. Я не исключаю, что посол получил совет из окружения Шеварднадзе не проявлять излишнего рвения. Но «точка, которая молчит» становится ненужной. Несмотря на то, что Берлинское отделение продолжало работать, собирая сведения, которые, по нашему мнению, представляли интерес для Центра, для руководства страны, Берлин как источник оперативной информации в основном перестал существовать. Вся его продукция оседала в отделах МИД или на рабочем уровне в министерствах, где по определению не принимаются принципиальные решения, которые были нужны.

Ещё один момент вошёл в противоречие с задачей наладить эффективную работу дипстава в Берлине в новых условиях. Когда Шикин отменил утренние совещания, оказалось, что вместе с водой из ванны выплеснули и ребёнка. Мы лишились инструмента, с помощью которого можно было сконцентрировать на решении важнейшей на данный момент задачи усилия всего коллектива от посла до младшего референта. Было утрачено цельное видение обстановки у каждого, столь важное для повседневной работы любого звена дипломатической цепочки. Совещания по отделам (группам), организация которых была оставлена на усмотрение соответствующих советников, не могли заменить общего обмена мнениями по главным направлениям работы. Отныне каждое подразделение замыкалось в кругу своих специфических задач, утрачивая способность держать в поле зрения всю сложную картину обстановки в целом. Результатом стали пробелы в восприятии, которые влекли за собой возникновение слабых мест, вызывали разноречивые оценки и затрудняли прогнозирование дальнейшего развития событий.

СИТУАЦИЯ ВОКРУГ ЗГВ

Одной из важнейших забот берлинского отделения посольства было предотвращение осложнений вокруг Западной группы войск, поскольку ситуацию, в которой очутились наши солдаты после объединения Германии,

никак нельзя было признать нормальной. После 3 октября 1990 г. они оказались на территории страны – члена НАТО, и за каждым из них велось отныне пристальное и неприязненное наблюдение. Тревогу вызывали не столько материальные проблемы (нормы снабжения оставались прежними), сколько сама атмосфера, в которой отныне должна была существовать ЗГВ.

Упразднение ГДР не могло не сказаться на моральном состоянии военнослужащих. Несмотря на всю разъяснительную работу, проводимую комсоставом, от солдат ЗГВ трудно было скрыть, что объединение Германии по всем признакам осложнило, а не упростило внешнеполитические позиции Советского Союза. Для офицеров, владевших немецким языком и напрямую знакомившихся с материалами германских СМИ, не были секретом настроения торжества, с которыми в ФРГ комментировались признаки отступления СССР по всему фронту и начавшегося развала социалистического содружества. Угнетало также резкое изменение отношения местного населения: если во времена ГДР обязательной была демонстрация дружественных чувств к советским солдатам, то теперь преобладало в лучшем случае равнодушие, а то и открытая неприязнь.

Показательной была эволюция атмосферы вокруг месторасположения главного командования ЗГВ в Вюнсдорфе под Берлином. Особая зона в этом районе, доступ в которую местному населению был закрыт, возникла весной 1953 года, когда командование Группы советских оккупационных войск в Германии было переведено сюда из Потсдама. Проживавшими в окрестностях Вюнсдорфа немцами наиболее болезненно воспринимался тот факт, что особая зона перекрыла федеральную дорогу В96 и для проезда в соседние городки требовалось пользоваться долгими и неудобными объездными путями. Их не утешал тот факт, что запрет проезда относился и к советским гражданам, в том числе сотрудникам посольства, не имевшим соответствующих пропусков, скупку выдаваемых военными. Избранные в 1990 году новые общинные власти обратились сначала к правительству ГДР, а затем и к общегерманскому правительству с требованием принять меры для исправления сложившегося положения. Однако всё упиралось в обязательные для исполнения советские инструкции о соблюдении безопасности режимных объектов.

Боннское министерство транспорта сообщило заявителям, что управление особой зоной продолжает оставаться в компетенции командования ЗГВ вплоть до завершения вывода советских войск в 1994 году. Тогда члены общинного совета вступили в прямые переговоры с комендантом Вюнсдорфа всё с той же целью добиться открытия дороги В96. Тот распорядился выдать пропуска членам совета, но отказался удовлетворить остальные заявки, которых поступило более тысячи. Отказ мотивировался тем, что в этом случае производимый проезжающими автомобилями шум превысит допустимый для особой зоны уровень, а также возникнет опасность того, что будут раскуплены товары расположенных в Вюнсдорфе торговых точек (в расположении ЗГВ работала сеть магазинов «Военторга», продававших советские и импортные товары по ценам частично ниже, чем немецкие). Трудно судить, насколько убедительными оказались эти аргументы, но в ответ члены общинного совета демонстративно отказались получать изготовленные для

них пропуска. Обо всех перипетиях подробно сообщала германская печать. Доступ для местного населения в Вюнсдорфскую зону был открыт лишь после завершения вывода ЗГВ.

Удручающее воздействие на советских военнослужащих оказывали сообщения об углублении внутреннего кризиса в СССР. Былая всеобщая поддержка лозунгов перестройки сменилась в ЗГВ тревогой по поводу перспектив развития обстановки на Родине. Результатом стало ослабление дисциплины в воинских частях, включая бытовой уровень¹⁶⁵. Соблазны для солдат начинались сразу за проходной. Вокруг мест дислокации советских войск (если они не находились в густых лесах, как это было с танковыми армиями в районе Дрездена) возникли барахолки, на которых можно было приобрести всё что угодно. Командование ЗГВ и немецкая полиция заверяли, что в любом случае на этих барахолках не продаётся и не покупается оружие. Однако стали известны несколько примеров, когда это железное правило давало сбой. Крупным ЧП стало дезертирство в декабре 1990 г. командира полка майора Колесникова, который прихватил с собой три снаряда к новому танку, ракету зенитного комплекса и управляемый реактивный снаряд. И всё же перебежчиков из ЗГВ оказалось ничтожно мало – в целом за четыре года их число не превысило 500 человек (численность выводимого контингента составляла 340 000 военнослужащих)¹⁶⁶.

Информация об обстановке вокруг мест дислокации ЗГВ поступала в Берлинское отделение посольства по крохам. С тем чтобы составить себе более точную картину, я запросился на беседу к пастору Фридриху Шорлеммеру, одному из руководителей Евангелической академии в Виттенберге, с которым мы были знакомы еще с кризисных времен ГДР. Шорлеммер, примкнувший к социал-демократам, был заметной фигурой среди вождей внесистемной оппозиции в ГДР, но сохранял в то же время дружественные чувства к России. **В пятницу 16 ноября 1990 г.** я приехал к нему в Виттенберг, где у меня состоялась не только беседа с ним с глазу на глаз, но и встреча со студентами его семинара. Обобщая свои впечатления от услышанного, я докладывал в Москву, что, по оценкам моих собеседников, *«у имеющегося в бывшей ГДР анархического потенциала насилия нет пока политической направленности и он никак не связан с находящимися в Германии советскими войсками. Однако в ряде пунктов (в частности, в Нойруппине¹⁶⁷) из-за негибкости командиров ЗГВ сложилась взрывоопасная обстановка, и там потенциал насилия может быть мобилизован против советских солдат. Если где-либо солдатами ЗГВ будет застрелен хотя бы один немец (безразлично, при каких обстоятельствах), это будет иметь последствия*

¹⁶⁵ В беседе с Горбачёвым 9 ноября 1990 г. канцлер Коля подчеркнул: «Мы видим проблему в том, что у советских солдат пошатнулась дисциплина. Они уже не те, что несколько лет назад. Происшествия с ними носят такой характер, который ранее был немислим» (Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991 гг. – М., 2006. – С. 609). Конечно, стремление Коля еще больше сократить сроки вывода ЗГВ было очевидным, однако кое-какие объективные основания для подобных заявлений у него были.

¹⁶⁶ В апреле 1992 г. германские власти сообщили, что число дезертиров из ЗГВ после начала преобразований в ГДР составило 233 человека («Neues Deutschland», 21. April 1992).

¹⁶⁷ Под Нойруппином располагался большой военный аэродром.

„выстрела в Сараево“, после которого началась Первая мировая война¹⁶⁸. Евангелическая церковь в Восточной Германии при поддержке социал-демократов и других демократических партий готовит создание на местах так называемых „групп безопасности“, которые должны будут предотвращать наихудшее при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Эти группы будут работать в тесном контакте с местными представителями бундесвера и специалистами по экологии, которым поручено разработать концепцию устранения ущерба, нанесённого окружающей среде советскими войсками. Создание этих групп будет начато сразу после того, как определится исход выборов в бундестаг 2 декабря и наладится функционирование правительственных органов новых земель ФРГ».

В моих черновых записях, сделанных сразу после бесед в Виттенберге, содержатся следующие моменты: «1) собеседники отмечали желательность создания организационных рамок на коммунальном и районном уровне для проведения регулярных встреч между местным населением и военнослужащими выводимых частей, включая рядовой состав; 2) все политические партии Восточной Германии выступают за поддержание добрых отношений с СССР и советскими солдатами; 3) представители восточногерманской общественности обязательно участвуют в проводимых ЗГВ по праздничным дням церемониях возложения венков к памятникам павшим советским воинам; 4) отношение немцев к солдатам ЗГВ характеризуется главным образом «чувством сострадания»; 5) в знак симпатии и поддержки в городах «новых земель» проводится сбор средств на рождественские подарки солдатам ЗГВ; в Виттенберге инициативу в этом деле проявил ХДС».

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

У начавшегося в предрождественские дни 1990 г. в «новых землях» и Западном Берлине сбора средств на новогодние подарки для военнослужащих Западной группы войск был важный психологический аспект. Дело в том, что наше беспокойство в связи с обстановкой вокруг размещённых в Восточной Германии советских войск носило вполне обоснованный характер. Волна антикоммунизма и антисоветизма, поднявшаяся на территории ГДР в ходе ликвидации связанной с СЕПГ политической системы, не могла миновать солдат, представлявших страну, которую теперь только ленивый не обвинял во всех бедах и несчастьях, обрушившихся на восточных немцев (бед и несчастий, как выяснилось, оказалось, к всеобщему удивлению,

---

¹⁶⁸ В апреле 1992 г. такой случай произошел под Дрезденом, когда трое несовершеннолетних хулиганов попытались прорваться на мотоциклах в расположение воинской части ЗГВ. После предупредительного выстрела в воздух часовой открыл огонь на поражение и смертельно ранил одного из мальчишек. Надо признать, что германские власти не стали раздувать этот инцидент. К тому же у ЗГВ было больше оснований предъявлять претензии к немцам. Например, 29 апреля 1991 г. под Витштоком неизвестными был застрелен 18-летний часовой гарнизона ЗГВ; его автомат и патроны к нему исчезли. На заседании смешанной комиссии СССР – ФРГ по войскам 27 мая того же года советская сторона обратила внимание немцев на увеличение числа преступлений против военнослужащих ЗГВ (с января 1991 года были убиты 7 советских солдат), а также на недостаточное содействие властей ФРГ в розыске похищенного при этом оружия и обеспечении безопасности транспортов ЗГВ с опасными грузами.

немыслимо много). Западная группа войск, как самая крупная ударная группировка советских войск за пределами границ СССР, была весьма удобной мишенью.

Последний глава правительства ГДР Лотар де Мезьер утверждал, что к концу 80-х годов на территории республики с учётом численности военнослужащих ЗГВ, обслуживающего персонала и членов семей офицеров «проживало до миллиона граждан СССР»¹⁶⁹. Даже если эта цифра является несколько преувеличенной, советское присутствие в ГДР было весьма значительным. Группа войск обладала разветвлённой инфраструктурой, созданной за 50 лет пребывания на германской земле. Естественно, что у населения республики проявлялось в ряде случаев недовольство проводимыми по соседству манёврами, стрельбами, шумом самолётных моторов вблизи военных аэродромов. Расплодившиеся защитники природы охотно говорили об ущербе, который наносился окружающей среде действиями (или бездействием) советских войск. При этом сознательно игнорировался тот факт, что гарнизоны, базы, аэродромы, стрельбища ЗГВ располагались, как правило, в тех местах, где в своё время размещались соответствующие опорные пункты вермахта и даже ещё кайзеровской армии, – таким образом, в нанесённом окружающей среде ущербе нельзя было обвинять только советские войска.

На протяжении кризиса ГДР в 1989–1990 годах каких-либо серьёзных инцидентов вокруг объектов ЗГВ не наблюдалось, хотя у многих граждан Восточной Германии внезапно на первый план стали выходить чувства антипатии к бывшему «старшему брату». Удивительно живучим оказался привычный штамп «холодной войны»: во всём виноваты русские. В то же время чувствовалось, что руководители правящей коалиции, оппозиции, локальных группировок (на местном и общегерманском уровне) опасались провоцировать советских солдат, поскольку считались с возможностью решительной реакции с их стороны. После успешного завершения объединения Германии активные действия против гарнизонов ЗГВ становились более вероятными, поскольку былой страх перед Советами тем стремительнее уходил в прошлое, чем больше воинских подразделений покидали германскую землю.

В такой обстановке совершенно добровольный и не предписанный сверху сбор средств в пользу советских военнослужащих в значительной степени нейтрализовал недружественные настроения части населения Германии. В целом кампанию по сбору средств следовало расценивать как стихийное выражение признательности советским солдатам за «невмешательство» в ходе кризиса ГДР (характерно, что такая признательность значительно ошутимее сказывалась в Западном Берлине и на германском Западе, чем в бывшей ГДР – впрочем, и народ там был побогаче, чем в Восточной Германии).

Надо иметь в виду, что в первый послеобъединительный период отношение к русским со стороны даже доброжелательно настроенных немцев характеризовалось атмосферой душевного смятения: немцы, прежде всего западные, неожиданно почувствовали себя хозяевами положения по отно-

¹⁶⁹ «Московский комсомолец», 4 октября 2010 г.

шению к вчерашним победителям. Однако естественное торжество тех, кто добился ошеломляющего успеха, перемешивалось с подсознательным признанием заслуги Советской Армии в том, что в ход не был пущен абсолютный аргумент, которым и в условиях перестройки оставались танки. Алармистские сообщения западной прессы об экономической деградации СССР (охотно показываемые по телевизору пустые прилавки были потрясающей иллюстрацией итогов деятельности реформаторов горбачёвского разлива) усиливали диссонанс между восторгом по поводу самостоятельного возвращения Германии на мировую арену и смутным чувством, что немецкий триумф состоялся за чей-то счёт. Официальные власти старались канализировать признательность своего населения в русло славословия в адрес западных союзников ФРГ, прежде всего США. Однако основная масса немцев была убеждена, что без содействия русских мирное решение германского вопроса осталось бы невозможным.

К тому же сбор средств для оказания гуманитарной помощи попавшим в трудное положение русским подтверждал привычную для немцев моральную «табель о рангах», в которой они занимали одну из верхних строчек. Традиция собирать в преддверии Рождества деньги (или непосредственно вещевые подарки) для бедных мира сего – прежде всего для населения африканских стран – давно стала в ФРГ твёрдой составляющей образа жизни, подкрепляющей высокую самооценку немцев. Теперь Африку дополнила Россия. Выполняя роль всеобщего благодетеля, немцы наслаждались самоощущением одной из самых сильных наций мира, в то время как русские попадали в навсегда отведённую им историческую нишу неудачников. Тезис о том, что русские по своей вине оказались в катастрофическом положении, отлично укладывался в «победительную» схему западного восприятия постконфликтного мира.

Пропагандисты «победы Запада» в холодной войне объясняли крах коммунизма не только «неправильной идеологией», но и широко разрекламированными отрицательными чертами, якобы присущими национальному характеру русских, – их приверженностью к употреблению спиртных напитков, склонностью к ничегонеделанию, отсутствию дисциплины и т. д. Подобный чёрный имидж подтверждало распространение слухов об отчаянном положении советских солдат в Германии, страдающих от голода и холода. Неважно, что это не соответствовало действительности (армейская служба по-прежнему не походила на отдых у Чёрного моря, однако и ухудшения материального обеспечения солдат и офицеров не было) – картина бедственного положения армии, разгромившей в своё время рейх, грела, что называется, немецкую душу.

И всё же, несмотря на все эти сопутствующие нежелательные обстоятельства, сбор рождественских подарков для советских солдат нёс огромный потенциал симпатии по отношению к русским. На первых порах ставшая массовой акция в значительной степени подорвала усилия русофобов, пытавшихся во что бы то ни стало сохранить дух «холодной войны». В декабре 1990 г. в казармы ЗГВ зачастили многочисленные делегации благотворительных организаций ФРГ, передававшие пакеты с подарками, приобретёнными на собранные населением средства. Традиция вручения

советским солдатам рождественских подарков сохранилась и в последующие годы. Она поддерживалась положительным настроением общественного мнения ФРГ по отношению к «попавшим в беду мальчикам». Проходившие по этому поводу церемонии освещались в германских СМИ с подробными комментариями. Правда, с течением времени информация становилась более скупой и сухой. Например, посещение делегацией депутатов ландтага и коммунальных властей Саксонии во главе с премьер-министром земли Куртом Биденкопфом **в понедельник 23 декабря 1991 г.** танкового полка им. Сухэ Батора, являвшегося одним из крупнейших гарнизонов ЗГВ, почти не привлекла внимания СМИ, хотя делегация передала командованию полка посылки с продовольствием и медикаменты на общую сумму в 50 000 марок.

Немецкие СМИ постепенно переносили акцент с якобы бедственного материального положения советских солдат на выражение сочувствия людям, которым вскоре предстояло покинуть «насиженные места» и переселиться в неизвестность. В целом подобная постановка проблемы соответствовала действительности. Немцы, как правило, не говорили прямо о том, что в СССР отсутствовали возможности для нормального размещения выводимых из ФРГ войск, а обещанная Гельмутом Колем программа строительства жилья для офицеров ЗГВ даже в случае своей реализации не могла в существенной мере удовлетворить наличные потребности в нём. Они всячески избегали подвергать сомнению готовность и способность советской стороны своевремененно и в полном масштабе выполнить взятые на себя обязательства по выводу войск. Однако намёки на сложность ситуации были довольно прозрачными.

На деле вывод частей ЗГВ с самого начала производился самым энергичным образом. На шестом заседании двусторонней «Рабочей группы по планомерному выводу советских войск из ФРГ», которое состоялось **в среду 4 декабря 1991 г.** в Вюнсдорфе, представители ЗГВ подтвердили, что утверждённый ранее график осуществляется без всяких задержек. Военные доложили, что по состоянию на начало месяца в СССР возвратились 160 000 человек, из них 105 000 военнослужащих; вывезены 33 000 единиц техники и вооружений; высвобождены 260 военных объектов, причём 237 из них уже приняты федеральным имущественным управлением ФРГ (то есть претензий по их состоянию немцами не заявлено). В общей сложности советские войска были полностью выведены из 58 населённых пунктов, в том числе из таких крупных городов, как Котбус, Эрфурт, Галле и Магдебург. Графиком на 1992 год предусматривалось, что этот список увеличится ещё на 52 населённых пункта (среди них Дрезден, Лейпциг, Веймар, Иена) и 158 военных объектов.

Участовавший в заседании рабочей группы советник посольства В. М. Гринин сообщил на нашей очередной утренней «летучке», что атмосфера обсуждения с немцами существующих проблем носила в целом дружелюбный, неконфронтационный характер. Из выделенных германской стороной 200 миллионов марок на переподготовку офицеров ЗГВ для работы по гражданским профессиям 20 миллионов направляются на обучение «на месте», то есть ещё в Германии. Реализация этой части программы началась в

октябре 1991 г., когда в гарнизоне Шперенберга заработали курсы по подготовке менеджеров фирм, действующих в условиях рынка.

В интервью для «Нойес Дойчланд» в конце декабря 1991 г. главнокомандующий ЗГВ генерал-полковник М. П. Бурлаков настаивал на более энергичном выполнении обещания правительства ФРГ обеспечить офицеров выводимых частей ЗГВ жилплощадью, на что Бонн выделил 7,8 миллиарда марок. Бурлаков призвал также к скорейшему решению вопроса о компенсации за передаваемые немцам дома, построенные в своё время за счёт ЗГВ (оценочная стоимость 10,5 миллиарда марок), с целью расширения масштабов жилищного строительства для нужд возвращающихся в Россию военнослужащих¹⁷⁰.

Фактическая сторона данной проблемы выглядела следующим образом. В составе выводимых из ФРГ войск было 72 000 офицеров и прапорщиков, которые не располагали жилплощадью в СССР. За счёт выделенных федеральным правительством средств предстояло построить квартиры общей площадью не менее 2 миллионов квадратных метров и 4 домостроительных комбината мощностью до 110 000 квадратных метров каждый. Первоначально министерство обороны СССР планировало строительство 33 жилых городков в европейской части страны, в том числе 8 городков на территории РСФСР, 17 на Украине и 8 в Белоруссии. По условиям соглашения участвующие в строительстве объектов иностранные фирмы должны определяться на конкурсной основе, причём в сжатые сроки. Уже в 1991 г. предстояло построить 3 000 квартир, и в январе состоялся тендер на строительство по ускоренной программе первых 4 городков (Кривой Рог, Борисов, посёлок Шайковка на Украине и Владикавказ). Немецкие фирмы этот тендер проиграли – предложения ряда турецких, австрийских и финских фирм оказались более выгодными: по каждому из городков разница между объявленной будущими подрядчиками стоимостью строительства составляла от 15 до 30 миллионов марок.

Однако немецкая сторона заблокировала перевод средств, настаивая на приоритете своих фирм, хотя ни в каких документах подобные преференции не были оговорены. В начале мая 1991 г. Бонн предложил пересмотреть итоги конкурса и включить с самого начала в реализацию программы немецкие фирмы «в соответствии с духом заключённых ранее соглашений». Достичь компромисса не удавалось. Задержка вызвала резкое удорожание стоимости строительства и тем самым уменьшение объёма жилой площади, которую можно было ввести в эксплуатацию на выделенные ФРГ средства. К тому же развернувшийся процесс «суверенизации» советских республик привёл к тому, что они стали упорно настаивать на своём участии в отборе фирм и на включении соответствующих республиканских строительных организаций в число реализаторов программы.

Распад Советского Союза и вовсе спутал все карты. Хотя ЗГВ перешла целиком под российское командование, на территориях бывших советских республик, особенно на Украине, началась «самодеятельность», которая могла поставить под вопрос вывод войск из ФРГ: отправляемая по желез-

---

¹⁷⁰ «Neues Deutschland», 28. Dezember 1991.

ной дороге военная техника «экспроприровалась» неизвестно по чьему приказу, в то время как сопровождавшие её солдаты выпроваживались в РСФСР. Поскольку Польша запретила советским военнослужащим вступать на свою территорию, вывоз техники и людей пришлось переключить на паромную переправу Мукран – Клайпеда и направлять их через Литву и Белоруссию. Позже личный состав было решено вывозить транспортной авиацией ЗГВ непосредственно в Россию.

В соответствии с новой ситуацией российские власти предложили, чтобы всё обещанное немцами жильё было построено в России. Однако Украина, на территорию которой было выведено лишь 7,4 % от общей численности ЗГВ, и частично Белоруссия продолжали ультимативно требовать, чтобы им была выплачена значительная часть выделенных ФРГ на жилищную программу средств. В середине января 1992 г. немцы вообще отказались выделять деньги на проекты строительства жилья для военнослужащих ЗГВ, которых министерство экономики ФРГ стало именовать «солдатами СНГ», пока Россия, Украина и Белоруссия не договорятся между собой, кому сколько причитается. Договорённости достигнуто не было. К июлю 1992 г. Бонн признал, что вместо первоначально запланированных 36 000 квартир за истекший период построено лишь 3 000. Разрекламированная программа строительства жилья для выводимых из Германии войск была провалена.

В воспоминаниях канцлера Гельмута Коля содержится несколько иная, но не менее впечатляющая интерпретация всей этой истории. В главе, посвящённой завершению вывода ЗГВ, он сообщает: «Всё было хорошо распланировано и основательно запущено в ход, но ненадёжность турецких подрядчиков, которые должны были строить новую жилплощадь, вызвала неожиданные проблемы. Все планы были сорваны, и русские стали выдвигать новые денежные требования. В разговоре с глазу на глаз с Борисом Ельциным – Российской Федерация приняла на себя все права и обязательства по нашим соглашениям с Советским Союзом – я смог выразить моему собеседнику лишь сожаление по поводу того, что я не в состоянии выделить ни пфеннига на дополнительные выплаты. Конечно, это мы стали нарушителями договора, поскольку германский генеральный заказчик жилищного строительства в России не мог сослаться на то, что подрядчик не справился в задаче. С пустыми руками и полным осознанием нашего провала я мог лишь просить моего друга Бориса о снисхождении. И что же сделал этот властный россиянин после возбуждённой дискуссии между экспертами с обеих сторон? К всеобщему удивлению – прежде всего своих людей – Ельцин сказал: „Россия не предъявит требований Федеративной Республике. Я не поставлю федерального канцлера в трудное положение“. Тем самым для немецкой стороны проблема перестала существовать. При этом у России были все основания задержать вывод своих вооружённых сил на несколько лет. Я никогда не забуду, что Борис Ельцин отказался прислушаться к своим советникам и остался верным нашим договорённостям, которые мы оба недавно обсудили до мельчайших деталей. Не представляю, как удалось

справиться с ситуацией несмотря на нехватку квартир. Ясно, что пострадавшими были солдаты, которые ещё охотно остались бы в бывшей ГДР...»¹⁷¹

Для оценки нашими дипломатами ситуации вокруг ЗГВ представляют определённый интерес материалы состоявшегося в **четверг 25 апреля 1991 г.** референтского совещания в Берлинском отделении посольства на тему «Перспективы развития внутренней обстановки в новых землях ФРГ». Анализ проблем, связанных с ЗГВ, относился к главной задаче совещания. В докладе первого секретаря О. В. Юрыгина в число рекомендаций по активизации наших связей с ФРГ было включено следующее предложение: «Ускорить вывод ЗГВ; создать зоны гарантированных инвестиций специально для нужд армии». Однако не все были согласны с тем, чтобы идти навстречу каждому заявленному пожеланию немцев и, в частности, ещё больше сократить сроки пребывания наших солдат в ФРГ. Например, второй секретарь посольства А. Е. Григорьев подчёркивал: «Не надо ублажать немцев. Они в нас заинтересованы, и мы можем защитить свои позиции, в том числе политические. Нужен контроль за выполнением постановлений [договоров] о нераспространении структур НАТО [на территорию Восточной Германии], о правопреемстве [России по отношению к СССР]. Следует активно вмешиваться [в политические дискуссии в ФРГ]: согласие на объединение Германии было дано на условиях, что она будет мирным и демократическим государством. Надо отслеживать негативные тенденции в ФРГ – правый экстремизм, неприязнь к иностранцам. Важно, чтобы немцы прекратили попытки оспаривать решения, принятые в своё время советскими оккупационными властями. Серьёзное значение приобретает вопрос о внесении изменений в Основной Закон ФРГ [с целью разрешить использование бундесвера за пределами германской территории]».

Советник В. М. Гринин был обеспокоен признаками возрастающего неблагоприятия в Восточной Германии: «Чем больше будет социальная напряжённость внутри ФРГ, тем легче она может разрядиться против ЗГВ (предлогом могут послужить финансовые требования наших военных, некоторые события внутри СССР и т. д.). Решающим моментом является, как себя будут вести войска в острой ситуации – 19 апреля в Альтенграбове была стрельба, в ходе которой ранен майор бундесвера, ведущий наблюдение за одним из военных объектов ЗГВ. Есть и другие осложняющие моменты: нарушения нашими военнослужащими таможенных правил ФРГ, наносимый экологии ущерб, транспортировка химических и взрывчатых веществ без надлежащих мер предосторожности. Нужна воспитательная работа внутри ЗГВ. Трения будут сглаживаться по мере вывода войск. Следовало бы выводить войска прежде всего из взрывоопасных районов. Вряд ли мы сможем получить много денег за оставляемое в ФРГ имущество ЗГВ – оно в неважном состоянии, и использовать его затруднительно. Очень многое зависит от того, как себя будет вести правительство ФРГ. Пока оно ведёт себя хорошо, поэтому взаимоотношения нормальные».

В **пятницу 26 апреля 1991 г.** министр обороны ФРГ Герхард Штольтенберг впервые нанёс официальный визит главнокомандующему ЗГВ в

¹⁷¹ Helmut Kohl, Erinnerungen 1990–1994. – München, 2007. – S. 717–718.

Вюнсдорфе. Одной из основных задач этого визита было продемонстрировать, что мелкие инциденты не могут испортить общей атмосферы доверия между сторонами. Германские СМИ опубликовали информацию о приезде Штольтенберга в Вюнсдорф под заголовками типа: «Визит под знаком напряжённости». Министр, выступая перед собравшимися, постарался опровергнуть намёки на какое-либо ухудшение взаимоотношений. Он заявил: «1990 год принёс нам, немцам, после долгого периода раскола воссоединение нашей страны в условиях мира и свободы. Советский Союз внёс в это свой значительный вклад. Нашей совместной задачей на будущее является сохранение и упрочение стабильности в Европе. Советские войска – наши гости вплоть до завершения их вывода. Они должны чувствовать себя здесь хорошо и возвратиться на родину послами добрых отношений между обоими нашими народами». В программу визита входило также посещение музея ЗГВ, который произвёл глубокое впечатление на сопровождавших министра журналистов (их было более ста человек). Один из них подчёркивал в своём отчёте, что этот музей остаётся «частью совместно прожитой истории». Он писал: «Сейчас дело выглядит так, что музей вернётся в Советский Союз вместе с солдатами. Однако многие немецкие посетители задумываются над тем, что было бы неплохо, если бы он всё же остался в Германии»¹⁷².

В начале мая 1991 г. было достигнуто соглашение по проблеме, которая вызывала, пожалуй, наибольшие трения в отношениях между ЗГВ и местным населением – отныне военная авиация группы должна была соблюдать действующее и для «люфтваффе» правило, согласно которому самолёты не летают ниже высоты 300 метров вообще и ниже 600 метров над городами с населением более 100 тысяч жителей. Одновременно вдоль бывшей границы между ФРГ и ГДР создавалась так называемая «зона расплетения» на 18 километров в обе стороны, залетать в которую не имеет права ни авиация ЗГВ, ни авиация союзников ФРГ по НАТО. Появление военных самолётов самой ФРГ в этой зоне ограничивалось и подлежало строгому регулированию. «Зона расплетения» заменила прежнюю «линию идентификации» НАТО, достигавшую 90 километров в ширину и разделявшую сферы действий авиации обоих военных блоков.

По мере того как проявлялись отрицательные последствия объединения Германии для восточных немцев, их отношение к выводимым советским солдатам стало меняться в позитивную сторону. Люди видели, что Западная группа войск уходила из Германии, а остальные иностранные войска на германской территории, в первую очередь американские, оставались. Именно этот аспект вызывал чувство определённого дискомфорта у немцев, которому американцы, претендовавшие на роль самых близких друзей немцев, попытались заранее противодействовать. Уже через два месяца после германского объединения ими было принято решение о выводе из Западного Берлина батальона из состава контингента США. Внешне это был весьма

¹⁷² «Tagesspiegel», 27. April 1991.

Музей истории ЗГВ (ГСВГ) вместе с уникальной диорамой «Штурм Рейхстага» действительно к 1994 году покинул территорию ФРГ. Однако к 60-летию Победы усилиями частных лиц и некоторых российских благотворительных фондов он был в определенном объёме воссоздан в Вюнсдорфе.

эффектный пропагандистский шаг, подчёркивавший обретённый ФРГ «полный суверенитет», хотя с военной точки зрения ситуация оставалась без изменений, поскольку батальоном больше или батальоном меньше не влияло на реальное соотношение сил. Кроме того, уже давно было договорено, что в будущем в Берлине иностранных войск не будет вообще. Но немцам недвусмысленно намекали: русские только ещё говорят о выводе войск, а США уже его практикуют.

Американцы разослали официальные приглашения (на английском языке) присутствовать на военном параде в честь вывода батальона. В тексте приглашений всюду расхваливались заслуги американского гарнизона в деле спасения Западного Берлина от грозивших ему в прошлом бед. Он гласил: «Присоединяйтесь к нам 14 декабря 1990 г., чтобы оказать уважение военнослужащим, входящим и входившим в прошлом в состав 4-го батальона 502-го пехотного полка, и дать высокую оценку вкладу этих солдат и членов их семей в выполнение их берлинской миссии. 4-й батальон 502-го пехотного полка – первое подразделение Берлинской бригады, выводимое в соответствии с календарным планом. Разумеется, мы хотим поблагодарить этих солдат и их семьи, которые рука об руку с нашими берлинскими друзьями участвовали в обеспечении мира и свободы в Берлине. Вместе с нашими берлинскими друзьями мы радуемся восстановлению единства Берлина и единства Германии и надеемся, что сможем совместно выразить благодарность представителям солдат, которые помогли сделать эту радость возможной».

В прощальном параде, состоявшемся в берлинском районе Лихтерфельде, приняли участие подразделения английского и французского контингентов, а также не входящего в НАТО соединения бундесвера, которому было присвоено наименование «Комmando-Ост». Берлинская бригада ЗГВ не получила приглашения участвовать в параде. И тогда, и позже три западные державы настойчиво подчёркивали «качественную» разницу между своими войсками в Берлине и ЗГВ: назойливо внушалось, что американцы, англичане и французы ограждали (Западный) Берлин от «советских посягательств», а Западная группа войск была инструментом как раз этих чёрных замыслов. Как правило, немцы молчаливо (и не очень) соглашались с западной интерпретацией истории. В речи Момпера в **пятницу 14 декабря** (несмотря на проигранные выборы он формально ещё оставался правящим бургомистром) подчёркивалось, что немцы и американцы стали друзьями и партнёрами за годы, в течение которых «США защищали Берлин».

Окончательный вывод гарнизонов из Берлина в 1994 г. также проводился по указанной схеме – в прощальном параде Берлинской бригады ЗГВ западные формирования не участвовали, хотя приглашение им было направлено. Парад западных «защитников Берлина» прошёл уже после того, как российская Берлинская бригада вернулась на Родину. Части бундесвера маршировали на обоих мероприятиях.

КЛАДОВЫЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Отрицательные последствия для немцев в обеих частях Германии, к которым неожиданно для них привело объединение страны, касались в первую очередь «новых земель». Но пострадал и Западный Берлин, финансовое положение которого серьёзно ухудшилось. Если раньше «фронтальной город», выполнявший функцию витрины западного мира в сердце ГДР (и социалистической системы в целом), состоял практически на изживлении федерального бюджета – удовлетворялись любые берлинские заявки, включая немалые расходы на содержание оккупационных войск трёх держав, – то теперь Западнему Берлину, которому после 3 октября 1990 г. вменялась и забота о благоустройстве Восточного Берлина, было предложено «по одежке протягивать ножки». Теоретически единый Берлин сохранял статус германской столицы, но на практике правительство ФРГ переехало в него лишь к 2000 году (вместе с правительством прибыли в Берлин и все посольства, остававшиеся до того момента в Бонне). Впрочем, этот переезд не улучшил, а скорее осложнил финансовое положение города, субсидии которому из средств федерации носят сравнительно скромный характер¹⁷³.

Упразднение финансовых привилегий Берлина привело к довольно неожиданным последствиям в сфере гуманитарной помощи Германии Советскому Союзу. Ещё со времен первого Берлинского кризиса 1948–1949 гг. в городе по приказу западных союзников ФРГ были созданы запасы основных продовольственных товаров, достаточные «в случае необходимости» (то есть при теоретически возможной «повторной блокаде») для снабжения западноберлинского населения в течение полугода. Эти запасы размещались в специальных подземных складах, оборудованных по последнему слову техники и находившихся под надежной охраной. Содержимое складов периодически обновлялось, с тем чтобы в любой момент была гарантирована возможность пустить запасы в ход. Затраты на эти цели были, естественно, весьма существенными. Всё было в порядке, пока расходы несло федеральное правительство. Но как только они были переложены на сенат Западного Берлина, бюджет города затрещал по всем швам. Между тем ситуация со складами стала полностью абсурдной, так как после объединения Германии и начала вывода советских войск с территории бывшей ГДР прекратившиеся уже в 1971 г. рецидивы обострения ситуации вокруг Берлина стали просто невыносимыми.

Единственным разумным выходом из возникшего положения Сенат счёл ликвидацию складов. Но и это оказалось головоломкой – встал вопрос: что

¹⁷³ В конечном счёте Берлин был включён в систему финансовой поддержки, которая с 1991 г. стала оказываться «новым землям» по так называемому «Пакту солидарности I» (практически это дополнительный пятипроцентный подоходный налог, взимаемый по всей Германии). Сверх того, в рамках перераспределения финансовых средств между землями федеральное правительство перечислило «новым землям» и Берлину с 1995 по 2004 г. 94,5 миллиарда евро. В 2001 г. было принято решение о «Пакте солидарности II», согласно которому до 2019 года в «новые земли» должны были поступить около 156,5 миллиарда евро (51,1 миллиарда в качестве субсидий из федерального бюджета и 105,3 миллиарда от перераспределения средств между землями). Однако задача приблизить уровень жизни в Восточной Германии к уровню жизни в западной части страны остаётся невыполненной. В начале 2012 г. муниципалитеты ряда городов Рура, переживающих острую нехватку средств, потребовали отказаться от «Пакта солидарности» и оказать срочную финансовую помощь западногерманским общинам.

делать с содержимым складов? Уничтожить хранившееся продовольствие противоречило бы здравому смыслу и немецкой бережливости. Пустить его в продажу Сенат не решался – выброс на рынок таких огромных объёмов рисковал подорвать существующую систему торговли, которая до сих пор отлично функционировала и без особых затруднений справлялась с включением Восточного Берлина и прилегающих территорий в экономику западной части страны. Решение подсказала начавшаяся кампания по оказанию гуманитарной помощи «бедствующему населению» Советского Союза.

Берлинские власти решили совместить «приятное с полезным», передав содержимое складов правительству СССР. Ликвидация стратегических запасов продовольствия и товаров первой необходимости на случай чрезвычайного положения в Берлине трансформировалась в помощь, о которой просил Горбачёв. Согласие из Москвы было получено сразу. Уже в октябре представитель «Продинторга» провёл переговоры в Берлине, в ходе которых речь шла о передаче советской стороне до августа 1991 г. 60–70 тысяч тонн мясных консервов, до 100 тысяч тонн сливочного масла, значительных запасов сухого молока, детского питания, муки, сахара, чая, кофе, а также медикаментов и перевязочных материалов, неожиданно ставших дефицитом в СССР. Немцы поставили вопрос об официальном обращении советских властей к Сенату, с тем чтобы он мог, опираясь на запрос Москвы, обратиться к федеральному правительству за соответствующим разрешением. Одновременно советская сторона попросила, чтобы немцы оплатили также транспортные расходы, которые составляли немалую сумму. Немецкая сторона приняла это условие.

Но тут возникли трудности с советской таможней. Поскольку из Берлина направлялись большие партии грузов, таможенники предъявили требование уплатить налоги, предусмотренные для товаров, ввозимых с коммерческой целью. Возмущению немцев не было предела – облагать налогами гуманитарную помощь ещё никто и нигде не решался. Посредничество посольства длилось довольно долго: государственный аппарат дома работал всё менее эффективно. Наконец абсурдное требование было снято, и тысячи тонн грузов для населения СССР были отправлены в Москву. Правда, проследить их дальнейшую судьбу не удалось. До нас доходили слухи, что часть немецкой помощи появилась вскоре на рынках и в магазинах, где за неё брали деньги. Видимо, находчивые люди использовали их для операции, которая в учебниках политэкономики называется первоначальным накоплением капитала. В бывшей цитадели «реального социализма» набирал силу дикий капитализм.

За 11 месяцев, с декабря 1990 по ноябрь 1991 г., из Берлина в Москву и Санкт-Петербург было направлено около 270 000 тонн продовольственных товаров и медикаментов. Общая стоимость поставок из Берлина достигла 600 миллионов марок. К слову сказать, официальной благодарности из Москвы за стратегические поставки продовольствия и других товаров Сенат Берлина так и не дождался.

Для гуманитарной помощи населению СССР использовались и другие ресурсы ведомств ФРГ. Значительной германской акцией в этом плане стала передача продовольствия и прочего имущества со складов бундесвера

представителям Русской православной церкви. Министерство обороны ФРГ, ставшее после объединения Германии «наследником» всего имущества, которым располагала Национальная народная армия ГДР, пришло к выводу, что такое решение наиболее удобно для него: оснащение ННА соответствовало нормативам Организации Варшавского договора, но было несовместимо с реальностями бундесвера, живущего по стандартам НАТО. Это относилось, в частности, и к грузовикам советского производства, использовавшимся в войсках ГДР. По просьбе Русской православной церкви главное командование Западной группы войск выделило солдат-шофёров, которые должны были везти в Москву грузовики с переданными немецкой стороной грузами. И здесь не обошлось без осложнений, которые были вызваны на этот раз Польшей.

В начале 1991 г. отдел внешних сношений Московского патриархата отмечал в специальном пресс-релизе: «18 января в Торгау, Германия, состоялась церемония передачи представителям Московского патриархата для Русской православной церкви и других христианских церквей в Советском Союзе дара министерства обороны ФРГ, оцениваемого примерно в 400 миллионов немецких марок и состоящего из лекарственных препаратов, медицинского оборудования, одежды, продуктов, инструментов и более 200 транспортных средств, выделенных из резерва бундесвера. [...] В тот же день колонна автомобилей с грузами отправилась в дорогу. При пересечении границы Польской Республики колонна столкнулась с определёнными трудностями, вызванными требованиями польской таможенной службы соблюсти ряд формальностей, регламентированных нормативными актами Польши. В сложившейся ситуации правительство и министерство обороны ФРГ, министерство иностранных дел и министерство обороны СССР, командование Группы советских войск в Германии продолжали, несмотря на то, что их вынужденные расходы составили около 150 тысяч долларов, оставаться на позиции гуманности, которая и привела в результате к преодолению критической ситуации. Их усилиями были выполнены условия польской стороны, которая 8 февраля приняла решение пропустить колонну, простоявшую на границе более двух недель. [...] Русская православная церковь благодарит правительство, министерство иностранных дел и министерство обороны ФРГ, министерство иностранных дел и министерство обороны СССР, посольства СССР в ФРГ и Польше, Группу советских войск в Германии, церковных деятелей ФРГ, иерархов нашей церкви и всех тех, кто так или иначе участвовал в получении, передаче, доставке, распределении дара, и надеется, что эта помощь явится значительным вкладом в возрождение и восстановление храмов и монастырей, возвращаемых сегодня церкви государством, поможет христианам Советского Союза быстрее создать базу для широкой приходской жизни и позволит им активнее содействовать благотворным преобразованиям в стране. Настоящий гуманитарный акт станет важной вехой в истории развития двусторонних отношений между церквами и верующими наших стран, между народами СССР и Германии».

В пятницу 8 февраля 1991 г. мы докладывали в Москву, что «после трёхнедельной задержки первая часть колонны автомашин с грузами, подаренными РПЦ правительством ФРГ, пересекла германо-польскую границу.

105 автомашин двигаются четырьмя группами в сопровождении представителей Северной группы войск и польской милиции. Оставшаяся половина колонны начнёт движение 9 февраля. Обе части колонны соединятся на советской территории в районе Бреста 14 февраля. Польская сторона дала разрешение на транзит через свою территорию после длительных проволочек под давлением главным образом кампании, начавшейся в СМИ ФРГ. РПЦ было оказано образцовое содействие при решении всех возникавших вопросов со стороны властей ФРГ (министерство обороны, МИД, городские власти г. Котбус, Евангелическая церковь и её благотворительные организации). Заслужили особую благодарность водители грузовиков и сопровождение из состава ЗГВ». Продолжалось также оказание гуманитарной помощи населению СССР за счёт сбора средств среди населения ФРГ. На пресс-конференции в берлинском отделении посольства в **среду 12 февраля 1992 г.** я официально выразил благодарность за это немецким властям. В появившемся на следующий день отчёте об этой пресс-конференции «Вельт» писала: «Россия переживает в настоящий момент „возможно, самый сложный период“ своей послевоенной истории. Это придаёт такое важное значение оказываемой ей международной помощи. Благодарность за уже оказанное содействие выразил „в первую очередь Германии и немцам“ российский посланник Игорь Максимычев, выступая в берлинском отделении российского посольства»¹⁷⁴. Но мало было собрать пожертвования, приобрести необходимые вещи и упаковать их. Надо было ещё доставить всё это до места назначения. Теперь на таможенный контроль на советской границе нареканий практически не было, но в остальном доставка гуманитарных грузов адресатам часто походила на связанные с реальными опасностями экспедиции в неизведанные края.

В связи с тем, что, по поступавшим сведениям, часть гуманитарных грузов бесследно исчезала после пересечения границы, некоторые активисты западных благотворительных организаций стали лично сопровождать наиболее крупные партии. Особенно запомнилась миссия двух англичанок (Мэвлин Сейл и Карлы Фрир – жён офицеров британского гарнизона) и одной немки из Западного Берлина (г-жи Фёрч, жены генерала бундесвера), обеспечивших в сопровождении представителя Берлинской бригады ЗГВ Ю. П. Макарова с супругой доставку колонны из нескольких грузовиков с гуманитарными грузами в Смоленск. В качестве исполняющего обязанности руководителя Берлинского отделения я вместе с британским посланником Майклом Бёртоном устроил на Унтер-ден-Линден торжественную церемонию проводов отважных женщин в **пятницу 28 февраля**, а также приём в их честь после возвращения из поездки во **вторник 10 марта 1992 г.** В моей краткой речи содержалась официальная благодарность за дружественный акт. На церемониях присутствовали немецкие журналисты, и отчёты о них вместе с фотографиями появились в берлинских СМИ. Дамы были растроганы оказанным им вниманием, хотя в частных беседах говорили, что не совсем уверены в том, что гуманитарная помощь дойдёт до адресатов (грузы были переданы местным властям, которым предстояло

¹⁷⁴ «Die Welt», 13. Februar 1992.

позаботиться о дальнейшем). И позже британский офицерский клуб в Берлине продолжал сбор средств для оказания материальной помощи России, используя самые нетрадиционные формы. У меня сохранилось приглашение на клубный вечер в **среду 25 марта 1992 г.** под девизом «Бридж для Смоленска»: выигранные в этот день в бридж деньги предназначались для закупки «основных медикаментов и детского питания, которые будут лично переданы нуждающимся во время следующей британско-германской экспедиции в Смоленск».

СТРАСТИ ПО ЭКОНОМИКЕ

В связи с возрастающими трудностями в экономике перестроечного СССР и по мере перехода к рыночному хозяйствованию было логичным, что в советско-германских отношениях всё большее место занимали экономические вопросы (в частности, возможности сохранения кооперационных связей между предприятиями бывшей ГДР и СССР). В этом смысле пришлось перенастраивать основные направления деятельности берлинского представительства, что коснулось и моего участка работы.

До октября 1990 года заместитель посла в ранге советника-посланника отвечал за организацию работы всего коллектива с тем уточнением, что прямую ответственность за экономический сектор нёс специально назначенный (второй) советник-посланник. Ю. Г. Тесленко, занимавший эту должность в последние годы ГДР, был в прошлом секретарём по промышленности одного из обкомов КПСС. В условиях плановой экономики опыт предыдущей работы обеспечивал ему неоспоримое преимущество по сравнению с профессиональными дипломатами. Поэтому в его дела никто, за исключением посла, не совался. Однако после крушения социалистической экономики и основанной на ней кооперации в рамках соцсодружества значение приобретённых ранее навыков партийного руководства быстро сошло на нет. В конце декабря 1990 г. Москва отозвала Тесленко.

Как действовать в новых условиях, не знал никто. Неизвестно было даже, на что ориентироваться в условиях, когда рушилось всё. Верить в то, что контуры возникающей дома полууголовной экономики будут определять будущее страны, не хотелось. В довершение всех бед «на самом верху» было в порядке экономии принято решение об упразднении торгпредств и о передаче их функций торгово-политическим отделам посольств. Новшество было, как всегда, неподготовленным. В моём дневнике имеется запись за **вторник 19 ноября 1991 г.** о том, что Москва требует от нас «*соображений и предложений*» о порядке работы в сфере экономического сотрудничества после ликвидации торгпредств. Не помню, что именно мы ответили на этот запрос. Скорее всего, отрапортовали о готовности выполнить любое указание Центра. Америки мы в любом случае не открыли. Волшебной палочки у нас не было.

Чрезвычайно развитой прежде кооперации с восточногерманскими предприятиями не стало сразу после валютной унии ГДР и ФРГ. Практически все проекты сотрудничества с фирмами бывшей ГДР разом рухнули

из-за отсутствия интереса с советской стороны к их продолжению. Наши хозяйственники объясняли этот феномен главным образом тем, что после введения в ГДР летом 1990 г. западной марки, на которую марка ГДР обменивалась по завышенному курсу (причём даже курс 1:3 или 1:4 не отвечал бы экономическим реальностям), цены на восточногерманскую продукцию выросли в несколько раз – без улучшения качества. К тому же принятое в начале 1990 г. по советской инициативе решение Совета экономической взаимопомощи о переходе во взаимных расчётах на твёрдую валюту (доллары) ликвидировало стимул к работе преимущественно с экономиками союзных стран. Стремление советских хозяйственников к сотрудничеству с немцами не исчезло, сменился лишь адрес. Неконкурентоспособность производителей бывшей ГДР вынудила нас искать новых партнёров в «старой» ФРГ. Это стало одной из основных причин начавшейся деиндустриализации «новых земель».

Раньше я все свои контакты в экономической сфере без колебаний переадресовывал коллегам-специалистам. Теперь их практически не стало. Пришло время самому постараться понять, чего хотят от нас потенциальные партнёры на Западе (в нашем случае – в Западном Берлине). Дело в том, что западные немцы со своей стороны старались, используя нарушение экономических связей между СССР и Восточной Германией, проторить тропинку в пореформенную советскую экономику. Судя по ряду существенных экономических индикаторов, в Западной Германии в 1989–1990 годах должен был начаться серьёзный экономический кризис, который удалось предотвратить только благодаря присоединению ГДР и фактическому банкротству её предприятий. Однако кризисные факторы продолжали исподволь действовать, и германская экономика, окончательно закрепившаяся на ведущих позициях в Европейских сообществах, остро нуждалась в новых рынках сбыта, которыми располагал потенциально богатый Восток Европы, охваченный лихорадкой не слишком продуманных реформ.

Ещё со времён неоднократных берлинских кризисов в западной части бывшей столицы рейха существовало особое ведомство, в задачи которого входило содействие развитию связей предприятий и фирм Западного Берлина с внешним миром (Berliner Absatzorganisation – «Берлинская сбытовая организация», БАО). Будучи формально самостоятельным органом западноберлинского делового сообщества, БАО поддерживала тесные связи с федеральными и городскими властями и получала щедрые дотации из бюджета ФРГ. В период раскола Германии главным содержанием работы БАО было предотвращение краха предприятий Западного Берлина, отрезанных от своих естественных рынков сбыта в ФРГ, а также сохранение рабочих мест (безработица была и остаётся главной бедой западной экономики). Сокращение, а тем более прогрессирующее упразднение федерального финансирования подталкивали западноберлинцев к наращиванию внешнеэкономической активности, прежде всего в направлении Советского Союза. БАО пришлось приспособливаться к изменившимся обстоятельствам, отстаивая своё место в экономической жизни Берлина. Её руководитель, Йорг Шлегель, был в прошлом одним из лидеров западноберлинской молодёжной организации Свободной демократической партии (СвДП). Убеждённый сто-

ронник «новой восточной политики» Вилли Брандта и Вальтера Шееля, он поддерживал постоянный контакт с советским посольством в ГДР (Шлегель особенно гордился своим близким знакомством с Ю. А. Квицинским).

В феврале 1991 г. Шлегель обратился ко мне с просьбой оказать содействие в налаживании партнёрских связей с субъектами нарождающейся в СССР рыночной экономики. Наше сотрудничество с БАО включало в себя не только срочную выдачу виз для представителей делового мира Берлина, направляющихся в нашу страну, но и продвижение возникающих кооперационных проектов через соответствующие советские министерства и ведомства, а также приглашение экономистов и хозяйственников из СССР на информационные сессии БАО. На местном уровне удавалось осуществлять кое-какие проекты, но в целом эффективность этого первого периода двусторонних взаимоотношений была не очень высокой. Поведение российской «новой элиты» характеризовалось стремлением что-то быстро урвать и унести в берлогу. О перспективах, похоже, никто тогда не думал.

Типичным примером несовпадения манеры сторон вести дела была попытка БАО установить контакты с Калининградской областью, где берлинцы первоначально рассчитывали сыграть роль «первопроходцев» с германской стороны. Инициатива БАО встретила поддержку со стороны тогдашнего главы администрации Калининградской области Ю. С. Маточкина, посетившего Берлин в составе одной из российских экономических делегаций, которых в это время побывало в Германии великое множество. Мне калининградский эпизод особенно памятен, поскольку по просьбе Шлегеля в начале июля 1992 г. я принял непосредственное участие в трёхдневных переговорах в Калининграде, которые вела Маргрит Хобуза, ассистентка Шлегеля, осуществлявшая координацию деятельности БАО и представляемых ею фирм в Восточной Европе. Вылетели мы в Калининград на военно-транспортном самолёте ЗГВ с аэродрома Шперенберг (вживание ЗГВ в рынок выразилось и в том, что лётчикам группы было разрешено совершать коммерческие рейсы); этим же путём мы и вернулись. Многочисленные встречи в Калининграде оказались очень интересными, но проект в целом не получил дальнейшего развития. И калининградцы, и берлинцы оказались неготовыми к перспективному сотрудничеству. Калининградцам мешала административная чехарда, а немцев очень напугали признаки растущей зависимости российской экономики от «крёстных отцов» криминального мира, что особенно чётко просматривалось в регионах. С одним из таких «крёстных отцов», верховодившим местной этнической ОПГ, мы с Хобузой случайно познакомились на приёме в калининградской мэрии. Не сразу распознав суть его деятельности, мы даже посетили по личному настойчивому приглашению бюро его «фирмы». Впечатление было очень сильным, но отнюдь не располагающим к дальнейшим контактам.

Со своей стороны, уцелевшие советские предприятия старались выйти на заманчивый германский рынок. В **субботу 8 декабря 1990 г.** в филиале «Берлинского банка» в самом центре Западного Берлина (Курфюрстендамм, 24) состоялась выставка фарфоровых изделий знаменитого подмосковного объединения «Гжель». Выставка имела успех, её повторили и в других демонстрационных помещениях Берлина. Появилась надежда, что

«Гжель» сумеет закрепиться в Германии. Почти была достигнута договорённость о размещении салона фирмы на Унтер-ден-Линден, в соседнем с посольским домом здании, приобретённом Советским Союзом по соображениям безопасности (не хватало только согласия МИД РФ). «Гжель» взяла на себя оформление приёмной для посетителей посольства, которая находилась в бедственном состоянии из-за хронической нехватки денег у дипломатических представительств. Новый дизайн помещения оказался очень удачным и сохранился до сих пор. К сожалению, после моего отъезда из Берлина в сентябре 1992 г. Гжельский проект остался нереализованным.

ПРОЩАЙТЕ, ИЛЛЮЗИИ!

Перелом в европейской и мировой ситуации, датируемый обычно 1990–1991 гг., вызвал множество политических и иных иллюзий и на Востоке, и на Западе континента. Пожалуй, главной формой самообмана была уверенность в том, будто СССР/Россия автоматически станет неотъемлемой частью рождающейся Большой Европы. Сотрудники Берлинского отделения посольства почти ежедневно убеждались в том, что влиятельные политические круги Германии, во всяком случае на среднем уровне, считали продвижение к общеконтинентальному объединению вполне реальным делом. Нас приглашали на политические мероприятия наравне с представителями западноевропейских держав и США. Мы не чувствовали никакой дискриминации. Антироссийские настроения не исчезли вовсе, но были как бы «сдвинуты» на тыловые позиции. Однако с течением времени атмосфера стала меняться. Русофобия начала всё более широким фронтом возвращаться в германские СМИ, принимая по большей части форму поддержки сепаратистских движений в СССР. Все эти нюансы мы испытывали, так сказать, на «своей шкуре».

Весной 1991 г. мне поступило приглашение берлинского филиала Аспенского института присутствовать на пресс-конференции в **четверг 2 мая**, в ходе которой сотрудник этого филиала, гражданин ФРГ Марио Лемме, учившийся ранее в Москве, собирался отчитаться о своей недавней поездке по республикам Прибалтики. На мероприятие были званы ведущие журналисты прессы, радио и телевидения ФРГ. Проще всего было бы отклонить приглашение, поскольку трудно было ожидать, что Лемме будет объективно освещать сложившуюся в Прибалтике ситуацию. Однако в этом случае была бы упущена возможность попытаться лишний раз аргументированно изложить нашу точку зрения по затронутым проблемам, и я решил принять приглашение.

Отчёт о пресс-конференции, опубликованный на следующий день в «Тагесшпигеле», был озаглавлен «Республики Прибалтики станут независимыми через год». Ход дискуссии излагался следующим образом: Лемме «обосновал свой прогноз о скорой независимости [Прибалтики] тем, что Советскому Союзу вследствие экономических трудностей не остаётся иного выбора, кроме как договориться с прибалтийскими государствами. В настоящее время ничто не функционирует. Свобода действий президента

Горбачёва сильно ограничена из-за конфликта с Российской Федерацией и председателем её парламента Ельциным. Но меняется и подход республик Прибалтики, – продолжал Лемме. – Теперь они готовы учесть проблему русского меньшинства и интересы советской безопасности, а также согласиться на сохранение советских военных баз на своей территории. Латвия продолжит предоставление СССР своих портов, имеющих огромное экономическое и военное значение для него. Уже начались переговоры с начальником советского генерального штаба Моисеевым о статусе войск СССР в Прибалтике, их численности, ограничении их оснащения чисто оборонительным оружием, их снабжении и возможном сотрудничестве в целях обороны. Критически отозвался Лемме о политиках, составляющих окружение литовского президента Ландсбергиса, который именуется „преступными“ не только центральные власти, но и всех, кто ищет консенсуса или компромисса с ними. Посланник Берлинского отделения советского посольства Максимычев упрекнул Литву в том, что она отказывается разговаривать с правительством СССР. Слова Максимычева можно было понять как намёк на то, что при оформлении новых отношений между союзными республиками и центральным правительством верх возьмут республики¹⁷⁵, в том числе и потому, что экономические трудности требуют быстрых действий. Лемме обвинил западные правительства, включая также Бонн, в „неверной“ оценке ситуации в СССР: „Формирование национальных элит“ в отдельно взятых республиках „неизбежно“; именно там открываются „политические перспективы“; однако Запад концентрирует своё внимание на Горбачёве и слишком считается с центральными властями. Напротив, Максимычев высказал благодарность Бонну за его „сдержанность“»¹⁷⁶. Изложение германских газетчиков моих возражений против антисоветских выпадов Лемме трудно было назвать полным или объективным, но кое-что читатель всё же о советских оценках узнал.

Поначалу отстаивавшиеся мною тезисы в пользу скорейшего создания Большой Европы с участием Советского Союза не встречали явного отторжения у немцев. Иллюстрацией к ситуации, сложившейся в сфере взаимоотношений Европейских сообществ и России после объединения Германии, могут служить итоги совместной сессии Берлинского клуба и Французского института международных отношений **8–11 ноября 1990 г.** в Париже (я с большим удовольствием принял приглашение участвовать в ней, поскольку это была возможность вновь увидеть столицу Франции, где я в своё время проработал при после Валериане Александровиче Зорине пять лет – с 1966 по 1971 год). Тема сессии была сформулирована весьма остро: «Является ли объединенная Германия стабилизирующим фактором для безопасности и сотрудничества в Европе?» Среди участников были эксперты из Франции, ФРГ (включая представителей бывшей ГДР и Западного Берлина)¹⁷⁷,

¹⁷⁵ Так автор информации интерпретировал моё мнение, что запросы союзных республик будут учтены при окончательном урегулировании ситуации.

¹⁷⁶ «Tagesspiegel», 3. Mai 1991.

¹⁷⁷ От ФРГ в сессии участвовал один из её ведущих дипломатов – Вольфганг Ишингер, занимавший в тот период пост посланника германского посольства в Париже.

США, Австрии, Португалии, Венгрии, Польши, Югославии, Европейских сообществ.

В отчёте об этом мероприятии для МИД СССР я констатировал следующие основные результаты обсуждения. Большинство выступавших считало, что *“налицо преобладающее положение Германии в Европе. Хотят ли этого немцы или не хотят, дело идёт к германской гегемонии на континенте. Единственный противодействующий фактор состоит в вовлечении Германии в возможно более тесное европейское объединение (ЕС и „Большая Европа“). Выдвинутая концепция политического и экономического союза [в рамках ЕС] является попыткой лишить ФРГ её главного оружия – Deutsche Mark. Это вряд ли удастся: немцы не пойдут. К тому же растворения Франции и Англии в намеченном конгломерате не допустят их парламенты. НАТО либо исчезнет, либо неузнаваемо трансформируется и станет общеевропейской системой безопасности. В ЕС ещё не решили, что важнее – углубление (то есть наращивание наднациональных элементов) или расширение (то есть вовлечение стран ЕАСТ [Европейской ассоциации свободной торговли] и Восточной Европы). Французы высказываются в пользу углубления; немцы – за одновременность обоих процессов”*.

Приоритеты германской политики вырисовывались по итогам дискуссии следующим образом (цитирую свои записи):

- 1) в центре внимания – германо-французские отношения;
- 2) углубление европейской интеграции („Малая Европа“) с привлечением стран ЕАСТ;
- 3) перестройка германо-американских отношений (с целью рассеять опасения США в отношении перспективы развала НАТО);
- 4) укрепление германо-советских отношений на основах Рапалло;
- 5) институционализация СБСЕ, создание европейской системы коллективной безопасности, продолжение процесса разоружения;
- 6) проблемы окружающей среды;
- 7) положение в „третьем мире“;
- 8) расширение возможностей ООН».

Дискуссия показала, что взаимоотношения Бонна и Парижа далеки от состояния безоблачности. Высказывались следующие мнения: *«Франко-германские отношения стоят перед серьезными испытаниями. Париж должен по-новому определить своё место в мире и в Европе. Миттеран вёл неудачную политику в ходе подготовки германского объединения, пытаясь „противопоставить Эриха Хонеккера Гельмуту Колю“. Этого немцы не забудут. Сейчас французы ушли в глухую оборону, оставив незаблокированным практически лишь одно направление – ЕС. Тем не менее все признавали, что тесное франко-германское сотрудничество является одним из основных элементов европейской стабильности, а также образцом построения отношений для других европейских стран. Американский представитель резко выступил против „французских иллюзий“. Он указал на проблему французского ядерного оружия и подчеркнул, что Германия не потерпит нынешнего положения [в этой области]»¹⁷⁸.*

¹⁷⁸ По-видимому, имелось в виду, что ФРГ будет настаивать на отказе Франции от самостоятельного характера её ядерных вооружённых сил.

Относительно отношений с Советским Союзом наблюдался довольно сильный разбой оценок. *«Единство мнений проявилось лишь в том, что советской перестройке надо помочь, однако преобладали сомнения, созданы ли уже внутренние условия для обеспечения эффективности такой помощи. При этом большинство было едино в том, что советской угрозы больше нет. Обратила на себя внимание трогательная забота французов о том, как бы ФРГ не перенапряглась, помогая Востоку. У самих немцев такой заботы не было. Один из французов признал: Миттеран не понял значения визита М. С. Горбачёва во Францию в 1985 году и не использовал его как надо. Иногда с французской стороны наблюдались попытки исподволь возродить страх перед Рапалло, перед советской военной угрозой в случае ухода Горбачёва со своего поста, противопоставить визиты советского лидера во Францию и в ФРГ. Американец назвал такие высказывания „наглыми“. У немцев по отношению к нам проявлялись понимание и готовность к самому широкому сотрудничеству. Высказывалась озабоченность возможными осложнениями в сфере отношения населения бывшей ГДР к военнослужащим Западной группы войск: граждане „второго сорта“, какими ещё долгое время останутся восточные немцы, могут начать вымещать свой комплекс неполноценности на ещё более бедных и слабых (иностранцы, солдаты ЗГВ)».*

Итоги состоявшейся дискуссии сводились к следующему: *«Начался новый этап европейской и мировой истории, в ходе которого окажутся бесполезными прежние шаблоны и мерки (например, понятие „равновесия“). Германское единство – элемент европейской стабильности хотя бы уже вследствие тех надежд, которые возлагаются в Восточной Европе на немцев. Но его надо подкреплять и другими элементами стабильности – преодолением кризиса в СССР, прогрессом в западноевропейской и общеевропейской интеграции».* Дальнейшее развитие показало, что эти оценки перспектив развития событий оказались слишком оптимистичными.

Сближение с СССР, прежде всего в плане учёта его интересов, сталкивалось с растущим сопротивлением со стороны ХДС/ХСС. Положение усугублялось ослаблением внутривнутриполитических позиций СДПГ, проигравшей выборы в бундестаг в декабре 1990 г. (тогда же социал-демократы проиграли выборы и в городское собрание Берлина). Теперь уже бывший шеф сенатской канцелярии Дитер Шрёдер говорил мне в **среду 23 января 1991 г.**, что *«разделяет мнение специалистов о том, что на возрождение социал-демократического влияния можно реально рассчитывать лишь в первом десятилетии XXI века, когда закончится активная фаза развёртывания рынка в Европе по горизонтали и по вертикали и начнётся период определённого экономического застоя с его социальными проблемами».* Впрочем, усердие социал-демократов, выступающих в пользу углубления связей с СССР, проявлялось скорее на словах, чем на деле.

В **среду 13 марта 1991 г.** во дворце Кронпринцен-пале в Берлине началась первая сессия организованного издательством Шпрингера «Форума для Германии», задуманного в качестве своего рода интеллектуальной площадки для осмысления нового положения объединённой Германии в Европе и мире. Форум открылся большой речью Гельмута Коля, в которой он на-

метил основные направления модификации политики ФРГ на ближайший период. От его обещаний периода подготовки присоединения ГДР остались только приятные воспоминания.

Согласно моим заметкам, во внешнеполитической части своей речи Коль, в частности, сказал: *«Война в Заливе¹⁷⁹ показала: нам надо участвовать в строительстве нового мирового порядка. У новой Германии особое положение: она является одним из самых важных государств в Европе. Потребуется изменения в конституции; только участие в акциях ООН по поддержанию мира – это слишком мало, нас не поймут. Кстати, проект Европейского оборонительного сообщества был провален не нами [а французами]. Конечно, нужна профилактика, но к ней надо добавить: защита от нападения. Свобода не бывает по нулевому тарифу. Нам солдаты бундесвера нужны будут и через 10 лет – способность к обороне должна быть обеспечена»*. Далее канцлер заявил: *«Мы благодарны США, президенту Бушу за освобождение Кувейта, за борьбу против варварства. Теперь требуется выиграть мир. Нужно примирение всех трёх мировых религий, нужна способность к миру. Должен быть разработан новый план Маршалла для Ближнего Востока после создания там системы безопасности»*. Относительно ситуации в Европе Коль отметил: *«31 марта самораспускается Варшавский договор – это происходит почти незаметно, но означает коренное изменение обстановки. В то же время никто не собирается распускать НАТО, она остаётся сообществом, основанным на общих ценностях. У НАТО нет образа врага, она лишь выражает суверенитет своих членов. Без НАТО не было бы трансатлантического альянса. Нам НАТО нужна в такой же степени, как и Европа. США и Канада являются обитателями общевропейского дома; это не вопрос количества солдат, стационарированных здесь, а вопрос принципа. Без НАТО не было бы германского единства. Альянс будет менять стратегию и структуры. Эти реформы надо продолжать, но учитывать, что военные угрозы не исчезают. Воинская повинность должна сохраниться. Нам нужна вооружённая сила в виде народной армии»*.

Коль продолжал: *«Только сильная Европа в лице Европейских сообществ сможет определять будущее континента. Необходимо политическое объединение Европы. Немцы больше других заинтересованы в нём: в единой Европе не будет страха перед Германией. ФРГ согласна только с таким решением, которое дополнит экономический и валютный союз политическим союзом. У нас нет оснований для пессимизма в европейских делах; никто не говорит больше о „евросклерозе“. Нам нужен европарламент с расширенными полномочиями. [...] Европейские сообщества должны быть в принципе открыты для всех, если налицо необходимые предпосылки – никого не надо изолировать. У немцев необъяснимые симпатии к финнам, но и всей остальной Скандинавии предстоит вступление в ЕС. Готовиться к вступлению должна также Центральная и Восточная Европа. Сейчас страны СЭВ переходят на свободно конвертируемую валюту и нуждаются в помощи»*.

Обратило на себя внимание, что Коль упомянул о Советском Союзе лишь в заключительной части своей речи, что убедительно свидетельствовало

¹⁷⁹ Коль имел в виду начавшуюся 17 января 1991 г. военную операцию США против Ирака («Буря в пустыне»).

о снижении значения, которое ФРГ придавала его международной роли. Канцлер подчеркнул: *«Мы помогаем Горбачёву не только советами, но и действиями. Разваливать СССР – не наша политика, но он должен понять, что будут исключения. Горбачёв это знает, я уверен. После падения Берлинской стены нам не нужны новые барьеры»¹⁸⁰. Многие в ООН стало возможным благодаря новым отношениям между Германией и её восточными соседями. Наша помощь Восточной Европе отвечает интересам всего Запада. Горбачёв хочет победы нового мышления. Ратификация договора [„два плюс четыре“] – его большое достижение».* Далее Коль вновь заговорил о желательности сократить и без того немислимо сжатые сроки вывода ЗГВ и выразил готовность действовать в данном направлении, *«даже если это будет стоить дороже».* Впрочем, добавил он, *«хорош и 1994 год, когда вывод советских войск должен завершиться: пройдёт ровно полвека с того момента, когда они вступили на германскую землю».* Коль упомянул и другую историческую дату: *«В этом году исполняется 50 лет со дня нападения [Германии] на Советский Союз. Нам нужно будет сделать жест материального и нематериального характера в сторону СССР».*

Видимо, в порядке упомянутого «жеста» руководящие германские политики продемонстрировали прилив интереса к ЗГВ. В **пятницу 3 мая 1991 г.** в советском гарнизоне в Потсдаме побывал председатель СДПГ Ганс-Йохен Фогель, не пожелавший отставать от министра обороны ФРГ Герхарда Штольгенберга (ХДС), посетившего Вюнсдорф. В ходе своего визита Фогель также встретился с высшими чинами ЗГВ. Реакция СМИ ФРГ была на этот раз более агрессивной. Например, корреспондент «Вельт» писал на следующий день: *«Похоже, что германо-советский спор о цене катастрофы для окружающей среды, которая будет проявляться по мере вывода советских войск с территории новых земель, превращается в политическую проблему. Этот момент был затронут и в ходе визита, который шеф СДПГ Ганс-Йохен Фогель нанес главнокомандующему Западной группы [войск] генерал-полковнику Матвею Бурлакову в бывшей казарме вермахта в Потсдаме. На наш вопрос, подвергает ли СДПГ критике позицию Бонна, который требует, чтобы Советы передавали находившиеся в их распоряжении участки чистыми, как стёклышко, и свободными от застарелых загрязнений, последовал ответ: „Нет, у нас не было до сих пор расхождений“.* Фогель рассказал командующему советскими войсками, насколько *„существенной“* является эта проблема, и добавил: *„При передаче мест расположения [войск] Управлению федеральным имуществом определение степени загрязнения играет важную роль“.* Очевидно, принимающей стороной руководителю оппозиции из Бонна были изложены конкретные денежные пожелания. Он сказал, что в связи с ущербом для экологии имеются *„финансовые ожидания с советской стороны“*, однако *„детали“* ещё не проговаривались».

Далее в заметке, которой был дан явно провокационный заголовок *«Советы хотят ещё больше денег?»*, говорилось: *«В пятницу [то есть также 3 мая] эта проблема стоимостью в миллиарды обсуждалась равным образом на высоком уровне между премьер-министром Бранденбурга Манфредом*

180

Этот намёк совершенно недвусмысленно относился к Прибалтике.

Штольпе и бывшим советским послом в Восточном Берлине Геннадием Шикиным. Долголетний посланник и эксперт по германским делам в Берлинском отделении [посольства] Игорь Максимычев сказал корреспонденту „Вельт“: „Мы должны суметь выйти на подсчёты, с которыми согласны обе стороны“. В настоящее время германо-советские рабочие группы разрабатывают совместные решения».

Содержание советско-германских дискуссий излагалось в заметке следующим образом: «Главное разногласие состоит в том, что Советы не намерены снимать своего требования о получении 10,5 миллиарда марок за дома и постройки, возведённые ими за свой счёт с 1945 года, и отказываются при этом принять во внимание стоимость устранения причинённого ими ущерба для окружающей среды. В то же время эксперты-экологи в новых землях оценивают расходы по санации более 1000 участков, на которых размещены советские войска, в сумму, значительно превосходящую 10 миллиардов. Суть спора: боннское министерство финансов хочет произвести взаимозачёт (на период до 1994 г. выделено только 540 миллионов на первоочередные меры по ликвидации загрязнений вследствие утечки керосина, масел, диоксида); Советы настаивают на сохранении своих активов по возможности целиком. „И, может быть, получения чего-нибудь сверх того“, сказал на условиях анонимности один из советских представителей во время визита Фогеля. Советская сторона охотно объясняет свою твёрдую позицию ссылками на заявление канцлера Гельмута Коля 13 марта в Кронпринцен-пале: если русские уйдут до 1994 года, он „будет готов кое-что доплатить“. Видимо, в последние дни между Советами и правительством земли Бранденбург наступило охлаждение вследствие критических публикаций СМИ об „экологической бомбе“, которую представляют собой гарнизоны ЗГВ. Государственная канцелярия Штольпе выступила с предостережением о недопустимости „клеветы“ на советские войска»¹⁸¹.

Разногласия по поводу обещанных немцами выплат в пользу ЗГВ, при всей их значимости, не были главным источником осложнений в наших отношениях с Германией. Коренные расхождения крылись в несопадающих подходах к проблеме строительства Большой Европы. Если в период подготовки объединения Германии канцлер Коль неоднократно обещал всемерную поддержку реализации концепции общего европейского дома, то после объединения немцы как-то чересчур легко предпочли забыть о своих обязательствах. Готовился пересмотр обещаний постепенно, так чтобы нельзя было схватить за руку, но уже с **понедельника 3 февраля 1992 г.** нельзя было сомневаться в том, что Германия не станет поддерживать вхождение России в Европу, которую создаёт Запад.

Поворот был обозначен в Берлине, на посвящённой перспективам европейского объединения сессии Международного общества мировой экономики, где с главным докладом выступил видный политик СвДП Мартин Бангеман, занимавший в то время пост вице-президента Комиссии Европейских Сообществ. Обращаясь непосредственно ко мне (почётных гостей усадили в первом ряду), Бангеман при перечислении возможных кандида-

¹⁸¹ „Die Welt“, 4. Mai 1991.

тов на вступление в ЕС (первая группа – Польша, Венгрия, Чехословакия, прибалты; вторая группа – Румыния, Болгария, наследники Югославии, страны СНГ) сделал многозначительную оговорку: «За исключением России – иначе Европейские сообщества перестанут быть европейскими». В качестве компенсации за «неприём» в ЕС Бангеман назвал «тесную кооперацию» с Россией – не только между государствами, но и напрямую между экономиками (содействие трансферу частного капитала, открытие западно-европейских рынков для продукции из Восточной Европы, гармонизация промышленного производства). Впрочем, уже тогда не вызывало сомнения, что при противопоставлении ЕС и России никакая «кооперация» не сможет воспрепятствовать новому расколу континента.

О том, что заявление Бангемана отражает глубинные сдвиги в германской политике, свидетельствовал и доклад видного германского историка и политолога Арнульфа Баринга в Берлине на заседании правления Германского кредитного и торгового банка в **четверг 20 февраля 1992 г.** Не в первый раз Баринг выступал в качестве выразителя внешнеполитических установок руководящих кругов ХДС, с которыми он был тесно связан. Содержание его доклада в Берлине, как я записал его по ходу дела, сводилось к следующим тезисам: *«Объединение Германии явилось „сопутствующим продуктом“ крушения СССР. Немцы призваны стать наследниками развалившегося восточного гиганта. На постсоветской территории возникает хаос, перспектив для демократического развития практически нет, неизбежны авторитарные режимы. Западной Европе предстоит справиться с восточноевропейским хаосом, но силы для этого есть только у немцев, которых это в первую очередь касается. ФРГ должна стать рупором восточноевропейцев подобно тому, как Западный Берлин являлся рупором восточных немцев. Помогать России начали слишком рано – это выброшенные на ветер деньги. В России возникает карикатура на капитализм, к власти пришло «второе звено» воспитанников коммунистического режима, опереться не на кого. В ФРГ ошибочно считают, что безопасность обеспечивается автоматически. Поскольку западные союзы слабеют, немцам придётся заботиться о защите своих интересов самим. К концу XX века в мире будет 15 ядерных держав; немцы ещё будут тосковать о спокойных временах „холодной войны“, хотя тогда эти времена воспринимались совсем по-иному».*

Естественно, что при таком видении сложившейся на континенте ситуации не могло быть и речи о равноправном российском участии в Большой Европе, да и вообще о Большой Европе. Воздушные шарик и иллюзий лопались один за другим.

* * *

РЕТРОСПЕКТИВНО: ТУТЦИНГ, ГОД 2010

С процессом отрезвления от магии прекраснодошних ожиданий связываются у меня воспоминания о характерном эпизоде, относящемся к двадцатилетней годовщине описываемых событий. У меня перед глазами стоит картинка: солнечное зимнее утро в маленьком баварском городке Тутцинг

к югу от Мюнхена. На календаре 8 декабря 2010 года. Уютный конференц-зал на втором этаже отлично спланированного здания Академии политического образования, состоящего из нескольких соединённых между собой корпусов. Сквозь огромные окна видны заснеженные вершины Альп и простор Штарнбергер-зее, самого крупного из озёр Германии в альпийских предгорьях. Озеро не замёрзло, но всё вокруг в снегу. Идёт заключительное заседание совместной научной конференции Академии политического образования Тутцинг и Института Европы РАН. На небольшом возвышении («подиуме») руководители конференции – академик Николай Петрович Шмелёв, директор Института Европы РАН, и профессор Генрих Оберройтер, директор Академии политического образования Тутцинг. С докладом выступает Хорст Тельчик, до конца 1990 года занимавший пост помощника канцлера ФРГ Гельмута Коля по внешней политике, а затем на протяжении многих лет руководивший широко известной Конференцией по вопросам безопасности в Мюнхене. Тельчик по справедливости считается одним из «прорабов» германского единства и ведущим экспертом ФРГ по международным проблемам.

Тема совместной конференции – российско-германское партнёрство и перспективы взаимоотношений двух стран спустя 65 лет после окончания самой ожесточённой в истории человечества войны. Заключительный реферат Тельчика озаглавлен «Россия в новой архитектуре международных отношений». Докладчик, естественно, не может обойти стороной период подготовки и реализации объединения Германии, когда в основном формировалась эта самая новая архитектура международных отношений. Его главный тезис: «Позитивная позиция, занятая Советским Союзом в процессе решения национальной проблемы немцев, заложила основу для предпочтительных отношений между Россией и Германией. Тесное германо-российское сотрудничество призвано стать мотором строительства общего европейского дома, без которого нашему континенту не обойтись».

Когда настало время задавать вопросы докладчику, я прошу Тельчика, с которым знаком с незапамятных времен, рассказать о действительных причинах отказа Запада, включая ФРГ, реализовать проект Большой Европы, которая была торжественно обещана Советскому Союзу в период подготовки германского единства. Ответ Тельчика прост до слёз. Он говорит: *«Мы действительно собирались наладить прочный германо-советский дуэт по главным европейским проблемам. Но ведь в 1991 г. СССР, который должен был стать участником Большой Европы, прекратил своё существование! Место и вес России Ельцина в международных делах были совершенно несравнимы с советским периодом, а её будущее – весьма неопределённым. Нам пришлось спешно пересматривать программу наших действий в новых координатах европейской политики».*

Ссылки на самоликвидацию Советского Союза как повод к невыполнению данных ему обещаний я слышу не в первый раз. Похожие высказывания делали ранее люди, входившие в окружение М. С. Горбачёва (в частности, его помощник по внешней политике А. С. Черняев; сам Горбачёв, насколько я помню, по этому поводу не высказывался). Перспектива будущего взаимодействия с «Большой ФРГ» должна была оправдать решение тогдашнего

советского партийно-государственного руководства отказаться от защиты интересов ГДР, которые, как правило, совпадали с интересами СССР. Логика подобной аргументации сводилась к сомнительному тезису – безоглядно поддерживая ФРГ, Советский Союз реализует исторический шанс приобрести большого и мощного германского партнёра взамен всё равно обречённого на гибель маленького немецкого товарища. Именно в этом и состояла-де цель «мужской дружбы» Горбачёва с Колем. Дескать, никто не мог предвидеть, что «дружба» сработает односторонне: добившись объединения по боннскому сценарию, Германия забудет о данных нам ранее обещаниях.

Честно говоря, я относился и отношусь с большим скептицизмом к подобной интерпретации: уж очень она смахивает на попытку оправдать задним числом те действия, которые привели в конечном счёте к самороспуску Советского Союза с самыми катастрофическими последствиями для всего мира. Однако заявление Тельчика, похоже, подтверждало вариант, на который ссылаются бывшие «перестройщики». Оснований сомневаться в искренности Тельчика или точности сообщаемой им информации у меня не было. Я пытался разобраться в своих личных впечатлениях, относившихся к последовавшему за объединением Германии периоду иллюзий и миражей, которые пережили как исчезновение ГДР, так и дезинтеграцию Советского Союза. Кое-какие из моих тогдашних наблюдений как будто подтверждают слова Тельчика в том плане, что первоначально настроения значительной части германских правящих кругов характеризовались скорее поверхностным русофильством, чем кондовой русофобией. Негативный перелом в германском общественном мнении наступил, помнится, где-то в начале 1992 года, когда внезапно изо всех щелей вновь потянуло сквозняком холодной войны.

Вопрос о надёжности обязательств, которые берёт на себя Германия, достаточно серьёзен для того, чтобы заняться им в отдельности. Кризис вокруг государственного переворота на Украине и последовавшей гражданской войны в Донбассе – весьма убедительно доказывают это. Роль организатора антироссийских санкций Евросоюза, которую по указке Вашингтона с готовностью взял на себя Берлин вопреки всем договорам и обещаниям, сопровождавшим поглощение ГДР, не только насторожил Россию, но и прямо поставил под вопрос будущее всей Европы. И всё же даже в возникшей обстановке русофобской истерии, когда о временах холодной войны вспоминалось с некоторой ностальгией, отношения с Германией продолжают оставаться ключевыми для грядущей нормализации положения на континенте. Вот почему представительная делегация Института Европы поехала в Тутцинг, а его ведущие эксперты принимали активное участие в российско-германском Петербургском диалоге.

* * *

ПОЖАР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Как известно, надежда умирает последней. Мы ещё долгое время цеплялись за бывшие обещания спокойно обманывавших нас партнёров и строили

свою политику в расчёте на то, что вопреки всем противодействующим тенденциям всё же сохраняются определённые предпосылки для активизации процесса создания общеевропейских структур. Однако непредсказуемость действий наших западных партнёров не могла способствовать устойчивому улучшению общего политического климата, и изменения неизменно обзаводились знаком минус.

В январе 1991 г. США начали войну с Ираком с целью «вытеснения» Саддама Хусейна из недавно оккупированного им Кувейта. Значение этой операции отнюдь не исчерпывалось восстановлением статус-кво. Речь шла о демонстрации решимости американцев приучить мир к «новому порядку», основанному на глобальном превосходстве США. Вашингтон доводил до сведения всех, кто ныне «хозяин» на планете. Немцы это сразу поняли. В подготовленной мной в **пятницу 18 января** информации об оценках в Германии американской акции в Кувейте указывалось, что местные радио и телевидение непрерывно и с нескрываемой нервозностью освещают события на Ближнем Востоке. Немцы фаталистически восприняли известие о «войне в Заливе», рассматривая решение США как «*проявление „высшей силы“ („Мы ничего сделать не можем“)*». Была и осторожная критика в адрес своего правительства, которое «*не проявило достаточной настойчивости для предотвращения войны*». Далее отмечалось: «*Встречаются упреки в том, что Бонн является „слишком покорным вассалом“ Вашингтона. В Берлине проходят разрозненные демонстрации учащих старших классов школ под лозунгами „Нет войне за нефть!“*. В германских аэропортах приняты дополнительные меры безопасности. В адрес США открытой критики нет, но часто выражается озабоченность возможными последствиями войны как в политическом, так и экономическом плане. В то же время подчёркивается, что эта война, особенно в случае, если ей удастся придать локальный и скоротечный характер, открывает эру „*raх americana*“. О возможной роли СССР почти ничего не говорится; упоминается лишь, что советские вооружённые силы в южных регионах страны приведены в повышенную боевую готовность». Действительно, новой политической реальностью в этот момент стало, что Советский Союз как бы отсутствовал на международной арене.

Однако советской реакции ждали. Английский посланник Доналд Ламонт говорил мне в **среду 6 февраля**: «*Быстрый разгром армии Саддама Хусейна не вызывает сомнений; проблемы начнутся после окончания военных действий. Наибольшую опасность для будущего человечества представляла бы длительная конфронтация между Югом и Севером (то есть между исламом и христианством/иудаизмом). В предотвращение подобной перспективы большой вклад мог бы внести Советский Союз – не в качестве противостоящей США силы, а в качестве связующего звена между США и арабским миром. В этом контексте серьёзное значение приобрела первая поездка [нового министра иностранных дел СССР] А. А. Бессмертных в США и последующие инициативные шаги советской политики в отношении ближневосточного кризиса. Представления Вашингтона о послевоенном урегулировании в районе Персидского залива нуждаются в определённой корректировке. Такая корректировка может исходить только от*

Советского Союза (западноевропейцы окажут негласное содействие, но в одиночку они не будут в состоянии оказывать заметное влияние на линию США)». Естественно, продолжал Ламонт, СССР должен вначале найти «приемлемые пути решения» для своих внутривосточных проблем. Обстановку в Прибалтике он назвал «самым взрывоопасным элементом» этих проблем, «поскольку повторение осложнений, подобных январским событиям в Вильнюсе и Риге, может подорвать доверие между Востоком и Западом Европы. Ближневосточный и прибалтийский очаги кризиса оказались действительно как-то связанными между собой, и ухудшение положения в одном из них негативно сказывается на другом».

Кое-кто из немцев пытался убедить нас в том, что политическая линия объединённой Германии в международных делах ещё не сформировалась окончательно. В этом плане представляли интерес оценки, которыми поделился со мной в **четверг 21 февраля** профессор Герхард Базлер, бывший ведущий сотрудник Института политики и экономики ГДР, сотрудничавший затем с главой последнего правительства республики Лотаром де Мезьером. Базлер считал, что внешняя политика ФРГ ещё не окостенела: *«Тот вызвавший удивление многих факт, что ни Геншер, ни Коль не поспешили в Вашингтон за инструкциями после начала войны в зоне Персидского залива, объясняется очень просто – Германия ищет для себя новое место в мире, более независимое, чем ранее, в том числе и от США. Опасность продолжать оставаться в определённом смысле „мальчиком на побегушках“ у американцев вполне реальна, поскольку являющийся естественным противовесом США Советский Союз сейчас ослаблен и поглощён внутренними неурядицами. Кстати, именно с этим связана чёткая линия Бонна на поддержку Горбачёва, целостности Советского Союза, на содействие преодолению его экономических затруднений. Характерно также весьма широкое одобрение в ФРГ советской инициативы в отношении предотвращения эскалации войны против Ирака. К тому же население Германии, особенно в бывшей ГДР, настроено чётко антивоенно, в значительной степени пацифистски. В этом смысле 40 лет ГДР не прошли бесследно».*

Однако оптимистическим предсказаниям Базлера не было суждено сбыться. Обстановка продолжала осложняться, и наметившаяся дезинтеграция Советского Союза подталкивала ФРГ в сторону дальнейшей поддержки мироустройства под водительством США. Об этом свидетельствовали, в частности, западноевропейские оценки ситуации, содержащиеся в докладе «Развитие стран Центральной и Восточной Европы – вызов для сообщества двенадцати», сделанном в **понедельник 18 февраля** в Берлинском деловом клубе Вальтером Шютце, управляющим делами исследовательского комитета Французского института международных отношений (Париж). Согласно моим заметкам, Шютце сказал тогда: *«Полтора года назад Горбачёв нечаянно начал революцию. Его трагедия в том, что он сейчас разрушает то, что создал. Право на самоопределение придётся предоставить и советским народам. Возникновение кризиса в Персидском заливе осталось незамеченным в Европе. Тем горше было её пробуждение. Европа не участвует в войне в Заливе и поэтому не будет участвовать в определении дальнейшего положения на Ближнем Востоке. Год назад в Европе*

господствовала эйфория: говорили о новом мире, для которого потребуются новые структуры. Но это были лишь провозвестники приближающегося землетрясения. Европа не может существовать без СССР, но в то же время не в состоянии влиять на его развитие – экономические рычаги не действуют. В условиях внеевропейских кризисов страны Европы стали действовать вразнобой. Европейская интеграция замедляется. Привязки [восточноевропейских стран] к Германии не получается. Развитие за Бугом носит открытый характер. Парижская встреча в верхах [СБСЕ] означала новый этап строительства новой Европы с учётом того, что СССР „озападнался“. Восточноевропейцы заявляют о своём желании „вернуться в Европу“. Но дело в том, что та Европа, которой они хотят, не готова их принять. К тому же начались волнения в СССР. Возродился роковой лозунг „санитарного кордона“. Наметился новый раскол Европы – теперь по Бугу. За Бугом лежит неопределённый массив СССР, в составе которого есть республики, которые тоже хотят в Европу. Больше всего обеспокоены находящиеся ближе к Западу Польша, Чехословакия и Венгрия. Их беспокойство вызвано не страхом перед новой советской оккупацией или отказом Москвы вывести войска. Просто мы ещё не в той Европе, построить которую мы хотим. Государственным интересам ФРГ соответствует сохранение Советского Союза с Горбачёвым и только что заключённым договором с ФРГ. То же можно сказать и об интересах США и всего мира – никто не хочет дезинтеграции СССР. Но сможет ли СССР сохраниться как единое государство? Действия прибалтов иррациональны. Прибалтийские республики в одиночку нежизнеспособны. Западу придётся им помогать. В результате на Западе возникает новый образ врага, причём на спусковой крючок нажимают именно прибалты. В состоянии ли Запад спасти Советский Союз? В Европейских сообществах борются две концепции – расширение, то есть приём в ЕС „новых демократий“ Восточной Европы, или углубление, то есть продвижение по пути дальнейшей интеграции уже существующего состава ЕС. Северные страны ЕС выступают за расширение, южные – за углубление. Бонн предлагает реализацию обеих концепций одновременно, но придётся всё же выбирать приоритеты. Здесь заложен взрывной заряд большой силы. Экономическое развитие ФРГ представляет собой исключение для ЕС – оно характеризуется непрерывным бумом начиная с 1982 года. Этим объясняется энтузиазм новых руководителей Восточной Европы. Однако в целом развитие Запада замедляется, на Востоке господствует депрессия, в итоге экономическая мощь ЕС снижается. Для будущего решающий характер имеет фактор Советского Союза, остальные страны не столь важны. Судьба Европы зависит от СССР, в конечном счёте от России. Поэтому мы рекомендуем советским республикам: договаривайтесь с Москвой».

При всей неопределённости в отношении исхода кризисной ситуации в Советском Союзе разумные политики, ещё остававшиеся в руководящих кругах стран Западной Европы, опасались последствий дезинтеграции СССР, который рассматривался ими прежде всего как противовес американскому засилью. Конечно, Западная Европа соглашалась с американцами в том, что нельзя было позволить СССР восстановить свою мощь, но полное

исчезновение советского фактора силы было для неё всё-таки также нежелательным. К сожалению, окончательное определение позиции Запада интегрированная Европа оставляла за Вашингтоном. Как она будет выглядеть, нетрудно было догадаться даже далёким от политики людям.

РСФСР ВЫХОДИТ НА АВАНСЦЕНУ

Безусловный интерес к расширению экономического сотрудничества с СССР проявляли и западные, и восточные немцы. При этом на передний план выдвигалось установление прямых связей с наиболее значимой в политическом и экономическом отношении частью союзного государства, какой являлась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Уже в **среду 9 января 1991 г.** в Берлине состоялся организованный Восточным комитетом германской промышленности симпозиум «Германо-советские экономические отношения». По приглашению председателя комитета Отто Вольфа фон Амеронгена, с которым я был знаком ещё по работе в посольстве в Бонне, для участия в симпозиуме прибыла большая экономическая делегация из Российской Федерации во главе с первым заместителем председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатовым. В состав делегации вошли многие видные советские экономисты, в частности академик О. Т. Богомолов. Группа ленинградских представителей включала в себя В. В. Путина, занимавшего тогда пост советника по международным делам председателя Ленсовета А. А. Собчака. Путин скромно держался в тени, а на первые роли энергично прорывался председатель комиссии по международным и внешнеэкономическим связям Ленсовета В. С. Ягья, хотя кроме надувания щёк он ничего путного «выдать на гора» не смог. Материалы симпозиума оказались интересными для меня, поскольку позволили получить более или менее объективную информацию «из первых рук» о положении дома.

Основные сведения я почерпнул из доклада Хасбулатова. Согласно моим записям, он сказал: *«Возможность полнокровного сотрудничества между СССР и Западом обеспечена. Наряду с этим проходят сложные бюджетные переговоры между РСФСР и Центром. Впервые Россия составила свой нормальный бюджет. Центр требовал ещё 27 миллиардов рублей, но их нет, и Россия не дала этих денег. Пусть сокращают армию, управленческий аппарат, кремлёвское чиновничество. Россия экономически самодостаточна и самостоятельно осуществляет свою экономическую политику. Министерство внешнеэкономических связей России отстояло свою самостоятельность. Лицензии на внешнеэкономическую деятельность выдаются местным (областным) советам, а те в свою очередь конкретным предприятиям. Таким образом, происходит децентрализация, передача прав регионам. Запад поддерживает Центр, мы тоже, но только через Центр западные фирмы не смогут работать. На потребительский сектор (сектор Б) приходится лишь 24 % экономики, 76 % – на сектор тяжёлой промышленности (сектор А). На Западе пропорции обратные. У нас получается, что экономика – против человека. Надо менять структуры.*

Между тем в апреле 1985 года структуры были теми же самыми. Б. Н. Ельцин находится у власти [в РСФСР] всего полгода. За это время принято 150 законов и постановлений, которые создали базу для изменений в России. Первый этап бюджетной работы завершён. Налоги поступают только в российскую казну, и уже Россия передаёт часть средств в союзный бюджет. Россия отстояла свою позицию. Временное экономическое соглашение между республиками и Центром внесёт элемент стабильности в нашу систему (главную роль играет соглашение Ельцин – Горбачёв). Закон о принципах внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР был принят сразу: иностранные фирмы совершенно свободны в своей деятельности в рамках компетенций РСФСР. Российская промышленность преобразуется в фирмы, иностранные фирмы приравниваются в своих правах к ним. В области сельскохозяйственного производства создаются фермерские хозяйства, осуществляется выход из колхозов, вводится частная собственность на землю (продажа земли [станет возможной] через 10 лет). Без частной собственности нет рынка. „Регулируемый рынок“ – это попытка вернуться к старому. Надо взять курс на широкую приватизацию. Вряд ли появится массовая безработица, поскольку сейчас полностью отсутствует сектор мелкого хозяйства (здесь потребуется 1,5 – 2 миллиона предприятий). Прорицания безработицы – это такая же гнусная сказка, как и предсказания относительно голода. Голода нет и не будет (при этом нехватка товаров есть и будет). Говорят, что нужна „сильная власть“. На самом деле власть должна быть нормальная, обеспечивающая функционирование государственных институтов. Мы в России строим именно такую власть. Мы создаём открытое общество. Принимаемые Россией меры всегда эффективны – пусть хотя бы косвенно, через влияние на политику президента [СССР]».

В пятницу 24 мая 1991 г. в конгресс-центре самой «западной» из восточноберлинских гостиниц – построенного в своё время японскими фирмами по заказу правительства ГДР «Паласт-отеля» – состоялся германо-российский экономический форум «Деловые и кооперационные возможности в агропромышленности и агробизнесе». От представителей бизнеса ФРГ отбоя не было. Главным «гвоздём» форума стало выступление В. Н. Ярошенко, министра внешних экономических связей РСФСР (на его визитной карточке вызывающе красовался ещё не признанный официально российский триколор). Согласно моим заметкам, он сказал: «Россия и Германия занимают ведущее место в Европе: Германия в западной части континента, Россия – в восточной. В России происходит революция: мы возвращаемся к здравому смыслу, прекращаем идти тупиковым путём. Внешнеэкономические связи России и Германии составляют львиную долю советско-германских связей. Россия снова вводит право частной собственности на землю: уже сейчас насчитывается 10 тысяч фермеров, подано ещё 20 тысяч заявок. Мешает так называемый „синдром зоопарка“: три поколения земледельцев прожили жизнь в клетке, разучившись охотиться. Не все решаются выйти из клетки, фермеров нужно обучать их ремеслу. Одно из направлений сотрудничества – стажировки в развитых странах (150–200 стажёров уже обучаются за рубежом). 10 миллионов гектаров составляют заброшенные и

запущенные земли; к ним добавляются „неочищенные“ земли – пустыня и полупустыня. Иностранцы могут получить все эти земли в аренду на срок до 49 лет. Уже в этом году состоится приватизация таких направлений, как транспортировка, хранение, упаковка, продажа сельскохозяйственных товаров. Проблема в том, что у населения нет денег (их хватит на оплату лишь 5–7 % государственной недвижимости). Нужен иностранный капитал, который может получить до 10–15 % прибыли (больше нельзя по соображениям экономической безопасности). С 1 июля внешняя торговля СССР переводится на союзно-республиканский режим. По 11 наименованиям товаров союзные органы устанавливают квоты; остальное передаётся республикам (они будут сами решать – контингентировать или нет). Разрешается бартер, который равным образом входит в компетенцию республик. До 10 % реализуются местными органами власти, которые также могут выходить на внешний рынок. Может быть, придётся прибегать к клирингу, чтобы избежать безработицы. Таможенная служба тоже приобретает союзно-республиканский характер. Своей таможен у России не будет. Сохраняются единая таможенная территория и единое экономическое пространство. Каждая республика экспортирует то, что производит; реэкспорт запрещается. Россия должна быть сильной. Интересы России и Центра совпадают: необходимо сохранить СССР – возможно, на новом уровне. Будем проводить политику открытых дверей. Возможны полностью иностранные предприятия. Допускается торговля на рубли. Вся государственная собственность – это огромные ценности. Рубль станет „тяжёлым“. У населения 400 миллиардов рублей, а государственная собственность составляет 3 триллиона. Правительство России может покупать товары за рубли по курсу выше официального. Всё будет оформляться через специальные счета; „грязные деньги“ мы не пустим. Это относится к приобретению земли, ресторанов, магазинов. Правительство сможет покупать за рубли также продовольствие и инвалюту».

Доклад Ярошенко живо заинтересовал присутствующих. Они впервые были ознакомлены – хотя бы в общих чертах – с программой экономических реформ в самой крупной республике СССР. Кстати, сообщение Ярошенко представляло такой же, если не больший, интерес для нас, поскольку мы постепенно начали терять ориентацию под воздействием доходившей до нас различными путями противоречивой информации об обстановке в Советском Союзе. Присутствующие задали огромное количество вопросов, ответы на которые не всегда были исчерпывающими или убедительными. Запомнились просьбы разъяснить механизм поддержки обменного курса рубля (присутствовавшие ссылались на то, что в Таллине и Риге уже дают 35 рублей за доллар). Ярошенко рассказал о планах проведения валютных аукционов и заверил, что реальный обменный курс установится в диапазоне 5–10 рублей за доллар.

Рост внешнеэкономической активности властей РСФСР бросался в глаза. Во **вторник 4 июня 1991 г.** я встретился с нашей делегацией на первую сессию российско-нижнесаксонской смешанной комиссии по экономическому сотрудничеству, работа которой должна была начаться на следующий день в Ганновере (ради экономии средств российские представители прибыли

самолётом «Аэрофлота» в Берлин; отсюда их должны были на автомашинах забрать представители Нижней Саксонии). В делегацию входили заместитель председателя государственного комитета РСФСР по экономике, заместители министра торговли и министра промышленности РСФСР, представитель референтуры Совета министров РСФСР по вопросам внешнеэкономических связей и международных отношений. Сопровождал их первый секретарь МИД РСФСР Д. Е. Любинский, который стал впоследствии одной из опорных фигур российской германистики. В отличие от делегации Ярошенко члены этой делегации не очень охотно говорили о ситуации дома. Они были заинтересованы главным образом в том, чтобы получить от нас информацию об экономической и политической обстановке в ФРГ. По мере сил и возможностей мы предоставили им интересующие их сведения.

В воскресенье 9 июня 1991 г. по приглашению президента Экономической академии Восток-Запад профессора Клауса-Генриха Штандке в Берлин прибыла большая делегация исполкома Моссовета. В её состав входили представители комитета экономики, комиссии по науке и технике, управления зарубежных связей, исполкома Волгоградского района города Москвы. Состоявшиеся переговоры с руководством академии и берлинскими городскими властями подготовили почву для реализации в дальнейшем ряда совместных проектов, в том числе прохождения начинающими сотрудниками московской городской администрации стажировки в Экономической академии. Сотрудничество между Москвой и Берлином начинало приобретать осязаемые формы.

В четверг 1 августа 1991 г. состоялся первый рейс Берлин – Москва, осуществлённый самолётом «Люфтганзы». Он открыл прямое сообщение между столицами обеих стран силами главного авиаперевозчика ФРГ. Этим событием завершилась реализация давнишней мечты немцев о подключении к «берлинскому гешефту». Пассажирами первого самолёта «Люфтганзы», вылетевшего в Москву из Берлина, стали бургомистр Берлина Кристина Бергман, премьер-министр Бранденбурга Манфред Штольпе, президент «Люфтганзы» Хайнц Рунау, государственный советник РСФСР по связям с общественностью С. Б. Станкевич, а также цвет делового мира Берлина. Был приглашён участвовать в этом мероприятии и связанных с ним приёмах также и я. Помню, я очень порадовался неожиданной возможности хотя бы на три дня побывать в Москве, проконсультироваться с коллегами в МИД, проверить, как живут наши дети, ставшие к тому времени уже взрослыми и самостоятельными. На пути в столицу СССР у меня состоялась длительная и подробная беседа со Штольпе, с которым мы были хорошо знакомы ещё с кризисных времён 1989–1990 гг. Он рассказал, что запланирована его встреча с Б. Н. Ельциным, в ходе которой намечено обсуждение возможностей восстановления хозяйственного сотрудничества, существовавшего ранее между РСФСР и округами ГДР, вошедшими в состав Бранденбурга; он упомянул, в частности, поставки женской одежды из Котбуса, швейных машинок из Виттенберга, оправ для очков из Ратенова – товаров, действительно пользовавшихся у нас большим спросом. (На обратном пути в Берлин выяснилось, что у Ельцина не нашлось времени, чтобы принять Штольпе, и тому пришлось разговаривать с советниками председателя Верховного

Совета РСФСР; не более успешной оказалась встреча Штольпе с заместителем министра иностранных дел СССР В. Ф. Петровским, в ходе которой затрагивался вопрос о темпах вывода советских войск из Потсдама, ставшего столицей земли Бранденбург.) По прибытии в Москву Рунау с гордостью провёл нас по находящемуся на завершающем этапе строительства зданию гостиницы «Балчуг-Кемпинский», которой предстояло стать опорной базой «Люфтганзы» в Москве (наименование гостиницы должно было лишний раз подчеркнуть органическую связь между Берлином и Москвой: «Кемпинский» – один из старейших и известнейших берлинских отелей).

В пятницу 9 августа 1991 г. была проведена торжественная церемония по случаю отправления первого пассажирского поезда по маршруту Берлин – Кёнигсберг/Калининград – Берлин. Организатором новой линии были железные дороги бывшей ГДР, которые всё ещё пользовались известной самостоятельностью (первое время сохранялось даже их традиционное название «Deutsche Reichsbahn» – «Германские имперские железные дороги» – в отличие от «Deutsche Bahn» ФРГ – «Германские железные дороги»). Здесь празднество было поскромнее, а уровень официальных представителей пониже. Сообщение с Калининградом не предполагалось делать ни ежедневным, ни даже регулярным; собирались отправлять составы по маршруту по мере поступления заявок. Впрочем, организаторы были уверены, что заявок будет много – прежде всего от немцев, бежавших из Восточной Пруссии во время военных действий или выселенных оттуда после войны: для них только сейчас появилась возможность посетить родные места.

Между тем ситуация в «новых землях» была далека от того процветания, которое было обещано восточным немцам накануне воссоединения (Гельмут Коль говорил тогда о «цветущих ландшафтах», которые ожидают в будущем граждан ГДР). О трудностях, с которыми сталкивается Восточная Германия, много говорилось на лекциях, которыми открылся в **воскресенье 11 августа 1991 г.** так называемый «Летний университет», проводившийся издательской группой «Хандельсблатт» на базе восточноберлинского университета им. Гумбольдта. В частности, министр экономики Саксонии Кайо Шоммер сообщил, что за 10 месяцев после объединения саксонские предприятия потеряли почти все внешние рынки, причём Европейские сообщества вступили в открытую экономическую конкуренцию с «новыми землями». Он подчёркивал, что восточные немцы совершенно не знают законов рынка, поскольку социалистическое государство приучило их к пассивности. Необходимые реструктуризация и интенсификация бьют в первую очередь по трудящимся женщинам, которые в массовом порядке оказываются без работы. В этой связи растёт обида на западных немцев, которые постоянно учат восточных, как надо работать. Шоммер повторил популярную в бывшей ГДР горькую шутку, согласно которой лозунг восточного немца остаётся: «Мы – единый народ!», на что западные немцы отвечают: «Мы – тоже!» Другой выступавший, профессор Хайнер Тиммерман из Европейской академии в Отценхаузене, предлагал поднимать настроения восточных немцев при помощи формулы: «Мы живём плохо, но на хорошем уровне».

В четверг 5 сентября 1991 г. пользовавшийся большим влиянием берлинский сенатор по финансовым вопросам Эльмар Пирот, член руковод-

ства объединения средних и мелких предпринимателей ХДС, обратился ко мне с просьбой передать в Москву его соображения по вопросу оказания срочной помощи советским реформаторам в деле обеспечения теплоснабжения столицы СССР в предстоящий осенне-зимний период. Как отметил Пирот, Сенат мог бы уже в ближайшие две-три недели направить в Москву группу специалистов из БЕВАГ («Берлинское общество производства электричества»), которая могла бы определить, какие срочные меры следует принять, чтобы подстраховать работу теплоэлектроцентралей в условиях ожидавшейся суровой зимы. Возможно, продолжал Пирот, реализация предложений, которые выработает группа экспертов из Берлина, выйдет за рамки финансовых возможностей столицы Германии. Поэтому было бы желательным, чтобы советская сторона обратилась с соответствующей просьбой сразу непосредственно к канцлеру. Пирот, располагающий хорошими контактами с Гельмутом Колем, обещал предупредить его. Предложение Пирота послужило исходной точкой для организации сотрудничества между БЕВАГ и Мосэнерго, которое принесло немало пользы московским энергетикам.

В рамках поддержания существовавших при ГДР связей с нашей страной укладывались и контакты с целью определения дальнейшей судьбы расположенного в восточноберлинском районе Карлсхорст Музея капитуляции фашистской Германии. Его собирались вывезти в СССР в рамках предстоящего вывода советских войск из ФРГ: экспонаты музея находились на балансе Центрального музея вооружённых сил и других военных музеев СССР. Немецкие музейщики вовремя спохватились – в этом случае в Берлине остались бы только стены здания, где был подписан Акт о капитуляции, и Германия лишилась бы одного из самых важных памятников своей новейшей истории. Власти ФРГ внесли предложение оставить музей в Карлсхорсте, сделав его советско-германским; вклад СССР состоял бы в предоставлении уже имеющихся экспонатов; правительство ФРГ взяло бы на себя обязательство содержать здание и небольшой штат сотрудников. **В октябре 1990 г.** Москва информировала нас: *«Решено сохранить музей, переместив из него до 1994 г. часть экспонатов в создаваемый музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе и Центральный музей вооружённых сил СССР. МИД, минобороны и минкультуры СССР поручено провести переговоры с германской стороной».* Нам предписывалось: *«В контакте с военными высказать соображения по концепции музея в Карлсхорсте для выработки нашей позиции на переговорах с ФРГ».* Соответствующие предложения были направлены в Москву незамедлительно – мы считали важным сохранить в Берлине учреждение, хранящее память о центральном событии совместной истории русских и немцев в XX веке.

14–15 апреля 1991 г. в Берлине состоялась первая встреча историков и музейных работников СССР и ФРГ по вопросу о Карлсхорсте. Немецкую сторону представляли генеральный директор Германского исторического музея (Берлин) профессор Кристоф Штольцль и эксперты ряда музейных учреждений ФРГ, в первую очередь входящих в систему бундесвера (но не только – например, влиятельным членом делегации ФРГ был известный историк профессор Райнхардт Рюруп, сыгравший исключительно позитив-

ную роль в последующих переговорах). Советскую делегацию возглавлял генерал-майор В. И. Якимов, начальник отдела культуры Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. От МИД СССР во встрече участвовал заместитель начальника Историко-дипломатического управления Г. П. Кынин, один из наиболее компетентных знатоков послевоенной истории отношений с Германией. Немецкие историки вынесли на совместное рассмотрение довольно подробно проработанную схему организации совместного музея (кстати, опыта работы подобных учреждений не было ни у нас, ни у них). Советская сторона проявила интерес к предложениям немцев и попросила детализировать их.

Два месяца спустя на уровне экспертов прошёл второй раунд переговоров; на этот раз с немцами встретились советские дипломаты – я и ряд сотрудников отдела культуры Берлинского отделения посольства. Возглавлявший группу немецких экспертов Гельмут Тротнов (он стал позже директором «Музея союзников» на Клей-аллее в Западном Берлине) изложил конкретные представления немецкой стороны о том, каким должен быть совместный музей в Карлсхорсте. Он подчеркнул исключительную важность будущей информационной деятельности музея: после возвращения Западной группы войск на Родину возникнет опасность, что люди просто забудут и о капитуляции, и о заслугах Красной Армии в деле разгрома фашизма. Он продолжал: *«Стоящая перед музеем задача шире, чем можно подумать, если исходить только из его нынешнего названия. Экспозицию нельзя ограничивать лишь темой капитуляции: нужно показать то, что предшествовало дню 8 мая 1945 года (рассказать о подготовке и ходе Второй мировой войны), а также то, что последовало за ним (отразить основные моменты политики советских оккупационных властей – в Карлсхорсте долгое время размещались центральные органы управления Советской зоны оккупации Германии – и показать становление дружбы СССР с ГДР); необходим и заключительный раздел об объединении Германии и о перспективах дружественных отношений между ней и Советским Союзом»*. Мы согласились с тем, что соображения немецких экспертов идут в целом в правильном направлении, и заявили, что на их основе могут начаться полномасштабные советско-германские переговоры по музею в Карлсхорсте.

Впоследствии на основании наших рекомендаций, направленных в Центр, состоялось несколько туров переговоров официальных делегаций обеих сторон, в результате которых был разработан устав музея и созданы его руководящие органы на двусторонней основе. В мае 1995 года обновлённый и отремонтированный Германо-российский музей Берлин-Карлсхорст принял первых посетителей. В состав Научного совета музея, состоящего из историков и музейщиков России и ФРГ, МИД РФ делегировал меня, занимавшего к тому времени должность главного научного сотрудника Института Европы РАН. На первом, организационном заседании совета я был избран его сопредседателем от российской стороны. Председателем совета стал профессор Рюруп.

АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ

В понедельник 19 августа 1991 г. весь мир был взбудоражен известием из Москвы о введении чрезвычайного положения, отстранении Горбачёва от власти и передаче всех властных полномочий «Государственному комитету по чрезвычайному положению» во главе с и. о. президента Г. И. Янаевым. Это сообщение вызвало настоящее землетрясение в политических кругах ФРГ. Сокращение советского военного присутствия в объединённой Германии только ещё должно было начаться в серьёзных масштабах, и возможные изменения в политике Кремля в этой сфере до смерти перепугали немцев.

Во **вторник 20 августа** в Берлине по призыву практически всех германских политических партий (за исключением ПДС) состоялся «марш молчания» в поддержку Горбачёва, закончившийся митингом на Паризер-плац у Бранденбургских ворот, в непосредственной близости от Берлинского отделения посольства. По сообщениям СМИ, в марше и митинге приняли участие около 5 тысяч человек. На транспарантах были лозунги «Свободу Горбачёву!» и «Навсегда нет коммунизму!». Однако заявления официальных лиц носили более сдержанный характер. В своей речи на митинге правящий бургомистр Берлина Эберхард Дипген (ХДС) апеллировал к чувству ответственности советского руководства и призывал к продолжению политики мирных компромиссов. Он подчеркнул, что лишение людей возможности самостоятельно принимать решения, навязывание им своего мнения, угнетение являются тупиковым путём для человечества. Он заявил: «Мы презираем реакционеров, но остаёмся верными союзниками всех людей в СССР, которые, как и мы, не хотят возвращаться в мир вчерашнего дня». Дипген заверил в солидарности берлинцев со «свергнутым президентом Горбачёвым». Глава берлинской организации СвДП Карола фон Браун высказалась против крикливых требований ввести санкции против Советского Союза: по её мнению, санкции вряд ли повредят путчистам, но сильно осложнят положение сил, выступающих в СССР за свободу. Председатель фракции СДПГ в бундестаге Ганс-Йохен Фогель обратился к советским солдатам с призывом не прибегать к силе: «Не стреляйте в ваших сограждан, солидаризируйтесь с ними!» Новых людей во власти он призвал не пытаться повернуть колесо истории вспять, так как право и логика на стороне демократически настроенных сил.

Для сотрудников Берлинского отделения первые два дня чрезвычайного положения в Москве стали серьёзным испытанием. Конечно, авторитет и популярность Горбачёва уже давно приблизились вплотную к нулевой отметке. Было немыслимо, чтобы ему простили одностороннюю сдачу всех позиций в мире, какими только располагал Советский Союз. Однако решение ГКЧП ввести войска в мирную Москву граничило с безумием, поскольку содержало риск, что всё закончится массовой бойней. Танки на московских улицах – такое не могло присниться даже в самых горячечных снах! Перед каждым из нас во весь рост встал вопрос: можем ли мы как ни в чём не бывало продолжать служить власти, которая так явно не ставит ни в грош жизнь своих сограждан?

В **понедельник 19 августа**, в день путча, у меня состоялись три встречи. В 11.00 я принял уже упоминавшегося заместителя директора берлинского филиала Аспенского института Марио Лемме, который примчался жаловаться на наш консульский отдел, внезапно отказавший ему в выдаче въездной визы для посещения Прибалтики, хотя все документы были поданы в срок. Пришлось разъяснять ему, что одним из следствий введения чрезвычайного положения является запрет на въезд в СССР вообще всех иностранных граждан и надо будет дождаться нормализации ситуации, прежде чем появится возможность продолжить поездки по Советскому Союзу.

В 12.00 пришёл мой давний друг Йохен Виллердинг, руководитель комиссии по международным связям при Президиуме ПДС. Он поделился сомнениями и опасениями, которые вызвало у него и его коллег по партии создание ГКЧП. Виллердинг проявил понимание причин, вынудивших московских товарищей пойти на такой шаг, но считал шансы на успех минимальными. Он подтвердил, что в любом случае ПДС заинтересована в продолжении обмена мнениями с руководством КПСС, как только для этого появится возможность. Договорились, что я при случае передам его слова в Москву.

На 15.00 ко мне срочно запросился Марам Штерн, представитель для Европы (с резиденцией в Брюсселе) Всемирного еврейского конгресса. О сказанном им я докладывал в МИД СССР следующее: *«Президент Всемирного еврейского конгресса Бронфман мог бы прибыть в ближайшие дни в Москву для встречи с [главой правительства СССР] В. С. Павловым. Целью такой встречи было бы прояснение отдельных аспектов программы и политики нового советского руководства, прежде всего под углом зрения положения евреев в СССР. Беседа с Павловым дала бы Бронфману возможность провести затем встречи с лидерами США, ФРГ, Франции и Англии для оказания сдерживающего влияния на политические решения европейских стран и США. Штерн заявил, что Бронфман опасается, что приход нового руководства в СССР может побудить Запад к необдуманным и поспешным шагам, которые вернут мир к противостоянию времен холодной войны. Штерн просит срочного ответа».*

Ответа на это обращение вследствие скорого краха ГКЧП, естественно, не последовало. Однако в беседе в **пятницу 25 октября 1991 года** Штерн вернулся к вопросу о поездке в Москву – на этот раз своей собственной – для установления контакта с представителями РСФСР. В информации для МИД СССР я сообщил о его просьбе к российскому руководству разрешить ему поездку в Москву на 3–4 дня в начале декабря. Он *«хотел бы быть принятым для беседы А. В. Руцким, Р. И. Хасбулатовым, Г. А. Явлинским, С. Б. Станкевичем, С. М. Шахраем. Цель бесед – выяснить, в какой форме и каком объёме Всемирный еврейский конгресс сможет помочь процессу консолидации демократических порядков в России. Поскольку конгресс располагает достаточно серьёзным влиянием в США и ЕС, совет с его стороны будет там услышан».* Штерн добавил, что собирается обсудить также установление прямых контактов между Европейскими сообществами и РСФСР. В число собеседников, с которыми он хотел бы пообщаться в Мо-

скве, он включил также политологов С. А. Караганова, А. С. Ципко и О. Т. Богомолова. Поездка Штерна в конце концов состоялась. Не берусь судить, насколько успешной она была, но во всяком случае Всемирному еврейскому конгрессу удалось вовремя установить прямой контакт с людьми, которым было суждено определять лицо новой России.

Боюсь, что при встрече со Штерном 19 августа мне не удалось соблюсти необходимое дипломатическое бесстрашие. Помню испуганные глаза моих собеседников (Штерн пришёл в сопровождении знакомого мне сотрудника из числа бывших граждан ГДР), когда у меня вырвалась резкая оценка действий ГКЧП, в которых я видел демонстрацию презрения к мнению большинства населения страны. Я не стал скрывать, что считаю введение чрезвычайного положения опасной затеей, заранее обречённой на провал. Не знаю, пошёл бы я защищать Белый дом, если бы был в то время в Москве, но наша дочка со своими друзьями присоединилась к его защитникам (мы узнали об этом позже из её письма, исполненного молодёжного максимализма и ярких подробностей произошедшего¹⁸²). Всей душой мы были с теми, кто встал на защиту российского парламента. В то же время мы сознавали, что момент слишком серьёзен для того, чтобы «пороть горячку». Большинство советских дипломатов в Берлине решили действовать в зависимости от того, как будут выглядеть на практике действия вождей ГКЧП. Никакой тип реакции на них не исключался заранее.

Нечего и говорить, что мы самым внимательным образом следили за пресс-конференцией руководителей путча. Уважения к ним не прибавили показанные крупным планом трясущиеся руки Янаева. Тем большей была всеобщая радость, когда на третий день весь путчистский балаган рассыпался в прах. Единственным реальным результатом ГКЧП стало неудержимое возвышение Б. Н. Ельцина, который из вызывавшего споры лидера РСФСР сразу превратился в вождя нации, пользующегося практической всеобщей народной поддержкой и абсолютно доминирующего на союзном политическом небосклоне. Его фотография в тот момент, когда он, стоя на танке, зачитывал свой указ о непризнании ГКЧП, стала чем-то вроде иконы для масс, жаждущих устойчивой справедливости.

В интервью берлинской газете «Шпандауэр фолксблатт», опубликованном в **среду 4 сентября 1991 г.**, я ретроспективно охарактеризовал моё и моих коллег-дипломатов отношение к ГКЧП: *«Мы испытывали сильнейшее беспокойство по поводу того, что происходит в Москве. Танки на улицах доказывали – до добра дело не дойдёт. С самого начала было ясно, что путч не сможет достигнуть своих целей без кровопролития и восстано-*

---

¹⁸² Через 2–3 дня после провала ГКЧП мы получили с оказией письмо от дочери: «Победа, ура, ура, ура! Просто не верится, что всё это было. Как кошмарный сон. Откуда из этих рыл, которые едут в метро, вдруг взялись человеческие лица, люди, которые думают так же, как и мы? Просто чудо какое-то. Там, на баррикадах, была такая обстановка, как будто все родные. Рыжик [приятель] там был самые опасные ночи – первую и вторую. Мы с Юлькой [золовка Юлия; дочь и она работали обе переводчицами в Госкомспорта РСФСР] днём ходили. Наш министр спорта [В. Н.] Мачуга в 12 часов дня 19-го нас собрал и сказал, что мы бастуем и подчиняемся только Ельцину; сам всё время был там с ним в Белом доме. Говорил, что когда Ельцин к вечеру 19-го увидел, сколько народу подвалило, то сказал: я, мол, отсюда никуда не уйду, будем стоять за них до последней капли крови. Первый раз в жизни я горжусь, что я русская. Какое счастье! Так у нас всё хорошо. Ксюха [внучка Ксения] на даче. Целую крепко! Ася».

ления ГУЛАГа. Первые известия о российском сопротивлении, о баррикадах у Белого дома вызвали тревогу за близких. Мы знаем наших детей и подозревали, что они не останутся в стороне. Как позже выяснилось, в своих опасениях мы оказались правы. Очень трудно было определить своё поведение в этой ситуации. Трудность была не в том, чтобы разобраться с симпатиями и антипатиями: ни Янаев, ни Павлов, ни Крючков симпатий вызвать не могли и сомнений в конечном крахе их предприятия не было. Мучил вопрос о цене, которую истерзанная страна заплатит за попытку неисправимых остановить историю. Перспектива международного осуждения и решений о санкциях воспринималась как сама собой разумеющаяся. Но как это скажется на народе? Ведь голодать пришлось бы не Павлову, а человеку с улицы. Известие о том, что путч провалился, вызвало не удивление, а огромную радость и облегчение. И восхищение москвичами, не давшими себя запугать. И совершенно непривычное ощущение победы, уверенности в том, что отныне уже никто не сможет поставить нас на колени». Закончил я получившееся несколько пафосным интервью так: «Что дальше? Пока мы ещё здесь, мы будем делать всё, что в наших силах, чтобы помочь нашему народу – и Центру, и республикам, которые нуждаются в наших услугах. Если мы окажемся ненужными на этом посту, то всегда найдём себе сферу применения, потому что долг каждого перед своим народом неоплатен». Сегодня – после развала Советского Союза, после расстрела парламента в 1993 году и безумной свистопляски единоличного ельцинского правления – я склонен признать наличие благих намерений хотя бы у некоторых инициаторов ГКЧП, но одобрить их действия я не могу и сегодня.

23 августа 1991 года состоялась встреча Горбачёва с депутатами российского парламента, во время которой Ельцин объявил о приостановке деятельности Компартии РСФСР и КПСС на территории России. Накануне в советских СМИ был опубликован призыв ранее исключённого из КПСС А. Н. Яковлева ко всем «честным коммунистам» выйти из партии. Эти события оказали сигнальное воздействие на настроения в нашей среде – и в Берлинском отделении посольства стали окончательно рушиться старые порядки. Вскоре к нам поступил циркуляр МИД СССР, отражающий основные положения подписанного ещё 20 июля указа Ельцина о «департизации» государственных учреждений. Внутренняя жизнь большого советского коллектива в Берлине меняла своё течение и входила в иные берега.

Пятница 23 августа выдалась для меня хлопотным днём не только из-за обрушения привычных устоев бытия. В 11.00 часов в берлинском районе Шпандау открывалась выставка-продажа продукции подмосковной фабрики фарфора «Гжель». Я придавал особое значение выходу «Гжели» на германский рынок в плане обеспечения нашего присутствия на рынке качественных товаров широкого потребления (на тот момент Россия была оптически представлена в «большой ФРГ» разве что продававшимися на диких базарах в людных местах куклами-матрёшками и солдатскими шапками-ушанками *made in Poland*). Поэтому я принял приглашение организаторов выставки присутствовать на торжественном открытии выставки

и произнести приветственную речь. У меня сохранился краткий конспект этой речи, подготовленный в автомашине по пути в Шпандау: *«Сегодня для нас радостный день. Народ России защитил демократию. Русские, где бы они ни были, гордятся – может быть, впервые в истории обоснованно гордятся своей страной, москвичами, остановившими путчистов. Наверняка среди защитников Белого дома были и жители Гжели, расположенной совсем близко от Москвы. Дополнительным знаком надежды является то обстоятельство, что демократию отстояла молодёжь, которая вышла на баррикады. Нам предстоит путь в рынок. Успех и здесь будет зависеть от того, поддержит ли молодёжь реформаторов».*

Между тем провал путча вовсе не означал прояснения ситуации в стране. Проблем становилось не меньше, а больше. Попытку прокомментировать развитие событий в СССР и наметить перспективы предпринял С. М. Шахрай, один из влиятельных советников президента РСФСР, выступивший перед дипсоставом в **пятницу 13 сентября 1991 года**. Согласно моим записям, он сказал: *«К последствиям путча относится то, что многое рухнуло совершенно неожиданно. [Правда,] обошлось без особого мародёрства. Чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР состоялась, факсы работали, но междугородняя телефонная связь была отключена. Сейчас Ельцин отменил свои указы, изданные во время путча. Была напряжённость накануне Съезда народных депутатов СССР. Предстоят важные решения – принятие конституционного закона о переходном периоде до заключения нового союзного договора. Официально Советский Союз ещё не распущен».* Последнее замечание Шахрая выдавало заветную мечту сторонников Ельцина – поскольку у того не было шансов возглавить Советский Союз, союзное государство должно было просто исчезнуть.

* * *

РЕТРОСПЕКТИВНО: УПУЩЕННЫЕ ШАНСЫ

Драматические последствия обречённой на крах затеи путчистов затронули напрямую и нашу многострадальную дипломатическую службу. В частности, оказалась сломанной карьера человека, с деятельностью которого были связаны надежды советских/российских дипломатов на возрождение творческого потенциала и непререкаемого авторитета сообщества внешнеполитических экспертов. Когда я думаю о судьбе Юлия Александровича Квицинского (1936–2010), мне приходит на ум сравнение с быстро набравшим силы могучим кедром, уверенно готовившимся стать общепризнанным украшением всего лесного массива, когда бессмысленный удар молнии внезапно оборвал его существование.

Назначенный первым заместителем министра иностранных дел за три месяца до путча, Квицинский только-только приступил к разбору завалов, образовавшихся в министерстве за время «царствования» никогда прежде не имевшего дела с международными делами Э. А. Шеварднадзе (назначен министром в 1985 г.). А. А. Бессмертных, принявший у него дела в январе

1991 г., сказался больным после начала путча, и Квицинскому пришлось в силу служебного положения принять на себя руководство текущими делами. Вернувшийся в Москву Горбачёв издал указ об увольнении Бессмертных с должности министра; заодно был лишён должности и Квицинский, который тяжело перенёс эту несправедливость. Министр иностранных дел РСФСР А. В. Козырев, которому после дезинтеграции СССР был подчинён «большой МИД», вообще отправил Квицинского в отставку.

Между тем высокое предназначение Квицинского стало проявляться с первых же шагов на профессиональном поприще. Мне не довелось работать с ним в Берлине, когда в ходе долгих и мучительных переговоров с множеством участников выработывалось Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину (1971 г.), обеспечившее на последующие два десятка лет стабильность и спокойствие в районе, где ранее казавшийся неразрешимым конфликт интересов то и дело ставил мир на край катастрофы. Но знавшие его в это время коллеги с восхищением отзывались о решающем вкладе начинающего дипломата в успех предприятия, многим казавшегося на первых порах абсолютно безнадёжным.

Способность к «мозговому штурму» на путях, далёких от повседневной рутины, Квицинский демонстрировал и в дальнейшем. Именно она позволила ему в ходе неофициальных бесед в Женеве с переговорщиком от США Полом Нитце наметить принципиально новую схему договорённостей об ограничении американо-советских ядерных вооружений в Европе при сохранении паритета сил обеих сторон. Так называемые «лесные прогулки» Квицинского и Нитце в 80-х годах стали сенсацией для мировой прессы и до сих пор остаются ярким эпизодом во всех наставлениях по ведению международных переговоров.

Но прежде чем стать послом по особым поручениям МИД СССР и заняться разоруженческой тематикой, Юлий Александрович был в 1978–1981 гг. посланником, заместителем посла Советского Союза в Бонне. В эти годы я имел честь работать под его руководством в качестве советника посольства, и у меня была возможность лично оценить уникальные деловые и моральные качества Квицинского как руководителя. Сочетание в высшем звене посольства в ФРГ таких выдающихся личностей, как посол В. С. Семёнов и советник-посланник Ю. А. Квицинский, было идеальным с точки зрения успешного функционирования дипломатического представительства в важнейшей для нас западноевропейской стране.

Конечно, значительную часть сил и времени Юлию Александровичу приходилось тратить на решение многочисленных задач технического характера – таков уж удел каждого посланника. Но в остальном впечатляющая широта подходов обоих руководителей к чрезвычайно сложной проблематике советско-германских отношений носила взаимно дополняющий характер. Громадный дипломатический опыт Семёнова и его разносторонние интересы отлично совмещались с упорством и мастерством Квицинского в реализации политической линии, которую он считал правильной, его организационным талантом и умением придать ускорение производственным процессам в посольстве. Мне кажется, что этот первый боннский период

биографии Юлия Александровича – несмотря на его непродолжительность – сыграл очень важную роль в становлении Квицинского как политического деятеля международного уровня.

Второй боннский период (1986–1990 гг.), в течение которого Квицинский был уже послом СССР в ФРГ, совпал по времени с тяжелейшим внутренним кризисом Советского Союза, затронувшим и внешнеполитическую сферу. На глазах разваливалась система безопасности на европейском направлении, выстроенная нашей страной в послевоенные годы. Вспыхнуло всё её европейское предполье. Высочайшего накала достигла напряжённость дискуссий внутри страны по проблемам взаимоотношений с внешним миром. Как и большинство граждан СССР, Юлий Александрович с самого начала выступал за приведение внутреннего устройства страны и путей её развития в соответствие с новыми историческими условиями. Но как мудрый и опытный эксперт по политическим вопросам, он понимал, что движение «на ощупь», без ясной программы и точного представления о конечной цели, которое получило название «перестройка», приносит больше вреда, чем пользы. Квицинский был одним из немногих советских политиков, кто лично на практике был знаком с нравами и обычаями на «верхних этажах» западной политической жизни и мог судить, чего можно ждать от американцев или западных немцев в случае чрезмерного ослабления наших позиций. Он не уставал предостерегать от иллюзий, будто «опережающие» уступки принесут когда-либо стратегические дивиденды. Профессионал высшего класса, он единственным из дипломатов без аппаратно-партийного прошлого стал членом ЦК КПСС, но и этого оказалось недостаточным для того, чтобы его голос был услышан в Кремле.

Ключевыми событиями международной жизни в 1989–1990 гг. стали крушение социалистического строя в ГДР при открытом вмешательстве Бонна в её внутренние дела. Квицинский не был приглашён на совещание у М. С. Горбачева 26 января 1990 г. прежде всего потому, что окружению генерального секретаря, готовившемуся сдать ГДР, был слишком хорошо известен боевой настрой посла, не готового жертвовать стратегическими интересами страны. Начало движения к «урегулированию» германского вопроса в боннском духе было положено в отсутствие Квицинского. Не было его согласия на то, чтобы СССР перестал возражать против присоединения ГДР к ФРГ и приступил к выводу ЗГВ в кратчайшие сроки без закреплённого в договорном порядке обязательства Запада не расширять НАТО. Нетрудно представить себе, что творилось на душе у Квицинского, когда он узнал об этих «эпохальных» решениях. Но руки он не опустил и продолжал настаивать на своевременном принятии мер по обеспечению безопасности СССР даже в становившейся с каждым днём всё более сложной обстановке.

Квицинский требовал, например, обязательного заключения мирного договора с Германией, в котором были бы детально прописаны немецкие обязательства по поддержанию всеобщего мира и безопасности. Он считал, что подготовка мирного договора должна вестись в формате «четыре плюс два» (то есть текст договора разрабатывался бы четырьмя державами-победи-

тельницами с учётом мнения обоих германских государств). Он отстаивал ту точку зрения, что должна быть установлена взаимозависимость между сроками пребывания советских и западных войск на германской территории. Вожди перестроечной внешней политики поступили ровно наоборот.

Горбачёв и Шеварднадзе согласились на поддержанное американцами боннское предложение о формате переговоров «два плюс четыре», при котором все принципиальные вопросы присоединения ГДР решались западными немцами в диалоге с их восточногерманскими ставленниками. Советский Союз оказался как бы на приставном стуле. В конечном счёте формула переговоров свелась к примитивной простоте соотношения сил «пятеро против одного», при котором СССР регулярно уступал, опасаясь остаться в одиночестве. Мирный договор так и не был реализован. Его заменила политическая декламация договора об окончательном регулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. В свете последовавшей агрессии НАТО против Югославии практическая ценность этого документа вызывает большие сомнения. Вывод ЗГВ с территории бывшей ГДР был завершён в 1994 г., в то время как американские войска, а также войска других западных держав остались в «большой ФРГ». США сохранили возможность по своему усмотрению наращивать военное присутствие в ФРГ. Стратегический ущерб, нанесённый международным позициям страны перестроечными дипломатами, несомненно способствовал подготовке внутренних условий для дезинтеграции СССР.

Сохрани Квицинский подольше пост первого заместителя министра иностранных дел, не был бы таким гигантским ущерб для внешней политики СССР/России, который нанесли «панкинщина» и «козыревщина». Противники здравого смысла и национальных интересов собственной страны обладают удивительным чутьём на людей, которые могут представлять для них опасность. Не удивительно, что путч был использован в качестве предлога, чтобы отставить МИД от Квицинского. У него не оказалось времени, чтобы сделать что-либо значительное для модернизации дипломатической службы, которая остро нуждалась в разумных реформах. Пост посла Российской Федерации в Норвегии, который он занимал с 1997 года, не очень соответствовал масштабу его личности, его творческому потенциалу, его авторитету. Но это назначение было своего рода извинением перед выдающимся дипломатом, попыткой хоть как-то загладить допущенную по отношению к нему несправедливость.

До конца жизни Квицинский оставался верным тем идеалам, которым он присягнул в юности. Неудачная попытка реализовать эти идеалы в нашей стране не стала для него поводом для самоотречения. Оставаясь подлинным патриотом России и последовательным защитником её интересов в Европе и мире, он продолжал сохранять уверенность в том, что логика развития современного социума непременно приведёт в будущем к претворению в жизнь принципов справедливого устройства общества, несовместимых с тем разбойным капитализмом, который воцарился в России.

Острый полемист, он всегда сохранял спокойный тон, не переходил на личности и не впадал в истерику. Он умел говорить горькую правду, не за-

девая достоинства собеседника. Это относится к любой тематике, которую ему приходилось затрагивать, – как в сфере внутренней, так и внешней политики. Его жизненный опыт настраивал на скептический лад, но песимистом Квицинский никогда не был. Такие люди, как Юлий Александрович, внесли неопределимый вклад в укрепление в России цивилизованных основ культуры дискуссии, без которой немыслим прогресс в демократическом переустройстве нашей страны. Особенно ценно наследство Квицинского в области внешнеполитической теории и дипломатической практики. Мы ещё долго будем обращаться к его идеям, оценкам ситуации, прогнозам европейского и глобального развития, которые являются своего рода нитью Ариадны, ведущей через лабиринт мировых кризисов и катастроф.

Закатные годы жизни омрачаются не только и не столько накопившейся усталостью и целым набором недугов. Тяжелее всего уход сверстников, бок о бок с которыми ты прошагал столько лет через множество испытаний, обрушивавшихся на нашу страну. Почему-то раньше уходят лучшие – те, кто мог бы ещё многое свершить, служа своему Отечеству.

* * *

Со вторника 17 сентября по четверг 17 октября 1991 г. у меня состоялся первый за два года регулярный отпуск (кризис ГДР и процесс её включения в состав ФРГ делали отлучку из Берлина в 1990 году практически невозможной). Я провёл отпуск в Москве, используя его для того, чтобы постараться разобраться в кризисных хитросплетениях политического положения в стране. За месяц у меня состоялось около двух десятков встреч и бесед на самом различном уровне в МИД СССР, МИД РСФСР, Моссовете, Верховном Совете РСФСР (в частности, я присутствовал на встрече Р. И. Хасбулатова с главой Восточного комитета германской промышленности Отто Вольфом фон Амеронгеном), в научных институтах Академии Наук (тогда я впервые побывал в Институте Европы, которому было суждено через полтора года стать моим вторым родным домом). Кроме того, я участвовал в работе общественного форума СССР – ФРГ, который проходил в гостинице «Октябрьская».

За этот месяц у меня сложилось твёрдое убеждение, что руководство РСФСР во главе с Ельциным стало главным (и, пожалуй, единственным активным) фактором развития внутривнутриполитической ситуации в СССР. Вместе с большинством населения России я стал склоняться к выводу, что только Ельцин с его неукротимой волей к победе способен вывести страну из кризиса, покончить с бесконечной болтовнёй и перейти к делу, чтобы осуществить народные чаяния, пробуждённые и в конечном счёте обманутые перестройкой. Надежды на лучшее будущее страны и людей всё более чётко концентрировались на России и её лидере, которым бесспорно являлся Ельцин, ставший в глазах людей «победителем дракона». Что же касается упорных слухов об алкоголизме Бориса Николаевича, то они не могли нанести ущерб сиявшему вокруг его головы нимбу сильного человека – действи-

тельно, про какого истинного русака можно утверждать, что он абсолютный трезвенник?!

Естественно, меня интересовала в первую очередь внешнеполитическая проблематика, связанная с перспективой появления в мире суверенного российского государства. Ряд признаков свидетельствовал о том, что в процессе подготовки находится полномасштабный выход новой России на международную арену. Именно такое демонстративное значение должен был приобрести запланированный на ноябрь 1991 г. визит президента РСФСР в Германию по приглашению канцлера Гельмута Коля. В основном в этой связи я дважды (3 и 16 октября) побывал у Д. Б. Рюрикова, помощника Ельцина по внешнеполитическим вопросам. Как опытный дипломат, Рюриков тщательно готовил поездку шефа и интересовался прежде всего закулисными деталями политической жизни ФРГ и, в частности, ситуацией в «новых землях».

Вернулся я в Берлин накануне отъезда Шикина, назначенного послом СССР в Югославию. В **среду 30 октября 1991 г.** состоялся прощальный приём на Унтер-ден-Линден в его честь; в **субботу 2 ноября** утром он вылетел в Москву из Шперенберга. Для меня мероприятия, связанные с отбытием руководителя отделения, оказались несколько смазанными из-за того, что буквально в эти же дни (29–31 октября) в Берлине проходила европейская конференция министров внутренних дел по вопросам сдерживания нелегальной миграции. На ней присутствовала делегация СССР во главе с министром внутренних дел В. П. Баранниковым, а также министр внутренних дел Украины А. В. Василишин (прибыл в Берлин на автомашине) и заместитель министра внутренних дел Белоруссии В. С. Изотов (белорусы прилетели 28 октября и возвратились в Минск 1 ноября). Поскольку у Шикина уже не оставалось времени, на меня легла забота о встрече, проходах и сопровождении наших делегаций, участие в заседаниях и протокольных мероприятиях.

Немцы придавали конференции огромное значение, небезосновательно опасаясь, что главной целью нелегальных мигрантов станет экономически процветающая и социально обеспеченная Германия. Министры заседали в торжественной обстановке в отреставрированном здании бывшего Рейхстага, которое в перспективе должно было принять (и приняло) бундестаг. Достиженные договорённости в общем и целом сработали – в конечном итоге ФРГ принимала в этот период только тех мигрантов, которым она сама разрешала оставаться.

Во **вторник 5 ноября 1991 г.** я уже в качестве и. о. руководителя отделения посольства созвал совещание дипломатического состава, главной темой которого стала организация работы коллектива на предстоящий период. Для того чтобы облегчить сотрудникам ориентацию в постоянно усложняющейся обстановке, я считал необходимым хотя бы частично возродить практику утренних «летучек». Мне казалось, что для того, чтобы каждый был в курсе важнейших проблем, с которыми мы ежедневно сталкивались, достаточно собирать дипломатических сотрудников в полном составе один раз в неделю; кроме того, для непосредственной координации работы групп (отделов)

отделения посольства проводить с моим участием также раз в неделю совещание их руководителей. Для общей «летучки» был определён вторник, для совещания советников – четверг.

В заключение я счёл уместным обратиться к коллегам со своего рода «декларацией о намерениях» относительно особенностей нашей работы в предстоящий период. Привожу сохранившиеся тезисы выступления: *«Нас ждут потрясения. Об этом свидетельствует, в частности, обращение Коллегии МИД к работникам, достигшим пенсионного возраста, с призывом выходить на пенсию. Этим дело не ограничится. И всё же нельзя размагничиваться. Пока нам платят зарплату, мы должны её отработать. Конечно, много эмоций, но не стоит забывать, что все мы сыны России. И если Родина будет в нас нуждаться, то мы должны найти в себе силы, без обид и задетого самолюбия служить ей в том качестве, в каком понадобится. Руководство постарается делать всё с наименьшей болезненностью для людей. Но все мы должны понять, что болезненные операции неизбежны»*. Некоторая торжественность отнюдь не была напускной: предгрозовое ощущение надвигающихся бурь испытывали все, но нельзя было допустить, чтобы это вело к сбоям в работе.

ВИЗИТ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Одной из важнейших тем моих бесед с Рюриковым в Москве была программа предстоящего визита Ельцина в ФРГ. В предложенном немцами варианте его пребывания на германской земле фигурировало только посещение Бонна и крупных центров земли Северный Рейн – Вестфалия, которая являлась официальным партнёром («побратимом») РСФСР. Я же настойчиво советовал предусмотреть заезд в бывшую ГДР с обязательной встречей с командованием Западной группы войск. В ЗГВ знают Ельцина, он очень популярен среди наших военнослужащих, говорил я, и контакт с ними принесёт большую пользу и ему, и солдатам, которые нуждаются во внимании со стороны руководителей страны; к сожалению, до сих пор такого внимания им явно не хватало. Рюриков счёл мою аргументацию заслуживающей внимания и пообещал подумать над тем, как реализовать идею посещения ЗГВ. В качестве одной из возможностей он хотел предложить немецкой стороне заезд Ельцина в Галле по пути домой 23–24 ноября.

Однако проект посещения ЗГВ был встречен «на ура» в ближнем ельцинском окружении, и окончательное решение оказалось гораздо более грандиозным, чем это представлялось возможным первоначально, – в **субботу 23 ноября 1991 г.** российская делегация посетила Потсдам, столицу самой крупной земли бывшей ГДР, где Ельцин стал гостем премьер-министра Бранденбурга Манфреда Штольпе (СДПГ). От федерального правительства Ельцина сопровождал министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер.

Торжественный обед с речами состоялся в исторически самом памятном месте Потсдама – в замке Цецилиенхоф, где в 1945 году проходили переговоры глав СССР, США и Великобритании, вошедшие в историю как Потсдамская конференция. Гостям показали зал, в котором шли заседания конференции и всё сохранялось без изменений с тех пор. В ГДР тщательно сберегли и внешнее оформление замка. В 1945 году перед началом конференции специально командированные из Москвы флористы разбили под окнами зала заседаний большую клумбу с огромной красной пятиконечной звездой. Эта клумба существует и поныне. У Цецилиенхофа было ещё и то преимущество, что он находится довольно далеко от центра города. Немецкие власти старались избежать всего, что могло бы послужить поводом для большого стечения народа. После краха ГКЧП Ельцин пользовался невероятной популярностью в Германии, и можно было ожидать, что народная симпатия к нему примет характер массовых демонстраций. Коль опасался, что это могло бы повредить репутации Горбачёва, которого он хотел во что бы то ни стало поддержать. Информации о предстоящем посещении Ельциным Потсдама даже не было в СМИ.

В самом Цецилиенхофе сразу же установилась атмосфера искренней сердечности. Один из творцов германского единства Штольпе, игравший на протяжении всего кризиса роль посредника между оппозицией и властями ГДР, всегда оставался сторонником сотрудничества с Советским Союзом и уважения его интересов. Он произнёс прочувствованное приветственное слово, отражавшее стремление к установлению доброжелательных взаимоотношений между ФРГ и Россией. Такое вступление сделало естественным последующее «братание» гостей и хозяев. Не менее дружественной была и заключительная речь Геншера, хотя в ней явно прозвучали нотки дипломатической сдержанности. Тем не менее министр, отметив наличие у немцев глубоких дружественных чувств к русскому народу, подчеркнул, что *«в единой Европе мы никогда не будем противостоять друг другу как противники. Наиболее значимый вклад в объединение Германии внесли сами немцы и народы Советского Союза, и это определяет их совместное будущее, которое можно охарактеризовать как германо-российскую дружбу»*. Терминология речи Геншера заслуживала внимания, поскольку обычно политики объединённой Германии избегали говорить о дружбе с русскими.

Естественно, собравшиеся с наибольшим нетерпением и интересом ожидали выступления главного гостя. Ельцин оправдал ожидания. Он часто отрывался от манускрипта и говорил совершенно свободно. Согласно сделанным мною наспех заметкам, он сказал следующее: *«Германия и Россия – это крепкая стена, о которую будут разбиваться волны мелких вспышек, в том числе и националистических. Наши отношения определяются недавно заключённым всеобъемлющим договором¹⁸³. У нас конфедерация, в которой наполовину меньше республик, чем раньше (семь; может быть,*

¹⁸³ Имелся в виду «Договор о добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве» между ФРГ и СССР, подписанный в Бонне Горбачёвым и Колем 9 ноября 1990 г. («Большой договор»). См.: Германно-советские договоры. – Бонн, 1990. – С. 75–83.

подключится ещё Украина). Но и в этом случае мы остаёмся могучим государством. Германия готова первой пойти на подписание важных документов с Россией – это мудрое решение. Разрабатываются 20 программ сотрудничества. Их реализация особенно важна в предстоящую тяжёлую зиму радикальных реформ. Мы вводим свободные цены, в последующие полгода произойдёт ухудшение положения, но к осени наступит стабилизация. Денег мы ни у кого не просим – мы создадим условия, чтобы инвесторы пришли сами. С ГДР у нас общее коммунистическое прошлое, общие болячки. Готовится специальный договор о взаимодействии России с той частью Германии, которая была ГДР, с целью восстановить в рамках германо-российских отношений былое сотрудничество. Самым тяжёлым для нас будет 1992 год; уже сейчас российское правительство работает в зоне риска. Мы благодарны за продовольственную помощь со стороны ФРГ. Армия останется единой (как вариант рассматривается создание объединённых вооружённых сил). Для возвращающихся военнослужащих нужно построить в РСФСР 48 тысяч квартир, из них 27 тысяч обещала построить Германия. Предусматривается строительство дополнительно 18 военных городков; первые шесть должны быть готовы не позже первой половины 1992 года. В РСФСР сформировано новое правительство, оно работает дружно. С 46 до 23 сокращено число министерств. Готовится первый пакет законов. Он будет включать, во-первых, либерализацию импорта и инвестиций; децентрализацию контактов с заграницей; ликвидацию монополий; содействие сотрудничеству со средними и мелкими предприятиями; либерализацию экспорта (за немногими исключениями); во-вторых, упорядочение валютного хозяйства; широкую приватизацию; укрепление экономического суверенитета РСФСР; создание Государственного банка России; в-третьих, обеспечение социальной защиты населения путём принятия мер упреждающего характера уже с 1 декабря 1991 года – отмену ограничений на размер заработной платы, повышение окладов государственных служащих в два раза (не только на территории России). Будущее государственное устройство страны будет определяться политическим договором суверенных государств».

В соответствии с обеденным меню на столах были расставлены бутылки с алкогольными напитками из Восточной Германии: белым вином из Радебойля (близ Дрездена) и «Нордхойзер-доппелькорном» (38-градусная пшеничная водка двойной очистки из Северной Германии). Все обратили внимание на то, что Ельцин так и не притронулся к стакану вина, всё время стоявшему перед ним. Он на наших глазах демонстративно опровергал рассказы о своём излишнем пристрастии к алкоголю. То же самое повторилось на ужине в доме приёмов ЗГВ в Вюнсдорфе, где российская делегация была гостем генерал-полковника М. П. Бурлакова. Здесь стол был ещё богаче, чем в Цецилиенхофе, и немцев уже не было (официально визит президента РСФСР закончился в Потсдаме, и даже переезд в Вюнсдорф осуществлялся уже на машинах ЗГВ), но Ельцин так ни разу и «не оскоромился». На сей раз в его стакане было красное вино, которое он явно очень не любил, но

никаких попыток перейти на более приемлемый для него напиток предпринято не было.

Свидетелями подобной же ситуации мы стали вечером в гостевом зале военного аэродрома Шперенберг, где делегация РСФСР дождалась, когда её самолёт будет подготовлен к старту. Все за столом добросовестно осушали свои бокалы – все, кроме Ельцина. Особенностью застолья стали тосты в честь российского руководителя, которые произносились всеми присутствующими по очереди (Ельцин сам указывал, чья очередь наступает говорить). Помимо комплиментов и восторгов по поводу гениальных способностей вождя, каждый выступавший заверял его в личной преданности и вплетал в славословия какую-либо закамуфлированную просьбу «по своему департаменту». От дипломатов в Германии говорил посол Терехов. До меня очередь не дошла – надо было уже идти к самолёту.

Между тем мне было что сказать. Ещё до российского визита я пришёл к выводу, что практический выход РСФСР на международную арену, время для которого уже созрело, лучше всего было бы начинать с Германии, где фактически образовались два посольства – в Бонне и в Берлине. Россия вполне могла бы претендовать на превращение одного из них (а именно берлинского) в своё и через него представлять российские интересы не только в Германии, но и во всей Западной Европе. Соображения на эту тему я отправил в Москву ещё 15 октября с Шахраем, обещавшим передать их Г. Э. Бурбулису, но моя бумага, как и сотни других, увязла, надо полагать, в бюрократической трясине, которую успешно разводили новые российские чиновники. Сегодня я думаю, что моё продиктованное волею судеб молчание на встрече с Ельциным было наилучшим решением, поскольку позволило мне в дальнейшем не испытывать угрызений совести в связи с дезинтеграцией Советского Союза – никакого моего участия, даже косвенного, в разрушении СССР не было. И на следующий день, когда я провожал задержавшегося в Берлине на ночёвку министра иностранных дел РСФСР А. В. Козырева, вылетавшего в Нью-Йорк, что-то удержало меня от того, чтобы затронуть тему учреждения российского посольства в Германии, хотя мы довольно долго обсуждали мировые проблемы, гуляя вдвоём (без охраны) по Унтер-ден-Линден.

В общем итоге визит Ельцина произвёл самое лучшее впечатление и на немцев, и на нас. Немцы убедились в его качествах государственного деятеля, ЗГВ была готова идти за ним в огонь и воду, советские дипломаты видели в нём наиболее достойного выразителя народных чаяний. Лично я был просто очарован им, и когда перед посадкой в самолёт он неожиданно обнял меня, то я был не просто рад этому – я был горд выпавшим на мою долю знаком внимания со стороны великого человека.

На совещании во **вторник 26 ноября** я информировал дипсостав о результатах визита президента РСФСР. В краткой записи в моём дневнике отмечается: *«Успех и большая польза от „российской акции“.* *Достигнута*

*договорённость об опорной точке Российской Федерации в Штутгарте*¹⁸⁴. Президент просил передать благодарность сотрудникам посольства. Очень довольным он остался посещением ЗГВ. Предстоит практическая работа по реализации итогов визита. [Из окружения Ельцина нам сообщили:] Шеварднадзе заявил на заседании коллегии МИД СССР, что предстоит сокращение штатов на 46 %. По информации “Известий”, будут закрыты 50 посольств».

Самое главное – из высказываний Ельцина и его окружения у нас сложилось впечатление, что наметившийся уже на ближайшее будущее роспуск Советского Союза, возможно, не станет концом великой державы, занимающей одну шестую суши. Конечно, КПСС будет окончательно вытеснена из власти; уйдёт наконец на покой надоевший всем Горбачёв; обособится, надо полагать, Прибалтика; в остальном же исторически сложившееся государственное единство сохранится. Отдельно взятые республики будут гораздо более самостоятельными, чем до сих пор, но это не лишено положительных моментов: прекратится непрерывная односторонняя перекачка средств из России, и всем придётся по одежке протягивать ножки. Ведущая роль России в этом новом государственном образовании будет гарантироваться величиной её территории, численностью населения, высоким экономическим потенциалом, общим культурным фоном.

Другими словами, не вызывало сомнений, что несмотря ни на какие потрясения Советский Союз продолжит своё существование – под другим названием, с иным социально-политическим устройством, под водительством политиков, не связанных с господствовавшими до сих пор структурами, – но сама страна не исчезнет. И то, что первым лицом преобразованного государственного образования безусловно станет пользующийся всенародной поддержкой Ельцин, лишь увеличивало симпатии, обусловленные перспективой подобного развития.

Вот почему принятые 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще решения президентов РСФСР, Украины и Белоруссии об упразднении Советского Союза не породили волны возмущения, которую они должны были вызвать, если бы люди точно знали, что эти решения означают на практике. Произошло скорее обратное: люди вздохнули с облегчением – подковёрная политическая возня закончилась, победили радикальные реформаторы, обещавшие скорое улучшение действительно отчаянного материального положения масс населения, а единство страны сохранялось благодаря созданию Содружества Независимых Государств. То, что СНГ должно было служить только «цивилизованному разводу» составлявших СССР республик, тщательно скрывалось от населения. Всё это объясняет трудно постижимую для будущих историков пассивность граждан в тот момент, когда началось обрушение страны, в которой они родились и выросли. Безмолвствие народа объяснялось ещё и тем, что процедура ликвидации

---

¹⁸⁴ Ещё в 1990 году немцами был предложен проект создания в Штутгарте Дома науки и культуры РСФСР по образцу Берлинского ДСНК, работавшего как представительство всего СССР. Проект так и не был осуществлён – у новых людей во власти в Москве было полно других забот, но не денег.

Советского Союза затянулась почти на месяц и ей был придан псевдodemократический характер.

Очень немногие (я в их число не входил) знали, что первым, с кем связался по телефону Ельцин ещё из Беловежья, был президент США Джордж Буш-старший, который обещал поддержать международное признание акта о ликвидации СССР (как видно, Козырев ездил в США не зря). 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал соглашение об СНГ и принял постановление о выходе из состава СССР. 21 декабря в Алма-Ате состоялась встреча руководителей 11 бывших союзных республик (кроме Прибалтики и Грузии), которые подписали декларацию о создании СНГ. В этот же день президент Казахстана Нурсултан Назарбаев объявил, что Советского Союза больше не существует. 24 декабря место СССР в ООН заняла Россия, к которой перешли также права постоянного члена Совета Безопасности. 25 декабря 1991 года Горбачёв выступил по центральному телевидению с заявлением о том, что оставляет пост президента СССР.

Понятным образом все эти события вызывали самое пристальное внимание за рубежами Советского Союза. Происходило нечто совершенно небывалое в истории международных отношений: без войны и военного поражения, без каких бы то ни было внутренних бунтов и революций, посреди фазы мирного развития происходила перекройка глобального соотношения сил. С политической карты мира исчезала держава, по своей военной (и не только военной) мощи занимавшая по меньшей мере второе место в мировой табели о рангах. Конфронтация между Востоком и Западом носила не только и не столько идеологический характер. Гораздо больше в этом конфликте было политического и экономического соперничества. Разумеется, Запад остался в идеологическом выигрыше: переход России и её союзников к рынку означал окончание начавшегося в 1917 году социалистического эксперимента. Весь мир окрашивался в монотонные цвета капитализма и его вариативов. Но главным оказался всё же силовой выигрыш – отныне некому было противостоять диктату США и их ближайших сателлитов. Обеспечивавшая определённую стабильность мира система международных сдержек и противовесов отправлялась на свалку истории.

Даже проамерикански настроенные страны, включая интегрированную часть Европы, были обеспокоены такой перспективой, поскольку утрачивали существовавшую до сих пор возможность лавировать между конфликтующими гигантами в поисках максимально комфортной для себя позиции. Соответственно, западные СМИ были полны гаданий на тему о том, к чему приведёт распад Советского Союза. Журналисты буквально осаждали нас вопросами о происходящем в СССР. Наши ответы были полны энтузиазма и веры в завтрашний день: мы ориентировались на выступление Ельцина в Потсдаме и на информацию, почерпнутую из российских газет, для которых Горбачёв относился уже к далёкому прошлому.

На 10.00 утра **пятницы 20 декабря 1991 года** была назначена моя встреча с журналистами в берлинском правительственном пресс-центре. Направленное мне приглашение выступить там было необычным, поскольку

этот центр существовал для пресс-конференций официальных лиц ФРГ. Уже поэтому стоило дать согласие. У организаторов не оказалось оснований сожалеть о приглашении – я отблагодарил их потрясающей новостью. Рано утром в этот день мы получили уведомление из Москвы о том, что отныне посольства и консульства будут получать указания не от МИД СССР, а от МИД России. Об этом с широкой улыбкой я и объявил присутствовавшим журналистам. Поскольку там были и телевизионщики, этот момент немедленно попал во все новостные программы ТВ ФРГ. Отвечая на вопросы, я при всех стараниях соблюсти приличествующую ситуации невозмутимость не мог скрыть, что рад такому повороту событий. Когда я сегодня вспоминаю об этом, мне становится не по себе. Но из песни слова не выкинуть.

Дело было даже не в том, что к концу перестройки дипломаты-практики перестали воспринимать союзный МИД как свой дом, как инстанцию, с которой можно и нужно советоваться, как организатора и координатора всей внешней политики великой страны. Рыба гниёт с головы. Под славным руководством провинциального льва Шеварднадзе министерство заскорузло, погрязло во внутренних склоках и интригах, забюрократилось донельзя, растеряло авторитет как внутри страны, так и вовне. Между тем мои доверительные беседы с сотрудниками российского МИД, противопоставлявшего себя МИД СССР и даже территориально существовавшего отдельно от него, оставили у меня твёрдое впечатление, что собравшаяся там молодёжь собирается оживить дипломатию, построить работу на новой основе, с меньшим числом сотрудников и с большей эффективностью.

Находившееся ранее в рудиментарном состоянии внешнеполитическое ведомство РСФСР переставало играть роль отстойника для неудачников из «большого» МИДа, а также предпенсионной синекюры для заслуженных партийных деятелей. Российские дипломаты были всерьёз намерены воспользоваться шансом нового начала и добиться, чтобы работа «на зарубеж» вновь стала коллективной, интересной и приносящей реальную пользу. С молодым задором и на ином уровне они решились «дублировать» деятельность небоскрёба на Смоленской площади. Думаю, что, если бы МИД России подольше сохранил свою самостоятельность, работая параллельно и соревновательно с «высоткой», дипломатическая профессия только выиграла бы. Однако российским новаторам не дали развернуться. Они получили, как правило, хорошие должности, но растворились в закосневшей по большей части массе «больших» дипломатов и потерялись в ней, не осуществив ни одного из своих замыслов. К тому же А. В. Козырев упростил работу подведомственного ему учреждения до предела, дальше которого идти было просто нельзя. Он потребовал, чтобы любые инициативные бумаги, лежащие ему на стол, начинались с краткого изложения позиции США по данному вопросу, а вносимые предложения не расходились с ней. Оставалось разве что вообще упразднить российскую дипломатию за полной её ненадобностью, сохранив в штате лишь переводчиков с американского.

Но в декабре 1991 года никто ещё не знал, что концовка подающего надежды проекта будет такой грустной. Я считал, что есть все основания исходить из того, что передача российскому МИД функций управления внешнеполитическим аппаратом будет способствовать модернизации дипломатической работы, усилит способность к быстрой реакции на происходящее в мире и принесёт таким образом ощутимую выгоду находящейся на крутом перевале стране. Охватившее не только меня чувство эйфории сказалось и на решении немедленно заменить развивавшийся над зданием Унтер-ден-Линден советский красный флаг российским триколором.

С заменой флага была связана забавная история. Я помнил, что кто-то из сопровождения Ельцина подарил нам от его имени трёхцветный российский флаг (российские делегации возили тогда постоянно такие флаги с собой, чтобы не ставить протокол принимающей стороны в неудобное положение, поскольку никто ещё не знал, какой у России флаг). Однако выяснилось, что наши добросовестные хозяйственники решили, что флаг просто забыли, и доставили его к самолёту Ельцина в Шперенберг – сопровождающим не оставалось ничего иного, как забрать его с собой в Москву. Пришлось хозкоманде уже ночью нашивать на красное полотнище (их в посольстве было много) белую и синюю полосы. Как бы то там ни было, утро **субботы 21 декабря** мы встречали под новым флагом, о чём я в довольно патетическом тоне доложил в МИД России. С этого же дня на моём рабочем столе постоянно стоял маленький флажок с российским триколором. Это не было подхалимством – это была демонстрация убеждённости и надежды.

V. ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП (ЯНВАРЬ – СЕНТЯБРЬ 1992 Г.)

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

В конце января 1992 г. крупное германское издательство «Ульштайн» (концерн Шпрингера) обратилось с просьбой разрешить провести в отделении посольства презентацию вышедшей в переводе на немецкий язык биографии Ельцина, подготовленной долголетним корреспондентом агентства «Рейтер» в Москве Джоном Моррисоном. Не раздумывая, я согласился и произнёс на этом состоявшемся в **среду 5 февраля** мероприятии пламенную речь в честь президента России. Опубликованный в одной из берлинских газет отчёт о презентации книги начинался следующим образом: «Кто видел изнутри это огромное здание российского посольства на Унтер-ден-Линден? Даже старые берлинцы не могут припомнить, чтобы им разрешалось осматривать его. Тем сильнее были любопытство и напор публики, когда „посольство Российской Федерации (Берлинское отделение)“ направило вместе с издательством „Ульштайн“ приглашение посетить посольское здание. Повод для приглашения был достаточно веским – презентация биографии российского президента Бориса Ельцина». Из текста книги Моррисона газета выделила следующий пассаж: «Демократ Ельцин – патриот, но одновременно решительный и даже экстремальный „западник“. В нём нет ничего от „славянофила“. Парадоксально, что он стремится подключиться к Западу, в то время как географический центр тяжести России находится на Северо-Востоке»¹⁸⁵. В беседах на приёме, который последовал за церемонией представления биографии, меня несколько раз спрашивали, нет ли опасности, что пребывание Ельцина на вершине власти приведёт к установлению его личной диктатуры. Я безапелляционно отвечал, что подобные опасения совершенно беспочвенны – Ельцин является-де символом российской демократии и единственным поводом для беспокойства может быть только то, что у нас не так много Ельциных. Излишне уточнять, что я не кривил душой и действительно был убеждён в том, о чём говорил, – вместе с большинством населения Российской Федерации.

Потрясающий успех презентации биографии российского президента (огромный концертный зал посольства был по-настоящему полон битком, люди стояли в проходах) показал, что интерес немецкой общественности к выходящей на авансцену международной жизни России стремительно нарастает, причём в него органическим образом вплетается и интерес к нашему посольскому зданию на Унтер-ден-Линден. Нельзя сказать, что этот интерес был стопроцентно тождественен симпатиям к новой России. Затянувшаяся «холодная война» оставила слишком много мути в душах людей, привыкших смотреть на СССР (а новая Россия с достаточным на то основанием воспринималась как его «продолжательница») хотя и с уважением, но одновременно со страхом, недоверием и открытой или затаённой враждебностью. В сохранении негативного отношения к гиганту на Востоке были заинтересованы

¹⁸⁵

«Spandauer Volksblatt», 7. Februar 1992.

влиятельные политические силы «большой ФРГ». Этой цели служило, в частности, извращённое толкование истории ГДР и её отношений с Советским Союзом.

Сразу же после ликвидации ГДР «победители» принялись выстраивать идеологическое обоснование неизбежности своего триумфа. Уже разработанная интерпретация истории восточногерманской республики как «исчадия ада», ни в чём не уступающего, а во многом и оставляющего позади нацистскую диктатуру, была дополнена примитивной схемой «победы абсолютного добра над абсолютным злом». Подобная интерпретация должна была не только противодействовать нарастающему среди восточных немцев феномену «остальгии» – слово-гибрид из «ост» (восток) и «ностальгия» (то есть «ностальгия по ГДР»). Конечно, требовалось отвлечь внимание людей от стремительно нарастающей безработицы, одномоментного разорения промышленных предприятий ГДР, безжалостной приватизации, в результате которой всё, что выжило, перешло в собственность западногерманских монополий. Ещё более существенным для правящих кругов было заставить забыть о существовавшей в ГДР почти идеальной системе социальных гарантий, сопровождавших граждан республики от первых дней жизни до гробовой доски, – бесплатные ясли, детские сады, образование всех уровней, медицинское обслуживание, обеспечение жилой площадью, полная занятость, выплата пенсии и так далее. «Социальное рыночное хозяйство» ФРГ подобной защиты человеку труда предоставлять не собиралось – наоборот, исчезновение ГДР дало возможность даже начать постепенный демонтаж существовавшей ранее в ФРГ развитой системы социального обеспечения, которую пришлось в своё время вводить как раз для того, чтобы не проиграть соревнование с восточногерманской республикой.

Однако собственно «сверхзадачей» профессиональных фальсификаторов истории ГДР было вообще вычеркнуть её из германской истории. Немцев с пелёнок предстояло убедить в том, что Германией всегда была только ФРГ, а ГДР – это лишь «историческое недоразумение», не имевшее права именоваться ни германской, ни демократической, ни республикой. Уже давно и тщательно разрабатывалась аргументация, суть которой состояла в утверждении, будто ГДР никогда не была самостоятельным государственным образованием, оставшись на веки вечные только «советской зоной оккупации», сателлитом Москвы, орудием иностранной политики на германской земле. Антикоммунистическая и русофобская «битва за историю» началась в Западной Германии сразу после войны, когда школьные учителя, профессора и партийные идеологи по ту сторону Эльбы взялись пропагандировать «уникальный статус» ФРГ в качестве единственного «законного» наследника рейха. Иные точки зрения последовательно объяснялись «вражескими происками». После присоединения ГДР к ФРГ и резкого ослабления внешнеполитических позиций СССР инакомыслие вообще практически исчезло из общественного дискурса единой Германии. Общим местом стало утверждение, будто ГДР изначально не имела права существовать. Это лишний раз демонстрировало, что произошедшее никак не подпадает под определение «объединения».

Будь вступление восточногерманской республики в состав ФРГ не поглощением, а равноправным слиянием с Западной Германией, история их

совместного существования расценивалась бы по меньшей мере как объективная данность, изменить которую невозможно, да и нет необходимости – что было, то было, настали иные времена, и надо заниматься ими. Однако западногерманским политикам мало было простого исчезновения ГДР, им надо было вбить в головы всех немцев (и не только немцев), что одержана историческая победа – достигнута ликвидация «преступного» государства. С первых же дней существования единой Германии в общественное сознание ФРГ стал упорно внедряться тезис о том, что ГДР была «неправовым», то есть «неправильным» государством с изначально «неправильными» законами, нарушать которые не только можно, но и нужно было. Почти сразу же для подобной пропагандистской обработки была создана солидная юридическая база.

В июле 1991 г. состоялось решение Федеральной судебной палаты (высшей судебной инстанции по уголовным и гражданским делам ФРГ) по жалобе одного из бывших сотрудников разведки МГБ ГДР, представшего перед верховным судом земли Бавария по обвинению в «пособничестве при государственной измене». Во **вторник 24 июля** я сообщал в Центр: *«Адвокат обвиняемого обратился в своё время в Федеральную судебную палату (ФСП) с ходатайством о прекращении содержания обвиняемого под стражей ввиду нарушения принципа равенства перед законом – разведчики из ФРГ и ГДР подвергаются противоположному обращению. Суть принятого ФСП решения заключается в том, что разное отношение к разведчикам обеих сторон юридически допустимо, поскольку в обоих случаях применяется право ФРГ. Если разведслужба ФРГ защищала ФРГ, то разведслужба ГДР создавала угрозу для её безопасности. Эта угроза остаётся действующей и поныне вследствие „сохраняющихся подчас и сегодня (хотя и с трудом поддающихся точной детальной оценке) последствий передачи разведывательной информации и информантов другим государствам бывшего восточного блока“.* Как постановила ФСП, прекращение преследования подобных деяний исключено с учётом возможных отрицательных последствий от этого для внешней безопасности ФРГ; кроме того, применяемая судами ФРГ методика основывается на соответствующих положениях объединительного договора ФРГ – ГДР». Другими словами, враг на Востоке остаётся врагом, и никакие изменения в мире не могут поколебать эту незыблемую истину.

Относительно восточногерманской реакции на это решение я отмечал: *«Не только в левых политических кругах новых федеральных земель это решение комментируется как вызывающее неразбериху в судебной практике, поскольку к представителям госаппарата бывшей ГДР применяются „в зависимости от необходимости“ то законы ФРГ, то законы ГДР. В результате открывается широкий простор для произвола, от которого не ограждён никто из занимавших какой-либо пост в государственно-партийных структурах республики. Представитель ПДС справедливо охарактеризовал решение ФСП как „признак колониального употребления власти“ и „выражение самосознания победителя“.* Решением ФСП дело, очевидно, не ограничится. В связи с предъявленным на днях генеральной прокуратурой ФРГ обвинением против последнего руководителя разведслужбы ГДР Вернера Гросмана, а также продолжающимся следствием по делу

бывшего министра госбезопасности ГДР Эриха Мильке (в заключении) и предшественника Гросмана Маркуса Вольфа (в Москве) рассматривается возможность обращения в Конституционный суд ФРГ, поскольку всё это противоречит закреплённому в Основном Законе принципу отсутствия у законов обратной силы. Видимо, решение Конституционного суда будет окончательным».

Рассмотрение вопроса в Конституционном суде затянулось, и подтверждение отсутствия у законов обратной силы сильно запоздало для многих обвиняемых: судебная практика ФРГ ещё долго сохраняла нравы судилища, устроенного «победителем». Германская юстиция беспощадно карала бывших врагов. Вернер Гросман отбыл длительное предварительное заключение, прежде чем был освобождён из-за отсутствия у закона обратной силы. Эриха Мильке осудили на 6 лет заключения «за убийство полицейского в 1931 г.», он был освобождён в 1995 г. по состоянию здоровья и вскоре умер. Маркус Вольф после возвращения в Берлин в 1993 г. обвинён в государственной измене и также приговорён к 6 годам заключения, хотя затем освобождён от отбывания наказания.

Вне зависимости от влияния на судьбу конкретных руководящих представителей бывшей ГДР, решение Федеральной судебной палаты юридически обосновывало восприятие немецкими властями России как врага, продолжающего угрожать Германии. Поскольку Российская Федерация стала в международно-правовом плане преемницей СССР, ведущей державы бывшего восточного блока, с которым ФРГ как член НАТО собиралась воевать, то, стало быть, для неё рассматривать Россию как друга единой Германии было невозможно. Нараставшее в ФРГ узаконенное насилие над историей неизбежно унифицировало отношение к восточному гиганту в неприязненном ключе, невзирая на все реверансы Москвы в горбачёвский период и кульбиты ельцинского президентства. Что уж говорить о послевоенном оккупационном периоде! Тут германские юристы открыто квалифицировали советские военные комендатуры в качестве враждебной Германии силы. Целому ряду политических деятелей ГДР (в частности, председателю ЛДПГ и последнему главе Государственного совета республики Манфреду Герлаху) были предъявлены обвинения в сотрудничестве с советскими оккупационными властями при выявлении нацистских преступников. Преследование Герлаха было прекращено много лет спустя под воздействием протестов российской общественности (формально вследствие всё того же истечения срока давности). Никто и никогда не привлекался к судебной ответственности за сотрудничество с западными оккупационными властями в любой области.

Однако до завершения вывода Западной группы войск с германской территории немцы соблюдали определённую осторожность в отношении СССР. Это отчётливо проявилось в полувековую годовщину нападения фашистской Германии на Советский Союз. В субботу 22 июня 1991 г. президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер совместно с главнокомандующим ЗГВ генерал-майором М. П. Бурлаковым возложили венки к мемориалу погибшим советским воинам в Потсдаме. «Шпандауэр фольксблатт» сообщил: «По словам Вайцзеккера, сказанным после окончания церемонии у могил 368 офицеров и рядовых солдат, именно сейчас у людей в Европе появилась надежда. „Нам действи-

тельно в первый раз в истории Европы представилась возможность наладить европейский миропорядок и образ жизни в условиях мира без победителей и побеждённых“. Совместные германо-советские мемориальные мероприятия в день этой годовщины являются „важным символом“ такого развития. Для того, чтобы это стало вообще возможным, „мы проделали долгий путь“, – говорит Вайцеккер. Он имел в виду „холодную войну“, взлёты и падения усилий в деле достижения разрядки между Востоком и Западом, перестройку Михаила Горбачёва и наконец перелом и воссоединение Германии. Он вспоминает: Тогда, 50 лет назад, Гитлер совершил „вопиющее нарушение договора“; в тот день началась „самая кошмарная волна убийств и разрушений“. „22 июня 1941 года я участвовал во вторжении в качестве пехотинца, командира взвода из Потсдама“, – рассказывает он. – Солдат послали „в наступление на Советский Союз, и они не могли что-либо изменить“».

Но уже тогда немецкие журналисты не могли обойтись без враждебных выпадов. Статья завершалась следующим пассажем: «Прошлое никуда не ушло – особенно здесь, в Потсдаме. „Оказалось очень трудным найти в регионе подходящие [немецкие] солдатские кладбища, которые мог бы посетить Вайцеккер“, – сообщил один из организаторов. – „Или там были захоронены также эсэсовцы, или куча немцев, расстрелянных русскими“»¹⁸⁶. Вопреки всем историческим фактам местные СМИ с 1989 г. усердно создавали миф о массовых казнях немецких граждан, якобы проводившихся советскими властями в первые годы оккупации.

Неделей позже в соборе Христа Спасителя в Потсдаме состоялось центральное мемориальное мероприятие, в котором приняли участие Ганс-Дитрих Геншер и Манфред Штольпе. В опубликованном «Тагесшпигелем» отчёте о нём сообщалось: «Как отметил в своей речи министр иностранных дел Геншер, в этот день [22 июня 1941 года] начался кровавый захватнический и истребительный поход, каких ещё не знала современная история; он принёс невообразимые страдания для народов Советского Союза, для Европы и для Германии. Выступая с кафедры переполненного собора, премьер-министр [Бранденбурга] Штольпе подчеркнул: „Память отменить нельзя, прошлое постоянно с нами“. В то время как Геншер сделал упор на конфликтах во взаимоотношениях и многообразных исторических связях между обоими европейскими странами, не забывая при этом о созданной с начала 70-х годов при его собственном участии системе договоров, Штольпе сосредоточил внимание на сегодняшних и завтрашних задачах: „Упорядоченные и миролюбивые отношения могут позволить обеим странам высвободить огромные средства для достижения трёх важнейших в будущем целей – ликвидация войн, борьба с голодом и сохранение окружающей среды. Однако прежде всего следует обеспечить гостеприимство и безопасность для находящихся в Германии советских граждан вплоть до завершения их планомерного вывода“. Присутствовавшие многочисленные советские солдаты восприняли эти слова, надо полагать, с некоторым скептицизмом, поскольку им было известно об учащающихся случаях применения немцами насилия по отношению к иностранцам. Ранее советский посол в Бонне Терехов высказал почти

¹⁸⁶ «Spandauer Volksblatt», 24. Juni 1991.

как мольбу надежду на то, что отныне обе стороны идут по пути доверия и окончательного примирения, хотя каждодневные реальности оставляют место для взаимных опасений. Когда после окончания мероприятия Штольпе задали конкретный вопрос о вражде к иностранцам, он назвал одной из её причин то, что народы недостаточно знают друг о друге. В качестве итога мероприятия могла бы рассматриваться сказанная Геншером фраза: „Миру, если он хочет выжить, новое мышление нужно не меньше, чем Советскому Союзу“. Хочется надеяться, что дело не ограничится только призывами. То, что Европа без Советского Союза была бы незавершённой, как сказал тот же Геншер, доказало блестящее выступление германо-советского молодёжного симфонического оркестра, исполнившего под управлением советского дирижёра Валерия Гергиева Четвёртый концерт для рояля с оркестром Бетховена и Шестую „Патетическую“ симфонию Чайковского. Партию рояля исполнял основавший этот молодёжный оркестр [немецкий] пианист Юстус Франц»¹⁸⁷.

Сегодня кажется фантастической та атмосфера взаимного уважения и доверия, которая характеризовала тогда общение задававших тон политиков и представителей общественности обеих стран. Потребовались многолетние, упорные и концентрированные усилия правящих кругов «большой ФРГ», чтобы уровень германо-российских отношений опустился даже ниже, чем он был в годы холодной войны.

ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ НА РОССИЮ

Уже в самом начале 90-х появилось ощущение, что отступившие было тучи русофобии начинают вновь сгущаться. Оставлять это без внимания было невозможно. Первое, что приходило в голову, сводилось к тому, что помочь наполнить образ новой России в глазах немцев положительным содержанием может прежде всего преодоление тех сторон образа СССР, которые должны были вызывать реакцию отторжения у населения Германии. На официальные немецкие надежды было мало. Ни объединение Германии, ни дезинтеграция Советского Союза не принесли коренного перелома в характере освещения германскими политиками и СМИ происходящих в нашей стране процессов. Практически все германские и вообще западные представители продолжали состязаться между собой в том, кто сумеет самым чёрным и безнадежным образом обрисовать российские реальности. Сделать это было не так уж и трудно – внутренний кризис в стране действительно продолжался, стремительно набирая темп. Панические настроения сеяли и высказывания наших либеральных радикалов, которые, как тогдашний московский мэр Г. Х. Попов, требовали немедленного и полного введения капитализма вопреки неоднозначному опыту той же ГДР. Немецкие газеты пускали на свои страницы только представителей радикального направления в политическом спектре СССР. Голосов советских умеренных, «центристских» политиков не было слышно вовсе.

В ходе одного из телефонных разговоров ещё в начале 1990 г. с моим бывшим однокурсником В. А. Коптельцевым, занимавшим руководящий

¹⁸⁷ «Tagesspiegel», 27. Juni 1991.

пост в Международном отделе ЦК КПСС, я спросил, почему молчат наши специалисты по Германии, хотя их голос очень нужен? В ФРГ господствуют искажённые представления об СССР, а в СССР плохо представляют себе, что реально произошло и происходит в Германии. Ответ Коптельцева гласил: «О каких специалистах ты говоришь? Кроме вас, находящихся в Бонне и Берлине, специалистов по Германии нет. Вот вы и разъясняйте публике, что происходит в ФРГ и в Советском Союзе». Слова Коптельцева были для меня неожиданностью. Мало того, что возглавлявший Международный отдел В. М. Фалин, посол СССР в ФРГ в 1971–1978 годах, был выдающимся знатоком германских дел, сам Коптельцев принадлежал к числу ведущих германистов: это его я сменил в 1987 г. на должности советника-посланника в Берлине. Вывод мог быть только один: товарищи из ЦК не собирались заниматься «черновой работой».

Замечание Коптельцева подтвердило крепнувшее у меня впечатление, что в сложившейся на информационном поле ситуации нам придётся рассчитывать лишь на собственные силы. Обстоятельства сложились так, что к этому времени у меня появилась возможность выступить в советской печати по поводу кризиса в ГДР. В апреле 1990 г. мне позвонил главный редактор основного профильного внешнеполитического журнала СССР «Международная жизнь» Б. Д. Пядышев (кстати, также мой однокурсник) и заказал статью о нынешнем состоянии германского вопроса. Интерес к данной теме, сказал он, большой, но никак не удаётся найти специалиста, который взялся бы прокомментировать проблему. Поскольку я сам чувствовал, что пора нарушить «заговор молчания» вокруг германских дел, я ответил согласием, хотя и испытывал кое-какие сомнения относительно уместности выступления в открытой печати человека, занимающего официальный дипломатический пост. С тем чтобы избежать впечатления, будто моя статья является изложением одобренной свыше советской позиции (которой, как я понимал, практически нет), я решил взять в соавторы первого секретаря посольства П. В. Меньшикова, разыскавшего и уточнившего некоторые включённые в текст цифровые данные об экономической ситуации в ГДР.

В итоге в номере журнала за июнь 1990 г. за двумя подписями появился материал, получивший осторожный заголовок «*Единое германское отечество?*» (знак вопроса поставила редакция журнала, которая, как и многие в СССР, не могла ещё поверить в то, что до объединения Германии оставалось всего ничего). Статья заканчивалась констатацией: «*Нам далеко не безразлично, как пойдут дела в Европе после объединения Германии. И в перспективе Советский Союз должен будет нести свою ответственность за то, чтобы с немецкой земли никогда не исходила угроза миру. [...] Советский Союз выступает за синхронизацию становления единой Германии с позитивной эволюцией общеевропейского процесса, формированием принципиально новой структуры европейской безопасности, которая придёт на смену блоковой. Объединение Германии не должно вести к снижению безопасности любого из государств и нарушать баланс интересов в ущерб какой-либо из стран. На этот счёт имеется достаточно широкое международное согласие. Дело теперь за конкретными действиями, отвечающими законным интересам всех затрагиваемых перспективой объединения ГДР с ФРГ сторон*».

Публикация не вызвала реакции со стороны руководства МИД, что подсказывало: путь к изложению в печати моей личной точки зрения на ситуацию открыт. В **сентябре 1990 г.** в «Международной жизни» была опубликована моя следующая статья, которую я рискнул озаглавить *«В двух шагах от объединённой Германии»*. Её суть была выражена в нескольких заключительных фразах: *«Обеспечить процветание всех без исключения европейских стран, лишить государственные границы на континенте функций разделения и устрашения, добиться взаимопонимания и дружбы между всеми народами, возродить Европу как одного из лидеров мирового развития, но не в старом колониалистском духе, а в качестве надёжного партнёра развивающихся народов – такова цель, на которой стоит отныне сконцентрировать могучий интеллектуальный, духовный, экономический, технический потенциал европейского континента. [...] Мирная, стремительно развивающаяся Германия в мирной, стремительно развивающейся Большой Европе – эта возможность становится вполне реальной»*.

Практику выступлений в «Международной жизни» с изложением моих личных оценок ситуации в германских делах я продолжал вплоть до завершения работы в Берлине. В ноябре 1990 г. была опубликована статья *«Новая Германия в новой Европе»*, в феврале следующего года – *«Конец Берлинской стены»*, в мае – *«Едут наши казаки...»*, в августе – *«Германия и мы»*, в феврале 1992 г. – *«Куда идёшь, Германия?»*. Сотрудничество с журналом сохранилось и после моего возвращения в Москву – в июле 1993 г. в нём появилась моя публикация *«Возможные „невозможности“»* (об особенностях ведения Горбачёвым переговоров с Колем). Я не уверен, что моя тогдашняя публицистическая деятельность принесла большую пользу в смысле информирования советской общественности, занятой в основном острейшим внутренним кризисом, но я был рад возможности открыто задокументировать, что среди специалистов-международников нашей страны имелось чётко выраженное отрицательное мнение по поводу господствовавшей в верхах мании сдавать всё по первому требованию наших контрагентов. Кстати, немцы очень внимательно следили (и следят) за публикациями по германским делам в наших СМИ.

Параллельно мне представилась возможность обратиться к германской общественности через средства массовой информации ФРГ. Способствовать исправлению сложившегося в Германии негативного имиджа СССР, знакомить немцев с мотивами и обоснованием нашей позиции по германскому вопросу я считал не менее, а может быть, даже более важным делом, чем информирование советской общественности. На заседаниях Берлинского клуба я познакомился с Лотаром Поллем, управляющим делами фонда, финансирующего издание влиятельной ежедневной западноберлинской газеты «Тагесшпигель». Он согласился с обоснованностью моих претензий к квалификации пишущих о России немецких журналистов, объяснив причину неудовлетворительного положения в этой области нехваткой аутентичной информации. В качестве средства поправить ситуацию он предложил мне попробовать подготовить статью для «Тагесшпигеля», которая могла бы дать немецкому читателю более объективное представление о политике СССР. Полль имел в виду текст, написанный сразу на немецком языке, по-

скольку переводной текст по большей части легко узнаваем и редко воспринимается как убедительный.

В результате **1 ноября 1990 г.** в «Тагесшпигеле» появилась за моей подписью большая статья *«Русская революция и европейский мирный порядок. Советская точка зрения на сегодняшнюю ситуацию в Европе»*. Взяв за исходную точку приближающуюся очередную годовщину Октябрьской революции, я подробно рассказал о вкладе, который СССР на протяжении всей своей истории вносил в укрепление европейского мира. Статья заканчивалась так: *«Жизненно важно для Европы, чтобы все мы не оборачивались назад, а смотрели вперёд. В пределах досягаемости для нынешних поколений находится реализация практически неограниченных перспектив совместного развития народов Европы, включая США и Канаду. Кажется, что вековая мечта о мире и благосостоянии близка к осуществлению в Европе при опоре на доверительное сотрудничество всех представленных на европейском континенте государств и их граждан, в первую очередь наших обеих стран и живущих в них людей, в наибольшей степени пострадавших от безмерных бедствий войны. Стремление к безопасности и справедливой жизни без войн, послужившее движущей силой русской революции, нашло своё отражение в гуманистическом содержании перестройки. Если удастся гарантировать нерушимый мир, воплотится в жизнь один из величайших идеалов Октября 1917 г.»*

За этой статьёй последовали другие. Постепенно стало нормой, что при необходимости я мог раз в два-три месяца рассчитывать на трибуну «Тагесшпигеля», а затем и других влиятельных газет («Вельт», «Берлинер моргенпост», «Шпандауэр фольксблатт» и др.), чтобы изложить мотивы нашей внешней политики или оценку внутренней ситуации в стране, вызывавшей искреннюю или деланную озабоченность на Западе. Из публикаций в «Тагесшпигеле» стоит ещё упомянуть статьи *«На пути к солидарной Европе. Помощь для Советского Союза может стать важным фактором»* (15 сентября 1991 г.) и *«Мы живём во взаимозависимом мире. Запад не сможет быть спокойным, если Восток не в порядке»* (22 февраля 1992 г.). Концовка первой статьи: *«Моя страна была бы счастлива не держать более мир в напряжении и стать обыкновенным членом европейской семьи народов. Мы находимся на пути к этой цели и достигнем её вопреки всем трудностям, возможным неудачам и ошибкам, которых нельзя исключать. Всем пойдёт на пользу, если нам не придётся проходить этот путь в одиночку. А если при этом примет более прочные формы германо-российская общность судеб, то будущее Европы будет надёжно обеспечено»*. Заключительный абзац второй статьи: *«Ныне европейский Восток вынужден платить за усвоение правил жизни в условиях демократии. Особенно высока цена обучения для России. Вероятно, благодаря сотрудничеству можно было бы сделать эту цену более доступной. Это означало бы одновременно ослабление беспокойства и опасений на Западе в связи с развитием событий по ту сторону Буга. Будущее зависит от всех нас, от нашего благоразумия, от наших действий. Европа может процветать лишь в атмосфере солидарности»*.

9 февраля 1992 г. я присутствовал на гала-концерте русской оперной классики, состоявшемся в ратуше берлинского района Райникендорф (на протяжении своей истории Берлин расширял границы, поглощая близлежащие на-

селённые пункты, которые обзавелись за время самостоятельного существования просторными ратушами). Гвоздём концерта стало выступление солиста оперы Большого театра СССР С. Б. Сулейманова, обладателя отличного баса. Во время беседы после концерта выяснилось, что Сулейманову с коллегами предстоит ещё несколько выступлений в ФРГ. Я решил воспользоваться этим и попробовать организовать их концерт в посольстве с пользующейся неизменным успехом программой русской оперной музыки и пригласить на него городские власти, дипкорпус, друзей России. Главным для меня было продемонстрировать, что отныне стилем жизнедеятельности российского дипломатического учреждения становится открытость, готовность к контактам, забота о создании вызывающего симпатии и доверие имиджа новой России.

Денег у посольства на проведение каких-либо серьёзных мероприятий (включая даже приём в связи с «главной датой», которой оставался день 7 ноября) катастрофически не хватало: вот и выплата зарплаты сотрудникам, которая по обычным для ФРГ меркам оставалась эфемерной, обеспечивалась главным образом за счёт консульских сборов – из платежей за выдачу виз для поездок в Россию. Надо было искать спонсоров в тот момент, когда даже слово это было нам совершенно неведомо. Приходилось пускаться в плавание по незнакомым водам практически без всяких навигационных карт. Правда, небольшой опыт в делах такого рода у меня всё же был: во время работы с послом В. С. Семёновым в Бонне в качестве советника посольства по культуре я был свидетелем того, как элегантно он разрешал немецким коллекционерам оплачивать расходы по организации выставок в ФРГ его выдающегося лично собрания картин русского авангарда 20–30-х годов.

14 февраля 1992 г. я пригласил на обед в отделении посольства генерального директора самой фешенебельной гостиницы Восточного Берлина «Рэдиссон» (бывший «Паласт-отель») Антониуса Мюллера-Гербрандта и старшего партнёра западноберлинской адвокатской конторы Вольфа Вегенера, который был одновременно председателем правления отделения влиятельного германского союза автомобилистов (АДАЦ) в Берлине и Бранденбурге. Оба они были заинтересованы в налаживании связей с Россией. Мюллер-Гербрандт готовился занять кресло гендиректора гостиницы «Рэдиссон» в Сочи, строительство которой близилось к завершению, а Вегенер намеревался установить контакты с возникающими в Российской Федерации организациями автомобилистов, которым прочили большое будущее. Им я и изложил идею проведения концерта Сулейманова с коллегами в отделении посольства с последующим коктейлем, отметив, что благодарность спонсорам будет отражена в тексте пригласительных билетов. Разговор получился очень позитивный и конструктивный. Оба собеседника подхватили идею и сразу набросали смету предстоящих расходов.

Оказалось, что денег нужно не так уж и много, тем более что наши артисты выразили готовность ограничиться чисто символическим гонораром. Мюллер-Гербрандт вызвался помочь в организации коктейля после концерта, предоставив поваров, посуду и обслуживающий персонал «Рэдиссона» (гостиница территориально расположена недалеко от нашего здания). Он же пообещал привлечь к участию в мероприятии знаменитую берлинскую пивоварню «Шультхайс» («Староста»), охотно проводившую рекламные

акции. 20 февраля меня познакомили с милой молодой дамой Астой Вегнер, рекламным менеджером «Шультхайс». Она подтвердила готовность поддержать наш проект. В дальнейшем мы в аналогичных случаях регулярно сотрудничали с «Шультхайс».

Концерт под девизом «Большой театр благодарит Берлин» (имелась в виду поступавшая из Берлина гуманитарная помощь для России) состоялся **12 марта 1992 г.** Успех был потрясающим. Концертный зал посольства был вновь переполнен. Одно из протокольных правил гласит, что на мероприятие приходит примерно половина приглашаемых; на основе этого определяется количество приглашений. Но на этот раз пришли практически все, кого пригласили. В самом деле, всё ещё очень немногие берлинцы имели случай посмотреть на дворец на Унтер-ден-Линден изнутри, а тут к тому же Большой театр! С этого дня музыкальные мероприятия в отделении российского посольства получили наименование «Русские вечера». Они прочно стали одной из достопримечательностей культурной жизни Берлина.

«Русские вечера» с приглашением широкого круга берлинской общественности стали проводиться регулярно и всегда с неизменным успехом. **29 апреля** выступил гостивший в ФРГ ансамбль русских народных инструментов (концерт под названием «Грёзы балалайки»), **12 июня** – пианист А. Л. Мальтер с сольной программой («Времена года» П. И. Чайковского), **21 августа** – оркестр и хор Западной группы войск («Голос извечной России»). Эта традиция поддерживалась и после моего отъезда из Берлина. Со спонсорами проблем не было. Мы уже не искали их, они сами приходили к нам. Например, нашим партнёром стала быстро набирающая популярность недавно созданная берлинская радиостанция «100,6» (позже по её инициативе и за её счёт к каждому Рождеству в дворике перед фасадом посольства устанавливалась огромная украшенная ель). Поддержали нас и берлинские филиалы крупнейшего финансовых учреждений ФРГ «Дойче банк» и «Дрезднер банк». Сотрудничество с «Рэдиссоном» приобрело постоянный характер. Типография «Тагесшпигеля» безвозмездно печатала пригласительные билеты.

Дворец на Унтер-ден-Линден перестал быть чем-то вроде инопланетного звездолёта, случайно залетевшего в центр столицы Германии. Мы на практике доказывали, что русские и немцы не просто соседи в Европе, а коллеги и компаньоны в деле строительства общего будущего для континента, союзники в деле обеспечения стабильности и безопасности для его народов.

РЕТРОСПЕКТИВНО: ФУНКЦИИ КОММУНИКАТОРОВ

У тех русских, кто знаком с германскими реалиями не понаслышке и не только по материалам СМИ, объективность которых гарантирована далеко не всегда, сложилось чёткое представление о немцах как о перспективных партнёрах в деле строительства общей Большой Европы. Русские хотят дружественных отношений с Германией и считают их возможными при условии, что будет обеспечено равенство сторон. Мяч на стороне Германии – немцы должны решиться пожать протянутую им руку. Для этого им прежде всего придётся распрощаться с навязываемым из-за океана представлением, будто октябрь (1990 г.) или декабрь (1991 г.) перечеркнули май (1945 г.).

Дело в том, что и сегодня Великая Победа продолжает определять положение дел в мире. «Отменить» её может лишь третья мировая война, но в этом случае не получится никакого мирового порядка – просто всё рухнет.

Для того, чтобы перевести прекрасное чувство симпатии к соседям по планете на сухой язык практического действия, нужны коммуникаторы (посредники) – компетентные люди, способные говорить с представителями другого народа на понятном им языке. Роль коммуникаторов играют обычно дипломаты, подготовленные для работы за рубежом, и журналисты, в первую очередь постоянные корреспонденты в тех или иных странах или регионах. Далеко не все из названных категорий становятся коммуникаторами. Законом дипломатической службы, да и журналистской деятельности является ротация, то есть фиксация предельной продолжительности пребывания работника в иностранном государстве и регулярная смена стран, регионов, материков, в которые командировается конкретный сотрудник. В отношении журналистов дополнительным ограничителем является характерная в первую голову для западных «акул пера» склонность работать не на сближение народов, а на соответствие запросам своих боссов, которые, как правило, препятствуют объективному освещению реальностей.

Эффективным посредником можно стать только тогда, когда контакт с целевой страной длится не годы, а десятилетия. С одной стороны, германское направление внешней политики Российской Федерации находится в выигрышном положении, потому что в качестве коммуникатора время от времени выступает президент В. В. Путин, владеющий немецким языком, знающий Германию и располагающий опытом общения с немцами на обычном уровне. Однако у президента много других забот, и взять на себя каждодневную работу по налаживанию общественных контактов с Германией он не в состоянии. Этим должны заниматься профессиональные посредники. Между тем стран с немецким языком раз-два и обчёлся (ФРГ, Австрия и частично Швейцария) – поэтому «текучесть кадров» среди молодых работников на германском направлении огромная. В таких условиях коммуникатором можно стать только при редчайшем стечении благоприятных обстоятельств. Такой вывод я делаю на основании собственного опыта.

Впервые мы с женой вступили на немецкую землю в далёком 1956 году, когда после завершения шестилетнего курса обучения в Московском государственном институте международных отношений и краткой стажировки в Консульском управлении МИД СССР я был направлен в ГДР. Несмотря на диплом с отличием, начинал я свою дипломатическую карьеру с самой младшей должности в консульстве СССР в Лейпциге, что было и хорошо (в нашей профессии надо пройти всю должностную лестницу, чтобы стать всесторонне подкованным работником), и не очень («низкий старт» замедляет в дальнейшем продвижение по службе).

У сотрудников консульств устанавливается, как правило, более тесный контакт с населением страны пребывания, чем у дипломатов, работающих в посольствах. В Лейпциге мы жили не в дипломатическом «гетто», каким в сущности является место обычно концентрированного проживания работников посольства, а в разбросанных по городу квартирах в домах с «нормальными» немецкими соседями. В итоге наши сотрудники и их семьи осваивали в

прямом и переносном смысле термина соседское, более того – дружественное сосуществование с немцами. Одиннадцать лет спустя после окончания самой жестокой и кровопролитной войны в истории человечества и лишь семь лет после образования союзного нам германского государства учиться этому не было само собой разумеющимся делом. Помнится, одной из задач, которые ставились МИД СССР перед советскими консульствами в ГДР, было контролировать, как наши расквартированные на её территории военные выполняют решение ЦК КПСС о «ликвидации пережитков периода оккупации». Прошлое не должно было мешать настоящему и ставить под вопрос будущее.

Но и без того проблем в ГДР хватало. К 1956 г. приобрело распространённый характер такое явление, как «уход на Запад»: работники высокой квалификации нелегально перебирались из сравнительно бедной восточногерманской республики в значительно более богатую ФРГ. Происходил этот «уход» в основном через Западный Берлин, у которого по существу отсутствовала нормальная граница с восточной частью города. В Лейпцигском округе постепенно стала сказываться нехватка инженеров, врачей, даже учителей средней школы. Тем теснее остававшиеся в ГДР восточные немцы сближались с Советским Союзом, в котором они видели свою опору и защиту. Шаг за шагом крепла солидарность социалистических стран. Граждане ГДР были первыми немцами, которых русские люди стали называть после войны своими друзьями. Наш первоначальный контакт с восточногерманской республикой и её населением длился чуть больше двух лет, но и этого оказалось достаточно, чтобы у нас с женой появилась и окрепла твёрдая привязанность к ГДР и её народу.

Тридцать лет спустя, в 1987 г., я вновь был командирован в ГДР; на этот раз в качестве советника-посланника посольства СССР в Берлине. В промежутке мне довелось работать в наших посольствах во Франции, где я занимался проблематикой франко-западногерманского тандема, играющего роль мотора европейской интеграции, и в ФРГ – более зажиточной, но и человечески значительно более холодной части Германии (за исключением, пожалуй, баварцев, менталитет которых близок русскому). В течение первой командировки в Бонн (1958–1960 гг.), когда я был личным переводчиком и секретарём посла А. А. Смирнова, мне посчастливилось поднабраться у него бесценного опыта ведения переговоров высокого уровня (я переводил, в частности, беседы посла с канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром). Вторая командировка (1976–1984 гг.), когда я занимал в посольстве должность советника по культуре, дала мне возможность установить обширные знакомства с представителями творческой интеллигенции по всей ФРГ и быть таким образом в курсе происходящих сдвигов в восприятии западными немцами русских и – в более широком плане – политики СССР в целом.

За тридцать лет Берлин сильно изменился в лучшую сторону. Если в конце 50-х годов вокруг дворца советского посольства у Бранденбургских ворот расстилалась пустыня только что разобранных развалин (готовились площадки под застройку), а на Унтер-ден-Линден не было ни единого деревца, то теперь посольство окружали отличные строения современной архитектуры, а липы на аллее приобрели необходимую солидность. ГДР утвердилась в качестве самостоятельного государства и похорошела. Граждане республики стали бо-

лее зажиточными и уверенными в себе. Они испытывали оправданную гордость за результаты своих усилий – ГДР, вопреки всем трудностям и невзгодам послевоенных лет, вышла на позиции одной из ведущих индустриальных держав мира. Были и спорные новшества: например, появилась знаменитая Берлинская стена, до которой от здания нашего посольства было рукой подать. Но всех объединяла уверенность в том, что осложнения преходящи и преодолимы, а завтрашний день будет светлее и радостнее, чем сегодняшний. В международных делах республика была ценным союзником нашей страны, лояльно и конструктивно поддерживающим все наши инициативы и предложения. ГДР вместе с размещённой на её территории Группой советских войск в Германии (с осени 1989 года – Западная группа войск) надёжно выполняла функцию опоры системы обеспечения безопасности СССР и всего социалистического содружества на европейском направлении.

Важнейшей задачей дипломатических представительств является информировать своё министерство иностранных дел о ситуации в стране пребывания и разрабатывать рекомендации в отношении шагов, которые следовало бы предпринять для дальнейшего развития связей с ней. Мы внимательно изучали настроения и мнения представителей самых различных слоёв населения и политических сил республики, знакомились с оценками, бытующими в дипломатическом корпусе, поддерживали связи с властями трёх держав в Западном Берлине, а также с руководством западноберлинского Сената. В Центр мы стремились направлять возможно более объективную информацию о происходящем в ГДР, без приукрашивания, но и без истеричности. Постепенно мозаика собираемых нами и передаваемых в Москву данных стала складываться в противоречивую картину нарастания вызывающих тревогу тенденций в общественном развитии ГДР.

Парадокс состоял в том, что нашему идеологическому противнику в значительной степени удалось убедить население республики в том, что советская перестройка несовместима с основами существующего в ГДР строя. От Горбачёва стали ждать вмешательства в дела восточногерманского государства с целью отстранения Хонеккера и его «команды стариков» от власти. Отсутствие подобного вмешательства интерпретировалось по большей части как «равнодушие» к заботам населения республики, вызывающее необходимость обратиться за помощью к «западногерманским братьям», которые только и ждут, чтобы помочь. Посольство старалось донести до населения республики правду о содержании политики перестройки – так, как мы её сами понимали. Без особого успеха, так как открыто критиковать руководство ГДР мы не могли – это было бы расценено как вмешательство.

Уровень жизни в Восточной Германии был наиболее высоким среди всех социалистических стран Европы, включая СССР. ГДР ближе, чем кто-либо другой, подошла к идеалу социальной защищённости своих граждан: каждому гарантировались бесплатные ясли, детский сад, среднее, высшее и специальное образование, предоставление рабочего места, обеспечение жильём, выплата пенсии. Однако слишком многие в ГДР сравнивали своё материальное благополучие не с условиями жизни в других социалистических странах, а с уровнем достатка в ФРГ, которая была знакома восточным

немцам по западногерманским телевизионным передачам, принимавшимся без помех на всей территории республики.

На фоне постепенного увеличения удельного веса связей с западными странами после подписания Заключительного акта Хельсинки (1975 г.) в населении ГДР стали нарастать настроения в пользу предъявления своим властям требования предоставить гражданам республики «свободу поездок», что подразумевало в первую очередь неограниченный выезд в ФРГ. На этом требовании внешние противники и внутренняя оппозиция построили пропагандистскую кампанию, следствием которой стали массовые демонстрации и в конечном счёте распад государственных структур республики.

Унёсший ГДР кризис 1989–1990 гг., а также дезинтеграция СССР в 1991 г. внесли серьёзные поправки во взаимоотношения русских и немцев. Однако они не коснулись главного – сохранилось общее понимание, что существование обоих народов остаётся тесно взаимосвязанным во времени и пространстве. Количество друзей России в Германии оказалось не таким огромным, как нас в том заверяли руководящие товарищи из СЕПГ, но и не таким мизерным, как утверждали проамериканские пропагандисты из «старой» ФРГ.

Впрочем, предрасположенность значительного числа немцев к доброму в принципе отношению к русским ещё не означает, что имидж новой России приобрёл в Германии исключительно положительные черты. Уж слишком яростно и последовательно германские СМИ и политические круги заняты клеветой и наветами на Россию и её руководство. Российское противодействие этой «охоте на ведьм» не выходит за рамки джентльменской дискуссии – в этом заключается сильная сторона нашей информационной политики (не приходится краснеть за ложь), но это одновременно и причина, по которой беззастенчивое враньё западной пропаганды в ряде случаев оказывается более эффективным.

По моему глубокому убеждению, подготовка коммуникаторов на германском направлении – актуальная и срочная задача всей системы воспитания и совершенствования наших дипломатических, научных и журналистских кадров. Информационно-разъяснительная работа с германским общественным мнением – то есть посредническая деятельность в прямом смысле этого термина – необходимая предпосылка для возвращения наших отношений с интегрированной частью Европы на уровень того значения, которым они ещё совсем недавно обладали. Только так мы можем реально рассчитывать на восстановление перспектив оздоровления политического климата на континенте.

Достигнув квалификации коммуникатора, человек останется им до конца жизни. После отставки в ноябре 1992 г. (по достижении пенсионного возраста) меня приютил Институт Европы Российской академии наук, главным научным сотрудником которого я остаюсь до сих пор. Отныне я смог целиком посвятить себя задаче наведения мостов с теми немцами, которые ещё не разучились думать самостоятельно. Институт Европы – молодое и потому восприимчивое ко всем новым и оригинальным веяниям научно-исследовательское учреждение, занимающееся проблематикой Большой Европы, над реализацией проекта которой я работал, находясь на дипломатической службе. За время работы в Институте мне удалось подготовить полтора де-

сятка исследований, посвящённых различным аспектам российско-германских отношений, политики объединённой Германии, европейской безопасности (опубликованы в серии «Доклады Института Европы»¹⁸⁸), а также ряд глав в фундаментальных коллективных исследованиях Института серии «Старый свет – новые времена»¹⁸⁹. На протяжении многих лет я поддерживал активные связи с редакцией «Независимой газеты», писал статьи для журналов «Международная жизнь», «Россия XXI», «Обозреватель», выступал по российскому радио и телевидению.

Параллельно я продолжал работу с германской общественностью, начатую во время моей берлинской командировки. Первое время достаточно живо шло сотрудничество с германскими СМИ, включая телевидение. Не была редкостью публикация моих статей и интервью с оценками политического развития в ФРГ, России, Европе и мире. Из сферы контактов с германским телевидением наиболее запомнившимся мне эпизодом стал телефильм Второй программы (ЦДФ) «Ставка – Германия», где наряду с моим реальным интервью об обстоятельствах падения Берлинской стены участвует персонаж по имени «посланник Максимиычев», которого сыграл всемирно известный актёр российского происхождения сэр Питер Устинов.

Об этом стоит рассказать поподробнее. 2 и 3 октября 2000 года по ЦДФ был показан двухсерийный телефильм «Deutschland-Spiel» („Ставка – Германия“) режиссёра Ханса-Кристофа Блюменберга. Фильм был сделан добротно и с тех пор регулярно включается в программы немецкого телевидения по таким юбилейным датам, как годовщина падения Берлинской стены или объединения Германии. Он относится к жанру «документальной драмы», то есть является сочетанием документального материала и игровых эпизодов, причём последние служат продолжением и пояснением моментов, которых не удалось в своё время заснять документалистам. События, о которых рассказывал фильм Блюменберга, произошли всего 10 лет назад и были свежи в памяти миллионов немцев, так что режиссёру приходилось быть чрезвычайно аккуратным в отношении исторической истины. К тому же фильм повествовал о действиях и решениях известных политиков, часть которых ещё продолжала оставаться во власти. Через материалы телехроники, интервью или сыгранные сцены в нём участвовали Эрих Хонеккер, Эгон Кренц, Гельмут Коль, Маргарет Тэтчер, Джордж Буш, М. С. Горбачёв, В. М. Фалин, Кондолиза Райс и многие другие. Интерес к фильму был огромный. Предстоящему показу были посвящены пространственные статьи во всех ведущих газетах страны. Отклики на фильм были самые позитивные.

¹⁸⁸ Доклад Института Европы № 2 (34): Объединённая Германия как фактор европейской безопасности. М., 1997, Патент, 43 с.; ДИЕ № 38: Российско-германские отношения: формирование, состояние, перспективы. М., 1997, Патент, 53 с.; ДИЕ № 52: Континент на перепутье. Новая Россия и новая Германия в новой Европе. М., 1999, ФИПС, 53 с.; ДИЕ № 66: Европа в многополярном мире. М., 2000, Экслибрис-пресс, с. 71–80; ДИЕ № 74: Планы стабилизации Кавказа. Запад и российские интересы. М., Экслибрис-пресс, 2001, с. 24–29; ДИЕ № 76: «Восточная политика» единой Германии. Итоги первого десятилетия. М., 2001, Экслибрис-пресс, 69 с.

¹⁸⁹ В частности, главы: «Роль ФРГ в мировой политике», «Российско-германские политические отношения», «Особенности германского культурно-цивилизационного ландшафта»: Германия – вызовы XXI века. М., Весь мир, 2009. – С. 13–68, 310–380, 741–779; главы: «Трагические изломы европейской истории», «Минное поле холодной войны: останется ли Европа «Малой» или станет «Большой»?»: Большая Европа – идеи, реальность, перспективы. – М., Весь мир, 2014. – С. 86–106, 107–124.

* * *

На довольно длительный период прочную повседневную связь с Германией мне обеспечило участие в работе Германо-русского музея Берлин-Карлсхорст. При формировании руководящих органов музея в 1995 году я по предложению МИД РФ был включён в состав Научного совета и избран его сопредседателем. С тех пор как минимум два раза в год мне приходилось летать в Берлин, где я вольно или невольно погружался с головой в исторические реальности российско-германских отношений, которые были и остаются весьма сложными. Постоянная экспозиция музея посвящена не только самому акту капитуляции нацистской Германии, но и основным аспектам российско-германских взаимоотношений, начиная с Первой мировой войны. Проводятся также временные (передвижные) экспозиции, раскрывающие значение отдельных этапов Великой Отечественной войны, а также событий послевоенного периода. При освещении и интерпретации многочисленных зигзагов как позитивного, так и негативного характера в российско-германских отношениях за последние сто лет мы сталкивались и сталкиваемся с массой попыток со стороны наших партнёров отклониться от исторической истины, представить политику России (СССР) в невыгодном свете, взвалить на неё ответственность за все несчастья и невзгоды, обрушивавшиеся на наш континент. Некоторое представление о накале полемики вокруг основных событий недавнего прошлого даёт краткий обзор основных тезисов доклада на главном официальном мероприятии ФРГ по случаю семидесятилетия разгрома фашистской Германии.

* * *

РЕТРОСПЕКТИВНО: ГЕРМАНСКАЯ ВЕРСИЯ ИСТОРИИ

В пятницу **8 мая 2015 г.** предполагалось моё участие в дискуссии в прямом эфире на одном из телеканалов ФРГ в рамках передачи, посвящённой обсуждению бедственного состояния российско-германских связей. Приезд в Берлин в дни, когда там обычно всюду ощущается долгожданный приход весны, приятен уже сам по себе. На этот раз наличествовал и серьёзный повод: обстановка в результате украинского кризиса была накалена, и ещё раз изложить российскую оценку сложившейся ситуации я считал совсем не излишним. Степень информированности населения ФРГ о реальном положении вещей была (и остаётся) ужасающе низкой. Изо дня в день люди подвергаются обработке мешаниной из дезинформации и откровенной неправды. Для того чтобы хоть как-то попытаться убедить немцев, что не всё то истина, о чём упорно твердят их политические деятели и средства массовой информации, я и прилетел в Берлин. Но – как мне сказали, «по техническим причинам» – тему передачи изменили, и интересовавшая меня дискуссия не состоялась.

Освободившееся время я потратил на то, чтобы поближе ознакомиться с докладом, с которым 8 мая по приглашению федерального правительства на специальном заседании, состоявшемся в здании бундестага, выступил берлинский профессор Генрих Август Винклер. Он не входит в число самых авторитетных германских историков, и оказанная ему честь объясняется

лишь тем, что оглашённый им текст до мельчайших деталей отражает позицию официального Берлина в отношении событий, имевших решающее значение для судеб Европы и мира. В то же время схватить за руку руководство ФРГ не так легко, поскольку в данном случае выступил с поджигательской галиматьёй не политик, а профессиональный историк.

Весьма показательной была оценка, данная профессором причинам и обстоятельствам установления нацистской диктатуры в Германии. По его версии, у истоков германского фашизма стояли не расовое мракобесие, не притязания на верховенство Германии и немцев в мире, не воспитание ненависти к «недочеловекам», которыми были объявлены евреи, а также «объевреившиеся» народы почти всей восточной половины Европы, а проявившееся после Первой мировой войны «сдержанное отношение немцев к западной демократии». Винклер признаёт истребление европейского еврейства главным преступлением нацизма: «Центральным фактом германской истории XX века является Холокост». Но приводимый им перечень злодеяний гитлеровского режима («умерщвление цыган, десятков тысяч душевнобольных, а также неисчислимого количества гомосексуалистов») лишь в последнюю очередь включает «страшные военные преступления в оккупированных и ограбленных Германией странах Европы». О том же, что натворили немцы конкретно в Советском Союзе и в целом в Восточной Европе, Винклер говорит в другом месте, скороговоркой упоминая о бесчеловечной блокаде Ленинграда, об истреблении миллионов советских военнопленных и о тяжкой судьбе принудительно угнанных на работу в Германии людей, «прежде всего остарбайтеров и опять в первую очередь евреев». Нет и речи об особой моральной ответственности Германии за вероломное нападение на СССР и неопишуемо жестокое обращение с гражданским населением на оккупированной немцами территории.

Обращает на себя внимание абсолютно беспардонное искажение в докладе обстоятельств начала агрессивных действий фашистской Германии, развязавшей Вторую мировую войну. Винклер без тени стеснения приписывает вину за нарушение мира Советскому Союзу, который якобы стоит у истока всех бед, постигших немцев (так, по Винклеру, разгромившая нацизм Красная армия повинна и в возникновении холодной войны). Не заботясь об элементарной логике, он распространяется о «двойной германосоветской агрессии в соответствии с пактом Гитлера – Сталина», жертвами которой стали соседи ФРГ, нынешние её партнёры по Евросоюзу и НАТО. Профессору мало того, что подобные рассуждения ведут к оправданию предательства коллаборационистов и пособников фашизма в оккупированных немцами странах. Он в менторской манере провозглашает: эти страны никогда больше не будут той «промежуточной Европой», которая когда-то старалась поддерживать добрые отношения и с западной, и с восточной частями континента. Теперь это всё навсегда – Западная Европа: «У Польши и прибалтийских государств никогда не должно возникать впечатления, будто Берлином и Москвой принимаются какие-то решения через их голову». Одним словом – единый русофобский фронт превыше всего!

На таком фоне уже не удивляют яростные выпады Винклера против России в связи с кризисом на Украине. Профессор объявляет воссоединение Крыма с Россией «противоречащей международному праву аннексией», которая «ра-

дикально поставила под вопрос действенность принципов Парижской хартии [1990 г.] и с ней европейский миропорядок, о котором тогда договорились бывшие контрагенты холодной войны». Винклер, естественно, умалчивает о таких «мелочах», как то, что с 1945 г. основы европейского миропорядка не менялись. Ему нет дела до фактов, свидетельствующих о том, что Запад не выполнил ни одного своего обязательства по Парижской хартии (в частности, создание общеевропейской системы коллективной безопасности было перечёркнуто продвижением НАТО на Восток), что на Украине в феврале 2014 г. произошёл поддержанный Западом вооружённый антиконституционный переворот, в результате которого к власти в Киеве пришли неонацисты, что жители Крыма свободно и огромным большинством проголосовали за то, чтобы быть с Россией. Самым важным для него было заверить в первую голову Вашингтон в том, что Германия «делает всё, чтобы обеспечить единство Евросоюза и НАТО». Ссылка на усилия ФРГ «в тесном контакте со своими союзниками сохранить или восстановить в диалоге с Россией всё, что возможно, от конструктивного сотрудничества между Западом и Востоком» не более, чем дежурная фраза, нацеленная на успокоение германского общественного мнения, встревоженного явным обострением политического климата в мире.

Общей направленности доклада отвечает и фарисейский тезис Винклера о том, что в 1945 г. освобождение пришло лишь для Западной Германии: «Немцы, жившие в другой части страны, были на протяжении четырёх с половиною десятилетий лишены политической свободы». И лишь победа Запада в холодной войне принесла-де долгожданный суверенитет и им: «Германия восстановила своё единство в 1990 году только потому, что надежды порвала с теми из своих политических традиций, которые противоречили развитию свободной демократии западного образца». Содействие перестроечного руководства Советского Союза в деле присоединения ГДР к ФРГ не заслужило даже простого упоминания. В докладе Винклера вообще не было ни единого упоминания Германской Демократической Республики с её принципиально миролюбивой внешней политикой, хотя вклад восточногерманского социалистического государства в поддержание глобальной стабильности в XX веке неосценим¹⁹⁰.

Впрочем, профессор Винклер заслуживает нашей благодарности за прямоту и откровенность, с которыми он сконцентрировал в своём докладе русофобскую суть переписывания истории, которым сегодня активно занят Запад. Это вовсе не безобидное занятие, как могут подумать люди, далёкие от политики и от применяемых в ней способов манипулировать общественным мнением. Если мы хотим мира и стабильности для Европы, то беззащитную атаку на историю нельзя оставлять без внимания и без противодействия.

Ныне германо-российские отношения переживают такой упадок, какой был для них немислим даже в период холодной войны. Ушло в прошлое оправданное уважение к силе, смешанное со страхом и опасениями ответной реакции на недружественные шаги. Не осталось и следа от признательности стране, сдавшей без сопротивления и даже с каким-то мазохистским восторгом своего самого верного европейского союзника в угоду державе, провоз-

¹⁹⁰ <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/historiker-winkler-erinnert-im-bundestsg-an-kriegsende-a-1032670.html>

гласившей себя наследником германского рейха. Наконец, после благополучного для немцев завершения вывода Западной группы войск в 1994 г. отказали все тормоза в давно начавшемся в ФРГ процессе переписывания истории.

В конце концов немцам придётся менять свой нынешний русофобский курс. Германии не обойтись без воссоздания хотя бы в самых скромных объёмах основ сотрудничества с Россией по важнейшим проблемам современности. Но как быть со столь трудно поддающимся восстановлению доверием к германским политикам и германской политике?

* * *

Одним из эпизодов, связанных с ролью посредника в связях между русскими и немцами, стал мой контакт – правда, кратковременный – с берлинским студенчеством. В 1995–1996 годах по приглашению ректора Свободного университета Берлина (этот «конкурент» восточноберлинского университета имени Гумбольдта расположен в западной части города) я читал лекции для студентов, специализирующихся по внешней политике, а также вёл семинары для них по соответствующей тематике. Мне было важно и интересно познакомиться с внутренним миром молодёжи единой Германии – тем более что основная масса слушателей происходила из её западной части (или из Западного Берлина), то есть представляла большинство населения. Студентам же было полезно, как я надеюсь, узнать, что существует взгляд на события недавнего прошлого, отличающийся от того, который им вдалбливали начиная со школьной скамьи. Молодые немцы, которые гордятся и порою действительно отличаются самостоятельностью своих суждений, оказались благодарной аудиторией. Наши занятия проходили в атмосфере непринуждённого обмена мнениями. Возникавшие по ходу дела дискуссии носили по преимуществу деловой, конструктивный характер. Курсовые работы, представленные студентами по окончании занятий, не вызвали практически никаких серьёзных замечаний с моей стороны (я храню у себя эти работы до сих пор). Если бы всё это происходило в последние годы, я уверен, что поднялся бы крик о «российском вмешательстве» во внутренние дела ФРГ. В середине 90-х обошлось ещё без инсинуаций.

Недавно я получил подтверждение, что моя посредническая функция признаётся и немецкой стороной. Осенью 2017 г. мне поступило предложение одного из берлинских издательств выпустить к предстоящим на следующий год выборам президента Российской Федерации книгу на немецком языке с разъяснениями позиции России по наиболее актуальным пунктам международной повестки дня и российско-германских отношений. Я сразу же приступил к работе. К концу года текст был готов и утверждён редактором издательства. В феврале 2018 г. первые экземпляры книги «Постичь Россию»¹⁹¹ легли на прилавки книжных магазинов ФРГ.

В обстановке общеевропейской антироссийской истерии вокруг только что организованного британской охранкой «дела Скрипалей» издатель не решился провести обычную рекламную акцию; не было даже полезной в таких случаях презентации. В такой обстановке выход в свет в ФРГ моей

¹⁹¹ Igor Maximytschew, *Russland begreifen. Wie Moskau über Deutschland wirklich denkt und woher neues Vertrauen kommen kann*, Berlin, BEBÜGmbH / edition berolina, 2018. – 191 S.

книги приобрёл в некоторой степени партизанский характер. Но всё равно остаётся показательным, что инициатива с предоставлением слова российскому автору принадлежала немцам. Это – наряду с появлением в ФРГ новых политических сил, отвергающих лицемерие традиционных партий, – доказывает, что положение небезнадёжно. Как бы там ни было, книгу продолжают покупать, она существует и работает.

Мне кажется, что назрела необходимость подумать о целевой подготовке кадров коммуникаторов (посредников) на германском направлении – и, может быть, на некоторых других направлениях, «угнетённых» сейчас практически монопольным статусом английского языка. Задумались же люди с широким кругозором о целесообразности учредить «школы РАН» для одарённой в исследовательском плане молодёжи! Запрос с немецкой стороны в этом смысле есть. Отношения с Россией были на протяжении веков и остаются сегодня центральными в плане обеспечения безопасности и стабильности в Европе, без которых Германия, расположенная в центре континента, не сможет гарантировать своему населению не только процветания, но и выживания.

Легкомыслие, с которым официальный Берлин в годы правления Меркель довёл дело до того, что политическое взаимодействие с Россией вплотную приблизилось к коллапсу, вызывает в ФРГ обостряющееся беспокойство среди населения. Характерно смятение германских властей, когда простая информационная работа наших журналистов (например, RT) вдруг стала привлекать растущее внимание немцев, изголодавшихся по очищенной от русофобства информации. Вопли о российском «вмешательстве» во внутренние процессы стран Европейского Союза убеждают всё меньше. Потребность в объективных знаниях о России и её международной роли становится всё более актуальной.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Утверждения западных идеологов о неизбежности конфликта между Россией и Западом в целом – и, в частности, между Россией и Германией – не выдерживают критики. Разногласия между русскими и немцами (так же как и между русскими и другими народами) не носят характера предопределённости или непримиримости. Реальности и далёкого, и недалёкого прошлого опровергают подобные предположения. Нужна лишь готовность с пониманием отнестись к индивидуальным особенностям партнёра – и путь к надёжному сотрудничеству будет расчищен.

Мирное преодоление опаснейшего кризиса в ГДР тридцать лет назад подтвердило способность человечества решать возникающие проблемы, не прибегая к «железу и крови». Хаотичное развитие событий в ГДР лежит целиком на совести послехонеккеровского руководства ГДР. Стратегической ошибкой советского руководства был не отказ от участия в подавлении оппозиционных выступлений в ГДР – подобное было невозможно по колоссальному количеству причин, в том числе по соображениям принципиального характера. Бедою стала внутренняя готовность Москвы пожертвовать восточногерманским союзником ради перемирия с Западом. Катастрофические последствия вызвало отсутствие решительного отпора подрывной

активности ФРГ, достаточно рано и откровенно поставившей перед собой цель до предела ускорить поглощение ГДР.

Безусловная сдача опорного союзника Советского Союза в Европе, на котором держалась вся система европейской безопасности СССР, послужила, в свою очередь, мощным импульсом к развалу социалистического содружества в целом. Первоначальное вербальное беспокойство по поводу судьбы ГДР, нашедшее отражение в посланиях Горбачёва лидерам западных стран, не сопровождалось принятием каких-либо практических мер и свидетельствовало скорее о том, что таких мер не последует даже при самом неблагоприятном для СССР развитии событий.

Запад не сразу поверил в то, что Москва сможет остаться безразличной к участи ГДР – на улицах восточногерманских городов определялось будущее не только социалистического содружества в целом, но и самого Советского Союза. Разве мог кто-нибудь из советских друзей решиться сохранять верность державе, в трудный момент бросающей своих союзников на произвол судьбы? И разве мог рассчитывать сохранить себя режим, идущий в мирное время на уступки, равнозначные по своим последствиям проигранной войне? Однако невероятное стало реальностью. По мере того как эта невыносимая перспектива становилась очевидной, исчезало уважение к СССР. Его перестали воспринимать как великую державу, без согласия которой в Европе и мире ничего фундаментального произойти не может. Дезинтеграция СССР, казалось, подтвердила обоснованность последующего отказа Запада принимать всерьёз интересы нашей страны.

Между тем реальная озабоченность по поводу подобной ситуации, проявлявшаяся в некоторых руководящих московских кругах, не повлияла на чётко различимое равнодушие советских, а затем и российских вождей к тому, что произойдёт с союзниками. Для этих вождей одобрение Запада означало высшее достижение, независимо от того, стоит ли за западными аплодисментами кто-либо осязаемое или нет. Наверху продолжали свято верить в обещания Вашингтона и Бонна, что наличие «большого германского друга», контролируемого всеобщим заокеанским благодетелем, станет для СССР невероятным выигрышем. И только нынешний украинский кризис, в ходе которого наглядно проявились катастрофические плоды слепой ориентации на Запад, окончательно расставил всё по своим местам. Надо полагать, ни у кого из разумно мыслящих людей не повернётся язык назвать сегодняшнюю «большую ФРГ» дружественной нам страной.

Тем не менее, после 2000 года показалось, что началось фундаментальное оздоровление отношений между Германией и Россией. Недоброй памяти 90-е, когда России приходилось выключивать крошки с барского стола Запада, стали уходить в прошлое. Договорённости с нашим участием опирались отныне на равноправную основу. Мир вновь привыкал прислушиваться к почти забытому голосу России. Для нас, дипломатов со стажем, это российское возрождение подтверждало реальность великого предназначения, которое определяло путь России с первых же дней её существования. Согревало сердце сознание, что мы не зря всю жизнь работали над укреплением позиций России в мире. Однако не всем это нравилось. США усмотрели в сильной России угрозу своему доминированию в мире, и в 2014 г. грянул украинский кризис.

Завершение «столетней войны» между немцами и русскими так и не состоялось, хотя после вхождения ГДР в состав ФРГ и завершения вывода Западной группы войск как будто не оставалось серьёзных расхождений между внешнеполитическими стратегиями «большой ФРГ» и РФ. По существу обе страны жизненно заинтересованы в поддержании стабильности и спокойствия в Европе, самой надёжной гарантией чего являлось бы прочное и расчитанное на долгие годы российско-германское партнёрство. Однако ФРГ поспешила зачислить себя в победители холодной войны и присвоила себе «право» пренебрегать интересами «потерпевшей поражение» России. В рамках общей стратегии Запада Берлин не только активно поддержал нарушающее равновесие в Европе продвижение Евросоюза и НАТО на Восток, но и выступал, как правило, в качестве инициатора соответствующих шагов.

Обещания, которые давались нам в период подготовки и реализации присоединения ГДР к ФРГ, оказались преданными тотальному забвению. Исключением можно считать лишь фазу канцлерства Герхарда Шрёдера (1998–2005 гг.), позитивное наследие которой было демонтировано в годы правления Ангелы Меркель. Истерическая антироссийская реакция Берлина на кризис, спровоцированный антиконституционным государственным переворотом в Киеве и приходом там к власти русофобов и неонацистов, поставила под вопрос главное достижение послевоенных лет: положительное отношение к немцам, характерное для массы населения России вопреки всем ужасам и страданиям, которые принесла нашему народу агрессия германского фашизма.

Тем более важный характер приобретает сегодня поддержание неусыпно-го внимания общественности Германии и России к наращиванию объективных знаний друг о друге. От того, что знают обе эти нации о себе и о партнёре, об отношениях между ними на протяжении хотя бы последнего века, во многом зависит, как пойдут дела в Европе дальше. До сих пор на местах боёв, в которых противостояли друг другу сильнейшие армии мира, находят неразорвавшиеся снаряды, авиабомбы и мины, способные при любом неловком движении вновь сеять смерть и разрушение. Российско-германское прошлое таит опаснейшие для сегодняшнего и завтрашнего дня ловушки. Единственный выход состоит в том, чтобы постоянно двигаться навстречу друг другу.

Хотя верно сказано, что время – величайший целитель, сами собой глубокие раны, нанесённые событиями совместной истории, не исцеляются и не закроются. Страдания и обиды старших поколений так или иначе передаются молодёжи и формируют её симпатии и антипатии. Искажённая информация о том, что было и что есть, усугубляет положение и обостряет взаимные упреки. Восстановление исторической истины является предпосылкой оздоровления атмосферы в отношениях между русскими и немцами, в чём должна быть заинтересована вся Европа. Конечно, многое уже сделано, и невозможно не видеть прогресса. Однако конечная цель ещё далеко не достигнута. Предстоит и дальше работать над тем, чтобы взаимное доверие, сотрудничество, дружба немцев и русских не омрачались тенями прошлого и спровоцированными всплесками немотивированной вражды.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА: ВАТЕРЛОО АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

Начавшийся в 2005 г. период канцлерства г-жи Меркель войдёт в анналы российско-германских отношений новейшего времени как фаза их намеренного саботажа со стороны Берлина. В годы, когда ею определялась политика ФРГ, произошло резкое обострение ситуации в сфере двусторонних связей, обусловленное продолжением выхода военной машины НАТО на российские границы, попытками вмешиваться во внутренние дела России во имя пресловутых «западных ценностей», германским усердием в деле введения и осуществления антироссийских санкций.

Иногда в качестве дружественного по отношению к России жеста ошибочно интерпретируется отказ Меркель выполнить требование Вашингтона о прекращении строительства газопровода «Северный поток – 2». Это одно из заблуждений, каких много накопилось у её биографов. Если бы от «Северного потока – 2» не зависело экономическое будущее ФРГ как «мастерской Европы» и, соответственно, политического лидера Европейского Союза, Меркель первой с радостью похоронила бы проект. Её верность океанскому боссу прошла испытание временем, и любой диссонанс в этой области заставляет кровоточить её ранимое сердце. И только выживание германской экономики вынуждает Меркель имитировать глухоту в отношении американских пожеланий по газу.

Похожим заблуждением является распространённое мнение, будто Меркель обладает в определённом смысле статусом «делегата» Восточной Германии во властных структурах «большой ФРГ» и представляет там интересы граждан бывшей ГДР. Действительно, в 1954 г., через несколько дней после рождения Ангелы, её семья переселилась из ФРГ в ГДР. Однако следует учитывать, что её отец был протестантским пастором, а деятельность евангелической церкви в восточногерманской республике носила ярко выраженный оппозиционный характер. Являвшиеся реальной политической силой в ГДР протестанты служили опорой поддерживаемого из ФРГ «духовного сопротивления» реальному социализму. Организаторы массовых выступлений 1989 г. использовали протестантские церкви в качестве штабных центров для проведения антиправительственных демонстраций. Царившие в евангелической среде настроения не могли не влиять на формирующиеся политические взгляды подростка.

Закончив среднюю политехническую школу в Темплине, Ангела прошла курс обучения на физическом факультете Лейпцигского университета и в 1986 г. с блеском защитила докторскую диссертацию в Центральном институте физической химии Академии наук ГДР в Берлине, где осталась работать в отделе теоретической химии. Начало политической карьеры внешне ничем не выделяло её из общей массы восточногерманской молодёжи. Пройдя этап пионерской организации, Ангела активно включилась в работу Союза свободной немецкой молодёжи, аналога советского комсомола. Усвоив азы русского языка, побывала по студенческому обмену в СССР. Стала членом райкома ССНМ в Берлине, секретарём по агитации и пропаганде. В ходе разразившегося в ГДР кризиса вступила в одну из новых оппозицион-

ных группировок под названием «Демократический прорыв» (на должности администратора ЭВМ, затем сотрудницы отдела по связям с печатью).

После выборов в Народную палату 18 марта 1990 г. дела Ангелы Меркель круто пошли в гору. Она была назначена заместителем пресс-секретаря премьер-министра, которым стал председатель ХДС (ГДР) Лотар де Мезьер. Ангела присутствовала практически на всех раундах немецко-немецких переговоров об объединении, набивая руку на общении с прессой. В октябре 1990 г. на объединительном съезде христианско-демократических партий обеих частей Германии в Гамбурге состоялось присоединение «Демократического прорыва» к единой партии ХДС. Произнесённая Меркель торжественная речь по этому поводу произвела соответствующее впечатление, и всесильный канцлер Гельмут Коль взял молодого политика под своё крыло.

В январе 1991 г. в неполные 37 лет не имевшая опыта государственной службы и бездетная Ангела стала министром по делам женщин и молодёжи в четвёртом по счёту кабинете Коля – канцлер лично выдвинул её на этот пост. Коль инициировал и её избрание в декабре 1991 г. заместителем председателя ХДС. Вскоре Меркель осталась практически единственным заслуживавшим внимания выходцем из ГДР на германском политическом Олимпе. Однако она и не помышляла о том, чтобы превратиться в «голос восточных немцев»: Меркель говорила, думала, решала, поступала, как полноценный политик из «старой» ФРГ. В 1994 г. Меркель заняла пост министра охраны окружающей среды, который в германских условиях несёт значительную политическую нагрузку. И снова к её деятельности не было никаких претензий со стороны старожилов ХДС/ХСС.

Парламентские выборы 1998 г. оказались неудачными для ХДС, Коль перестал быть канцлером, Меркель – министром. Но судьба снова была благосклонна к ней – её избирают генеральным секретарём ХДС, а это гигантский рывок вперёд, открывавший путь к посту председателя ХДС и креслу канцлера. На пути к сияющим политическим вершинам Ангеле предстояло перешагнуть через своего главного благодетеля, которому пришлось уйти в отставку с поста председателя партии. Она публично выступила с призывом к «обновлению» ХДС, который, по её убеждению, в состоянии добиться успеха и без Коля. Очередной съезд ХДС в апреле 2000 года избрал её председателем партии.

Судьбоносный час пробил для Меркель в ноябре 2005 года, когда после удачного для ХДС/ХСС исхода парламентских выборов она стала федеральным канцлером. Молодость не помешала ей успешно вжиться в роль заботливой и методичной хозяйки, занятой прозаическим делом наведения и поддержания порядка в германском, а заодно и в европейском доме. Возглавляемый Меркель ХДС стал уверенно увеличивать отрыв от своего главного соперника, которым оставались социал-демократы, несмотря на то, что большую часть её канцлерства правительство опиралось на «большую коалицию» ХДС/ХСС – СДПГ.

Благодаря отсутствию в руководстве ХДС/ХСС и других политических партий ФРГ убедительных и ярких деятелей, способных составить настоящую конкуренцию Меркель, фигура канцлера забронзовела и приобрела черты безальтернативного германского вождя. Этому способствовал и тот

впечатляющий факт, что бури и невзгоды, время от времени обрушивающиеся на Евросоюз, обходили управляемое ею государство стороной. Вопреки нарастанию кризисных явлений в других европейских странах экономика ФРГ крепла, и объединённая Германия всё основательнее закрепляла на позициях неоспоримого лидера интегрированной части Европы.

Но света без тени не бывает. Меркель никогда сознательно не готовилась к политической карьере – тем более высшего уровня – и потому привнесла в государственную политику элементы, вступившие в конечном счёте в конфликт с национальным самосознанием традиционно консервативно настроенных немцев, травмированных разгромом 1945 г. и затянувшимся послевоенным периодом. В погоне за имиджем шагающего в ногу со временем государственного деятеля Меркель покровительствовала всевозможным сексуальным и прочим меньшинствам, а также следовала новейшим веяниям европейской политической моды (типа «ювенальной юстиции»). Это сходило ей с рук прежде всего потому, что средний уровень жизни в ФРГ был выше, чем у соседей, а социал-демократы тихо гнили на корню.

Но сезон солнечной погоды для Меркель закончился, когда она провозгласила снятие ограничений на массовую иммиграцию чуждых по культуре, религии и психологическому складу беженцев из стран, разрушенных западными интервенциями с целью повсеместного насаждения демократии. Заявление Меркель: «Мы с этим справимся», которым она приветствовала потоки иммигрантов с Ближнего Востока, в одночасье подорвало её харизму. Немцы оказались не готовыми забыть, что Германия – это такая же нация, как и другие, с теми же правами, что и у всех. Огромный сектор избирательского корпуса ФРГ пришёл к выводу, что прежде непогрешимая Ангела способна на неверные шаги. Она сразу перестала быть «мамочкой» и превратилась в «хромую утку».

К сворачиванию «восточной политики», включающей в себя терпимые отношения с Россией, Меркель приступила с самого начала своего канцлерства. За борт полетело главное внешнеполитическое достижение предшествующих лет – неформальный «треугольник» Париж – Берлин – Москва, возникший после того, как три столицы отказались одобрить американскую интервенцию в Ираке. Социал-демократ Герхард Шрёдер, которого Меркель сменила на посту канцлера, усматривал в механизме свободных франко-германо-российских консульских заявках на признание самостоятельности Европы в качестве глобального центра влияния. Но Меркель были чужды грёзы о возрождении глобальной роли Европы. Она оставалась непоколебимой в убеждении, что Европа в состоянии быть не более чем придатком США. Она считала и считает, что целью ФРГ должна быть гегемония в Европейском союзе, который не может и не должен менять свой статус европейской провинции глобальной американской империи. Рассчитывать же на положение прокуратора этой провинции Берлин может, лишь находясь в американской тени.

Меркель официально объявила отношения с непосредственными соседями ФРГ абсолютным приоритетом своей внешней политики, что означало демонтаж политических отношений с Россией. Резко изменилась атмосфера предусмотренных в договорном порядке российско-германских встреч на высшем и министерском уровне. Постоянно проявлялись попытки Берли-

на вмешиваться во внутренние дела Российской Федерации под предлогом защиты прав человека. Вошли в практику демонстративные приёмы Меркель представителей «внесистемной» прозападной оппозиции в России. Петербургский диалог, созданный В. В. Путиным и Герхардом Шрёдером в качестве площадки для всеобъемлющих контактов между гражданским обществом обеих стран, стал больше походить на дискуссионный клуб, где спор идёт только ради самого спора.

Крым и гражданская война на Донбассе явились для Берлина желанным поводом разрушить остатки добрых германо-российских отношений. Действия германской дипломатии в ходе подготовки и реализации государственного переворота на Украине в феврале 2014 г., а также введения Евросоюзом антироссийских санкций окончательно похоронили подававшие когда-то надежды ростки конструктивного сотрудничества с Россией. Однако признательности от США Меркель не дождалась. Правда, здесь осложнения возникли не без её участия – в 2016 г. она опрометчиво пошла ва-банк, поставив всё на победу Хилари Клинтон на президентских выборах в США. В этих условиях избрание Дональда Трампа было воспринято ею как удар в поддых. Шок оказался тем более болезненным, что он наложился на недооценку канцлером силы протестной реакции немцев на иммиграционный кризис. Потери голосов избирателей на последовавших выборах самого разного калибра показали, что Меркель пора уходить на покой.

Будь это пару лет назад, обнарудование намерения Меркель завершить политическую карьеру (сначала в партии ХДС, а затем и в качестве канцлера) вызвало бы смуту и великий плач по всей Германии. Но сегодня его восприняли как должное. Были сразу заявлены кандидаты на пост председателя ХДС, и началось деловое обсуждение их шансов одержать верх на предстоящих выборах. Пробил час подведения итогов. Они мало утешительны как во внутривнутриполитическом, так и особенно во внешнеполитическом плане. Германский кризис является частью кризиса, охватившего весь Европейский союз. Справиться с ним будет возможно лишь в общеевропейском контексте.

Потоки иммигрантов, переполнившие европейские города, подвигли жителей Старого Света на попытку разобраться, насколько справедливо мироустройство, основанное на разбухании американской империи до размеров всего земного шара. Отвыкшему самостоятельно отстаивать свои интересы обывателю «старой» Европы мог на какое-то время показаться приемлемым американский вариант миропорядка, только бы он обеспечивал минимальное спокойствие и достаток для тех, кто растерял исторические традиции своих народов и разучился защищаться от несправедливой конкуренции. Однако американская империя решительно отказывается от функции бескорыстного всеобщего благодетеля. Лозунг Трампа «Америка превыше всего» откровенно означает, что весь мир должен подстраиваться под американские нужды. Судя по всему, США намерены сделать это категорическим императивом XXI века.

Американская империя требует от человечества беспрекословного послушания. Против подобной неприемлемой вассализации планеты восстали новые общественные силы, спонтанно появившиеся несколько лет назад практически одновременно во всех ведущих европейских странах.

Эти силы получили самые экзотические названия – евроскептики, антиглобалисты, традиционалисты, популисты, крайне правые. По существу же все они более или менее аутентично отражают крутой поворот в общественном сознании большинства стран «старой» Европы, связанный с возвращением национального самосознания в европейскую политическую реальность в качестве защитной реакции на глобализм американского разлива.

На протяжении трёх четвертей века после окончания Второй мировой войны европейцы послушно голосовали за проамериканские партии, для которых термин «национальный» звучал, как неприличное ругательство. Право народов на национальные интересы отстаивали только левые, которые, как коммунисты, выступали, однако, за свой, коммунистический глобализм. Против новых партий и ассоциаций, подхвативших осиротевший с распадом социалистического содружества лозунг защиты национальных интересов, выступил в трогательном единении весь старый политический класс – правые, левые, либералы, консерваторы и даже «националисты» прежнего образца. В ход была пущена тяжёлая артиллерия: новых немедленно объявили родичами германского национал-социализма, хотя основной для этого столько же, сколько для приравнения социалистов к партии Адольфа Гитлера (кстати, такой финт действительно использовался под сурдинку в Западной Германии во времена Конрада Аденауэра). Фейковый характер обвинений защитников национальных интересов в «преступном национализме» легче всего доказать путём сравнения отношения партийных группировок к России: новые политики считают сотрудничество с Россией единственным реальным способом обеспечить безопасность европейского континента. И это действительно так.

Будущее за новыми партиями, поскольку только они предлагают путь, ведущий к прочному миру в Европе. Но когда их голос станет определяющим для политики каждой европейской страны и прежде всего ФРГ, предсказать трудно. Пока Меркель рулит в германской политике, ждать существенного поворота не приходится. Разумеется, конец «эры» Меркель не будет означать автоматического возвращения ФРГ на рельсы политики благоразумия и укрепления европейской безопасности, но движение в этом направлении станет более вероятным. Весь континент заинтересован в подобном развитии. В конечном счёте дело идёт о судьбе Европы и самой Германии.

Сегодня ФРГ вновь на распутье. В который раз немцам приходится решать, должны ли они и могут ли позволить себе состоять в конфронтации с державой, без добрых отношений с которой невозможна стабильность ни в Европе, ни в мире. Остаётся надеяться, что поиски Германией правильного ответа на судьбоносные вопросы приведут к позитивному результату в разумные сроки.

ОБ АВТОРЕ

Кандидат исторических наук, доктор политических наук **Максимычев Игорь Фёдорович** родился 1 ноября 1932 г. в Туркменистане. В 1956 г. он закончил исторический факультет МГИМО МИД СССР и более 36 лет работал на дипломатической службе СССР/Российской Федерации (Третий Европейский отдел, Историко-дипломатическое управление, генеральный секретариат МИД; консульство в Лейпциге, посольства в Бонне, Париже и Берлине). В 1987–1992 гг. был советником-посланником посольства СССР в ГДР (после присоединения ГДР к ФРГ – Берлинского отделения посольства СССР/Российской Федерации в ФРГ). С 1993 г. главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук. Автор книг: «Дипломатия мира против дипломатии войны» (о советско-германских отношениях в 1933–1939 гг.), М., 1981 (есть перевод на немецкий язык: «Der Anfang vom Ende», Köln, 1985); «Соседи по Рейну» (о франко-германских отношениях), М., 1988; «Последний год. Реквием по ГДР» (о кризисе восточногерманской республики), М., 1993; «Падение Берлинской стены» (о процессе присоединения ГДР к ФРГ), М., 2011; «Россия – Германия: война и мир» (об истории российско-германских отношений за последние сто лет), М., 2014; «Russland begreifen» (о состоянии российско-германских отношений и перспективах их развития), Berlin, 2018. Подготовил ряд докладов Института Европы, а также глав в коллективных монографиях по истории отношений с Германией, проблемам европейской безопасности и интеграции. Эксперт РАН. Состоял членом Экспертного совета комитета Совета Федерации РФ по международным делам, а также сопредседателем Научного совета Германо-российского музея Берлин-Карлсхорст (Музей капитуляции). Выступает с интервью и статьями в российских и зарубежных СМИ.

АННОТАЦИЯ

Германская Демократическая Республика была важнейшим звеном пояса дружественных СССР государств на главном для обеспечения его безопасности европейском направлении: обе мировые войны обрушились на нашу страну из Европы, более точно – из Германии. Однако ошибки, иллюзии и неверные решения руководства как самой ГДР, так и СССР привели к потере суверенитета восточногерманским государством. Закат союзной нам ГДР означал резкое нарушение стратегического равновесия в Европе, вызвавшее решающее ослабление международных позиций Советского Союза в момент обострения внутривосточной ситуации в нём самом. Относящиеся к периоду тяжелейшего кризиса восточногерманской республики дневниковые записи **И. Ф. Максимычева**, бывшего в те годы советником-посланником посольства Советского Союза в ГДР, а также его наблюдения и комментарии дают чёткое представление о способах и методах влияния стран Запада, прежде всего ФРГ, на ход событий в ГДР, послужившей испытательным полигоном для программы организации «цветных революций» в социалистических странах Европы. Разрушение ГДР было первым успехом волны катастроф, поглотившей в итоге одного за другим всех союзников нашей страны на европейском континенте. Таков неутешительный для советской внешней политики итог сравнительно короткой по протяжённости фазы развала европейского социалистического содружества, который был бы немислим без политики «упреждающих уступок» Западу, характерной как для М. С. Горбачёва, так и для оппонировавшего ему Б. Н. Ельцина. Публикуемые дневниковые записи вполне могут претендовать на роль своего рода «нити Ариадны», которая позволит точнее разобраться в политических хитросплетениях эпохи фундаментальных изменений международной обстановки на рубеже веков.

Игорь Максимычев

Берлинский дневник
(1989-1992 гг.)

Издатель – Российская академия наук

Публикуется в авторской редакции

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) и
распространяется бесплатно

Подписано в печать 19.09.2019.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 16,96. Усл.-печ. л. 20,68. Заказ № 2591.5. Тираж 300.

Отпечатано в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.